

Андрэ НОРТОН

СЕРАЯ
МАГИЯ

НОРТОН

АНДРЭ

СЕРАЯ МАГИЯ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
АНДРЭ НОРТОН

том третий

*Серая магия
Колдовской мир
Паутина Колдовского
мира*

романы

«Амбер, Лтд.» г. Ангарск
* * *
Издательство «Зеленоградская книга»
Зеленоград
1993

ББК 84.7 США
Н 49

Перевод с английского

Нортон Андрэ.
Серая магия. / Пер. с англ.
Ангарск: Амбер, Лтд., 1992. - 416 стр. «С» — 2.

В третьем томе собрания сочинений Андре Нортон представлены произведения, написанные в жанре фэнтези.

Н $\frac{4701000000-06}{480(03)-92}$ без объявления

ББК 84.7 США

ISBN 5-86314-008-9 © "Амбер, Лтд." 1992 г.

СЕРАЯ МАГИЯ

Стефану, Грегу, Эрику, Питеру,
Дональду, Александру и Джеффи.
И Александру и Деборе, которые
любят рассказы о волшебных
мирах.

Озеро и замок

Приключения начались с корзины для пикника, которую Сара Лоури выиграла на Фестивале Пожарных в Тернспорт Виллидж. Впервые случилось так, что кто-то из младших членов семьи Лоури что-нибудь выиграл, поэтому все с трудом поверили, когда председатель Лумис выкрикнул номер билета, который Сара завернула в уголок платка. Грегу и Эрику пришлось тащить ее на платформу, где около громкоговорителя ждал Председатель Лумис.

Корзина, по общему мнению мальчишек, была великолепна. Под крышкой, перевязанной лентами, были вилки, ложки, ножи из нержавеющей стали и набор из четырех кружек — голубой, желтой, зеленой и красной, как пожарная машина, с подходящими по цвету пластмассовыми блюдами. Сара все еще была так поражена, что не удивилась бы, если бы корзина пропала совсем до того, как она унесла ее в машину дядюшки Мака.

Когда дядюшка Мак притормозил на крутом повороте к поместью Терн, Сара крепче сжала ручки корзины. Острый локоть Грегa впился ей под ребра, но она не пыталась отодвинуться. Вечером эта местность выглядела страшновато, и она не удивилась, что Грег отстранился от окна, когда свисающие ветки вытягивались, как будто пытаясь стащить машину с узкой дороги туда, где плясали тени. Вечером все время приходилось думать о том, что это на самом деле штат Нью-Йорк, и за два холма и три поля отсюда течет река Гудзон — а вовсе не какая-нибудь ужасная страна из сказки.

Сейчас они проезжали мимо темного места, где когда-то стоял большой дом. Он сгорел двадцать лет назад, задолго до того, как дядюшка Мак купил старый каретный сарай и землю вокруг него под свое, как он называл, убежище. Дядюшка

Мак писал книги и ему нужны были тишина и покой для работы — и надолго. Но по сохранившимся подвальным отдушинам до сих пор было видно, где стоял дом, и младшим Лоури строго запрещалось туда забираться. Так как дядюшка Мак во всем остальном был совершенно сговорчив и позволял им ходить в заросший сад и небольшую дикую рощу, Лоури были довольны.

Они заехали в старый конюшенный двор. Когда пятьдесят лет назад построили большой дом, здесь были лошади, и люди действительно ездили на смешном экипаже, который дети нашли втиснутым в угол старого сарая. Но теперь большую часть места занимал автомобиль, а лошадей не было.

Миссис Стайнер, домоуправительница, поджидала их в дверях каретного сарая и помахала заказным авиаписьмом, как только дядюшка Мак вышел из машины. У нее было особое, свойственное только ей выражение лица, которое для Лоури значило: «Давно-пора-в-постель-и-торопитесь-пока-я-не- пропустила-свою-любимую-телепередачу.» Миссис Стайнер разговаривала властно, а дядюшка Мак, особенно когда писал, иногда рассеяно соглашался на весьма интересные изменения в правилах игры. Опыта в общении с детьми у дядюшки Мака не было, зато был у миссис Стайнер и такого противника стоило уважать, если дело шло на принцип.

В общем, младшие Лоури ожидали хорошего лета. Несмотря на миссис Стайнер, были и преимущества в пребывании в поместье Терн. Из-за того, что папу по особому поручению отправили в Японию, и он на два месяца забрал с собой маму, дядюшка Мак был просто находка.

Того, кто вырос в городе, а не в деревне, остатки старого поместья могут и напугать. Грег ездил в лагерь скаутов, а Эрик ходил в походы с ночевкой в заповеднике, когда отец служил на большой авиабазе в Колорадо. Но для Сары это была первая встреча с природой, которой позволили одичать настолько, насколько она этого сама захотела. Она до сих пор боялась густых кустов и высоких деревьев и всегда старалась быть с кем-нибудь из мальчишек, когда отходила слишком далеко от конюшенного двора или дороги.

Миссис Стайнер мрачно рассказывала о змеях, но они Сару не пугали. Картинки со змеями в библиотечных книжках выглядели интересно и посмотреть, как змея идет по своим делам, было бы здорово. Но вот ядовитый плющ, и «эти отвратительные букашки», о которых миссис Стайнер упоми-

нала также весьма пространно, - это было другое дело. Саре не хотелось даже думать о букашках, особенно тех, у которых много ног, и которые могли заинтересоваться людьми. Пауки были еще противнее, чем змеи, решила она давным-давно. Она по-настоящему боялась их, хотя знала, что это глупо. Но видеть, как один из них бежит мимо на всех своих ногах — брр!

Когда они поднимались по лестнице в свои маленькие спальни на верхнем этаже каретного сарая, Эрик тряхнул корзину, которую несла Сара.

— Давай сложим ее завтра, и отправимся по-настоящему исследовать окрестности на целый день!

— Похоже самое время поискать озеро, — согласился Грег. — За завтраком спросим дядюшку Мака, после того, как он выпьет третью чашку кофе.

— Миссис Стайнер говорила, что там могут быть змеи, — подала голос Сара. — Пожалуйста, — добавила она про себя, — только не надо больших пауков, маленькие и так достаточно страшные.

Грег хмыкнул, а Эрик с силой притопнул по следующей ступеньке.

— Миссис Стайнер везде видятся змеи, когда ей не видится что-нибудь похуже. Может, водяные змеи, а мне бы поймать одну из них, и держать дома. Как хотите, но мы собирались найти это озеро с тех самых пор, как дядюшка Мак рассказал, что оно вообще существует.

И это была чистая правда. Легенды о потерянном озере, как ее рассказал дядюшка Мак, было достаточно, чтобы привести в восторг всех трех Лоури. Сейчас сад был похож на густые джунгли, но задуман он был как окружение декоративного озера. Мистер Бросиус купил эту землю более пятидесяти лет тому назад, объединив вместе три приречные фермы, и истратил кучу денег на благоустройство поместья. Он тоже был чем-то вроде легенды, этот мистер Бросиус, загадочный человек с длинной бородой, который платил за все расходы по строительству поместья золотыми монетами. Затем он пропал, а дом сгорел.

Никто по настоящему не знал, кто же действительно владел поместьем, и в конце концов оно было продано за неуплату налогов. Фермеры выкупили поля, а та часть, в которой был сад, досталась торговцу недвижимостью, который потом продал ее дядюшке Маку. А дядюшке Маку было все равно,

и он никогда не залезал в заросли кустарников посмотреть, осталось там озеро или нет. Он говорил, что уверен в том, что озеро давным-давно высохло.

Саре всегда было интересно, правда ли это. Она перестала раздеваться, и открыла корзину для пикника, чтобы еще раз получше разглядеть ее содержимое. А если бы дядюшка Мак не взял их сегодня на Фестиваль или у нее не было бы карманных денег в кошельке, и не на что было бы купить этот десятицентовый билет? Если бы она не выиграла корзину, то мальчишки может быть и не взяли бы ее искать озеро. Впереди было хорошее лето!

После этого она выключила свет и села на кровать. В первый раз она не стала стоять у окна, слушая тихие загадочные звуки, которые были частью ночи за окном. Легко верилось, что там есть нечто, чего никак нельзя увидеть днем, нечто такое же потерянное, как озеро, а может быть и позагадочнее. . .

Но сегодня вечером она размышляла, что бы упаковать в корзину. И, думая о бутербродах с арахисовым маслом и вареных вкрутую яиц, печенье и кока-коле, Сара наконец улеглась и натянула на себя одеяло.

На следующее утро их план сработал просто здорово. В письме дядюшку Мака вызывали в Нью-Йорк, а миссис Стайнер, заглушая хруст и треск быстро исчезающего завтрака, заявила, что устроит в доме генеральную уборку.

Когда Сара достала корзину и попросила продуктов для пикника, она не встретила никакого сопротивления. Миссис Стайнер даже приготовила термос холодного лимонада. Удача была на их стороне, а день просто создан для того, чтобы идти искать озеро.

...Грег смотрел на компас и вел их по правильному, с его точки зрения, пути в центр дикого сада, но чем дальше они шли, тем больше неудобств доставляла корзина. Когда первопроходцам приходилось протискиваться на четвереньках среди зарослей, то корзину тащили и трясли так, что Сара была вполне уверена в том, что ее содержимое будет перемешано окончательно. И она активно протестовала против предложений помочь нести корзину, потому что это все равно было ее имущество.

Они громко спорили по этому поводу когда, совершенно неожиданно, оказались на вершине осыпающейся, заросшей мхом лестницы и внизу увидели озеро — и не только озеро!

— Это Камелот!, — воскликнул Эрик первым. — Помните картинку в книге о принце Валианте? Это Камелот — замок короля Артура!

Сара, у которой были иные пристрастия в чтении, села на верхнюю ступеньку и потерла расцарапанной можжевельником рукой колено. Ее глаза округлились от любопытства и она еле слышно прошептала: «Оз!»

Грег вообще ничего не сказал. Это все было взаправду, просто обязано быть. И это было действительно самым прекрасным из всего, что находили Лоури. Но что он здесь делал, и почему дядюшка Мак никогда не рассказывал о нем, когда говорил о потерянном озере? Кто его построил, и зачем — потому что настоящие замки, даже если и очень маленькие, не росли в наши дни просто так на островах.

Частично предсказание дядюшки Мака о том, что озеро высыхало или высохло, оказалось верным. По линии берега было видно, что оно сильно уменьшилось, и полоса гальки и песка соединяла берег и остров как мостик. Рассматривая постройку, Грег обнаружил, что замок был сильно разрушен. Часть башни упала и завалила маленький внутренний дворик. Можно ли было уложить камни на место и восстановить его?

Все трое были очень взволнованы, но спускались по ступенькам медленно. Эрик посмотрел на темную воду — здесь могло быть глубже чем казалось. Он надеялся, что никто не предложит искупаться, потому что тогда и ему пришлось бы попробовать, а ему не хотелось, нет, только не в этом озере — а если честно, то и вовсе нигде. Он показал пальцем на воду, увидев в ней что-то.

— Там затопленная лодка. Наверное, на ней когда-то плавали, чтобы попасть на остров.

— Кто его построил? — поинтересовалась Сара. — В Америке никогда не было рыцарей. Люди перестали жить в замках до того, как прибыли пилигримы.

Грег встал на пятки, потом на носки, потом опять на пятки.

— Должно быть, мистер Бросиус. Может быть, он приехал откуда-нибудь, где замки были все еще в ходу, и ему хотелось иметь маленький замок, чтобы чувствовать себя как дома. Забавно, что дядюшка Мак ничего не говорил об этом замке. Надо думать, что люди о нем помнили, раз они помнили об озере.

Сара подняла корзину.

— Все равно мы теперь можем подойти прямо к нему, — казалось, что это на самом деле была Оз, а она — Дороти, и подходила к Изумрудному городу!

— Конечно, можем! — Эрик перепрыгнул через небольшую лужицу, затянутую зеленью, приземлившись на хорошем расстоянии от нее на гравийном откосе. Пнув камушек в озеро, он наблюдал, как расходятся круги. Воде никогда нельзя доверять, в ней нет ничего надежного и безопасного. Он был очень доволен тем, что у них была эта гравийная тропинка. В этом озере было полным-полно неприятных теней, в которых могло спрятаться что угодно.

Хотя замок был миниатюрным, построен он был не для оловянных солдатиков. Даже дядюшка Мак, при его росте, смог бы пройти через главные ворота, не пригибая головы. Но когда они обошли груды камней, свалившихся с башни, то уперлись в глухую стену. Грег был удивлен — осматривая замок с лестницы он подумал, что тот гораздо больше.

— Какой обман!, — взорвался Эрик. — Я думал, что это настоящий замок. Он выглядел гораздо большим с берега озера.

— Мы можем представить, что он большой, — Сара отказывалась разочаровываться. Половина замка все-таки лучше, чем никакого.

— Если мы уберем с дороги все эти камни, он будет казаться больше.

Эрик пнул землю, песок и галька полетели из-под носка его ботинка. — Может быть.

Расчистка всего этого казалась ему задачей, равной тому, чтобы скосить газонокосилкой весь участок сада, который дядюшка Мак пытался приручить вновь.

Грег медленно шел вдоль стены, изучая кладку камней. Неужели замок был построен просто для красоты — что-то вроде летнего домика, который стоял недалеко от каретного сарая, но в котором им не разрешалось играть потому, что в нем прогнил пол?

Часть стены, стоящая непосредственно к входу, была почти полностью скрыта ползучими растениями, которые пробивались сквозь трещины и укрыли камень сплошным занавесом. Но когда Грег раздвинул листья в одном месте, он обнаружил, что его первое впечатление о размерах замка возможно было неправильным.

— Эй! Здесь еще один проход, но его кто-то замуровал!

Сара так крепко сжала ручки корзины, что дерево врезалось ей в руки. — Может быть, — она облизнула губы, — может быть, он ушел туда...

— Кто ушел? — требовательно спросил Эрик.

— Мистер Бросиус, когда исчез, и его никак не могли найти...

Грег рассмеялся.

— Это глупо! Помнишь, что говорил дядюшка Мак? Мистер Бросиус утонул в реке, там нашли его лодку.

— Но его самого не нашли, — упрямо сказала Сара.

— Да, это была его лодка, и он много на ней плавал. А река в том месте опасная, — Грег собирал в кучу все. — Помнишь, как миссис Стайнер пела про то, какая она опасная, в самый первый день как мы приехали, а дядюшка Мак взял с нас слово никогда туда не ходить?

Эрик поддержал Грега. Да, история была такова, и миссис Стайнер поторопилась ее рассказать, и пострашнее, как она это умела. Дядюшка Мак даже отвез их туда на машине, и показал место, где течение было сильным и коварным. Эрик потряс головой, чтобы отбросить картину быстро бегущей воды.

Прошлым и позапрошлым летом он ходил на занятия по плаванию. Ладно, легко было залезать в воду с отцом или Слимом - инструктором на пляже. Но даже так он не очень-то любил большую воду и не доверял ей. Никогда.

Наверное, Грег чувствовал тоже самое, когда он порой замирал и стоял неподвижно в темноте. Однажды они разбили фонарик, когда шли вниз менять перегоревший предохранитель, и в конце концов за ними пришел отец, посмотреть, что же произошло. Грег не двинулся с последней ступени лестницы. Ладно, сейчас не было темно, и не нужно было лезть в это старое грязное озеро, так что не было причин об этом думать.

Грег оторвал большой пучок ползучих растений, под ними показалась голая стена в маленьких пятках лишайника. Тот, кто раньше замуровал эту дверь, был либо неаккуратен, либо торопился. Потому что наверху не было одного кирпича, и виднелось темное отверстие.

Грег вскарабкался по шаткой лесенке из битого кирпича, и пропустил руку в дыру, которая была гораздо выше уровня глаз.

— Там внутри много места, — с радостью сообщил он. — Может быть, еще одна комната.

— Как ты думаешь, сможем мы вытащить остальные камни? — спросила Сара. Но она был не очень довольна. Ей не нравилось, как исчезала рука Грега, у нее от этого мурашки по коже бежали, но все равно было здорово.

Грег уже принялся за дело, обрывая ползучие растения дальше. Потом он потрогал несколько камней.

— Надо чем-то расковырять раствор.

Никому из них не хотелось идти до самого дома за инструментом. Эрик потребовал, чтобы Сара отдала одну из вилок, которые были в корзине.

— Они ведь сделаны из нержавеющей стали, так? А сталь ужасно прочная. А нас всего трое, а вилки четыре. Ничего страшного не будет, даже если и одну сломаем.

Сара горячо протестовала, но ей действительно хотелось увидеть что же там, за стеной, и в конце концов она отдала вилку. Мальчишки по очереди расковыривали рассыпавшуюся кладку, для вилки это были сущие пустяки, и предавали вынутые камни своей сестре, чтобы она складывала их в сторону. Гудели комары, а самые голодные из них решили, что пришло обеденное время. Пауки, громадные, волосатые и совершенно ужасные, побежали из своих растревоженных гнезд, и Саре сделалось плохо, когда они с сумасшедшей скоростью пронеслись мимо.

В конце концов Грег подтянулся и заглянул в неровное отверстие, которое они проделали.

— Что там внутри? — Сара тянула Грега за край рубахи, а Эрик громко требовал своей очереди поглядеть.

На загорелом лице Грега появилось странное выражение.

— Ответь же мне, ну что ты? Что там такое?

— Не знаю...

— Дай, я посмотрю, — Эрик ловко воспользовался локтем и занял место своего брата.

— Там же все сплошь серое! — закричал он секундой позже. — Может, это просто замурованная комната без окон, в которых хранят сокровища. Наверное, здесь мистер Бросиус хранил все свое золото.

Мысль о возможном сокровище умерила сомнения Сары. Это также подстегнуло мальчишек, и вскоре они расширили дыру настолько, что Сара то же могла заглянуть внутрь.

Там было действительно серо, как будто пространство по ту сторону стены заполнял туман. Ей это не нравилось, но если там были сокровища... Мистер Бросиус всегда расплачивался золотом в деревне. Это была правдивая история, об этом до сих пор много рассказывали.

— Я самый старший, — нарушил молчание Грег. Это утверждение часто приводило их, и иногда выводило, из многих неприятностей в прошлом. — Я пойду первым.

Он перелез через оставшиеся камни и исчез. Саре показалось, что эта серая штукавина завернулась вокруг него, как одеяло.

— Грег! — крикнула она, но мимо нее уже протискивался Эрик.

— Вперед! — как обычно, он отказывался признавать, что разница на один год обозначала какое-то отличие в смелости, силе и способности противостоять трудностям самостоятельно. Он тоже исчез.

Сара сглотнула и отошла на пару шагов от этой серости. Ногой она зацепилась за корзину и, схватив ее за ручки, подняла над барьером и протиснулась внутрь, твердо решив не терять мальчишек.

За стеной

Это было похоже на прогулку в облаке, хотя серая муть вокруг не была ни холодной, ни влажной. Но она не видела своих рук или ног, ничего кроме крутящейся дымки, и у нее закружилась голова. Она закрыла глаза и заковыляла вперед.

— Грег! Эрик! — она хотела закричать во весь голос, но имена прозвучали как слабый шепот. Она поперхнулась, вздрогнула и побежала, а корзина неуклюже билась об ноги.

Где-то запела птица, и земля под ногами стала другой. Сара притормозила, потом встала и открыла глаза.

Тумана не было. Но где она находилась? Конечно же не в комнате маленького замка. Она робко протянула руку, потрогала ствол дерева и обнаружила, что он настоящий. Затем она оглянулась в поисках стены и двери. Деревья, много деревьев, все большие и старые, а под ними мягкий коричневый

ковер из опавших листьев. Сквозь ветви пробивались неровные лучи солнца.

— Эрик! Грег! — Сара кричала во весь голос, но ей было все равно. Теперь ее голос был опять по-настоящему громким.

Кто-то вышел из-за ствола дерева на открытое место. Сара открыла рот, чтобы закричать снова. Коричнево-рыжий, с белыми и черными пятнами зверь с пушистым хвостом и тонкой, заостренной мордой сел, и посмотрел на нее с интересом. Сара посмотрела на него. Ее испуг быстро улетучивался, и она была уверена, что зверь смеется над ней. Теперь она знала, что это лис. Она была только чуть-чуть озадачена. Разве лисы бывают такими большими? Те, которых она видела в зоопарке были гораздо меньше. Этот же был размером с датского дога, который жил через два дома от них в Колорадо. Она решила, что он очень похож на картинку Ролликума-Битема из «Полуночников», ее любимого литературного героя.

— Привет, — попыталась завязать разговор она.

Лис открыл пасть, из которой показался острый кончик языка. Затем он щелкнул зубами на нахальную муху. Сара поставила корзину. Пусть попробует бутерброд с арахисовым маслом? Были еще бутерброды с холодной ветчиной, но их было всего три. Но не успела она оглянуться, как лис махнул своим пушистым хвостом и исчез.

— Сара, где ты, Сара!

Грег сновал туда-сюда между деревьями. Когда он увидел ее, то нетерпеливо замахал руками.

— Идем. Мы нашли реку!

Поднимая корзину, Сара вздохнула. Она была уверена, что лис не вернется, слишком уж сильно орал Грег. Затем она стала размышлять о реке. Что могла делать река на маленьком острове? Когда они рассматривали этот клочок земли с лестницы, там не было никаких высоких деревьев или рек. Когда она догнала Грега, то спросила:

— Где мы, Грег? Как эти странные деревья и река попали на маленький остров?

Он тоже выглядел озадаченным.

— Не знаю. Не думаю, что мы до сих пор на острове, Сара, — он забрал у нее корзину, а другой рукой взял ее под локоть. — Идем. Увидишь сама.

Они бежали между деревьями, которые все больше и больше раздвигались, а на открытых местах было много зелено-золотого солнечного света, и росла трава и какие-то маленькие растения.

— Бабочки! Никогда не видела так много бабочек! — Сара потянула брата за руку. Цветы, как показалось ей вначале, поднялись на прекрасных крыльях и улетели.

— Да, — Грег пошел помедленнее. — И птиц здесь тоже много. Надо тебе на них посмотреть около реки. Там цапля охотилась, мы видели как она лягушку поймала, — он сделал колющее движение двумя плотно сжатыми пальцами. — Вот так она ее клювом. Великолепное местечко.

Они спустились по пологому склону туда, где гравийная коса уходила в мелкий ручеек. В нем неуклюже барахтался Эрик, хватая что-то под водой. Он сел, красный от напряжения, когда они присоединились к нему.

— Рыба, — объяснил он. — Повсюду. Нет, вы только посмотрите!

По обе стороны косы виднелись плотные стайки пескарей, водяные жуки скользили по поверхности, описывала круги стрекоза.

— Я в лесу видела лиса, — сообщила Сара. — Он сидел и смотрел на меня, и совсем не боялся. Но где мы?

Эрик перекатился на спину, посмотрел в безоблачное голубое небо, одной рукой продолжая шарить в речке.

— Мне все равно. Это отличное место, лучше, чем любой старый парк — и любой скаутский лагерь тоже, — добавил он специально для Грега. — А сейчас я проголодался. Давайте посмотрим, что там в корзине, с которой мы таскаемся все утро.

Они перешли в тень зарослей ивы, тонкие листья которой колыхались от малейшего ветерка. Сара открыла корзину. Грег заметил ей, что она неправильно считает.

— Эй, нас здесь только трое. Зачем ты накрываешь на четверых?

Да, она вынула все четыре пластмассовых блюда, поставила возле каждого кружку, и теперь раздавала бутерброды. У Грега была красная тарелка, у Эрика желтая, голубая была ее. Почему же она вытащила и зеленую? Просто ей почему-то показалось, что она по той или иной причине потребуется.

— У нас могут быть гости, — сказала она.

— Что ты хочешь этим сказать? Здесь никого кроме нас нет. — Эрик смеялся над ней.

Сара присела на пятки. — Хорошо мистер Всезнайка, — огрызнулась она. — Может тогда ты скажешь мне, где мы на самом деле находимся, раз ты такой умный! Это вовсе никакой не маленький остров на озере, вы не заставите меня в это поверить! Откуда же тебе знать, что здесь никого больше нет?

Эрик перестал смеяться. Неуверенно он смотрел то на сестру, то на Грега. Затем все трое оглянулись на темный лес, из которого вышли. Грег глубоко вздохнул, а Сара заговорила вновь:

— И как мы попадем обратно? Ктонибудь из вас, умников, подумал об этом? — Она потянулась за корзинкой, как будто прикосновение к ней вновь соединит ее с реальным миром.

Грег поглядел на реку и нахмурился. — Мы можем вернуться туда, откуда пришли, — сказал он. — Я всю дорогу делал насечки на деревьях своим скаутским ножом.

Сара была удивлена и горда им. Грег был такой умный, и обо все позаботился. И, зная, что у них была ниточка, ведущая к стене замка и двери, она почувствовала облегчение. Но теперь она собрала с тарелок бутерброды и сложила их обратно в корзину. Раз Грег мог думать наперед, она тоже могла.

— Эй! — немедленно запротестовал Эрик. — Почему ты их убираешь? Я хочу есть!

— А можешь захотеть еще больше, — отпарировала она. — Если мы не успеем к ужину.

Грег отвинчивал крышку термоса, но внезапно вскочил на ноги, глядя куда-то за спину Сары. Выражение его лица заставило Сару повернуться, а Эрик застыл с полураскрытым ртом.

Так же неслышно, как появился лис, в поле зрения появилось другое существо. И хотя Сара восприняла лиса как естественного жителя этих лесов, никто из Лоури не видел человека, похожего на этого.

Он был молодой, подумала Сара, но гораздо старше Грега. И у него было хорошее лицо, даже красивое, хотя на нем было усталое и печальное выражение. Его каштановые волосы, в которых на солнце поблескивали рыжие искры, были

длинные, пряди на висках доставали почти до плеч, челка была ровно обрезана над черными бровями.

А одежда! На нем были плотно прилегающие ботинки из мягкой коричневой кожи с заостренными носками, а сверху было надето нечто напоминающее по виду длинные чулки — может, колготки, — тоже коричневые. Поверх рубахи был длинный жилет такого же зеленого цвета, как листья деревьев, а на груди вышит узор. Жилет был плотно стянут на талии ремнем, на котором висел длинный узкий нож в ножнах и кошелек. В руке он держал длинный лук, которым отгибал ветки ивы, разглядывая Лоури с удивлением, равным их собственному.

Сара вскочила на ноги, отряхивая крошки и пыль со своих джинсов.

— Прошу вас, сэр... — она добавила «сэр», потому что это казалось правильным и уместным, как будто незнакомец был полковником на старом месте службы отца, — не желаете ли пообедать?

Юноша все еще выглядел растерянным. Но он больше не хмурился, как вначале.

— Пообедать? — вопросительно повторил он, произнося слово с иным ударением.

Эрик проглотил то, что было у него во рту и показал на тарелки. — Еда!

— Да, — Сара наклонилась над зеленой тарелкой и протянула ее, приглашая незнакомца. — Открывай же лимонад, Грег, а то Эрик подавится и умрет, — последний кусок попал Эрику не в то горло и он закашлялся.

Внезапно юноша рассмеялся и подошел ближе. Потом нагнулся, чтобы похлопать Эрика между лопаток. Мальчик сипло выдохнул и слотнул, в глазах у него появились слезы. Грег плеснул в кружку лимонад и протянул брату.

— Жадина! — недовольно сказал он. — В следующий раз не пытайся отхватить полбутерброда за один раз, — он наклонился, чтобы налить в остальные кружки, и протянул зеленую незнакомцу.

Гость принял ее и начал вертеть в руках, как будто пластмасса показалась ему странной. Затем он отхлебнул содержимое.

— Странное вино, — прокомментировал он. — Хорошо остужает горло, но похоже, что его делали из винограда, который растет в снегу.

— Это не вино, сэр, — поторопилась с объяснениями Сара. — Просто лимонд был замороженный. А это — арахисовое масло, — показала она на бутерброды. — А это — ветчина. Еще есть вареные вкрутую яйца, маринад и немного печенья — миссис Стайнер печет действительно хорошее печенье.

Юноша разглядывал еду на своей тарелке несколько озадаченно, но в конце концов взял яйцо.

— Соль, — Грег пододвинул ему солонку.

Эрик перестал кашлять, хотя лицо его было все равно красное. Каким-то образом у него хватило дыхания спросить:

— Вы здесь живете, сэр?

— Живу здесь? Нет, не так близко к границе. Вы не из этой страны?

— Мы пришли через дыру в стене, — объяснил Грег. — Там был замок...

— Маленький замок на острове, — вклинилась Сара. — А в стене были ворота, заложенные камнем. Мальчишки вытащили их, и мы прошли внутрь.

Он рассматривал ее с тем же вниманием, с каким разглядывал еду. — Мальчишки? — с удивлением спросил он, — но разве вы все трое не мальчишки?

Сара посмотрела на братьев и на себя. Их джинсы выглядели совершенно одинаково, рубахи тоже. Но ее волосы — нет, ее волосы были даже не такими длинными, как у этого юноши.

— Я Сара Лоури, и я девочка, — заявила она немного обиженно, впервые в жизни будучи раздосадованной тем, что ее посчитали заодно с Эриком и Грегом, хотя до этого она была весьма довольна подобными ошибками. — Это мой старший брат Грег, — показала она пальцем, совершенно забыв о хороших манерах. — А это Эрик.

Юноша приложил руку к груди и поклонился. Это был красивый жест, и Сара нисколько не почувствовала себя неудобно или вовсе по-дурацки, а наоборот, как будто она была взрослой и важной.

— А меня зовут Хуон, Хранитель Запада, — указательным пальцем он провел по вышитому золотом узору на своем зеленом жилете. Сара увидела чешую свернувшегося в кольцо дракона с угрожающими клыками и широко раскрытыми челюстями. — Зеленый дракон, такой же как Артур — Красный Дракон Востока.

Грег положил обратно бутерброд, который как раз соби-
рался развернуть. Он внимательно разглядывал Хуона, и его
губы сложились в упрямую линию — так он выглядел, когда
думал, что над ним хотят посмеяться.

— Вы имеете в виду Артура Пендрагона. Но ведь это при-
думанная история — сказка!

— Артура Пендрагона, — одобрительно кивнул юноша.
— Выходит, вы слышали о Красном Драконе? А о Зеленем
не слышали?

— Хуон, — был такой Хуон по прозвищу Горнист, — к
величашему удивлению Сары это сказал Эрик. — И, я так
думаю, что Роланд там? Он указал на лес.

Но юноша покачал головой и его улыбка исчезла.

— Нет. Роланд пал при Ронсевалле задолго до того, как
я стал здесь хранителем. Жалко, что нет никого похожего на
него, чтобы нас поддержать сейчас. Но вы меня правильно
назвали, молодой господин. Когда-то я назывался Хуоном
Горнистом. Теперь я Хуон без Горна, что очень плохо. Но я
все равно Хранитель Запада, и поэтому обязан заинтересо-
ваться тем, что вы здесь делаете. Эти ворота, через которые
вы прошли... я не понимаю, — добавил он как будто про себя.
— С нашей стороны не было никакого вызова. Этот портал
был построен, а затем замурован, когда к нам вернулся Ам-
бросиус и сообщил, что наши миры разошлись слишком да-
леко в пространстве и времени, и что люди не могут ответить
на наш призыв. А вы все равно пришли..., — теперь он снова
нахмурился. — Может быть, это опять происки врагов?

— Пусть кто-нибудь объяснит, — сказала Сара тихим го-
лосом. Больше чем когда-либо ей захотелось знать, где они
находятся. Казалось, что юноша понял, потому что теперь
он обратился прямо к ней:

— Эта страна, — его рука описала широкий полукруг, —
когда-то имела четверо ворот. Медвежьи Ворота на севере мы
потеряли давно, потому что враги заняли земли, на которых
они стоят и много лет стояли. Львиные Ворота на юге мы
заперли могучим заклинанием, так что с той стороны все в
порядке. Ворота Вепря, которые лежат на востоке, забыты
так давно, что даже Мерлин Амбросиус не мог нам сказать,
где они были или до сих пор есть. А здесь на западе — Ворота
Лиса. Несколько лет назад Мерлин открывал их, но обнару-
жил, что нет более пути, которым он мог бы достигнуть ра-
зума людей. Тогда наши опасения возросли... — Хуон

замолчал глядя в свою кружку, как будто видя в ней не лимонад, а нечто другое, и к тому же весьма неприятное. — И дверь была замурована, до тех пор, пока вы ее не открыли, — он затих.

— Я там видела лиса, — Сара не совсем понимала, зачем она это сказала.

Хуон улыбнулся ей.

— Да, Руфус хороший страж. Он заметил, как вы входили, и позвал меня. Лесные существа охотно нам помогают, потому что наша жизнь проходит на одних и тех же тропинках.

— Но что это за страна, и кто враги? — нетерпеливо спросил Грег.

— У этой страны есть много названий в вашем мире — Авалон, Аванан, Атлантида, — почти столько же, сколько разных людей называли ее. Разве вы о ней ничего не слышали раньше? Должно быть слышали, раз знаете сказание об Артуре Пендрагоне! — он вежливо поклонился Грегу. — И обо мне, бывшем Хуоне Горнисте. Потому что эта страна, в которую я и Артур были призваны. Или это уже забыто в мире людей? — закончил он немного печально.

Артур Пендрагон — это же Король Артур Круглого Стола, сразу вспомнила Сара. Но Хуон — она не знала его истории, и сожалела, что не может спросить о нем Эрика.

Теперь Грег посмотрел сердито, но не на Хуона, а на землю между своих ног, в которой он ковырял ямки одной из ложек, взятых из корзины.

— Это сплошное сумасшествие, — бормотал он. — Король Артур — это просто легенда. Настоящий Артур, тот был британский римлянин, который воевал с саксонцами. У него никогда не было круглого стола, и никаких рыцарей! Мистер Легард нам все о нем рассказывал в прошлой четверти на истории. Остальное — Круглый Стол и рыцари — это все было придумано в средние века, чтобы рассказывать на пирах — вроде телевизора.

Хуон покачал головой.

— Правда или быль в вашем мире, но сейчас вы действительно в Авалоне, молодой господин. Точно также как я сейчас ем вашу пищу и пью ваше странное, но освежающее вино. И Руфус бесприпятственно пропустил вас через Ворота Лиса. Значит то, что вы сюда пришли, было предназначено.

Холодное железо

— То, что вы прошли через наши ворота целыми и невредимыми, — продолжал Хуон, — означает, что вы не были посланы или вызваны ими, — быстрым движением он поднял руку и сделал знак, который дети не поняли.

— Ими? — спросила Сара перед тем как откусить бутерброд. Этот разговор о воротах придавал уверенности, потому что теперь они могли вернуться той же дорогой, какой пришли.

— Врагами, — откликнулся Хуон, — теми силами тьмы, которые воюют против всего хорошего, справедливого и правильного. Черные колдуны, ведьмы, ведуны, оборотни, вампиры, людоеды — у врага так же много имен, как у самого Авалона — множество обличей и способов скрыться, некоторые приятные на вид, но в основном отвратительные. Они — тени тьмы, они долго стремились захватить Авалон, а затем одержать победу над другими мирами, и над вашим тоже. Подумайте о том, что вам более всего ненавистно, и это будет только часть этих врагов и Темных Сил.

— Мы здесь подвергаемся опасности, потому что заклинаниями и предательством они отняли у нас три талисмана: Экскалибур, кольцо Мерлина, и рог — все в течении трех дней. А если мы пойдем на битву без них... ах, ах..., — Хуон покачал головой, — мы будем как воины, закованные в тяжелые цепи по рукам и ногам.

Затем он внезапно спросил:

— Обладаете ли вы привилегией холодного железа?

Они смотрели на него с недоумением, а он указал на один из ножей в корзине.

— Из какого металла это выковано?

— Из нержавеющей стали, — ответил Грег. — Но какое это имеет отношение к... ?

— Нержавеющая сталь, — перебил Хуон. — Но у вас нет железа - холодного железа, выплавленного смертным в мире смертных? Или вам также нужно серебро?

— У нас действительно есть немного серебра, — вступила Сара. Из нагрудного кармана рубашки она вытащила свер-

нутый носовой платок, в котором лежала оставшаяся часть ее карманных денег на неделю, десять и двадцать пять центов.

— При чем здесь железо и серебро? — захотел узнать Эрик.

— Это, — Хуан вынул нож из ножен. В тени ивы лезвие блестело так же ярко, словно его держали на прямом солнечном свете. И когда он его повернул, металл сверкнул блесками огня, как будто искры разлетелись от горящих дров. — Это серебро ковали гномы — это не холодное железо. Потому что тем, кто родом из Авалона нельзя держать в руках железное лезвие, иначе он сгорит дотла.

Грег поднял вверх ложку, которой ковырял землю.

— Сталь — это железо, но я не сгораю.

— А, — Хуон улыбнулся. — Но ведь вы родом не из Авалона. Так же как и я, также как и Артур. Когда-то я воевал железным мечом и ходил на битву в железной кольчуге. Но здесь, в Авалоне, я спрятал все это обмундирование, чтобы не повредить тем, кто идет за мной. Поэтому я ношу серебряный клинок и серебряные доспехи, как и Артур. Для рода эльфов железо нарушет хорошие заклинания, это яд, дающий глубокие незаживающие раны. Во всем Авалоне раньше было только два предмета, сделанные из настоящего железа. А теперь их у нас отняли — возможно, на нашу гибель. Он покрутил сверкающий нож между пальцев, так что искры ослепительно брызнули.

— А что это за два железных предмета, которые вы потеряли? — поинтересовалась Сара.

— Вы слышали про меч Экскалибур?

— Меч Артура — тот, который он вытащил из скалы, — сообщил Грег и заметил, что Хуон мягко посмеивается над ним.

— Но ведь Артур всего лишь сказание, не так ли ты говорил? Хотя мне мне кажется, что ты знаешь сказание достаточно полно.

— Конечно, — нетерпеливо сказал Грег, — всем известно про Короля Артура и его меч. Э-э, я об этом читал, когда был еще совсем маленьким ребенком. Но от этого оно не становится правдой, — закончил он немного воинственно.

— И Экскалибур был одним из того, что вы потеряли, — настаивала Сара.

— Не потеряли. Я уже говорил, что он был у нас украден при помощи одного заклинания, и спрятан при помощи другого, которое Мерлин не может расколдовать. Эскалибур исчез, и кольцо Мерлина, которое тоже было сделано из железа и обладало огромной силой, потому что тот, кто его носит, может командовать зверями и птицами, деревьями и землей. Меч, кольцо и рог...

— Он был тоже железный?

— Нет. Но это был волшебный предмет, его дал мне король эльфов Оберон, который когда-то был верховным властителем этой страны. Он может помочь, а может и уничтожить. Один раз он чуть меня не убил, и много раз он приходил мне на помощь. Но теперь у меня нет Рога, и большая часть моей силы пропала, и это плохо, очень плохо для Авалона!

— Кто их украл? — спросил Эрик.

— Враги, кто же еще? Теперь они собирают все свои силы, чтобы навалиться на нас, и своим колдовством разнести по кусочкам все наши ценности. В Начале Всего Авалону было предназначено стоять стеной между тьмой и вашим смертным миром. Когда мы отбрасываем тьму назад и держим ее под контролем, в вашем мире царит мир. Но если тьма прорвется, одерживая победы, тогда вы в свою очередь испытываете лишения, войны, зло.

— Авалон и ваш мир — зеркальное отражение друг друга, но таким образом, что даже Мерлин Амбросиус не может понять этого, а ему известно сердце Авалона, и он самый великий из всех рожденных от смертной женщины и короля эльфов. То, что случается с нами, потом произойдет и с вами. А нынче зло поднимает голову. Сначала оно неслышно проникало почти незаметным ручейком, а теперь оно имеет дерзость вызывать нас на открытый бой. А наш талисман пропал, и кто из людей или даже колдунов сможет предвидеть, что случится с Авалоном и его миром-побратимом?

— А почему вам хотелось узнать, можем ли мы обращаться с железом? — спросил Грег.

Мгновение Хуон колебался, а его взгляд блуждал по мальчишкам и Саре. Затем он глубоко вздохнул, как будто собирался нырнуть в омут.

— Когда кто-нибудь проходит через ворота, это значит, что он был призван, и здесь его ждет судьба. Только самая великая магия может открыть ему путь обратно из Авалона.

А холодное железо - это ваша магия, так же как у нас есть другое волшебство.

Эрик вскочил на ноги.

— Я в это не верю! Это все придумано, и мы сейчас же возвращаемся туда, откуда пришли. Идем, Грег! Сара, идем!

Грег медленно встал. Сара вовсе не пошевелилась. Эрик дернул брата за руку.

— Ты ведь сделал зарубки по пути к воротам, так? - закричал он. — Покажи мне, где. Идем, Сара!

Она упаковывала корзину.

— Хорошо. Иди вперед.

Эрик повернулся и побежал. Сара посмотрела прямо в карие глаза Хуона. — Ворота на самом деле закрыты, так? — спросила она. — Мы не можем уйти пока ваше волшебство не выпустит нас, правильно? — Сара не знала, как она об этом догадалась, но была уверена, что говорит правду.

— От меня это никак не зависит, — голос Хуона был печальным. — Хотя у меня есть кое-какая сила, но ворота не в моей власти. Я уверен, что даже Мерлин не сможет вам их открыть, если вас призвали... только когда вы сами сделаете выбор...

Грег подвинулся ближе.

— Какой выбор? Вы хотите сказать, что нам придется здесь оставаться до тех пор, пока мы чего-то не сделаем. Чего? Может вернуть Экскалибар, или это кольцо, или рог?

Хуон пожал плечами.

— Не мне об этом говорить. Мы сможем узнать истину только в Каэр Сидди, или Замке Четырех Углов.

— А это далеко отсюда? — поинтересовалась Сара.

— Если идти пешком, может быть. А для Горной Лошади это вовсе не расстояние.

Хуон вышел из тени ивы на открытый солнцу берег ручья. Он засунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

Ему ответили с неба над головой. Сара смотрела выпученными глазами, а Грег закричал. Послышался всплеск, когда вода вспенилась вокруг копыт, и хлопанье огромных крыльев. В мелкой речушке стояли две вороньи лошади, холодная вода омывала их ноги. Но какие лошади! Перепончатые крылья как у летучих мышей были сложены на могучих плечах, а они мотали головами и приветствовали человека, который их позвал. На них не было ни седел, ни уздечек, но было ясно, что они появились, чтобы служить Хуону.

Одна из них наклонила голову, чтобы попить, фыркая в воду, и вновь поднимая морду, с которой летели капли. Другая трусцой выбежала на берег, и вытянула голову в сторону Грега, рассматривая мальчика с определенным интересом.

— Это Кем, а это Ситта, — как только Хуон произнес их имена, обе лошади поклонились и негромко заржали. — Им также хорошо известны воздушные пути, как и земные дороги. И они доставят нас в Каэр Сидди еще до захода солнца.

— Грег! Сара! — это кричал Эрик, выбегая из чащи. — Ворота прпали. Я прошел по зарубкам обратно — ворот нет, только плотно стоящие деревья!

— Разве я не говорил, что время для возвращения еще не пришло? — Хуон кивнул. — Для этого вам нужно найти правильный ключ.

Сара крепко обхватила корзинку. Она в это верила с самого начала. Но когда это произнес Эрик, это подействовало отрезвляюще.

— Хорошо, — Грег повернулся лицом к крылатым лошадям. — Тогда поехали. Я хочу узнать про ключ, и про то, когда мы снова попадем домой.

Эрик пошел в ногу рядом с Сарой, похлопывая рукой по корзине.

— Зачем тебе с ней таскаться? Оставь ее здесь.

Хуон пришел ей на помощь.

— Девушка права, Эрик. Потому что в Авалоне существует еще один вид чар: те, кто едят его пищу и пьют его вино и воду, не могут легко покинуть Авалона, если они не изменятся самым серьезным образом. Берегите остатки вашей еды и питья, и добавляйте ее к нашей, когда будете принимать завтрак.

Грег и Эрик вскарабкались на Ситту, Эрик плотно обхватил брата за пояс, а руки Грега вцепились в гриву лошади. Хуон посадил Сару перед собой на Кема. Лошади поскакали, затем перешли в галоп и их крылья раскрылись. Потом они начали набирать высоту над залитой солнцем водой и зеленым кружевом деревьев.

Кем описал круг и направился на юго-запад, Ситта шла рядом крыло к крылу. Стая больших черных птиц поднялась с поля и некоторое время летела с ними, крича надтреснутыми резкими голосами, пока лошади их не обогнали.

Сначала Сара боялась смотреть вниз на землю. На самом деле она плотно закрыла глаза, радуясь тому, что рука Хуона

крепко обнимала ее, а сзади чувствовалась каменная стена его тела. У нее начинала кружиться голова, когда она думала о том, что лежит внизу, а потом... Она услышала, как Хуон рассмеялся.

— Ну, леди Сара, вовсе не плохо вот так путешествовать. Люди давно завидывали птицам из-за их крыльев, а вот так смертный человек находится ближе всего к их полету, конечно, если они не заколдованы, и больше уже не люди. Я бы никогда не позволил тебе выпрыгнуть как жеребенок с небесных пастбищ. Но Кем надежный конь, и не будет шутить с нами. Так ли это, отец Быстрых Бегунов?

Лошадь заржала и Сара осмелилась открыть глаза. На самом деле было не так уж страшно наблюдать, как внизу проплывает зеленая равнина. Потом впереди сверкнула вспышка света, очень похожая на искры от ножа Хуона, только гораздо, гораздо больше. Это солнце отражалось от крыш четырех высоких башен, замкнутых в прямоугольник стенами из серо-зеленого камня.

— Это Каэр Сидди, Замок Четырех Углов, который стал западным укреплением Авалона, так же, как Камелот на востоке. Эй, Кем, приземляйся поосторожнее, там за стенами общий сбор!

Они описали круг далеко за пределами четырех внешних башен, и Сара посмотрела вниз. Внизу двигались люди. На самой высокой башне трепетало знамя, зеленое знамя такого же цвета, как жилет Хуона, и по нему золотом был вышит дракон.

Вокруг них выросли высокие стены, и Сара снова быстро закрыла глаза. Потом рука Хуона напряглась, а Кем уже скакал, а не летел. Они были на земле.

Вокруг столпились люди, так много людей, что Сара вначале заметила только их необычные одеяния. Она стояла на брусчатке, и была рада, когда к ней присоединились Грег и Эрик.

— Вот это да! Ну и ездим же мы! — не выдержал Эрик. — Спорим, что их даже реактивный самолет не обгонит!

Грег больше интересовался тем, что было сейчас вокруг них.

— Лучники! Нет, ты посмотри на их луки!

Сара посмотрела в сторону, куда показывал брат. Лучники были одеты одинаково, очень похоже на Хуона. Но на них еще были рубахи из множества серебряных колечек, соеди-

ненных вместе, и поверх них - серые балахоны с зелеными и золотыми драконами на груди. Их серебряные шлемы сидели так глубоко, что трудно было различить черты лица. У каждого был лук высотой с него самого, а через плечо висел наполненный стрелами колчан.

За шеренгой лучников была толпа людей. На них тоже были рубахи из колец и балахоны с вышивкой драконов. Но у них вокруг шеи были завязаны длинные капюшоны, а вместо луков на поясах висели мечи, и на шлеме у каждого было небольшое украшение из перьев.

Позади вооруженных мечами мужчин стояли дамы. Саре стало ужасно неловко за свои джинсы и рубашку, которая утром была чистой, а сейчас стала грязной и рваной. Ничего удивительного в том, что Хуон принял ее за мальчишку, если женщины в Авалоне одевались так! У большинства из них были длинные косы с вплетенными в них сверкающими нитями. Длинные цветастые платья были перехвачены пояском на талии, а длинные рукава свисали, иногда, до земли.

Одна из дам, с темными курчавыми волосами, обрамляющими лицо, в сине-зеленом платье, которое шелестело когда она двигалась, подошла к ним. На голове у нее была золотая диадема с жемчужиной, и другие уступали ей дорогу как королеве.

— Властительница Авалона, — Хуон подошел ближе к ней. — Эти трое вошли через Ворота Лиса, свободно и беспрепятственно. Это леди Сара, и ее братья Грег и Эрик. А это — леди Кларамонд, моя жена, и поэтому Верховная Властительница Авалона.

Просто сказать «здравствуйте» почему-то показалось неудобным. Сара нерешительно улыбнулась, и дама ответила на ее улыбку. Затем дама положила руки Саре на плечо и потому, что она была маленького роста, ей пришлось лишь слегка нагнуться, чтобы поцеловать девочку в лоб.

— Добро пожаловать, трижды добро пожаловать, — леди Кларамонд снова улыбнулась и повернулась к Эрику, который ужасно смутился, когда она приветствовала его таким же поцелуем, а потом повернулась к Грегу. — Желаю вам хорошего отдыха в этих стенах. Да будет мир вам.

— Спасибо, — выдавил Эрик. Но к удивлению Сары, Грег отвесил самый настоящий поклон, и казался весьма доволен собой.

Потом их приветствовала еще одна фигура. Толпа рыцарей и лучников открыла ему дорогу, так же, как дамы расступились перед Кларамонд. Только на этот раз к ним вышел не воин, а высокий человек в простом сером наряде, на котором красные линии переплетались и перекручивались в странном узоре. Его волосы были седые, цвета его одежды, и лежали на плечах густыми прядями, которые на груди спутывались с широкой бородой. Сара никогда не видела таких ясных глаз — эти глаза заставляли верить в то, что он смотрел тебе прямо внутрь, и видел там все, и плохое и хорошее.

Вместо пояса у него была лента такого же темно-красного цвета, что и узор на его одеянии. И если рассматривать ее внимательно, то казалось, что она движется, как будто живет своей собственной жизнью.

— Итак, в конце концов вы пришли, — он обозрел Лоури немного строгим взглядом.

Вначале Сара почувствовала себя неудобно, но когда эти темные глаза посмотрели прямо на нее, страх пропал, остался только благоговейный трепет. Она никогда не видела никого похожего на этого человека, но была уверена, что он не замыслил против нее зла. На самом деле вовсе наоборот, что-то исходило от него и придавало ей уверенности, снимая почти незаметное ощущение неудобства, которое она испытывала с тех самых пор как прошла через ворота.

— Да, Мерлин, они пришли. И не зря, будем надеяться, не зря.

Голос Хуона был приглушенным, и Сара подумал что он, несмотря на все свои королевские полномочия, смотрел на Мерлина как на кого-то более великого и более мудрого, чем он сам.

Зеркало Мерлина.

— Мне это не нравится. Надо удирать, пока чего-нибудь не случилось, — Эрик выглядывал в одно из узких окон замка. — Недолго до заката солнца. Что будет, если мы не вернемся к дядюшке Маку до ужина?

Сара сидела на низком стульчике с бархатным сиденьем, с корзинкой между ног и смеялась.

— С миссис Стайнер случится припадок, вот что будет. Как хотите, но Хуон и леди Кларамонд добры к нам, и я не думаю, что они позволят, чтобы случилось что-нибудь нехорошее. И как мы выберемся обратно, если ворота исчезли? Кроме того, до туда семь верст киселя хлебать, а мы и дороги не знаем.

— Нет? Ну ладно, а ведь летающие кони знают. Как бы добраться до них, и...

— И как ты собираешься это сделать? — Грег вышел из тени около дверей палаты. — Здесь кругом куча народу и нас обязательно спросят, если мы попытаемся выйти. И, к тому же, с чего ты взял, что лошади полетят с нами? Сара права, какой смысл идти обратно к воротам если их там уже нет?

С сегодняшнего утра Грег несколько не подрост. У него на подбородке было грязное пятно, и нужно было расчесать густые светлые волосы. Но он был другим, может быть, изменившимся внутри, подумала Сара. Когда он говорил так спокойно, он был очень похож на отца, когда тот бывал серьезным.

— Ты хочешь сказать, что нам придется здесь остаться до тех пор пока они нас не выпустят? — взорвался Эрик.

Сара негодующе повернулась к нему.

— Так не честно, и ты об этом знаешь, Эрик Лоури! Они не держат нас насильно. Разве Хуон не говорил в самом начале, что он никаким способом не сможет открыть нам ворота?

Эрик подошел и встал напротив нее подбоченившись.

— А ты сейчас же поверила всему, что они говорили!

— Успокойся, — вмешался Грег, похожий на отца как никогда.

Эрик развернулся, чтобы огрызнуться, но его брат продолжил:

— Сара права. Если часть из того, что они нам рассказывали, правда, значит, все остальное тоже правда, иначе быть не может. Вы в замке, так? Настоящем замке, как у Короля Артура. И попали мы сюда верхом на двух крылатых лошадях. И еще, — закончил он задумчиво, — Мерлин не похож на обманщика. И он сказал, что ему надо поговорить с нами.

— Ему я тоже не верю! — дерзко бросил Эрик.

— Значит, вы мне не верите, молодой господин?

Сара вздрогнула, а Эрик подскочил. Они стояли лицом к единственной двери в палату, но они не видели, как Мерлин

зашел. А теперь он стоял здесь, и его ясный взгляд остановился на них.

— Эрик не хотел этого сказать, — торопливо начала Сара.

— О! А я думаю, что хотел, — Мерлин расчесывал бороду правой пятерней, а левой похлопывал по своему поясу из ленты. В комнате с каменными стенами он казался еще более высоким, чем во дворе замка, и серый цвет его одеяния смешивался с серостью стен, и он начинал казаться частью самого замка. Сейчас он сел на стул с высокой спинкой и разглядывал Лоури, а те смущенно стояли перед ним.

— Эрик совершенно прав, — продолжил Мерлин после паузы, в которой их чувство неудобства только увеличилось.

— Да, он совершенно прав, что не доверяет мне, Сара.

— Почему?

— Потому что для меня благополучие Авалона превыше всего. Столько лет, сколько каменных блоков в этих стенах вокруг нас, я был одним из трех хранителей этой земли. Артур орудует мечом, булавой и копьем на востоке. Хуон стоит стеной со своими рыцарями-эльфами на западе. А я использую другие силы и другую власть, чтобы им помогать. Не так давно я пересек пролив пространства и времени, чтобы открыть Ворота Лиса — я, Мерлин Амбросиус, единственный человек, который прошел этим путем за долгие века.

— Так значит вы — мистер Бросиус! — пребил Грег.

Мерлин дернул себя за бороду.

— Значит, меня до сих пор помнят? Время между нашими мирами не слишком совпадает — здесь оно течет гораздо быстрее, чем у вас. Да, я открыл ворота и искал тех, кто поможет нам в надвигающейся битве. Но, — теперь его голос звучал печально, — не было никого с нужным духом и рассудком, никого, кого мы могли бы призвать, как когда-то властью этой земли были призваны Артур, Хуон и я. Похоже, что теперь Ворота сделали свой собственный выбор, потому что нам грозит новая, еще большая опасность нападения сил зла.

— Хуон рассказал нам о потере Экскалибура, вашего Кольца и Рога, — сказал Грег.

— Итак, — густые брови Мерлина поднялись, — теперь вы можете понять, почему мы так взволнованы вашим приходом? Мы теряем три талисмана, а потом появляетесь вы. Как же можно не поверить в то, что ваша судьба связана с нашими потерями?

— Мы не крали ваших вещей! — выкрикнул Эрик.

— Мы знаем об этом. Но вы можете помочь вернуть их обратно, если захотите.

— А если не захотим, тогда вы не отпустите нас обратно домой — так ведь, или нет? — грубо потребовал ответа Эрик.

Мерлин лишь взглянул на него и Эрик покраснел. Теперь пришла очередь Грега спросить:

— Это правда, сэр? Мы не можем вернуться домой?

На долгое мгновение Мерлин опять замолчал, и внезапно у Сары возникло странное ощущение стыда, как будто бы она сделала что-то неправильное, хотя она совсем ничего не говорила. А лицо Эрика стало еще краснее.

— Есть заклинание, которое силой откроет ворота, если вы действительно этого хотите.

— Но вы считаете, что нам было предназначено придти сюда и помочь вам, не так ли, сэр? — настаивал Грег.

Мерлин кивнул. Цветные узоры ленты вокруг его пояса изгибались и крутились так, что у Сары закружилась голова и ей пришлось закрыть глаза и отвернуться.

— У вас есть выбор, молодые господа, леди Сара. Но я должен вам еще сказать, если вы решите оказать нам помощь, то по дорогам, отраженным в зеркале, не так легко пройти, и тот, мужчина или женщина, кто путешествует по ним, не возвращается из этих путешествий таким, каким ушел.

— Верно ли то, что, если враг выигрывает битву здесь, то наш мир тоже подвергается опасности? — продолжал Грег.

Опять Мерлин кивнул головой.

— Царит ли в вашем мире мир сегодня, сынок? Ведь здесь прилив зла поднялся очень высоко, и с годами растет. Я спрашиваю тебя еще раз, царит ли мир в вашем мире сегодня?

Сара вздрогнула. Она не была до конца уверена, что имел в виду Мерлин. Но она помнила все разговоры там, по другую сторону ворот, все, о чем говорили мама и папа.

— Нет, — был ответ Грега, — все время идут разговоры о новой войне и о бомбе.

— Авалон все еще крепко держится, хотя сколько это продлится, — глаза Мерлина были такие ясные, что в них было больно смотреть, подумала Сара, — этого ни один человек, смертный или король эльфов, не сможет сказать. Выбор ваш — помогать нам или нет.

— В нашем мире мой папа солдат, — медленно сказал Грег, — и если будет еще одна война, та, которой все боятся, придет ли она туда, если враг победит здесь, сэр?

— Врага невозможно окончательно победить, ни в Авалоне, ни в вашем мире, — вздохнул Мерлин. — Он рядится в разные одежды, марширует под разными знаменами, но он всегда существует. Мы надеемся держать его все время в обороне, всегда храбро встречать его и никогда не позволить ему одержать полную победу. Да, если он победит здесь, тогда наверняка сможет победить в вашем времени и пространстве.

— Тогда я буду делать так, как вы хотите, — ответил Грег. — Это вроде и за отца тоже, — он вопросительно посмотрел на Сару и Эрика.

— Хорошо, — Эрик соглашался неохотно. Он выглядел так же испуганно и несчастно, как чувствовала себя Сара.

Она не отпускала корзину, которая теперь была единственным реальным предметом в этом перепутанном сне. И ее голос был очень слабый и тонкий, когда она сказала:

— Я, я тоже помогу, — хотя ей вовсе этого не хотелось.

Мерлин выпрямился на стуле, и теперь он улыбался. Саре стало теплей, когда она увидела улыбку, и она почти радовалась.

— Так ищите же наши талисманы, где бы они не находились, и кто бы их не охранял. Помните — холодное железо ваш слуга и ваше волшебство, призывайте его на помощь, когда потребуется. И время начинать — немедленно!

Его голос звучал как громкий призыв трубы. Сара закричала, как тогда, когда серая хмарь окутала ее за воротами. Затем шум прекратился.

Они остались втроем. Она поймала Эрика и Грега за руки. Ни один не отпрянул. Но они были в новом месте — в этой комнате не было окон, а свет исходил из пяти бледно-зеленых сфер, установленных в форме звезды наверху. Три стены были завешаны тканью, которую Сара видела однажды в музее. На ткани были рисунки, которые двигались, как будто за ними дул поток воздуха. Непонятные люди бегали наперегонки с единорогами. Летали птицы, и казалось, что листья на деревьях шелестят, или, возможно, это воздух производил такой шум.

Четвертая стена была совершенно другая, огромная, блестящая поверхность, отражающая все, что было в этой комнате. На Мерлина не было никакого намека. Сара крепче

сжала руки своих братьев. Теперь ей хотелось, чтобы они попросились домой.

— Мне это место не нравится, — прокричала она, и слова откликнулись эхом «нравится-нравится-нравится».

Грег высвободил руку и подошел к зеркальной стене. Когда он подошел к ней, то положил руки ладонями прямо на ее поверхность. Остальные нерешительно последовали его примеру.

— Грег, что ты видишь? — Сара прижалась ближе с одной стороны, Эрик с другой. Оба заглядывали ему через плечо в узкую полосу, отгороженную его руками.

Казалось, что они просто рассматривали сельский пейзаж за окном. Только за окном виднелась не зеленая и золотистая земля, над которой пронесли их крылатые лошади, но совершенно другая местность.

И там была ночь, а не день. В лунном свете, прямо за окном, виднелась извилистая дорога, уходящая вверх по склону холма и теряющаяся на его вершине. Ее обрамляли ряды чахлах деревьев, большинство из них без листьев, а многие были изогнуты в причудливых, пугающих формах, так что их тени на земле выглядели как гоблины или монстры. И это было все — простая белая дорога, уходящая в темные и угрюмые горы.

— Это дорога для Грега. Пусть вооружится холодным железом и идет!

Кто дал этот приказ? Изображение на ткани или он пришел из пустоты?

— Нет! — закричала Сара. — Эрик, останови его! — она пыталась удержать Грега за руку. — Там так темно.

Грег боялся темноты, может, это его остановит.

Но он высвободил руку во второй раз.

— Не глупи! Если мы хотим помочь, придется выполнять приказания.

— Это не хорошее место, Грег, я знаю, что это так! — она повернулась, чтобы еще раз посмотреть на дорогу. Дорога исчезла, и в зеркале она могла увидеть только отражение комнаты и трех Лоури.

— Вооружись холодным железом, — озадаченно повторил Эрик.

— Холодное железо, — Грег встал на одно колено около корзины. — Помните, что нам рассказывал Хуон о силе же-

леза? То же самое должно быть справедливо и для стали, — он открыл корзину, чтобы показать вилки, ножи и ложки.

Сара присела рядом с ним, изо всех сил стараясь не показать как она была напугана.

— Помнишь, что он говорил про волшебство в пище? Что нам нужно есть что-нибудь свое вместе с их едой? Тебе надо взять немного еды, — когда она складывала в салфетку и заворачивала в узелок бутерброд, яйцо и печенье, у нее дрожали руки. Грег взял одну из вилок.

— И ты называешь это оружием? — издевательски произнес Эрик. — Тебе лучше попросить меч или один из этих больших луков. В конце концов, раз ты собираешься помочь Авалону, они должны дать тебе что-нибудь получше.

— Холодное железо, помнишь? А вилка острая, заточенная, — он попоробовал зубья пальцем. — Вот это мне надо взять, я сразу это понял, как только прикоснулся к ней. Спасибо за еду, Сара.

С узелком из салфетки в одной руке и вилкой в другой, Грег еще раз подошел к зеркалу.

— Эй, Грег, подожди минуту! — Эрик попытался перехватить его, а Сара отчаянно закричала:

— Грег!

Но в то же самое время она понимала, что ее протест бесполезен, потому что на лице у Грега было выражение, которое означало «быстрее-начнем-быстрее-закончим».

Они добежали до зеркала слишком поздно. Грег уже коснулся его поверхности. Он исчез, хотя Саре показалось, что какую-то секунду она видела смутную фигуру на горной дороге.

Эрик шарил руками по поверхности, сквозь которую исчез Грег. Потом он постучал по ней кулаками.

— Грег! — прокричал он, и занавеси пошевелились, но ничего не было видно, кроме их собственных двух отражений. Сара вернулась к корзине, и услышала, как Эрик воскликнул.

Так же как сначала его брат, он стоял близко к стеклу, положив на него руки. И он что-то наблюдал.

— Это Грег? Ты его видишь? — Сара подскочила к зеркалу. Может быть, она тоже сможет пройти и быть вместе с Грегом...

Но из-за плеча Эрика она не увидела освещенной лунной дороги и гор. Вместо этого виднелась полоска морского бере-

га, песчаный пляж, и кусты темно-зеленой жесткой травы. Среди накатывающих волн мелькали белые птицы, и стоял день, а не ночь.

— Это дорога для Эрика. Пусть вооружится холодным железом и идет!

Может, это были слова Мерлина? Они оба отпрянули от зеркала. Сара посмотрела на своего брата. Он кусал нижнюю губу, и, потупившись, разглядывал свои руки.

— Ты идешь? — тихонько спросила она.

Он бросил сердитый взгляд и пнул корзину.

— Грег ушел, так? Если он может, значит, и я могу — и я сделаю это! Дай мне тоже немного еды, Сара, и одну из этих вилок.

Но когда он взял вилку, то засомневался и медленно положил ее обратно на место.

— Кажется, это неправильно, — сказал он. Еще медленнее он вынул из соседнего гнезда ложку. — Вот так лучше. Но почему?

— Наверное, ты берешь то, что тебе больше всего поможет, — Сара заворачивала второй узелок с едой. Хотя ей хотелось упротить Эрика, чтобы тот не уходил, она знала, что не сможет удержать его от этого приключения после того, как на их глазах ушел Грег.

— Удачи, — потерянно сказала она. Он взял еду.

Эрик все еще хмурился, когда встал напротив стены, и в ответ только пожал плечами.

— Это какое-то сумашествие, — пожаловался он. — Ладно, вперед!

Так же, как Грег, он подошел к зеркалу и прошел через него. Сара осталась сидеть одна на полу в очень пустой комнате.

Она изучала зеркало. Оно пропустило Грега, потом Эрика. И она знала, что оно теперь ожидало ее, чтобы тоже пропустить.

— Жалко, что мы не можем быть все вместе, — сказала она вслух, и пожалела об этом, потому что эхо перекачивалось до тех пор, пока ей не стало казаться, что за занавесями шепчутся люди.

Она подняла корзину и подошла к зеркалу. Потом он решительно сказала:

— Покажи мне мой путь, я готова идти.

Зеркала больше не было, только зелень, золото и солнечный свет. Она пошла вперед, и ноги перенесли ее с пола на мягкую землю. На мгновение Сара была в растерянности. Здесь не было ни горной дороги, ни морского берега. Она стояла посреди лесной поляны. Может быть, это тот же лес, который скрывал ворота?

Лес так сильно отличался от мрачной пустынной дороги Грега, и дикого морского берега, по которому ушел Эрик, что Сара не могла чуточку не обрадоваться. Только, раз она оказалась здесь, что же ей нужно делать?

— Кар-р-р.

Сара посмотрела вверх. На ветке дерева у нее над головой раскачивалась большая черная птица. Даже на солнце ее перья не лоснились и не сверкали, а наоборот, выглядели тусклыми и пыльными. Даже ноги и клюв у нее были черными, а когда она повернула голову и посмотрела на Сару сверху вниз, в ее глазу сверкнул красный огонек. Саре он сразу не понравился.

— Кар-р-р, — она широко раскрыла крылья и после нескольких взмахов взлетела в воздух, спикировав ей на голову. Сара увернулась, а птица описала круг, хрипло каркая, как будто издевательски смеялась над ней.

Сара забежала под дерево, надеясь спрятаться от птицы под ветками. Но она уселась на сук над ее головой, и стала разгуливать по нему, все время наблюдая за ней.

— Убирайся! — Сара замахала на нее руками.

— Кар-р-р, — птица издевательски хлопала крыльями, широко раскрывая клюв, и когда она закаркала, раздавалось шипенье, которое действительно могло напугать.

Сара схватила корзину и побежала. Еще раз птица поднялась в воздух и свалилась ей на голову. Сара прыгнула, чтобы укрыться в кустах, зацепилась ногой за корень и растянулась, больно оцарапав колено.

— Кар-р-р.

В этот раз в карканье слышались другие нотки. Уже не издевательские. Сара села, поглаживая себя по оцарапанному колену. Кусты сомкнулись над ней зеленым сводом, и она не могла видеть птицу, хотя достаточно хорошо слышала ее крики.

В поле зрения появился большой лис, которого она видела около ворот. Его внимание было полностью приковано куда-то выше ее головы, и он сердито ворчал.

Горная дорога.

Дрожжа, Грег стоял посередине освещенной лунной дороги. Он обернулся. Позади него лежала темная долина, в которой не было ни намека на зеркало, через которое он пришел. Ветер дул в ветвях исковерканных деревьев, почти не встречая листьев. Ветер обдувал Грега, и он почувствовал прохладу. Он ссутулился и пошел вперед.

Грег рассудил, что дорогой пользовались нечасто. В некоторых местах она была почти скрыта обвалами почвы, и кое-где каменные блоки, которыми была вымощена ее поверхность, были расшатаны, и в трещинах виднелась сухая трава.

Сейчас дорога шла в гору, огибая подъем. Когда Грег забрался наверх, он еще раз повернулся, чтобы посмотреть назад. Видна была только дорога, идущая через пустошь. Не было признаков дома или замка, и он не видел никакого укрытия впереди.

От напряжения на крутом подъеме у него начали болеть ноги. То и дело он присаживался на валуны, принесенные прежними оползнями. Но когда он отдыхал, то не слышал ничего, кроме завывания ветра.

Здесь не было больше деревьев, только невысокие колючие кустарники без листьев, которые Грег обходил после того, как сильно оцарапался. Он облизывал руку, когда услышал неясно различимый вой со слабым эхом, идущий откуда-то издалека.

Завывание, от которого мурашки бежали по коже, повторилось три раза. Грег поежился. Волк? Он проглотил слюну и попытался расслышать угасающее эхо воя.

Теперь он посмотрел на вилку, которая у него была с собой, размышляя о том, что это будет за оружие против нападения волков. Он вынес ее на лунный свет, пробуя остроту зубьев, и она сверкнула, как выкованный гномами клинок Хуона.

— Железо, холодное железо, — он повторил слова в слух, сам не зная почему. — Холодное железо — мое оружие.

Грег поднялся. Снова не совсем понимая, почему он так делает, он начал перебрасывать вилку из одной руки в другую, и каждый раз, когда он ее ловил, она становилась тяжелее, длиннее, острее, пока у него в руках не оказался четырехфутовый черенок, оканчивающийся четырьмя ужасными острыми пиками. Может быть, это было еще одно волшебство Мерлина. Его копье выглядело странно, но оно, и напоминание о Мерлине, придало Грегу уверенности, несмотря на отдаленный вой.

Дорога становилась все более и более непроходимой. Иногда камни были настолько разворочены, что Грегу казалось, что он взбирается по лестнице. Дважды ему приходилось обходить земляные обвалы, втыкая в землю вилку-копье как опору и якорь.

Лунный свет, который был таким свежим и ярким, начал тускнеть. Грег, видя какой плохой становится дорога, и опасаясь увеличивающихся теней вокруг, решил устроиться на ночлег. Он забрался в расщелину между двумя валунами и выставил копье остриями наружу, закрывая вход.

Он проснулся замерзшим и затекшим, настолько затекшим, что ему было больно двигаться, когда он вылезал из своей пещеры. Должно быть, был день, но солнце не показывалось. Мир вокруг был серым, туманным, не намного светлее, чем ночью. Грег нашел тонкую струйку родника и попил с ладони, предусмотрительно съев немного своей пищи вместе с водой.

Казалось, что дорога никуда не вела, только выше и выше. На земле, покрывавшей ее, не было следов, никаких признаков того, что за долгие годы кто-то, исключая его самого, был настолько ненормальным, чтобы ходить этой дорогой. Но, хотя солнце так и не поднялось, серая мгла продолжала светлеть. Грег забрался в узкий проход между двумя каменными столбами и посмотрел вниз, в чашу долины, где под горбатым мостом текла быстрая речка. Вокруг моста, по обе стороны речки, лепились каменные домики, вокруг которых росла зелень.

С воплем Грег бросился вперед, скатившись до половины склона, и пробежав бегом вторую половину, торопясь скорее добраться до деревни и увидеть живого человека.

— Ау-у-у! — он сложил ладони рупором, и закричал изо всех сил.

Звук скатился в долину, усилился и вернулся обратно, отражаясь от утесов. Но никто не ответил, на извилистой улице деревушки не было никакого движения. Встревоженный, Грег замедлил шаг и выставил перед собой копьё, как прошлой ночью, когда нашел пристанище в пещере. Он рассматривал беспорядочно стоящие жилища с большей внимательностью. По большей части это были небольшие каменные домики с соломенными крышами. Но теперь он видел, что кровля местами отсутствовала, а некоторые дома были почти совсем без крыш.

На другой стороне моста, в стороне от зданий поменьше, стояла четырехугольная трехэтажная башня с узкими прорезями окон. И она не казалась такой запущенной.

Хотя Грег решил, что деревня была заброшена давно, он не ослаблял внимания. Зеленые участки вокруг обвалившихся домов густо заросли высокими сорняками с плоскими, неприятными на вид листьями и маленькими грязно-красными цветами, от которых исходил тошнотворный запах.

Он на секунду остановился на мосту, затем бросил быстрый взгляд на ближайший дом. Дверной проем ощерился, как беззубый рот, а окна глядели, как пустые глазницы. Но Грег все равно не мог избавиться от ощущения, что за ним кто-то подглядывает, что кто-то или что-то следит за ним из дверей и окон, скрытно, незаметно...

Когда он двинулся, его копьё ударилось о каменные перила моста, металл звякнул. И даже этот слабый звук подхватило эхо и пронесло через опустевшую деревню. В этот момент Грег понял, что ни за что не надо было кричать с горы, и что возможно этим он привлек к себе внимание и ему придется об этом пожалеть.

Лучше побыстрее выбираться из долины. Он старался не упускать дома из поля зрения, уверенный в том, что если ему повезет и он будет достаточно сообразителен и ловок, то рано или поздно он увидит то, что там пряталось.

Перейдя через мост, Грег вышел на заросший мхом тротуар вокруг основания башни. Как только он поравнялся с дверями, копьё повернулось в его руках с такой силой, что, хотя он крепко держал его, стало больно. Встревоженный, он сделал два шага вперед, притягиваемый вдоль стены внутрь башни какой-то силой, которая, казалось, управляла его копьём.

Затем он обнаружил, что ему придется или бросить свое оружие, или пройти внутрь. Он бы не осмелился бросить копье, поэтому с неохотой начал продвигаться вперед, а его странное оружие легко и свободно лежало в руке до тех пор, пока он двигался в указанном направлении.

Внутри башни свет был тусклым, потому что проходил только через узкие окна. Весь нижний этаж занимала одна квадратная комната, пустая, если не считать еле слышно шуршащих на сквозняке сухих листьев. У дальней стены была лестница, ведущая в отверстие на потолке. Грег настороженно поднимался по ней шаг за шагом, подгоняемый копьем.

Наконец, он добрался до третьей, самой верхней комнаты, которая была такой же пустой, как и две предыдущие, и оказался в совершенной растерянности. В ней было три окна, по одному в каждой стене по сторонам от него и сзади. В стене напротив был виден силуэт заложенного кирпичами окна, как те ворота, через которые они попали в Авалон.

Движимый силой, которой он больше не сопротивлялся, Грег подошел к четвертой стене и ткнул кирпичи своим трехзубым копьем. Должно быть, раствор, скрепляющий камни, был очень слабым, потому что они поддались первому легкому толчку, вываливаясь наружу один за другим.

Грег повернулся лицом к лестничному проему, уверенный в том, что если в деревне прятался враг, то шум падающих камней выведет его из засады.

Но эхо падения смолкло, и ничто не нарушало тишину. Может быть, замурованное окно было еще одними воротами? Но это невозможно — снаружи было видно только небо.

Грег поставил руку на широкий подоконник и подтянулся, чтобы получше осмотреться. Разруха в деревне с этой точки выглядела еще более очевидной. Ни на одном из домов не было целой крыши, и поля вокруг давно не обрабатывались.

Причина, по которой его сюда привели — а Грег был уверен, что им управляли, все равно оставалась загадкой. Он рассматривал землю внизу, и увидел, что обглоданный куст колыхнулся, хотя ветра не было, как-будто кто-то пробрался под его защиту.

От деревни он перевел взгляд на далекую стену гор. Туманный день затруднял ориентирование. Вдруг Грег крепче сжал свою вилку-копье, потому что увидел нечто — булавоочную головку света налево впереди и вверху — свет, ко-

торый мерцал, как-будто бы он исходил от прыгающих языков далекого огня.

Он понял, что не смог бы увидеть этот далекий огонь ни с какой другой точки долины. Поэтому легко было понять, что его привели сюда, чтобы он мог увидеть этот свет, и что свет является таинственной целью его путешествия.

Теперь, когда Грег спустился вниз на открытое место, его копье не сопротивлялось. Между ним и открытой местностью стояло всего три дома, и ему не терпелось скорее покинуть мертвую деревню. Хотя это оказалось не так легко, и он убедился в этом, как только завернул за последний дом.

Между ним и первой чахлой порослью деревьев, скрывающих подъем дороги, лежали, как ему вначале показалось, орошенные поля. Когда он осматривал их с башни, они показались ему просто заросшим сорняками пространством, огороженным остатками старинных заборов. Дорога проходила прямо через них, окаймленная полузасохшей живой изгородью.

Грег остановился и опустил вилку. Из зарослей живой изгороди появилась стая зверей. Они двигались бесшумно, их головы были повернуты в его сторону и они не спускали с него желтых, зеленых и красных глаз. Волки, несомненно, эти серебристо-серые крупные звери были волками, норки, горнастаи — все хищники, у всех шкура серого цвета.

Они стояли в перепутанной сухой траве, поднимая головы выше, а самые нахальные твари подкрались к краю дороги. Но дальше они не пошли. Волки сели на задние лапы, как собаки и высунули красные языки. Грег набирался уверенности. Шаг за шагом он прошел по тропинке, которую они ему оставили.

Он видел, как их зрачки следили за его движениями, и у Грега перехватило дыхание, когда он проходил между двумя волками. Не смея пойти быстрее, чтобы не спровоцировать их нападение, он продолжал идти медленно, сквозь эту странную компанию. Но когда он дошел до опушки леса и обернулся, поля были безжизненны, как раньше. Какова ни была цель этого странного собрания, опасности для него оно не представляло.

Хотя он был очень усталым и голодным, он снова начал взбираться в гору. Долина очень сильно не понравилась ему, и он не хотел останавливаться до тех пор, пока не выйдет из нее. Но вскоре он набрел на заросли спелых ягод, и срывал

их аппетитными пригорошнями, в промежутках пережевывая сухие крошки бутерброда.

Эту ночь он провел в шалаше, наскоро сделанном из веток. Он спал крепко, хотя ему снились страшные сны. Когда он проснулся, день был таким же серым.

Едва он прошел четверть мили, дорога раздвоилась. Более широкая мощеная дорога, которой он следовал с тех пор как прошел через зеркало Мерлина, поворачивала налево. Другая тропинка, гораздо менее заметная и начинающаяся крутым подъемом, шла прямо. И она указывала в направлении огонька, который он увидел с башни.

Грег рассматривал тропу. Она взбиралась выше и выше, оканчиваясь у темного входа в расщелину или пещеру. Снова вилка-копье в его руках подталкивала его в самую середину этой черной дыры. Он попытался найти окружающую тропинку, но пройти не было никакой возможности, а вилка тянула его и не давала отвернуть — разве только бросить ее.

Грег пробрался вперед, и холодные каменные стены быстро сомкнулись вокруг него. Где-то впереди ему слышался далекий шум воды. Вилкой он начал выстукивать дорогу перед собой, чтобы не упасть в какой-нибудь подземный ручей.

Темнота была такой плотной, что у Грега возникло странное ощущение, что можно собрать ее в ладонь, поддержать ее. Когда он обернулся, вход виднелся слабым отсветом серого, почти неразличимым, потом проход поднялся, и осталась лишь ужасная темнота, которая поглотила его. Грег почувствовал, что у него перехватывает дыхание, что он в западне. Сердце отчаянно билось. Ему очень хотелось повернуться и бежать, бежать...

Потом он прислушался к тому, что, как подсказывало ему воображение, может здесь таиться. Но все равно он продолжал идти, хотя от усилия над собой у него кружилась голова, не смея задерживаться, чтобы действительно чего-нибудь не услышать.

— Железо, холодное железо, — сначала он прошептал эти слова, потом сказал их вслух нараспев. Вилка-копье повернулась в такт. Ее вес в руках начал придавать ему уверенности, пока в конце концов он не увидел еще один отблеск серого света, и вышел на уступ, возвышающийся на несколько футов над широким плато, на которое он мог легко спрыгнуть.

На дальнем краю ровного плато виднелась вымошенная поверхность, и Грег обнаружил, что это дорога, петляющая между рядами странных колонн. Сначала Грег подумал, что это опоры разрушенного здания. Затем он увидел, что они стояли неправильными группами, либо, безо всякого плана, были рассеяны по одной.

Посреди колонн были остатки костра. Топливом для него послужили целые стволы деревьев, и доставить их на это опустошенное плато должно было стоить немалого труда. Но он не видел ни повозок, ни людей, хотя огонь не совсем потух. Тонкая струйка дыма поднималась вверх, и в воздухе стоял горький запах.

Грег прыгнул на плато, и прошел между колонн к костру. Каким-то образом, глубоко внутри, он знал, что это была цель его путешествия, и что теперь он должен будет сделать то, зачем его сюда послали. Он не сомневался в том, что его отправили, чтобы вернуть один из талисманов. Но что это было за сокровище, и у кого его надо было отобрать, оставалось до сих пор загадкой.

Между ним и костром оставалась одна колонна, и он коснулся ее рукой. Но его пальцы почувствовали не камень — он прикоснулся к чему-то другому! Грег отдернул руку. Где-то впереди него или над головой он услышал звон, как будто кто-то предупреждающе дергал за шнур с серебряными колокольчиками.

Морская дорога.

Под ногами Эрика струился песок. Морская птица закричала и спикировала, чтобы схватить извивающуюся серебряную рыбу из волн. Резкий свежий ветер дул Эрику в лицо и трепал волосы.

Он забрался на вершину самой высокой дюны, чтобы осмотреть окрестность. Пляж раскинулся широко. Далеко за дюнами виднелись темные участки, которые могли быть деревьями или кустарниками, но они были слишком далеко, чтобы хорошо их разглядеть. Тем не менее, он был уверен, что его путь, который не был настоящей дорогой, как у Грега, лежал по воде в открытое море.

Поэтому он повернулся лицом в том направлении, и увидел темную точку, пляшущую вверх-вниз, которую нес на берег перекатывающийся прибой. Лодка? Может быть, хотя точно сказать на таком расстоянии было невозможно.

Далеко у горизонта виднелась неясная тень. Она не двигалась, выглядела темнее облака, и Эрик подумал, что это земля, возможно, остров. Она находилась прямо перед той точкой, в которой он попал в эту страну, поэтому он был уверен, что цель его путешествия там.

Но разве можно было ожидать что он проплывет всю дорогу туда! Возможно ли было сделать это на лодке — хорошей, крепкой лодке?

Эрик спустился к морю по склону дюны и побежал по влажному песку, на который накатывали волны. Не торопясь, он снял рубаху и джинсы и забрел в море. Вода оказалась холодной настолько, что покусывала оцарапанные можжевельником руки и ноги. Перед ним, вне пределов досягаемости, лежала на волнах лодка. Эрик сделал еще два шага, и дно резко ушло у него из-под ног. С криком он погрузился с головой, шумно вынырнул. Он был прав — воде никогда нельзя доверять, попробуйте и пропадете в один миг! Затем он вспомнил терпеливые наставления Слима на уроках плавания в прошлом году в лагере, и, барахтаясь, доплыл до лодки. Схватившись за планшир, Эрик осмотрел посудину. Она была до половины залита водой, отчего сидела низко, но казалось, что в бортах пробоин не было. Он подумал, что надо отбуксировать ее к берегу, вытащить и для большей уверенности тщательно осмотреть.

Легче было сказать, чем сделать. Лодка была неповоротливая и скользкая, и Эрику пришлось потратить много сил, прежде чем вытащить ее на берег. Когда она ткнулась тупым носом в песок, он упал рядом совершенно обессиленный.

Через некоторое время он поднялся, и насухо вытерся рубахой. Больше всего на свете ему хотелось вытянуться и уснуть, но его ждала лодка, и у него было странное чувство, что время имело важное значение, и он не мог его терять.

К счастью, лодка была небольшая, и сделана из легкого материала, поэтому он справился с ней в одиночку. Рассмотрев ее поближе, Эрик обнаружил, что шпангоуты были покрыты чешуйчатой кожей. Должно быть, на обтяжку лодки пошла гигантская рыба.

Когда он вылил воду, лодка всплыла, и он целиком вытащил ее из воды. Он перевернул ее вверх дном, чтобы поискать пробоины в корпусе. Лодка выглядела как большая черепаха, которая втянула голову, ноги и хвост под панцирь. Высохшие на солнце чешуйки радужно поблескивали, но они оказались жесткими как напильник, когда Эрик провел рукой по поверхности.

Убедившись в том, что лодка цела, Эрик сел на песок и немного поел из того, что дала ему Сара. Ему хотелось пить, но надежды найти в дюнах пресную воду не было.

Тогда он сложил узелок с едой и ложку в лодку, вытолкнул ее в воду и забрался внутрь. Под его весом лодка осела, и только в этот момент он понял, что у него не было весел.

Он думал вновь сойти на берег и поискать кусок плавника, который мог бы служить веслом, когда наступил ногой на ложку и поднял ее.

— Холодное железо, — произнес он вслух, толком не зная почему.

Затем его глаза округлились от удивления. Чайная ложка выросла в его руках до размеров половника, потом еще, пока в руках его не оказался предмет в форме ложки, но размером с небольшую лопату. Чудеса, настоящие чудеса, подумал он, слегка взволнованный.

Хотя она была велика, с ее весом вполне можно было справиться. Не без опасения что она может уменьшиться так же внезапно как увеличилась, Эрик для пробы окунул ее за борт, и, работая ей как веслом, вышел в море, направляясь к прибрежному острову.

Он не был опытным лодочником, а кожаная лодка и ложка не были самым подходящим средством передвижения для такого путешествия. Но он греб импровизированным веслом с большой энергией, а временно спокойная вода также работала в его пользу. Чем дальше он отходил от берега, тем больше морских птиц собиралось над ним, сопровождая его в открытое море.

Тренировка помогла. Его первоначальная неуклюжесть уменьшилась, скорость увеличилась, хотя ему было трудно удерживать лодку в правильном направлении. А если он переставал грести чтобы отдохнуть, накатывающиеся волны несли его назад, и он терял с трудом пройденное расстояние. Для Эрика, самого нетерпеливого из Лоури, сама медлительность продвижения была мукой, но он продолжал грести.

Медленно, остров поднимался выше из воды. Казалось, там не было прибрежного пляжа. Прямо из моря поднимался утес, позволяя никому, кроме, разве что, птиц, высадиться на острове. Стая птиц, сопровождавших Эрика в его медленном продвижении, теперь улетела вперед и уселась на утесе.

Дюйм за дюймом подходя к берегу, Эрик увидел, что даже если у подножия этих скал и был кусочек пляжа, он никак не сможет выбраться наверх. Хотя в самих скалах были проходы, в которые море протягивало длинные языки волн. С трудом Эрику удалось направить свое легкое суденышко вокруг скалистого мыса в надежде найти место для высадки со стороны моря.

Он обошел вокруг всего острова, который был невелик, и не нашел то, что искал. Тем не менее, он был уверен, что ему необходимо высадиться здесь. И до тех пор пока он не выполнит задания, данное ему зеркалом — или Мерлином, — назад он не вернется.

Под маской внешней нетерпеливости в Эрике скрывалась изрядная настойчивость. И именно она помогала ему описывать осторожные круги вокруг острова, хотя у него болели плечи и руки налились свинцом. Раз не было пляжа, значит надо искать другой путь — может быть, через одну из этих, разинутых как пасти, пещер. Он выбрал самую большую, и начал грести в ее сторону.

Арка свода виднелась высоко над головой, и дневной свет проникал внутрь примерно на три корпуса лодки. Эрик призвал на помощь весь свой небольшой навык, чтобы удержаться посередине протоки на приличном расстоянии от каменных уступов, с которых свисали длинные зеленые водоросли. Сильно пахло морем, но к нему примешивался иной запах, не такой приятный.

Когда свет померк и стены начали смыкаться, Эрик подумал, что его выбор был не таким уж правильным. Но все равно он плыл вперед, даже когда уступы подошли так близко, что могли оцарапать. Потому что ему казалось, что впереди он видит проход пошире. Он был настолько уверен в этом, что последние несколько футов проталкивал лодку, отталкиваясь ложкой от скал как шестом. Послышался скрежет и он выплыл на освещенное пространство.

Высоко над головой, в проломе скал, виднелось небо и пыльные лучи солнца падали в спокойное озеро. Налево от

Эрика был пляж, который он искал, на котором виднелся сухой белый песок гораздо выше уровня воды.

Когда киль лодки заскрипел по маленькому пляжу, Эрик перелез через тупой нос, вытащил легкое суденышко за собой. Запах моря здесь был такой же сильный, что снаружи пещеры, но чувствовался и другой запах.

Эрик целиком вытащил лодку из воды, перед тем, как исследовать окрестности. Добраться до пролома наверху не было никакой возможности. Но пляж поднимался в гору, и он пошел туда, потому что никакой стены в том направлении видно не было.

Сейчас ему по-настоящему хотелось пить, и чувство жажды только увеличивалось от звука набегающего на скалы моря. А он надеялся обнаружить на острове родник, или пресноводное озерко. Вспомнив про лимонад, который он пил так давно, Эрик провел языком по сухим губам.

Уклон пляжа шел вверх и привел его к темной расщелине. Эрик засомневался. Там было так темно, что мысль о том, что надо идти дальше, не очень-то радовала его.

В конце концов, он двинулся вперед, вытянув перед собой ложку, чтобы ощупывать дорогу. Расщелина оказалась узким коридором, который оканчивался колодцем. Только теперь, при свете кусочка неба над головой, он смог увидеть небольшие выступы и впадины, которые могли дать опору для рук и ног решительного скалолаза.

Прицепив ложку к поясу, Эрик полез наверх. Если бы не жажда, это восхождение вовсе не показалось бы ему трудным. Но теперь он мог думать только о пресной воде. Хотелось много воды, и как можно быстрее.

Подтянувшись последний раз, он вылез наружу и, тяжело дыша, упал на толстый ковер колючей травы. Морские птицы кричали громко и резко, их галдеж почти оглушал. И странный запах, который висел в пещере, здесь был еще сильнее. Он сел и огляделся.

Утесы, которые отгораживали остров от моря, были на самом деле внешними стенами гигантской чаши. Уступами они понижались в долину, центральная точка которой находилась чуть выше уровня моря.

Уступы местами были покрыты густой зеленой травой, в которой оставалось свободное место для сотен гнезд, старых гнезд, решил Эрик осмотрев ближайшее к нему. Если это ме-

сто служило детским садом для морских птиц, то в настоящее время им не пользовались.

В самом центре круглой долины лежала большая круглая куча палок и мусора, которую могла собрать только какая-нибудь гигантская птица. Или там просто скапливался многолетний мусор из гнезд, сметаемый ветром?

Сейчас Эрика больше интересовал маленький родник, журчащий с уступа на уступ на противоположной стороне чашеобразной долины. Он был уверен, что такой тонкий ручеек вытекал не из моря, чего ему больше всего хотелось в этот момент.

Он начал обходить вокруг долины, не желая проходить более прямым путем мимо вонючей кучи в центре. Птицы продолжали летать и галдеть вокруг него, взлетая в воздух, когда он подходил, и снова садясь на уступы позади него.

Они были похожи, подумал он, на зрителей, собирающихся на обещанное представление. И он был уверен, что больше и больше птиц прилетало с моря и рассаживалось по верхнему краешку чаши. Но ни одна из них не налетела на него, пытаясь защитить старое гнездо. И он не боялся их присутствия.

Однако в воздухе висело ожидание, и предчувствия Эрика усилились. Теперь он заметил, что на верхних уступах гнезда сидели плотно, более свежие порции высушенного строительного материала лежали поверх распадающихся остатков старого, а на значительном расстоянии от центральной кучи не было маленьких гнезд, и широкие уступы были пусты.

Эрик дошел до ручейка и попил из сложенных вместе ладоней, откусывая хлеб с водой. Затем он поплескал себе на разгоряченное лицо и шею. С этой точки ему хорошо была видна куча в середине долины. И чем дольше он ее рассматривал, тем сильнее у него возникало подозрение, что это не отбросы со старых гнезд на верхних уступах, а само по себе большое гнездо, свитое специально такого размера и формы,

— Орлиное? — задумался Эрик, желая, что не знает о птицах больше. Он вспомнил картинки в старом номере *National Geographic* с изображением южноафриканского кондора. Да, точно — это кондор! Они вырастали такими большими, что могли унести овцу. Значит это — гнездо кондора?

Судя по их состоянию, все остальные гнезда были прошлогодние, может, и большое было такое же. Эрик сел и уставился вниз. Меньше всего ему хотелось спускаться и

рыться в этой куче. Но, точно так же, как его притягивало с берега на остров, сейчас его притягивало к этому большому гнезду.

Он наклонился вперед, поставил локти на колени и поддерживая подбородок руками. В этом месиве были запутаны странные предметы. Он был уверен, что видел солнечный луч, отразившийся от металла.

Но теперешнее странное поведение птиц удерживало его от поисков. Верхние ярусы были почти переполнены ими. И их крики стихали. Они сидели, сложив крылья, плотно, рядом друг с другом, и все смотрели на него. Эрику это не нравилось. Он хотел отступить обратно в прибрежную пещеру к своей лодке. Но ему не удалось.

Вдруг ложка, которая была прицеплена у него на ремне, выскользнула наружу. Эрик безуспешно пытался поймать ее. Она прогромыхала по нижним голым уступам, подскочила, и залетела в самую середину массивного гнезда. Там она и осталась, только ручка торчала наружу.

Он не мог вернуться к лодке без нее. Эрик поднялся. Птицы сидели так спокойно, будто затаили дыхание перед каким-то важным событием. Внутри себя Эрик боялся трогать это гигантское гнездо, чтобы не наткнуться на какую-нибудь неслыханную опасность. Ему нужна была ложка, а он не мог осмелиться взять ее.

Поборов страх, Эрик прыгнул с одного уступа на другой, опускаясь к куче сухих сучьев и другого материала. Чтобы добраться до ложки, ему надо было прыгнуть в самую середину кучи.

Ни одна птица не кричала теперь, во всей долине не было слышно ни единого звука. Эрик прыгнул. Издалека донесся резкий вскрик, и он по пояс ушел в эту дрянь, из которой было сделано гнездо.

Лесная дорога.

В лесу, куда ее привело зеркало Мерлина, Сара забралась под защиту куста, и внимательно наблюдала за лисом, не уверенная в его дружелюбии. Но она была убеждена, что тот рассердился на птицу, которая пряталась где-то среди ветвей

над головой. Она надеялась, что его приход отгонит злую ворону (или это не ворона?) прочь. Сара слышала, как птица возилась наверху. Она больше не кричала, но скрип когтей о кору и шелест крыльев выдавали ее присутствие.

Сейчас лис смотрел прямо на Сару. Встретив его внимательный взгляд, Сара перестала бояться. Она выкарабкалась из кустов и встала, отряхивая грязь и мусор с рубашки и джинсов. Птица на дереве захлопала крыльями и лис угрожающе заворчал. Потом она взлетела высоко над ними и описала круг.

— Кар-р-р, — но это был крик злости и поражения.

Лис ответил резким твяканием и черная птица взмыла и исчезла за верхушками деревьев. Сара посмотрела ей вслед с облегчением. Хриплое карканье затихало вдаль и девочка облегченно вздохнула. Правда, это была всего лишь птица, но было что-то пугающее в ее нападении, потому, что это была всего лишь птица, существо намного меньше ее самой, но которое все равно хотело напасть.

Кто-то очень осторожно потянул ее вниз за джинсы, и она обратила внимание на своего нового компаньона. Лис хватал зубами ткань как ласковая собака, легонько тянул, а потом отбегал на несколько шагов, приглашая ее взглядом. Сара подняла корзину и последовала за ним.

Рыжий хвост с острым белым кончиком мотался из стороны в сторону, пока ее провожатый не вывел ее между двух кустов на тропинку, где побеги и поросль тянулись выше и выше и смыкались зеленой аркой над головой. В этом зеленом мире они были не одни. Хотя Сара не видела никого, кроме лиса, она слышала треск, возню и шорохи за стенами из листьев, как-будто толпа маленьких лесных человечков собиралась посмотреть как они пройдут и разговаривала на своем языке.

Зеленый проход темнел, потому что широколиственные кустарники уступили место вечнозеленым растениям с темными иглами. Приятный аромат и пружинистый ковер из опавших иголок под ногами, делали прогулку приятной, несмотря на увеличивающиеся тени.

Теперь, когда они шли среди хвойных деревьев, звуки, издаваемые невидимыми наблюдателями, исчезли и лис замедлил шаг. Он наострил уши и, видя его осторожность, Сара снова забеспокоилась. Темнота была полна угрозы и она

прошла вперед, пока не почувствовала, как хвост с кисточкой ободряюще потерся об ее ноги.

Потом Сара не могла вспомнить, как долго они шли по дороге. Она знала только, что когда они вышли на открытое место, она очень устала и проголодалась и с удовольствием села на ковер из сосновых игл и мха. Лис тоже сел и высунул язык.

— Ты есть хочешь? — три слова прозвучали очень громко в темном пространстве и Сара пожалела, что заговорила. Она открыла корзину и достала бутерброд, осторожно разломив его пополам. Хлеб начал черстветь и загибаться по углам, а на арахисовом масле появилась корочка. В другом случае она бы его просто выбросила, но сейчас она с аппетитом съела его, а вторую половину предложила лису. Он посмотрел на бутерброд с любопытством, затем медленно и красноречиво покрутил головой. Сара старалась есть медленно, долго пережевывая каждый кусочек. Но она не могла отрицать, что все равно была голодна, даже после того, как съела последние крошки.

Лис снова вскочил на ноги, явно ожидая ее. Потом они оба услышали, далеко и высоко вверх, едва различимое «кар-р-р». На этот раз оно исходило не от одной птицы. Лис подтолкнул Сару в тень под деревом. Он поднял голову вверх и внимательно рассматривал круг неба над поляной.

Сара увидела как птицы, выстроившись в один ряд, плавно скользили в чистом небе. Они летели высоко над поляной и никто из них не заметил стоящих внизу Сару и лиса.

— Кар-р-р.

Последняя птица отстала и стала снижаться. Лис затащил Сару в нишу между деревьями. Когда они оказались в безопасности, лис повернул голову к ней. Он смеялся по своему и Сара выдавила бледную улыбку в ответ. Чем больше она видела этих черных птиц, тем меньше они ей нравились.

Тропинка вывела их на ключ, но лис не дал ей подойти к нему, пока не обшарил берег, останавливаясь, всматриваясь в переплетение веток и прислушиваясь. Если черные птицы и спрятались между деревьев, чтобы шпионить, они были достаточно осторожны и не выдали себя. Лис пошел пить воду. Сара присоединилась к нему. Но он в нетерпении оттащил ее зубами за рукав, не успела она сделать и несколько глотков.

Они перешли через обвалившийся деревянный мост на тропинку по другую сторону. Затем лис внезапно остановился и неслышно поднял переднюю лапу. Поперек тропинки, растянутый во всей своей красе, висел полупрозрачный круг паутины. Сара в своей жизни не видела большей паутины и замерла на месте с колотящимся сердцем. А какого же размера был паук, который сплел эту паутину?

Лис тихонько заскулил как собака, которой надо сделать то, чего она не умеет. Совершенно очевидно, ему не хотелось трогать паутину. Ей самой было противно, но она подняла сухую ветку и бросила ее в ажурный круг, ожидая, что она разорвет его на несколько летучих нитей.

К ее ужасу, ветка отскочила. С большой осторожностью Сара ударила веткой по одной из нитей, притягивающих паутину к земле, с тем же результатом. Хотя паутина казалась непрочной, порвать ее было не так-то просто. И она не могла заставить себя прикоснуться к ней голыми руками.

Обойти они ее не могли, потому что кусты и деревья здесь стояли стеной. Но более всего волновало Сару то, что хозяин этой резиновой сети может поджидать их в засаде, где-нибудь около тропинки.

Паутину можно было разрезать ножом, если бы он у нее был. Если бы у нее был неистовый серебряный клинок, который носил Хуон! Но что он говорил: железо — яд для обитателей Авалона? Железо... стальные ножи в корзине!

Сара вытащила один. Лезвие было тупое, приспособленное больше для намазывания масла. Но, может, ей удастся разрезать им нити паутины?

Сталь коснулась паутины лишь дважды. Сара отпрянула с возгласом восхищения. В том месте, где она пыталась разрезать, нити засыхали. Через несколько секунд паутина исчезла и тропинка открылась. Лис одобрительно твякнул, а Сара обняла его за шею руками, а он вежливо ткнулся носом ей в щеку.

Она держала нож наготове в руке, но они больше не встретили эластичных паутин, и начали постепенно взбираться в гору. Хотя деревьев стало меньше, было много кустов, и лис держался поближе к ней, не единожды подталкивая Сару в тень.

Наконец, они вышли на широкий простор, где росла только трава. Лис пролаял дважды, лег на брюхо и немного прополз вперед, демонстрируя меры предосторожности девочке.

Так, извиваясь как червяк, взмокая и расцарапанная, она поползла за лисом до невысокого холма, с которого, как показал лис, они должны были понаблюдать за местностью впереди.

Земля опять понижалась за холмом. Увидев, что лежит в низине, Сара не могла не вздрогнуть. Там был лес. Но деревья стояли голые и безжизненные, указывая облетевшими ветками в небо. Вокруг опушки леса серые лохмотья свисали с одного ствола на другой, как-будто из ткани была натянута стена, достающая Саре выше головы. А серым материалом были паутины, сотни, миллионы паутин, переплетенные одна с другой толстым одеялом.

Где же были те, кто сплел эти удушливые сети? Сара старалась не думать о том, на что они должны быть похожи, какими огромными они окажутся. Конечно же лис не хотел, чтобы они пошли туда! Однако, внутри Сара была глубоко уверена, что именно для этого ее сюда привели.

Нож разрезал одну паутину. Но сработает ли он также хорошо против этой стены, окутывающей целый лес? А если они прорубят тропинку, не встретятся ли они с существами, которым нравилось жить в мертвом лесу под охраной стены из паутины? Эта стена была построена для того, чтобы охранять, или не выпускать, нечто такое, с чем Саре вовсе не хотелось встречаться.

Лис не подгонял ее к нападению на липкую стену. Вместо этого он отошел назад, отступая обратно в лес, из которого они вышли. Когда они снова оказались под защитой леса, лис улегся и положил голову на вытянутые лапы. Он медленно закрыл и снова открыл глаза. Надо было остановиться и отдохнуть, перевела она. Гнездо из сухих листьев под упавшим стволом дерева показалось ей очень мягким, и она свернулась на нем калачиком. Она была уверена, что ее компаньен не подпустит к ней ни птицу, ни паука, и она действительно очень устала.

Что-то мягкое, может быть одеяло, коснулось ее подбородка... Сара открыла глаза. Над ней стоял лис с поднятой лапой, которой он разбудил ее. Он тихонько скулил, она поняла это как предупреждение, и как можно тише вылезла из своего гнезда.

Скоро сядет солнце. Тени под деревьями вытянулись. Лис проскулил вновь с упавшего ствола. Сара забралась повыше

рядом с ним и на равнине перед собой увидела странную картину.

Темная земля была очищена от листьев и веток. Посередине стояла корзина, а на расстоянии от нее лежали камни разных размеров и форм в виде звезды, заключенной в круг. По пяти концам звезды были насыпаны маленькие кучки зеленых листьев.

Лис опять заскулил и подтолкнул ее. Сара прошла вперед и встала рядом с корзиной. Она обернулась на зверя, и он закивал головой в знак одобрения. Она делала так, как он хотел.

Совершенно ничего не понимая, она ждала, глядя как он озабоченно перебегал от одной маленькой кучки листьев к другой. В каждую он тыкал передней лапой, предварительно понюхав ее. Она не могла догадаться, что он делает и зачем.

Когда лис завершил круг, он сел на задние лапы, а затем поднялся, держа передние лапы в воздухе. Он тявкал, скулил, и сучил лапами, и почему-то Саре показалось нужным сесть. На самом деле даже не сесть, а встать на четвереньки на землю, копируя обычное положение лиса.

Тонкие струйки тумана поднялись из кучек листьев, хотя Сара была уверена, что они не горели, потому что она не видела пламени. Она почувствовала прекрасный аромат нагретых солнцем сосновых игл и гвоздики, которую миссис Стайнер добавляла в печенье. Дым от маленьких куч листьев становился плотнее и плотнее, окутывая ее. Теперь Сара не видела лиса, вообще ничего, за пределами звезды в круге.

От дыма у нее закружилась голова и появилось странное ощущение. Она подумала, что все это ей снится, потому что все выглядело таким странным. Немного испугавшись, она попыталась встать. Но руки ее не могли хорошо оттолкнуться, на самом деле, у нее не было больше рук!

На земле стояли заросшие серой шерстью лапы. Та же серая шерсть росла и выше. Сара повернула голову, по всему ее телу рос серый мех, и сзади был серый хвост. В кого, во что она превратилась?

Сара попробовала закричать. Но звук, который она издавала, был совершенно непохожим.

— Мя-я-я-у! — это был крик перепуганной кошки!

Дым поднимался вверх. Она могла видеть концы звезд, отмеченные горстками белого пепла на месте листьев. И ког-

да занавес дыма исчез, она увидела лиса, который теперь возвышался над ней, что насторожило ее.

— Идем! — слово прозвучало бы как твяканье для Сары-девочки, но для Сары-кошки оно имело смысл. Тем не менее, она не двинулась с места, поджидая пока лис лапами раскатиет несколько камней из узора на земле, чтобы подойти к ней. Она выразила свое возмущение и потребовала объяснений серией криков и шипением, а шерсть на ее выгнутой спине встала дыбом, и она сердито махала хвостом.

— Идем! — лис стоял над ней. — Превращение продлится только до завтрашнего рассвета, а нам предстоит многое сделать.

— Что ты со мной сделал? — потребовала ответа Сара. — Я ведь не кошка!

— Правильно. Но человек не может войти в лесной Замок. А тебе нужно сделать это или все обитатели лесов и полей Авалона будут поставлены на службу Темным Силам.

— Как?

— Разве Хуон не говорил тебе про кольцо колдуна Мерлина? Тот, кто его носит на руке, может использовать зверей и птиц, деревья и кусты, как для хорошего, так и для плохого. Когда его носил Мерлин, оно использовалось только для хорошего — лучшего из лучших — на страх злу. Но теперь оно попало в злые руки и будет до конца использовано во зло. Но зло еще не решается пользоваться им в открытую. Поэтому оно было спрятано в Лесном Замке, в который может войти только тот, кто вооружен холодным железом и магией холодного железа. Зло всегда знает наперед, если к их тайным убежищам подходит человек, поэтому тебе нужно принять обличие одного из нас. Ты пробудешь кошкой, пока завтра не встанет солнце. Поэтому торопись и возьми с собой железо, твое собственное волшебство.

Он носом открыл крышку корзины и показал на нож, которым Сара разрешила паутину. Встав лапами на край корзины, Сара вытащила его из гнезда. Было очень неудобно нести нож в пасти, но теперь ей пришлось делать это.

Ее страх и гнев постепенно улетучивались. Чем дольше она находилась в кошачьем теле, тем естественнее оно казалось. Похоже, будет удивительное приключение. Ей не терпелось начать.

Лис сделал последнее предупреждение.

— Ты должна вернуться сюда, на это место и войти в круг со звездой до того, как изменишься, или ты получишь другое обличье, над которым я не властен. Если за тобой погонится зло, оно не сможет войти сюда. Теперь отправляйся в путь, серая сестренка!

Она легко вскочила на холмик. Оказалось, что она может бежать, не издавая ни звука, и ее новое тело было прекрасно приспособленно для таких скрытных действий. В долине сгустились сумерки, и в темноте стены из паутины светились собственным мягким светом.

Меч

Грег чувствовал себя очень одиноко в каменной пустоши гор. Когда прозвенели колокольчики, он замер и поднял голову вверх. Полоса гор тянулась далеко впереди и ни одна из этих странных колонн не оканчивалась звонницей. Ленивые струйки дыма поднимались из обуглившихся головней костра и больше ничего видно не было.

Колонны! Пока колокольчики еще звенели, Грег вернулся к колонне, на которую опирался. На взгляд она выглядела как грубый каменный столб. Но на ощупь это было что-то совершенно другое.

Еще раз Грег протянул руку и дотронулся кончиками пальцев, но не до камня, а до гладкого металла и мягкой кожи. Снова он отдернул руку. Отчего камень был на ощупь похож на чешуйчатые рыцарские доспехи и кожу? Почему его глаза говорили ему одно, а руки другое?

— Здесь... здесь есть кто нибудь? — он думал, что его зов будет громче колокольчиков, но с его губ сорвался еле слышный шепот. Каменный столб в его глазах оставался каменным столбом. Ничто не двинулось. Но теперь звук колокольчиков не звучал по всему плато, а сосредоточился в одной точке позади затухающего огня. Дым поднимался сильнее из пепла, хотя никто не подбрасывал дров.

— Кто здесь? — снова выкрикнул Грег.

— Нет необходимости кричать, господин эсквайр.

У Грега отвисла челюсть. Только что место с другой стороны костра было пустым, а сейчас там кто-то стоял. На се-

кунду он подумал, что это Мерлин, потому что фигура была одета в точно такое же длинное одеяние, какое он видел на колдуне. Затем, видимо из-за того, что страх сделал его более внимательным, Грег заметил разницу. Серая ткань Мерлина была украшена красными узорами, и имела серебристый оттенок лезвия меча.

Одежда же пришельца, как и его капюшон, были темно-серого цвета, как зимние штормовые облака, и узор был черным, как и пояс. Грег испытывал благоговейный трепет перед Мерлином, а этот незнакомец внушал страх. Инстинктивно Грег поднял вилку-копье и направил зубья на незнакомца.

Незнакомец весело рассмеялся. Белые руки откинули капюшон и перед Грегом оказалась женщина. Ее волосы высвободились из капюшона и рассыпались по плечам, доставая ниже пояса. Волосы были ни темные, ни светлые, а цвета серебряного лезвия, которое им показывал Хуон. Казалось, в них сверкали искорки света, так же как нож притягивал и отражал солнечные лучи.

Она собрала в ладонь пучок волос и рассыпала его по руке, затем выдернула один длинный волос, потом второй, третий. Она стояла, улыбалась ему и наматывала их между большим и указательным пальцами.

— Зачем вы пришли сюда, господин эсквайр? — спросила она мягко. — И похоже, вам не нравятся прямые дороги, раз вы подкрались ко мне окольными путями, — она разговаривала тоном, которым взрослые укоряют шаловливых детей. Но такой тон Грег не раз слышал в прошлом, и не устыдился. В этом ведьма допустила первую ошибку, потому что он не замешкался и не потерял бдительности.

— Я пришел дорогой, указанной мне, — ответил Грег, не зная точно, почему он выбрал именно эти слова, но зная, что они не понравились ведьме.

— О! И кто направил вас на этот путь? — резко и требовательно спросила она.

И вновь Грег нашел слова, незнакомые ему.

— Тот, кто светит сквозь камень — камень тела, камень души.

— Значит, ты из тех! — ее глаза сверкнули зеленым огнем, и пальцы быстро зашевелились, сплетая три волоса в сеть. — Тогда иди к своим приятелям!

Она бросила на него сеть и та выросла в воздухе над головешками костра, пытаясь поглотить его целиком. Грег

ткнул ее копьем. Зубья зацепились за сеть, намотав ее на копье. Одна нить крепко обернулась вокруг запястья Грега.

Но через несколько мгновений запутавшиеся в зубьях нити потеряли свой серебристый отблеск, почернели и упали на землю безвредным прахом. Бешено зазвенели колокольчики и женщина отступила на два шага, прижав руку ко рту и не сводя глаз с Грега.

— Железо — властитель железа! — провыла она. — Кто ты, который осмелился принести холодное железо в Каменную Пустыню, и которому оно не причиняет вреда? Кому ты служишь?

— Меня послал Мерлин.

— Мерлин! — она произнесла имя со змеиным шипением. — Мерлин, который стоит между мирами, и поэтому может прикасаться к железу, и этот глупый мальчишка Хуон, который был рожден смертным, и поэтому может махать железным мечом и рядиться в железные доспехи, и этот Артур, глупый здоровяк-король, который притащил с собой в Авалон железо, чтобы отравлять тех, которые выше его настолько, что он не может себе этого представить. Да сгинут они и пропадут, да обратится железо против них и сорвет плоть с корявых костей, да поедят их демоны ночи! А ты, — она уставилась на Грега, — ты не Мерлин, хоть он и мастер менять обличия. Но кольцо пропало с его руки, — она грубо захотела, — он не сможет принять такой облик, который скроет его от меня. И ты не Хуон, и конечно же не Артур! Поэтому я приказываю тебе, мальчишка, скажи мне свое настоящее имя! — она снова улыбалась, и ее голос опять стал мягким.

— Грегори Лоури, — ответил он, сам того не желая.

Но похоже этот ответ несколько ее не обрадовал. Она повторила имя, а ее руки проделывали сложные движения, как тогда, когда она сплетала сеть из волос. Затем она подняла их вверх, выражая нетерпение и желчь поражения.

— Ты держишь железо, против которого у меня нет заклинания. Хорошо, что тебе от меня нужно?

— То, что скрыто, — в третий раз Грег произнес слова, которые кто-то или что-то вложило в его уста.

Она громко рассмеялась.

— Этого ты не получишь! Посмотри вокруг себя, глупый ребенок. Где ты найдешь то, что скрыто? Если ты будешь искать здесь сорок дней и сорок ночей, все равно это останется спрятанным для меня!

Трехзубой копье зашевелилось в руках Грега так же внезапно, как оно двигалось, что увлечь его на башню в заброшенной деревне. Медленно острия двинулись в противоположную сторону, направляясь к земле. У Грега мелькнуло воспоминание — люди ищут воду раздвоенной палочкой, которая поворачивается к земле там, где можно копать колодец — он об этом читал. Могла ли вилка-копье направить его к тому, что нужно было найти? Надо попробовать.

Но ему не пришлось далеко ходить в поисках, потому что оружие чуть не выпрыгнуло у него из рук как только он подошел к костру, воткнувшись остриями в кучу горелых головешек и пепла. Грег, отпинывая в стороны недогоревшие поленья, начал копать.

Колокольчики больше не звонили серебром, а резко грохотали у него в ушах. Он оглох от грохота и у него кружилась голова. А ведьма бегала кругами вокруг кострища, хотя держалась вне пределов досягаемости копья, выкрикивая странные слова и выписывая руками фигуры в воздухе.

Страшная чешуйчатая тварь, не змея, не крокодил, а смесь их обоих подползла близко и угрожающе вытянула когти. Грег повернул копье, провел им по когтям и тварь исчезла. Ужасные существа собирались, чтобы окружить его, но Грег, чувствуя безопасность под защитой железа, даже не пытался избавиться от них. Он продолжал отбрасывать вилкой землю с того места, где горел огонь.

Работа шла медленно, потому что вилка была не так удобна, как лопата, а отложить ее и копать руками он боялся. В конце концов он присел, держа вилку в одной руке, и выгребая разрыхленную землю другой. Затем его пальцы потянули за что-то.

Предмет вышел из земли, и оказался таким тяжелым, что ему было трудно отряхнуть с него грязь. Но он держал в руке меч!

Грег видел такие в музее, и еще тогда подумал, как же хватит человеку сил им махать, потому что его широкий клинок и тяжелая рукоятка в форме креста оттягивали ему руку. Меч — украденный талисман — Экскалибур!

Он просунул копье между ног для большей безопасности, и отряхнул глиняную пыль с рукоятки и блестящего клинка. Он был очень простой, без драгоценных камней и богатой золотой отделки, но он был уверен, что именно за ним его

и послали. Грег плотно прижал его к себе левой рукой и посмотрел на ведьму.

Она больше не бегала, выкрикивая заклинания, а стояла спокойно, и прищурившись смотрела на него. Когда Грег отходил от ямы, у него возникло чувство, что, хотя она потереяла меч, у нее все равно оставался шанс на победу. Случайно ли или под влиянием дальнобойной магии Мерлина, он раскрыл часть ее тайного замысла.

Когда он отходил, то сильно ударил мечом по одному из столбов. В ответ раздался сдавленный крик!

На месте столба стоял, вернее не стоял, а покачивался, мужчина с закрытыми глазами и очень бледным лицом. На нем были доспехи, похожие на те, которые носили рыцари-эльфы Хуона, только его плащ был белый, с нарисованным красным драконом. Он застонал и открыл глаза.

— Берегись ведьмы!

В воздух взлетела волосяная сеть. Грег поймал ее копьём прежде чем она коснулась мужчины, и она рассыпалась.

Ведьма взвизгнула нечеловеческим голосом. На ее месте появилась огромная серая птица, которая раскрыла крылья и набросилась на Грега, широко раскрыв клюв.

Мальчик повернул копье, а тварь уклонилась, пробежала несколько футов, взмыла вверх и исчезла за горами. Наступила полная тишина, потому что даже колокольчики перестали звонить.

— Меч!

Мужчина, которой был столбом, стоял на коленях, его счастливые, широко раскрытые глаза рассматривали клинок, который держал Грег.

— Сэр, я умоляю Вас, освободите этих людей. А потом надо быстро и долго ехать. Потому что меч Артура должен быть в его руке, пока враги не поразили самое сердце Авалона. Время уходит быстро!

Один за другим Грег прикасался к столбам на плато, а затем к большим валунам, которые лежали меж ними, пока отряд воинов с символом Красного Дракона, и их лошади, снова не стали живыми существами. Они двинулись в путь, двое солдат ехали вместе, чтобы дать одну лошадь Грегу.

Дорога была слишком плохой, чтобы ехать быстро, но рыцарь, которого Грег освободил первым, подгонял их своим быстрым шагом. Они объехали склон холма до перекрестка с горной дорогой, и опять перед их глазами встала долина с

заброшенной деревней. Оставалось немного времени до захода солнца, и нежелание Грегa проводить ночь в этом проклятом месте росло с каждым метром их продвижения. Он попытался уговорить своих спутников переночевать там, где они стояли, но они не соглашались.

— Ты не понимаешь, юноша. Теперь, когда они потеряли меч, они больше не будут колебаться, напасть ли на нас. Нам нужно двигаться, чтобы успеть к Артуру, или мы потерпим поражение — у них ведь все равно есть рог и кольцо, чтобы бороться с нами. Если они нападут прежде, чем мы вернем Экскалибур королю, у них будет шанс на победу, потому что только он может идти с ним на битву. Нам нужно ехать день и ночь, чтобы у них не осталось никаких шансов.

— У Хуона есть крылатые лошади. Если бы они были у нас... — сказал Грег.

— Хранителю Запада служат Горные Лошади. Но они малочисленны, и отвечают только на призыв Зеленого Дракона, но не Красного. Как бы мне хотелось, чтобы они были с нами в этот час!

Грег уже различал дома в деревне, горбатый мост. Они подъехали к границе полей, где дорога проходила между живой изгородью и где он прошел сквозь строй зверей. Какова была цель этого сборища? Где теперь были эти волки и все остальные?

Он не видел, как из кустов выскочило существо. Грег осознал опасность только тогда, когда лошадь встала на дыбы, и чуть не сбросила его с седла. Грег не был наездником, и все, что он мог сделать — это уцепиться за седло рукой, а другой держать драгоценный меч, а его вилка-копье упала на землю.

То, что стояло посреди дороги перед его лошастью, было размером не больше маленькой собачки, но оно быстро превращалось в чешуйчатую тварь, которую ведьма вызывала на плато. Его когтистая лапа вознеслась над всадником и лошадью, и как молния опустилась.

Грег отпустил луку седла. Обими руками он поднял меч, тот был слишком тяжелым, чтобы махать им. Тварь ударила лапой и проколола ее. Она завопила и попыталась отпрянуть назад, Грегa вырвало из седла. Он упал и, несмотря на все усилия, выпустил меч из рук. Беззащитный, он оказался лицом к лицу с рассерженной, похожей на дракона тварью.

Лошадь понесла, расшвыривая людей, которые пытались успокоить страх своих собственных лошадей. Грег увидел, как рыцарь, который вел их, пытается пробиться к нему.

Экскалибур! Где же меч? Он вывалился из поврежденной лапы и лежал в дорожной пыли между Грегом и монстром. Раненая конечность ящерицы висела сморщенная и безжизненная и, возможно, что клинок между Грегом и драконом не давал ему напасть еще раз. Грег попытался поискать взглядом свое копьё и наблюдать за монстром одновременно. Внезапно из живой изгороди выпрыгнула серая тень, и вцепилась в чешуйчатый хвост, а Грег услышал воинственный клич волка. Когда сплюснутая голова твари как молния повернулась в сторону новой неприятности, Грег схватил копьё.

Еще один волчий клич разорвал воздух, но в нем слышался гнев, а не испуг. За дорогой поднялась стена животных, маленьких и больших, направляющихся в сторону драконообразной твари, сверкая зубами на ходу. Монстр затопал ногами, замахал хвостом, покраснел от злости.

Потом он высоко подпрыгнул, перескочив через меч и навис над Грегом. Но несмотря на горячку сражения, он опасался зубьев копья. Грег сделал выпад, и монстр отпрянул, совершив смертельную ошибку, потому что на этот раз он всей своей тушей упал на меч.

Его голова треснула и он завыл, извиваясь, но не имея сил сойти с того места, как-будто клинок, на котором он растянулся, был ловушкой. Контур его тела поплыли, уменьшились. Грег увидел, что это больше не дракон, а серая ведьма с плато. Она дрожала и тряслась, но ее ноги как-будто прилипли к клинку Экскалибура, и он ее не отпускал.

Черные линии на ее одежде пузырились и бежали, волосы шевелились, словно каждый из них жил своей жизнью. Потом была вспышка, и женщина исчезла. Столб дыма, расплываясь, опускался ниже и ниже. Дорога была пуста, оставался лишь меч.

Но лишь на один миг. Из зарослей и с полей послышался шум и голоса, возгласы удивления и благодарности. Там, где собирались животные, чтобы помочь Грегу в битве, двигались мужчины и женщины, озадаченно разглядывая свои руки и ноги, ощупывая себя и разглядывая друг друга с удивлением и радостью.

Рыцарь, успокоив лошадь, подъехал с тяжелым стуком. На его лице было воодушевление.

— Горная Ведьма мертва! — прокричал он. — Слушайте, правительница Каменной Пустыни исчезла из Авалона, и с ней пропало зло, которое она совершила. Один из врагов разбит. Возрадуйтесь, люди, освобожденные от колдовства темноты!

Рог

На острове в море стоял Зрик, а его ноги глубоко увязли в куче высохшего мусора, из которого было сделано гнездо. Ему нужно было сделать еще буквально пару шагов, чтобы добраться до ложки. Идти было тяжело, потому что хрупкий материал гнезда легко проламывался под его весом, и невозможно было найти твердую опору. Все, что он хотел — это забрать ложку и вернуться обратно в укрытие.

Но Зрик не мог не заметить, что в строительном материале этого неопрятного гнезда были запутаны странные предметы. Золотая цепь была сложена и завернута в пучок сухой травы. Возле нее лежал кусочек поношенной и выгоревшей ткани со следами вышитого девиза.

Вот он схватил ложку и попытался вытащить ее из-под палок. Но ее заклинило во внутренних пустотах, и он не мог вытащить ее обратно. В конце концов ему пришлось разгрести кучу руками, отбрасывая в сторону пучки травы и сложенные ветки.

В чашеобразной долине, под прямыми лучами солнца, было очень жарко и Эрик то и дело останавливался, чтобы рукавом вытереть пот с лица. Пыль и мусор, которые поднимались от его разрушительных раскопок, прилипали к его потному телу, лезли в глаза и рот. Но он продолжал трудиться, твердо решив высвободить ложку.

Сначала он подумал, что опускается грозовое облако, когда по гнезду пробежала тень. Но, повинувшись чувству опасности, он посмотрел вверх и отчаянно вжался в разбросанный им мусор.

Эрик пытался представить, что за птица могла построить такое гнездо. Теперь он узнал. Увидеть ее живьем было гораздо хуже, чем в любых фантазиях. И непохоже, чтобы этот монстр был просто птицей. У какой это птицы вместо перьев

на голове была чешуя? У нее были перья, черные перья по всему туловищу, и гигантские крылья, похожие на птичьи, хотя и слишком большие, хлопанье которых разносилось как раскаты грома, пока она описывала круги над островом.

Эрик раскапывал кучу под собой, надеясь зарыться и спрятаться там, пока птица не улетит. Он был уверен, что если он попробует добраться до открытых уступов, то будет немедленно атакован. На чешуйчатой голове сидел кривой клюв хищника, а на лапах, которые она подтягивала к животу во время полета, виднелись когти.

Он держался за ложку, и последним отчаянным усилием рывком выдернул ее, вывернув вместе с ней, большую кучу мусора. Эрик прыгнул в образовавшуюся вонючую дыру. Первоначальное основание громадного гнезда было заложено поперек впадины. Когда он прыгнул, основание рассыпалось, обнаружив небольшую трещину в скале внизу. Эрик потыкал туда ложкой, вовсе не желая провалиться вниз, в морские пещеры. Но металл зазвенел о камень, обнаружив дно всего в нескольких футах.

Наверху раздался скрежет — такой вой мог издавать только пикирующий реактивный самолет, и Эрик начал пролезать и протискиваться в эту дыру, обдирая плечи и раздирая рубаху. Он благополучно распластался в каменной расщелине, когда птица-монстр приземлилась, оглушая его дикими криками.

- Сама неистовая злоба птицы спасла его, потому что она начала раскапывать гнездо, и мусор, который летел в разные стороны, забрасывал Эрика. Он лежал, в горле у него пересохло и руки, державшие ложку, дрожжали. Дрожжа, он ждал, пока птица отгребет его укрытие и клювом или лапой достанет его. Один раз когтистая лапа скребнула по скальной поверхности над его головой. Но трещина спасла его.

Только как долго он сможет здесь оставаться? Птица переворошила мелкий мусор, так что некоторое количество воздуха попало к нему. Но оно было ограниченным. А если он пошевелится, его обнаружат.

Руками Эрик начал ощупывать узкое пространство, в котором лежал. В ширину щель была не больше его плеч, но длиннее его роста. И глубже, чем ему показалось сначала, потому что в нее насыпался мелкий мусор из гнезда. Он распластался на маленьких веточках и рассыпающихся растениях, от которых пахло разложением.

Эрик начал выкапывать мусор из-под себя. По звукам он определил, что птица до сих пор ищет его, но настолько глупым образом, что Эрик начал думать, что это безмозглое существо. Если из-за своего слабого ума она быстро его забудет, у него будет шанс на спасение.

Тем временем он расчистил проход вдоль расщелины, отпихивая мусор назад ногами. Затем он наткнулся на препятствие, которое было не так легко сдвинуть. Эрик пощупал руками и обнаружил, что это была не ветка, потому что его пальцы коснулись изогнутой и гладкой металлической поверхности.

Когда он понял, что это, металлический предмет стронулся с места, но этим же Эрик навлек на себя несчастье, потому что вся куча затряслась. Вероятно, птица была не такая глупая, как надеялся Эрик, и в ответ наверху послышалась суматоха. Эрик вздохнул и поперхнулся, потому что пыль набралась ему в легкие и запорошила глаза.

Затем вся куча над ним была отброшена в сторону. Эрик моргал слезящимися глазами, а птица выгибала голову в его сторону, клюв был распахнут. К счастью, ей приходилось поворачивать голову перед тем как ударить. Эрик взмахнул ложкой в последней отчаянной попытке защититься.

Клюв ударил в металл ложки с такой силой, что чуть не расплющил Эрика, выбив из него дух. Он упал, с красным от удушья лицом, тупо ожидая следующего удара.

Удара не было. Он поднял голову над краем расщелины, пытаясь подняться. Хотя его глаза слезились от пыли, теперь он мог видеть более четко, пока ужасное хлопанье крыльев не подняло мусор мутным штормовым облаком.

Птица, отчаянно хлопая крыльями, мотала головой из стороны в сторону. Что-то было не так с ее головой, хотя судорожные движения птицы не давали Эрику рассмотреть получше. Он поднялся на ноги, выставил ложку перед собой.

Когда во второй раз голова двинулась в его сторону, Эрик собрал остатки сил, взмахнул ложкой, как бейсбольной битой. Он ударил импровизированной дубиной по голове птицы с такой силой, что упал на колени. Потом захлопали крылья, унося птицу в небо над долиной. Она не издавала никаких звуков, а голова безжизненно висела у нее на груди. Она поднималась выше и выше, и Эрик встал, чтобы посмотреть за ней. Она собиралась напасть на него с такой высоты? Только

висящая голова и неровные взмахи крыльев оставляли ему надежду на то, что он вышел победителем в этой встрече.

Птицы поднимались с уступов, чтобы присоединиться к этому существу. Но они сопровождали его недолго. Огромные крылья взмахнули в последний раз, потом сложились и, наполовину пернатая, наполовину чешуйчатая тварь упала в море. Эрик более не сомневался, что она была мертва или по крайней мере смертельно ранена.

Держа ложку для безопасности под мышкой, он отер пыль и грязь с лица. Но не был уверен в том, как это произошло, отчего погибла птица. То, что говорил им Хуон насчет железа, которое было ядом для всех обитателей Авалона, похоже было правдой. Он был очень этим доволен.

Стенки расщелины, обнаженные на изрядную длину последними усилиями птицы, доходили ему до пояса, и Эрик начал выкарабкиваться, торопясь дойти до ручейка на уступе и выполоскать пыль изо рта и горла. Но что-то зацепилось за его щиколотку и он нагнулся, чтобы высвободиться.

Он держал кожаный ремень, не новый, но хорошо сохранившийся и гибкий, и на нем виднелись маленькие золотые звездочки и символы, которые он не понимал. Должно быть, он был здесь спрятан недолго. Когда он потянул, то обнаружил, что ремень был привязан к чему-то, захороненному в мусоре из гнезда.

Эрик разгреб палки черенком ложки. Сверкнул металл, на этот раз не золото, а серебро, опоясывающее более темный белый цвет. Он обнаружил рог из слоновой кости и серебра.

Отряхнув его от мусора, Эрик поднес свою находку к солнечному свету. Он недолго лежал спрятанным, потому что серебро не почернело. Рог! Рог Хуона! Он нашел один из потерянных талисманов.

Мучимый искушением, Эрик обтер мундштук об рукав и приложил его к губам. Но он не дунул. Что-то не от мира сего было в этом роге. Сказав самому себе, что звук рога может привлечь другую гигантскую птицу, Эрик перебросил ремень через плечо и пополз по мусору обратно к роднику на уступе, где он доотвала напился и поел из своего узелка.

Он не знал, сколько времени находился на этом острове. А время в Авалоне, и его собственном мире, текло по-разному — разве Мерлин не говорил чего-то в этом роде? Кажется, он был на острове всего несколько часов, а время уже приближалось к закату.

Осмелится ли он проделать путешествие обратно на берег ночью? Как ни хотелось ему поскорее уйти от этих гнезд, он не испытывал большого желания покидать остров. Слишком велика опасность быть унесенным на лодке в открытое море. А он очень устал, чтобы грести. Каждая косточка в его теле ныла от усталости.

Так где же провести надвигающуюся ночь? Эрика отталкивало разрушенное гнездо и уступы вокруг него. Лучше вернуться в пещеру у моря, и выспаться в лодке, хотя он всегда боялся воды. И лучше было спуститься вниз до наступления темноты..

Эрик начал спускаться в колодец, из которого вылез раньше. Он думал, что рог надежно висит у него на ремне. Но когда его рука оскользнулась, ремень свалился с его плеча и рог упал вниз.

Эрик напряженно замер, прислушиваясь к звуку падения. Но он ничего не услышал. Мысль о том, что рог разбился сделала его настолько слабым, что он не мог двинуться, на глаза навернулись слезы и перехватило дыхание. Что же он натворил по неаккуратности?

Все прошлые разы, когда мама с папой, миссис Стайнер, дядюшка Мак, да и Грег с Сарой упрекали его за спешку, излишнюю импульсивность, мелькали в его голове. Что будет если рог сломается? Что он скажет Мерлину и Хуону? Он не справился со своей частью поисков.

Он не мог долго оставаться в колодце, поэтому искал следующую опору на стене. Ложка, привязанная к его поясу, звенела о камень, но ему было все равно. Круг неба над головой быстро темнел, уменьшая видимость.

Эрик спускался медленно. Если случилось невозможное, и рог не разбился на кусочки, когда упал на землю, то он вовсе не хотел на него наступить. Он плотно прижался к стене, когда его носки коснулись земли, и с надеждой посмотрел вокруг.

Но сюда не доходили даже самые слабые лучи солнца. Эрик опустил на колени и ощущал землю вокруг себя руками, затем задвигал руками быстрее, просеивая песок и грубую гальку между пальцев, находя и отбрасывая камни, пока не обшарил все дно колодца. Нигде он не почувствовал ни кожанного ремня, ни изогнутой слоновой кости в серебре. Рог пропал совсем!

Дважды он обшарил все вокруг, не веря, что рог потерялся. Если бы ремень зацепился за выступ в стене, он бы почувствовал его когда спускался. Значит...

Голова Эрика шла кругом. Теперь он ни в чем не был уверен. Последний раз он провел руками по дну колодца, и отправился вниз по узкому проходу к пещере у моря.

Влажный, пахнувший морем воздух дохнул ему в лицо, долгожданное освобождение от вонючего гнезда. В конце короткого перехода, перед тем как выйти на пляж, Эрик помедлил, выглядывая наружу. Шум разбивающегося о камни моря был сильным, но он был уверен, что слышал другой звук — щелчок, скрип.

Эрик различал пятно, которое было его лодкой, лежавшей на берегу, там, где он ее оставил. Он стоял совершенно неподвижно, стараясь приглушить собственное дыхание до неслышного шепота. Хотя ему ничего не было видно, кроме корпуса лодки, он был уверен, что там было что-то еще, живое существо, которое возможно имело силу и желание напасть или повредить лодку, от которой зависело, выберется ли он с острова или нет.

Звук прозвучал снова — на этот раз громче, как будто тот, кто его производил, не имел причин прятаться. Эрик увидел в воздухе темный силуэт, четко различимый на фоне тусклого мерцания из входа в пещеру.

Силуэт оканчивался гигантской лапой, которая медленно сжималась, а потом расжалась, как будто ее владелец разминался перед схваткой. Когда лапа приложилась к лодке и легкое суденышко двинулось по песку, Эрик понял, что надо действовать или лодка окажется вне пределов его досягаемости в озере.

Его уверенность опералась на силу железа, и он вытянул перед собой ложку как копье. Затем он набросился на темную тварь.

Ложка ударилась о борт лодки, отскочила и ударила по темной массе, которая дернулась и отпрыгнула, как будто железо было раскалено. На Эрика замахнулась страшная членистая лапа с когтями. Мальчик упал на колено, выставив ложку, чтобы блокировать удар так же, как он отбил клюв птицы. Когти ударили сильно, расплющив Эрика о лодку, и он расцарапал щеку о чешуйчатую поверхность.

Он вскрикнул от боли, но не услышал ответа от твари, с которой боролся. Эрик видел только темную массу, хромаю-

щую к воде. Если ей удастся уйти в море, можно было ожидать еще одной атаки.

В отчаянии Эрик поднялся на ноги и, подняв ложку над головой, пробежал вперед и изо всей силы ударил этим странным оружием по неуклюже волочащемуся существу. Под его ударом оно обмякло. Он почувствовал жалящую боль чуть ниже колена. Но он победил: тварь больше не пыталась добраться до воды.

Послышался скребуший звук, как-будто множество ног пытались поднять беспомощный вес издыхающего тела. Затем наступила тишина.

Эрик не мог заставить себя прикоснуться к этой твари, он не желал знать, с каким существом он дрался. Подтолкнув ложку под тело, он свалил его в море. Потом он опять почувствовал, что вокруг его ноги запутался ремень и быстро раскопал песок на том месте, где лежал монстр, и обнаружил рог, потерянный убитым вором.

Кольцо.

Перед Сарой лежал лесной мир. Она бежала в сторону паутинной стены Лесного Замка, новые, незнакомые запахи, которые щекотали ее кошачий нос, поднимались от земли под лапами и наполняли воздух. Она никогда раньше не догадывалась, что значит по-настоящему ощущать запах! Человеческими глазами они видела сумерки, блеклые цвета, удлинняющиеся и темнеющие тени. Но теперь она могла видеть сквозь эту темноту, и поэтому несколько ее не боялась.

Но хотя она была поглощена своим новым обличем и очень довольна им, ее беспокойство отчасти усиливалось с приближением к дьявольски святащимся паутинам. Не доходя несколько футов, она положила нож, поставила на него для безопасности обе передние лапы и вытянула голову повыше, чтобы получше рассмотреть мертвый лес.

Ей вовсе не хотелось прикасаться к паутине. Она надеялась найти место, в котором ее кошачье тело сможет перепрыгнуть через липкую стену. Но нигде не было видно участка, на котором крайние деревья не были бы опутаны этой дрянью от земли до нижних веток.

Нужно использовать нож — но где? Прирожденная осторожность животного, в чьем теле она находилась, пришла ей на помощь. Она начала пробираться в высокой траве, снова держа нож в зубах.

Опасаясь стражи, Сара не дерзнула проделать большую и заметную дыру в стене. Поэтому ей пришлось искать, пока она не обнаружила место, где два мощных корня дерева наполовину торчали из земли. Нити паутины закрывали проход между ними, но проход был маленький. Она прижалась к земле, и пастью и лапами направила нож. Это было очень неудобно, и она гораздо быстрее сделала бы все руками. Но паутина рассыпалась и впереди лежал проход в лес.

Когда она заползла внутрь, распластавшись между корнями, то обнаружила, что может достаточно хорошо видеть. К счастью паутина висела только в один ряд, и впереди виднелись пятна зеленовато-желтого света.

Пятнами оказались грибы-трутовики, растущие на гнилых деревьях. Сара сломала один лапой и воздух сразу же наполнился пляшущими пылинками. Она чихнула и закрыла нос передними лапами. Когда она чихала, то уронила нож, а это было опасно. Она быстро подняла его.

Листья, которые падали с деревьев, давно превратились в пыль, земля была голая и черная, скользкая и неприятная, поэтому Сара старалась, где возможно, проходить по торчащим, корням или стволам упавших деревьев.

Человек без компаса легко потерялся бы в этом лабиринте, где каждое дерево было похоже на следующее, а зеленый свет грибов мешал видеть. Но кошачий инстинкт Сары безошибочно вел ее в самое сердце этого проклятого места.

Она не встретила ни животных, ни птиц, ни насекомых. Но у нее было странное ощущение что что-то притаившись поджидает ее там, куда не достигал взгляд, бесшумно, осторожно. Это Саре совсем не нравилось.

В одном месте ей пришлось обойти озеро, вода в котором была черная и пенистая. Пузыри медленно поднимались на поверхность и лопались. Потом Сара увидела первое живое существо, бледную, как- будто отбеленную, ящерицу, на скользком камне, наблюдавшую за ней блестящими недобрыми глазами.

На другой стороне озера Сара встретила слабые следы тропинки и повернула на нее. Ей не терпелось поскорее добраться до цели.

Но она не забыла об осторожности, и с мгновенной реакцией кошки остановилась, услышав слабый звук. Не кралась ли за ней ящерица?

Потом она увидела врага, не позади, а справа от себя. В свете грибов он предстал во всей своей ужасной красе. Она хотела закричать, но из кошачьего горла послышалось только шипение.

Тварь молнией пробежала по стволу упавшего дерева и остановилась. Когда она стояла на месте, ее почти невозможно было отличить от скопления грибов. Сара запустила когти в землю, разминая их. Она внимательно осмотрелась вокруг, разглядывая грибы, которые могли оказаться вовсе не грибами.

Ее тревога росла. Три или четыре гигантских паука приближались к ней. Если бы не неосторожность первого, они могли бы окружить ее прежде, чем она сообразила в чем дело. Она могла напасть на одного, но с целой кучей ей не справиться.

В воздухе повисла ленивая нить паутины. Она опустилась на мохнатую спину Сары. Потом еще одна и еще! Вокруг нее свивалась сеть. Но в тот момент она боялась самих пауков больше, чем их ремесла и она отчаянно обдумывала план действий. Нужно дать им себя поймать. Потом, когда они в этом убедятся, она воспользуется ножом и убежит.

Очень трудно было ждать, пока плывущие в воздухе нити обовьются вокруг нее. Но Сара прижалась к земле, втянула под себя лапы, между которыми наготове лежал нож. Она вздрогнула, когда ковер из нитей зацепился ей за уши и быстро закрыла глаза.

Как только сеть покрыла Саре спину и голову, она оказалась крепко привязанной к земле. Теперь правильные действия зависели от носа и ушей. По ее скрученному телу пробегали ноги, и она опять вздрогнула, когда ткачи начали проверять крепость своих шелковистых нитей.

А вдруг ее сейчас ужалит паук, и бросит здесь, парализованной и беспомощной? Она чувствовала их мерзкий запах, слышала шорох их ног. Они бегали кругами, наращивая кокон вокруг нее.

Последний раз они испробовали прочность опутывающей ее сети. Потом сильный запах тварей начал улетучиваться. Она напрягала слух и зрение. Если они оставили охранника, то не больше, чем одного. С одним она вполне могла спра-

виться. Двигая лапами, Сара протолкнула вперед нож и прикоснулась к сети.

Раз! Ее правая лапа освободилась! Волшебство железа опять сработало. Она поднялась и распрямилась, а кокон упал и рассыпался. Она открыла глаза.

Напротив нее, на всех своих восьми ногах, стоял готовый напасть паук. Он покачнулся вперед-назад и прыгнул. Сара ударила передней лапой и сбросила тварь на землю, потом махнула ножом. Она не была уверена в словах Хуона — о том, что железо здесь ядовито. Она могла только надеяться на это.

Паук подобрал под себя ноги, став похожим на бело-желтый шар. Сара взяла рукоятку ножа в пасть и прыгнула, проведя лезвием поперек круглого туловища насекомого. Паук забился в судороге, его ноги подкосились, но потом он опять поднялся. Сара ткнула его ножом, не желая прикасаться к нему лапами. Когда он перестал шевелиться, она положила нож на землю, поставила на него одну лапу и языком слизала остатки паутины со своей шерсти.

Затем, неся нож, она обошла мертвого паука и пошла дальше. Но она была начеку, опасаясь еще одной встречи с этими тварями и разглядывая каждый ближний гриб с подозрением. В мертвом лесу было очень тихо, потому что не было шелестящих листьев, только влажная земля под ногами. Потом земля уступила место плоским камням, которые могли быть старой-старой мощеной дорогой. Дорога спускалась вниз, и заросшие деревьями обочины нависали над ней. Сара держалась посередине дороги, потому что между деревьев виднелись толстые паутины.

Понижающаяся дорога привела ее к ручью. Это было не пенистое озерко, а коричневая бегущая вода, двумя рукавами огибающая остров.

По периметру острова стояла каменная стена, такая старая и заросшая высохшим диким виноградом и мхом настолько, что почти не отличалась от естественных скал. Должно быть, когда-то был мост, соединяющий остров с дорогой, а теперь осталась только цепочка торчащих из воды камней.

Сара походила по берегу взад-вперед, с сомнением разглядывая камни. Хотя ей ничего не говорили, она была уверена, что остров лежит в центре леса, и на нем находится то что она искала, но добраться до него было проблемой. Она видела, как неприятного вида водяные твари плавают или

ползают туда-сюда по дну, и ей не хотелось с ними воевать. Можно ли было перепрыгнуть с одного камня на другой и не поскользнуться?

Она изогнулась, балансируя ножом в пасти, и прыгнула на первый камень. Он был скользкий, но она уцепилась крепко. Второй камень был положе и удобнее. На нем она села, положив нож под передние лапы, и разглядывала третий, потому что он был закругленным и зеленым от водорослей. Хотя четвертый опять был плоский. Можно ли до него допрыгнуть отсюда? Она опять выгнулась, напряглась и прыгнула.

Задние лапы оказались в воде, а передними она пыталась за что-нибудь зацепиться. Острая боль пронзила ей хвост, она дернулась и выскочила из воды. В кончик хвоста ей вцепилась какая-то когтистая тварь, и Сара зарычала, махнула хвостом и подставила тварь под нож. Та мешком откатилась в реку.

Мокрая шерсть причиняла большие неудобства, но времени останавливаться, чтобы насухо себя вылизать, у нее не было. Теперь нужно было прыгнуть далеко и высоко, чтобы запрыгнуть на стену. Мокрая шерсть на спине стояла торчком, уши были прижаты к голове, а хвост мотался из стороны в сторону, когда она на затекших лапах стояла и смотрела вниз на то, что охраняла эта древняя стена.

Пауки в лесу были мерзкие, и она их сразу возненавидела, но здесь было что-то похуже — жаба в три раза больше, чем ее теперешний кошачий размер. Она неподвижно сидела в самой середине открытого пространства, но ее желтые глаза неподвижно таращились на Сару, и Сара испугалась ее больше, чем пауков.

Она дрожала, но совсем не от холодной воды. Эти глаза... они делались больше, больше, заполняя весь мир! Они были открытыми колодцами, в которые можно упасть!

Сара моргнула. Было темно, наступила ночь. Но желтые жабы глаза были настолько яркими, что могли осветить весь остров. Под ними раскрывался широкий рот.

Она постаралась сжаться насколько возможно, держа нож в зубах. Но жаба была такая огромная и сила ее взгляда держала на месте. Черный кнут языка промелькнул между громадными губами, прятаясь затащить ее в жадный рот. Но она прикоснулась к ножу и отпрянула.

Жаба задрожала, ее туша затряслась, рот закрылся. Потом у нее изо рта выпал круглый, сверкающий драгоценный камень, который откатился к подножью стены, на которой сидела Сара. Камень был прозрачный, как стекло, и в середине его Сара увидела кольцо из темного металла.

Кольцо! В этот момент ей пришлось решать. Она не могла нести кольцо и нож вместе. Если она возьмет в пасть талисман, то придется бросить ее единственное оружие.

Сара двигалась быстро, потому что боялась, что если долго будет раздумывать, то ей вообще ничего не удастся. Она бросила нож на жабу, и увидела, как он шлепнулся на широкую спину твари. Тварь закрутилась и задергалась, а потом опала, как мешок, из которого вышел воздух.

Сара прыгнула со стены и схватила драгоценный камень. Он плохо помещался в пасти, но она крепко держала его.

— Кар-р-р..., — черная птица, такая же как те, что следили за Сарой и лисом, спикировала вниз, выкрикивая боевой клич. Со страху Сара неслась с ужасной скоростью, в несколько прыжков преодолев камни через реку и заскочила в укрытие мертвого леса. Там она остановилась, пытаясь придумать какой-то план и боясь идти по кишашей пауками тропе без ножа.

Она положила голову между передних лап, и только тут вспомнила, что кольцо само по себе было железное, и могло ее защитить. Но сначала нужно было разбить стеклянную скорлупу.

Она бросила ее на камень, но та не разбилась. Она встала на него всем своим весом, но он лишь вдавился в землю и не сломался.

— Кар-р-р..., — одна из птиц прыгала на ветке прямо у нее над головой и ей ответили с воздуха. Сара опять схватила кольцо в пасть и побежала изо всех сил. На бегу она кусала свою ношу, надеясь, что острые кошачьи зубы прокусят скорлупу.

Одним прыжком она проскочила через мертвого паука-охранника на том месте, где ее поймали. Может ей удастся выбраться, если она будет вот так быстро бежать? Но в воздухе захлопали крылья и она почувствовала боль в одном ухе. Сара подползла к стволу дерева, где куча сухих веток скрыла и защитила ее от птиц. Нужно было сломать эту скорлупу, иначе она никогда не выберется из леса, в этом она была уверена.

Носом и передними лапами она положила шар на торчащий из земли камень и затем, найдя еще один камень, изо всей силы навалилась, слегка двигая его, так что скорлупа стиралась между двух камней. Она уже теряла надежду, когда с легким хлопком скорлупа исчезла. Лишь кучка пыли блестела на земле возле кольца.

Сара взяла кольцо в пасть и приготовилась бежать. Навверху раздался крик. Птицы поднимались в воздух и улетали. Уверенная в том, что теперь у нее есть шанс, Сара побежала, вначале не осознавая того, что происходит вокруг. Потому что она бежала и все вокруг менялось.

Шарообразные грибы уменьшались и рассыпались. Поднимался прохладный ветер, шелестел в хрупких ветвях, неся с собой сладостную свежесть. Когда она пробежала мимо озера, где лежала ящерица, вода не была больше темной и пенистой. Она сверкала и пузырилась, движимая заглохшим долгое время родником.

Когда Сара добежала до места, где она пролезла под стеной из паутины, она больше не встретила ничего похожего на эту мутную дрянь. Паутина висела лохмотьями, и ветер рвал ее на куски и уносил. Она легко выбежала на лунный свет и забралась по склону, где ее ждал лис.

Наверху она остановилась и оглянулась. Все засохшие деревья сгибались на ветру. Почти вся паутина исчезла. Сильные порывы ветра как-будто разметали все зло, которое там пряталось, снова подготавливая его для жизни. Она увидела, как гол свете луны поднялась стая птиц. Они летели кругами, издавая грубые крики.

Сара повернулась и побежала изо всех сил. Возможно, лес был теперь свободен от зла, но казалось, что у черных птиц еще остались силы охотиться.

Ворота лиса.

Перед Грегом было настоящее превращение, такое же великое, какое Сара видела в лесу. Деревня, на которой лежало проклятие ведьмы, вернулась к жизни. Ее жители, освобожденные от животных форм, занимались своими разрушенными домами. Двое из тех, которые пребывали в обличьи

волков, теперь стояли прямо, как хозяин и хозяйка башни, и почти насильно предлагая Грегу и его спутникам кров и еду, которая была в их распоряжении. Но когда они немного отдохнули, рыцарь Артура приказал им ехать дальше, и нетерпение Грега было также велико.

Хотя они выехали по темноте, они не потеряли дороги, потому что по мере того, как сгущалась мгла, рукоять большого меча, лежавшего у Грега поперек седла, засветилась ярким светом, который отражался и подпитывался таким же лучом от вилки-копья. И это освещало их путь так же хорошо, как если бы перед ними несли фонарь.

Куда вела горная дорога? Грег ступил на нее сквозь зеркало Мерлина, и не имел представления о том, куда она вела. Он заметил, что те, кто ехал рядом с ним, держали руки недалеко от рукоятей мечей и внимательно следили за вершинами гор по обеим сторонам дороги, словно опасаясь засады.

Они доехали до того места, где Грег провел ночь в пещере. Там пришлось слезть с лошадей и идти по-одному, ведя лошадей по неровному склону. Когда они снова оказались на ровной земле, у Грега почти не осталось сил, чтобы залезть обратно в седло.

— По коням, молодой господин! — поторопил его рыцарь Артура. — Время идет. Даже на запад и на восток могут напасть враги. А как Пендрагон поедет на битву без своего клинка? По коням, надо торопиться!

С трудом Грег подчинился и поехал дальше. Он клевал носом от усталости и не замечал, что рыцарь взял повод и вел лошадь, на которой он ехал. Но он быстро проснулся, когда рыцарь просигналил тревогу.

Взошла луна и высветила стоящее перед ними войско, молчаливый барьер поперек дороги. В середине были люди или твари, похожие на людей, а на флангах монстры. Весь ряд стоял, ошетилившись клинками дымного красного пламени на рыцарей Артура и самого Грега. Позади этой темной компании виднелся светящийся серебристый занавес — зеркало Мерлина?

— Вперед за Пендрагона! — главный рыцарь бросил клич и обнажил свое оружие.

Лошадь Грега, когда он ослабил поводья, начала двигаться в сторону вражеских линий. Мальчик услышал крики солдат Артура, стук копыт по дороге. Его лошадь напугалась и понесла галопом. Острия темного огня собирались перед Грегом

ужасающей стеной. Он плотно прижал Экскалибур к туловищу левой рукой, а правой поднял вилку-копье. И лунный свет, хотя тусклый и неяркий, сконцентрировался на ней, превратив ее в светящееся белым пламенем знамя. Темная стена перед ним зашаталась и отодвинулась. Грег метнул копье и шеренга врагов изогнулась подальше от нее, а его лошадь продолжала нестись галопом к туманному занавесу.

За занавесом Грег увидел мужчину верхом на одной из крылатых лошадей. Это был великан с золотистой бородой и в шлеме, на макушке которого был резной дракон с горящими глазами такого же красного цвета, как и плащ, закрывающий его спину и грудь. За ним стояла великая рать рыцарей и лучников под знаменем, которое развевалось на сильном ветру.

Бородатый мужчина повернулся к Грегу лицом и протянул руку жестом одновременно умоляющим и властным. Каким-то образом Грегу удалось собрать достаточно сил и, подняв Экскалибур обеими руками, он швырнул меч вверх и вперед. Гигантский клинок от конца до конца проскользнул через занавес. Потом, как будто притягиваемое магнитом, оно влетело в протянутую руку Артура Пендрагона. Трижды Хранитель Востока прокрутил меч над головой и знамя позади него приспустилось в салюте.

Лошадь Грега оказалась у кромки тумана, а его самого поглотил крутящийся туман. Издалека ему слышались крики, звон клинков, пение тетивы. Потом он скатился в траву, а когда открыл глаза, то ясно увидел в теплом полуденном солнце свежую зарубку на стволе дерева.

* * *

Эрик отпрянул от воды, в которую скатилось морское чудовище. Его первоначальный план провести ночь в пещере более не устраивал его. Больше всего ему хотелось вернуться на берег, как можно быстрее убраться с этого острова. Он спустил лодку, надеясь покинуть пещеру до того, как станет темно.

Он держал рог у себя на коленях, твердо решив не терять его снова, и греб ложкой, как веслом. На этот раз дорога по узкому проходу во внешнюю пещеру заняла у него гораздо больше времени, потому что он боялся порвать кожу покрывающую его судно о камни, и дюйм за дюймом полз, пока не увидел серый вечерний свет, отражающийся от воды впереди.

За шумом прибоя Эрик силился услышать другие звуки. Чудище во внутренней пещере могло оказаться не единственным в своем роде в этой округе. Эрик больше всего боялся, что кто-нибудь поднимется из глубин и нападет на его лодку.

Выйти в море оказалось труднее, чем попасть в пещеру. Тогда ему помогали волны, а теперь ему приходилось грести против них. Эрик так устал, что каждый раз, когда он поднимал ложку-весло, его плечи сводило от боли. Но в конце концов он победил, и с облегчением вздохнул, когда увидел отдаленную тень острова в открытом море позади себя.

Эрику казалось, что тень острова черным покровом доходит до берега, и его путь покрыт мраком. В небе у горизонта виднелись последние сполохи багрового заката, и в воздухе кружились и кричали морские птицы.

Они планировали вдоль берега на широко раскрытых крыльях, пролетая прямо над его головой. Конечно, среди них были и те, которые сидели на уступах скал и смотрели на его битву с гигантской птицей. А теперь они следовали за ним, как-будто часовые. Но для чего — для кого?

Любая волна раскачивала легкую лодку. Если бы что-то поднялось из глубин, то оно легко перевернуло бы ее. Нельзя об этом думать: на его счастье прибой нес лодку к берегу и грести было легче.

Минуты проходили, берег приближался и уверенность Эрика росла, поэтому он оказался не готов к несчастью, которое с ним все же произошло.

Лодка тихонько причалила и он выскочил в откатывающуюся волну, чтобы вытащить ее на берег. Хотя птицы казались ему врагами на острове, когда собрались посмотреть нападение гигантской птицы, теперь они казались друзьями, потому что когда Эрик выскочил на мокрый песок, стая, которая сопровождала его на берег, с криками полетела в сторону дюн, выкрикивая тот же клич, когда он прыгнул в гнездо.

Эрик быстро обернулся. Дюны колыхались там, где ветер выметал струящийся песок. Из этих распадков появились существа, ростом не выше его самого. Они двигались на перепончатых лапах, окуная его.

Их чешуйчатая кожа мокро блестела в последних лучах заката, перепутанные зеленые волосы свисали на глаза, ус-

тремленные на Эрика. Если они пройдут дальше, то опрокинут его обратно в море.

Он держал рог и ложку. Ложка встала между ним и гневом гигантской птицы, спасла его в битве в пещере с невидимым монстром.

Теперь ей нужно было расчистить дорогу сквозь эту толпу водяных. Он прoderнул строп рога через свой ремень, чтобы наверняка не потерять его.

Затем, держа ложку перед собой, Эрик двинулся вперед навстречу шеренге нападающих. Мгновенно он погрузил ложку в песок и швырнул его в глаза двум из существ и те отпрыгнули, отчаянно растирая глаза и вскрикивая высокими, тонкими как у морских птиц голосами. Но остальные приближались, и Эрик взмахнул ложкой. Она ударила одного водяного, который упал на своего соседа и уронил его.

Грег проскочил в открывшуюся таким образом брешь. Он пробежал в ложине между двух дюн, но перед ним оказался крутой склон третьей. Быстро взобраться по песчанному холму было трудной задачей, как вскоре обнаружил Эрик. В любой момент он ожидал, что его схватит за щиколотку и уронит перепончатая лапа. Но с болью под ребрами и колоотящимся сердцем он достиг вершины, опередив своих преследователей.

Его пыталась схватить зеленая лапа, и вслед за вожаком собиралась остальная стая. Их крики оглушили его, он плохо соображал. Теперь они окружили подножие дюны и надвигались со всех сторон. Эрик не видел пути к спасению.

Он рубанул по первой лапе ложкой и вожак откатился назад. Потом, не придумав ничего лучше, он метнул ложку в нападающих и приложил к губам рог и дунул изо всей оставшейся в нем силы.

Звук прозвучал как гром. Зеленые водяные замерли, затем с воем бросились на него. Но перед ним висел блестящий серый занавес и Эрик в отчаянии прыгнул вперед.

На продуваемом ветром склоне холма он оказался лицом к лицу с Хуоном, который гордо стоял в серебряных доспехах, зеленом плаще и шлеме. За ним стояли рыцари и лучники из Каэр Сидди, и над их головами развевалось знамя, которое было на башне замка.

Хотя Эрику казалось, что он надежно привязал рог, теперь он выскочил, повиснув в воздухе. Хуон схватил его. Одной рукой он отдал Эрику честь, а другой поднял рог к губам.

Раздался еще один раскалывающий небеса звук и Эрика подняло им, или ветром, или какой-то другой силой, и унесло прочь.

Задыхаясь, он оперся о дерево. А перед ним на земле, такой же грязный и усталый, лежал Грег.

* * *

— Кар-р-р...

Сара прыгнула вперед, но ее хвост задело крыло. Она крепко держала во рту кольцо и летела изо всех сил в сторону звезды в кругу, где ее должен ждать лис. Теперь черные птицы нападали на нее непрерывно, и она боялась их острых когтей и клювов.

— Сюда! Сюда, — для человеческого слуха это показалось бы возбужденным таяканьем лисицы, но для Сары это была надежда на спасение. Большим рыжим туловищем лесной провожатый прикрыл ее со всех сторон и зарычал на птиц. Но их оказалось не так легко отогнать.

Вновь Сара почувствовала острую боль, когда коготь разорвал ей ухо. Она хотела закричать от гнева, но вспомнила о кольце, которое держала в пасти и побежала дальше. Она бежала медленнее, в горле у нее пересохло, в груди болело. Но вот она звезда в круге!

Лис прыгал в воздухе, сражаясь с птицами. В разные стороны летели черные перья. Ее провожатый схватил одну из птиц поперек туловища и она обмякла. Но остальные пронесли мимо него к Саре. Она встала на задних лапах, нанося удары выпущенными когтями. Потом одним большим прыжком она оказалась около корзины в центре звезды.

Лис залаял и птицы взмыли, и летали над головой.

— Кольцо! Кольцо тебя превратит!

Сара раскрыла рот и кольцо выпало на крышку корзины.

— Прикоснись к нему и загадай желание! — лис метался назад-вперед за пределами круга.

Сара подняла стертую лапу и поставила ее на железное колечко.

— Хочу снова быть собой, — мяукнула она.

Шерсть на обратной стороне ее лапы постепенно исчезла, подушечки превратились в пальцы. Потом, через несколько секунд, она вновь стала настоящей Сарой, внутри и снаружи, с расцарапанной щекой и такая усталая, что почти не могла шевелиться.

Лис твякнул еще раз, но на этот раз она не поняла его. Он кивал на тропинку так, что ошибки быть не могло, и она с трудом поднялась на ноги. Кольцо! Оно лежало на крышке корзины. Она подняла его и надела на палец, сжав руку в кулак для надежности. Потом она повесила на руку корзину и отправилась за лисом.

Птицы отступили в том момент, когда Сара воспользовалась силой кольца. И хотя она до сих пор слышала их хриплые крики, они больше не нападали. Но она слишком устала, чтобы идти далеко.

Лис не пошел с ней по лесной тропе. Вместо этого он проскользнул между деревьев, ободряюще твякая и скуля, словно побуждая ее идти дальше.

Они вышли на открытое место в лесу, где Сара могла заглянуть сквозь обрамление ветвей, как через окошечко. Она не очень удивилась, когда увидела за ветками комнату с зеркалом, в которой ветер шелестел висевшей на стенах тканью.

Лицом к ней стоял Мерлин. Он улыбнулся, кивнул головой и протянул руку, ладонью вверх. Сара стянула холодное кольцо с пальца, довольная, что избавилась от него. Она бросила его сквозь ветви и увидела, как Мерлин поймал его и сжал в кулаке. Потом окно в комнату исчезло и на его месте возник просто лес, в котором под деревьями сидели Эрик и Грег, выглядывшие так, как будто дрались с кем-то не на жизнь, а на смерть.

— Грег! Эрик! — Сара ломилась через кусты. Она бросила корзину и схватилась за своих братьев, чтобы убедиться, что они на самом деле есть и они действительно опять все вместе.

— Сара! — оба мальчишки крепко держали ее за руки. Сзади раздалось резкое твяканье. Лис последовал за ней, и теперь сосредоточенно куда-то бежал, призывно оглядываясь через плечо.

Сара так привыкла подчиняться этому жесту, что освободила руки и подняла корзину.

— Идем!

Некоторое время они плелись между деревьями, пока перед ними не оказалась каменная арка, на несколько дюймов заросшая зеленым мхом, наверху которой была установлена высеченная из камня маска лиса.

— Ворота! — Эрик кинулся вперед. — Теперь мы сможем вернуться...

Сара повернулась к лису и протянула руку. Большой зверь подошел к ней и на мгновение ее пальцы легли на его гордую голову. Затем он нетерпеливо твякнул и Грег потащил Сару за руку.

Но пройти через ворота им не удалось. Никакого заграждения не было видно, но между ними и их миром стояла невидимая стена.

— В чем дело? — Эрик вскинул голову, его лицо покраснелось, он громко кричал на деревья вокруг них. — Мы вернули ваши талисманы, так? Открывайте же ворота! Немедленно!

Сара посмотрела на Грега и у нее задрожали губы. Она была почти так же напугана, как тогда, в этом страшном лесу среди пауков. Им что, никогда не удастся покинуть Авалон? Это было шикарное приключение, но она хотела, чтобы оно закончилось — немедленно!

— Открывай! — Эрик прицелился кулаком в промежуток между каменными столбами, но его рука отскочила от невидимой поверхности.

Затем, в стороне от них, возникло серебристое мерцание. Сара схватила Грега за руку. Эрик отпрянул. Высокий столб распался на множество блестящих маленьких искр и перед ними стоял Мерлин.

На его одеянии плясали и изгибались красные линии, более яркие чем раньше, и на указательном пальце поднятой руки было кольцо.

Сара посмотрела на кольцо, когда сказала:

— Мы хотим домой.

— Холодное железо — властелин, — ответил он ей. — Вы оставили то, что не принадлежит Авалону, и оно не пускает вас за ворота.

— Вилка! — вскричал Грег. — Я потерял ее, когда мы сражались, чтобы добраться до короля Артура там, на горной дороге!

— И ложка, — вступил Эрик. — Я бросил ее на дюне, там где были водяные.

— Я бросила ножом в жабу, — добавила Сара. — Значит, нам теперь придется идти обратно и искать их?

— Железо, холодное железо, ответь железу и твоему властителю! — Мерлин повернул кольцо у себя на пальце.

Раздался чуть слышный звон и у его ног легли вилка, ложка и нож, опять своего обычного размера. Мерлин поманил пальцем Грегa и мальчик поднял вилку.

— Железный дух, железное мужество — вот что сделает тебя хозяином тьмы и того, что в ней — тьмы снаружи, тьмы внутри.

Потом Мерлин показал пальцем на Эрика, который поднял ложку.

— Железный дух, железное мужество — против страхов внутри и страхов снаружи, чтобы более не знать волн и пузырей страха.

Теперь пришла очередь Сары и когда ее пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа, она услышала, как голос Мерлина тепло пообещал ей:

— Железный дух, железное мужество, хозяйка страхов, которые скользят, ползут или бегут на многих ногах!

— Сэр, — Грег стоял и вертел вилку в руках, — а как же насчет битвы? Победят ли король Артур и Хуон?

— Она уже отбросила врага достаточно далеко. В этот раз Авалон удержится — и победит! А теперь..., — он помахал рукой с кольцом в сторону ворот. — Я заклинаю вас, отправляйтесь в путь, и возьмите с собой холодное железо. Также помните, Авалон благодарит, и Авалон помнит о своих. Потому что вы теперь часть его, что со временем может оказаться для вас большим, чем вы сейчас догадываетесь. Ворота открыты. Идите!

Сара побежала, Грег и Эрик бежали по обе стороны от нее, вокруг них закрутился туман и они снова оказались во дворе миниатюрного замка.

— Дверь исчезла!

Когда Эрик закричал, двое других обернулись. Все камни, которые они вытащили, были уложены обратно на место. И снова ползучие растения свили свой зеленый покров. На самом ли деле все это случилось с ними?

Но у Грегa в руках была вилка, Эрик держал ложку, а Сара сжимала нож и корзину.

— Железная, — начал Грег, и поправился, — стальная магия.

Паук, очень большой и черный, выбежал из дикого винограда и прошмыгнул по мостовой возле ног Сары. Не вздрогнув, она смотрела как тот побежал и, наполовину про себя, повторила:

— Против страхов, которые скользят, ползут или бегут на многих ногах.

Она снова посмотрела на паука. Ну, это существо не шло ни в какое сравнение с теми, с которыми она боролась в затянутом паутиной лесу, нечего бояться. Это же просто букашка. Железный дух, железное мужество. Теперь она не испугается даже самого большого паука в саду. Может быть, у Грега и Эрика еще не было времени испробовать их железное мужество, но она была уверена, что у них это тоже работает, и им даже не придется носить с собой вилку или ложку, чтобы доказать это.

— Эй! — Грег был впереди их на гравийной косе, ведущей на берег. — Слышите? — он демонстративно пнул камешек в озеро — вода предназначалась для питья, стирки и купания. Вода — это просто вода.

Свист — повелительный сигнал дядюшки Мака.

— Идем, — ответила Сара, крепко сжимая корзину, и побежала вслед за братьями.

КОЛДОВСКОЙ МИР

Часть 1. САЛКАРКИП

Глава 1. Камень

Дождь косым занавесом закрывал грязные улицы, смывая копоть с городских стен, и вкус этой копоты ощущал высокий худощавый человек, большими шагами шедший вдоль домов, напряженно всматриваясь в подъезды и переулки.

Два часа назад, а может, и три, Симон Трегарт вышел из здания вокзала. У него больше не было причин следить за временем. Время потеряло всякое значение, а он — цель. Как преследуемый, бегущий, скрывающийся. Но, впрочем он не скрывался. Он шел открыто, настороженный, готовый ко всему, расправив плечи и высоко подняв голову.

В первые дни бегства, когда перед ним забрежжила надежда, он использовал звериную хитрость, каждый трюк, которому успел научиться, петлял и путал следы, им правили часы и минуты. Теперь он шел неторопясь и будет идти, пока смерть, таящаяся в одном из подъездов, в засаде в каком-нибудь переулке, не встанет перед ним. И уже тогда он пустит в ход свои «клыки». Сунув правую руку в карман влажного пальто, Симон нащупал эти «клыки» — гладкое, ровное, смертоносное оружие, так легко легшее ему в руку, словно оно было частью его тела.

Безвкусовые красно-желтые неоновые огни реклам отражались в залитом водой тротуаре: знакомство Симона с этим городом ограничивалось двумя-тремя отелями в центре и несколькими ресторанами, магазинчиками — всем тем, что обычный путешественник узнает за два посещения, разделенных полдужиной лет. Симон был вынужден держаться открытых мест: он был убежден, что конец охоты наступит сегодня вечером или завтра утром.

Он понял, что устал. Без сна, подгоняемый необходимостью все время идти вперед, он замедлил шаг перед освещенным входом, прочел надпись на навесе. Швейцар распахнул дверь, человек под дождем принял это за приглашение, ощутив тело и запах пищи.

Должно быть, плохая погода обескуражила хозяев. По этому швейцар и впустил его так быстро. А может, покрой хорошего дорогого костюма, защищенного от сырости пальто, едва заметное естественное высокомерие, свойственное человеку, привыкшему командовать и встречать в ответ подчинение, все это обеспечило ему хороший столик и быстро подошедшего официанта.

Симон сухо улыбался, пробегая по строчкам меню. Обреченный получит хороший ужин. Его отражение, искаженное полированным боком сахарницы, улыбнулось ему в ответ. Длинное лицо с правильными чертами, с морщинками у глаз и губ, загорелое, обветренное лицо человека без возраста. Оно могло быть таким и в 25 и в 60 лет.

Симон ел медленно, наслаждаясь каждым глотком, впитывая тепло и комфорт, и пытаясь расслабить, если не мозг и нервы, то хотя бы тело. Но расслабленность объяснялась не ложной храбростью. Это был конец, и Симон это хорошо понимал.

— Простите...

Вилка с куском мяса, которую он подносил к губам, не остановилась. Но, несмотря на полное самообладание, Симон почувствовал, как дрогнули его веки. Он прожевал и ответил ровным голосом:

— Да?

Человек, вежливо ожидавший у его столика, мог быть маклером, адвокатом, врачом. У него было профессиональное умение вызывать доверие у собеседника. Симон ожидал совсем не этого: человек был слишком респектабелен, вежлив и приятен, чтобы оказаться смертью... Хотя у организации множество слуг в самых различных сферах.

— Полковник Симон Трегарт?

Симон разломил булочку.

— Симон Трегарт, но не полковник, — поправил он и добавил, — как вам об этом отлично известно.

Собеседник казался несколько удивленным — он улыбнулся гладкой, спокойной и профессиональной улыбкой.

— Как бестактно с моей стороны. Но позвольте сразу же заметить — я не член организации. Наоборот, я ваш друг, если вы пожелаете, конечно. Позвольте представиться — доктор Джордж Петрониус. Могу добавить — к вашим услугам.

Симон моргнул. Он считал, что будущее ему хорошо известно, но на такую встречу не рассчитывал. Впервые, за последние дни, в нем шевельнулось нечто, похожее на надежду.

Ему не пришло в голову усомниться в личности этого человека, смотревшего на него сквозь сильные очки в необычно тяжелой и широкой пластиковой оправе, напоминавшей маску восемнадцатого века. Доктор Джордж Петрониус был хорошо известен в том полускрытом мире, в котором Симон провел свои последние несколько лет. Если ты «сгорел» и у тебя, к счастью, достаточно монет, иди к Петрониусу. Тех, кто так поступил, никогда не находил закон и жаждущие отомстить коллеги.

— Сэмми в городе, — продолжал четкий, с легким акцентом, голос.

Симон с видом знатока пригубил вино.

— Сэмми? — в его голосе звучала та же бесстрастность, что и у собеседника. — Я польщен.

— О, у вас есть определенная репутация, Трегарт, за вами организация пустила своих лучших псов. Но после того, как вы управились с Кочевым и Лэмисоном, остается только Сэмми. Но Сэмми очень отличается от других. А вы — простите мое вмешательство в ваши личные дела — уже довольно долго скрываетесь. В такой ситуации ваша рука не становится крепче.

Симон рассмеялся. Он наслаждался едой, питьем, даже легкими уколами доктора Петрониуса. Но настороженность не оставляла его ни на минуту.

— Итак, моя рука нуждается в укреплении. Что же вы рекомендуете, доктор, в качестве лекарства?

— Мою помощь.

Симон поставил бокал. Красная капля сползла по нему и впиталась в скатерть.

— Мне говорили, что ваши услуги обходятся довольно дорого, доктор.

Маленький человек рассмеялся.

— Естественно. Но взамен я гарантирую полное спасение. Доверившиеся мне получают вполне достаточно за свои доллары. Жалоб не поступало.

— К сожалению, я не могу воспользоваться вашими услугами.

— Истратили за последнее время свои запасы? Конечно. Но ведь из Сан Педро вы уехали с двадцатью тысячами. Та-

кую сумму невозможно истратить за столь короткое время. А если вы встретитесь с Сэмми, все оставшееся вернется к Хансону.

Симон сжал губы. На мгновение он выглядел так угрожающе, как-будто перед ним стоял сам Сэмми.

— Почему вы следили за мной... и как?

— Почему? — Петрониус пожал плечами. — Об этом вы узнаете позже. Я некоторым образом ученый, исследователь, экспериментатор. А насчет того, как я узнал, что вы в городе и нуждаетесь в моих услугах... Трегарт, вы не представляете себе, как распространяются слухи. Вы меченный человек, и к тому же — опасный. За вашим появлением следят. Жаль только, что вы честны.

Симон сжал кулаки.

— После моих действий за последние семь лет вы навешиваете на меня такой ярлык?

На этот раз рассмеялся Петрониус, и захихикал, приглашая собеседника оценить юмор ситуации.

— Но честность имеет мало общего с требованиями закона, Трегарт. Если бы вы не были честны, если бы у вас не было идеалов, вы не столкнулись бы с Хансоном. Я хорошо изучил Вас и знаю, что вы созрели. Идем?

Симон обнаружил, что оплатив счет, он следует за доктором Петрониусом. У обочины их ждала машина, но доктор не назвал шоферу адрес, когда машина двинулась в ночь и дождь.

— Симон Трегарт, — голос Петрониуса был бесстрастен, словно он цитировал запись, интересную только для него, — Корнуэльского происхождения. 10 марта 1939 года вступил в армию США. Продвинулся по службе от сержанта до полковника. Служил в оккупационных войсках. Отстранен от должности, лишен звания и заключен в тюрьму. За что, полковник? Ах да, за связи с «черным» рынком. Только, к несчастью, полковник очень долго не подозревал об этих своих преступных связях... и именно это поставило вас по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? Поменяв имя, вы решили, что можно продолжать ту же игру?

После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных предприятиях, пока не оказались настолько неразумны, что столкнулись с Хансоном. Вы невезучий человек, Трегарт. Будем надеяться, что сегодня Ваша судьба изменится.

— Куда мы направляемся? В порт?

Он снова услышал хихиканье.

— В нижнюю часть города, но не к гавани. Мои клиенты уезжают, но не по морю, воздуху или земле. Много ли вы знаете о традициях своих предков, Трегарт?

— Я никогда не слышал о традициях в Матачеме, штат Пенсильвания.

— Меня не интересует шахтерский городишко на этом континенте. Я говорю о Корнуэльсе, который гораздо старше..

— Мои предки из Корнуэльса. Но я лично ничего не знаю о них.

— У вас чистокровная семья, а Корнуэльс очень стар. В легендах он объединяется с Уэльсом. Здесь известен Артур, и римляне в Британии теснились в его пределах, когда их рубили топоры саксов. А до римлян здесь жили другие, многие народы, обладающие странными знаниями. Вы доставите мне большое удовольствие, - последовала странная пауза, как-будто доктор ждал вопроса и, когда его не последовало, продолжал, — Я хочу познакомить вас с одной древней традицией, полковник. Очень интересный эксперимент. А вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею. Петрониус открыл дверь.

— В этом единственное неудобство моего дома, Трегарт. Аллея слишком узка для машины. Придется идти пешком.

Симон посмотрел на темный вход, гадая, не привез ли его доктор к месту убийства. Не ждет ли его здесь Сэмми? Но Петрониус включил фонарик и водил его лучом, пока Симон не вышел из машины.

— Всего несколько метров, уверяю вас. Идите за мной.

Аллея действительно оказалась короткой. Между высокими зданиями стоял маленький домик.

— Анахронизм, Трегарт, — доктор достал ключ. — Ферма восемнадцатого столетия в сердце большого города. Входите пожалуйста. Здесь всегда чувствуются призраки прошлого.

Позже, сидя перед открытым огнем и держа в руке приготовленный хозяином коктейль, Симон решил, что упоминание о призраках очень соответствует действительности. Доктору не хватало лишь заостренного колпака на голове и меча на боку, чтобы завершить иллюзию переноса во времени.

— Куда я отсюда отправлюсь? — спросил Симон.

Доктор пошевелил кочергой дрова в камине.

— Вы уйдете на рассвете, полковник, как я и обещал — свободным. А вот куда, — тут он улыбнулся, — это мы еще посмотрим.

— Зачем же ждать рассвета?

Как бы вынужденный сказать больше, чем собирался, доктор поставил кочергу, вытер руки платком и посмотрел прямо в глаза Симону.

— Потому что ваша дверь откроется только на рассвете — именно ваша. Вероятно, вы будете смеяться над моим рассказом, Трегарт, пока собственными глазами не увидите доказательства. Что вы знаете о менгирах?

Странно, но Симон почувствовал удовлетворение от того, что может ответить на этот вопрос. Доктор явно не ожидал этого.

— Это камни. Доисторические люди ставили их кругом. В Стоунхедже, например.

— Ставили кругом. Но эти камни использовались и по-другому, — теперь доктор говорил серьезно и требовал внимания от слушателя. — В старых легендах упоминаются камни, обладающие большой силой.

Лиа Фэйл из Туата де Дамани в Ирландии... Когда подлинный король ступал на него, то камень издавал громкий крик в его честь. Это был коронационный камень древней расы — одно из трех ее великих сокровищ. А разве до сих пор английские короли не держат под своим троном камень Скоун?

Но в Корнуэльсе был еще один камень власти — Сидж Перилос - «Сидение опасности». Говорили, что этот камень способен оценить человека, определить, на что тот способен, и предоставить его судьбе. Артур, при помощи Мерлина, открыл силу этого камня и поместил его среди сидений Круглого Стола. Шесть рыцарей пытались сесть на него — и исчезли. Потом пришли двое, знавшие его тайну. Они остались — Персиваль и Галахед.

— Послушайте, — Симон был жестоко разочарован, особенно потому, что у него появилась надежда. Петрониус свихнулся и выхода нет. — Артур и Круглый Стол — сказки для детей. Вы говорите так, будто...

— Будто это подлинная история? — подхватил Петрониус. Но кто скажет, что — подлинная история, а что — нет? Каждое слово из прошлого доходит до нас, сокращенное и

искаженное обучением, предрассудками, даже физическим состоянием летописца, записавшим его для будущих поколений. Традицию создает история, но разве традиция совпадает с истиной? Как может быть искажена истина, даже за одно поколение? Вы сами исказили свою жизнь ложными показаниями. Но эти показания записаны и теперь стали историей, хотя и неверны. История записывается человеком и обременена всеми его ошибками. Как можно утверждать, что этот факт вымышленный, а этот — правдив, и знать, что ты не ошибаешься? В легендах много правды, а в истории немало лжи. Я знаю это, потому что Сидж Перилос существует!

Существуют теории, чуждые здравому смыслу, но мы о них не знаем. Слышали ли вы о параллельных мирах, расходящихся после определенного момента? В одном из таких миров, полковник Трегарт, вы, возможно, не отвели взгляда в ту ночь в Берлине. В другом вы не встретились со мной, а отправились прямо на свидание с Сэмми.

Доктор раскачивался на пятках, как-будто под действием собственных слов и веры. И Симон, вопреки себе, почувствовал прилив энтузиазма.

— Какую же из этих теорий вы хотите применить к моему случаю, доктор?

Доктор снова облегченно рассмеялся.

— Немного терпения. Выслушайте меня, не считайте сумасшедшим, и я объясню, — он перевел взгляд с ручных часов на стенные. — У нас есть еще несколько часов. Итак...

И маленький человек начал рассказ, звучавший, как бессмыслица. Симон послушно молчал. Тепло, выпивка, возможность отдохнуть — этого было вполне достаточно. Позже все равно придется встретиться с Сэмми, но пока он отодвинул эту мысль в глубину мозга и сосредоточился на словах доктора.

Послышался мелодичный звук старинных часов. Еще три раза звонили они прежде, чем доктор закончил свой рассказ. Симон вздохнул, подчинившись этому потоку слов. Если бы только это была правда... Но у Петрониуса есть репутация. Симон расстегнул куртку и достал бумажник.

Я знаю, что с тех пор, как Сакарси и Вольверстейн встретились с вами, о них никто не слышал, — согласился он.

— Конечно, потому что они ушли в свою дверь. Они нашли тот мир, который всю жизнь подсознательно искали. Я уже говорил вам. Когда садишься на камень, перед тобой от-

крывается дверь в мир, в котором ты дома. И ты отправляешься туда искать счастья.

— Почему же вы не попытались сами? — Симону это казалось самым слабым местом во всем рассказе. Если доктор обладает ключом от такой двери, то почему не использовал его сам?

— Почему? — доктор взглянул на свои пухлые руки, лежащие на коленях. — Потому что возврата нет. Только человек в отчаянном положении выбирает такой выход. В этом мире мы считаем, что сами контролируем свои поступки, определяем решения. Этот выбор не может быть изменен. Я много говорю, но все же не могу подобрать слов, чтобы выразить все, что я чувствую. Было много хранителей этого камня, и лишь немногие использовали его для себя. Может быть... однажды... но у меня не хватает храбрости.

— И вы продаете свои услуги преследуемым? Что ж, это тоже способ зарабатывать на жизнь. Интересно было бы почитать список ваших клиентов.

— Верно. Моей помощью пользовались многие известные люди. Особенно в конце войны. Вы не поверите, кто обращался ко мне после того, как от него отвернулось счастье.

Симон кивнул.

— Много известных военных преступников так и не найдено, — заметил он. — И странные, должно быть, миры открывает вам камень, если, конечно, все это — правда, — он встал и потянулся. Потом подошел к столу и пересчитал деньги. Старые, грязные, будто на них перешла часть грязи от дел, в которых они побывали. В руке у него осталась одна монета. Симон подбросил ее в воздух и она, звеня и подпрыгивая, покатилась по полированному дереву. Симон взглянул на нее и сказал:

— Возьму с собой.

— На счастье? — доктор тщательно пересчитывал банкноты, укладывая их в пачку. — Не очень полагайтесь на него: у человека не может быть слишком много счастья. А теперь, хотя мне и не хочется торопить уважаемого гостя, пора, так как власть камня ограничена. Важнее всего нужный момент. Сюда, пожалуйста.

Симон подумал, что доктор с таким видом мог бы пригласить его в кабинет дантиста или на встречу с сенатором. Как глупо, что он идет за ним.

Дождь прекратился, но в каменном ящике за старым домом было по-прежнему темно. Петрониус щелкнул выключателем, и из-за двери блеснул свет. Три серых камня образовывали арку выше головы Симона, всего на несколько дюймов. А перед аркой лежал четвертый камень, неполированный, в форме грубого параллелепипеда. За аркой виднелась деревянная изгородь, высокая, некрашенная, прогнувшаяся от времени, выпачканная городской грязью. Фут или два голой земли — и ничего больше.

Симон стоял, внутренне смеясь над собой за то, что на мгновение поверил в эту ерунду. Пора появиться Сэмми, а Петрониус получит свою настоящую плату.

Доктор указал на камень.

— Это Сидж Перилос. Садитесь, полковник, пора.

Симон угрюмо, без улыбки, подчеркивая собственную глупость, подошел к камню и остановился под аркой. Круглое углубление в камне соответствовало ногам. С каким-то странным предчувствием Симон положил руки. Так и есть — два меньших углубления для ладоней.

Ничего не случилось. Осталась деревянная изгородь, полоска грязной земли. Он уже собирался встать, когда...

— Сейчас, — голос доктора звучал напряженно.

За аркой все завертелось, растаяло. Симон смотрел на болотистую местность под серым предрассветным небом. Свежий ветер, несущий странный бодрящий запах, шевельнул его волосы. Что-то в нем распрямилось.

— Ваш мир, полковник. Желаю вам всего наилучшего!

Симон отсутствующе кивнул, больше не интересуясь маленьким человеком. Может это иллюзия, но она влекла его больше всего в жизни. Не говоря ни слова, Симон встал и пошел под аркой.

На мгновение он почувствовал страх. Он даже представить себе не мог, что такой страх возможен. Он причинял физическую боль. Как-будто Вселенная резко раскололась и увлекла его в ничто. И тут же он растянулся, уткнувшись лицом в жесткую траву.

Глава 2. Охота на болотах.

Рассвет не означал восхода солнца, потому что в воздухе висел густой туман. Симон встал и огляделся. Два грубых

столба из красноватого камня, но за ними — не городской мир, а все тоже серо-зеленое болото, уходящее в туман. Петрониус был прав: этот мир ему неизвестен.

Симон дрожал в своем теплом пальто. У него не было шляпы, волосы намокли, и вода стекала с них за шиворот. Нужно убежище — хоть какая-то щель. Симон медленно огляделся. До самого горизонта — ни одного здания. Пожав плечами, он пошел прямо от каменных столбов: это направление ничем не хуже других.

Он шел по влажной почве, небо светлело, туман рассеивался и характер местности медленно менялся. Виднелось больше выходов на поверхность красноватого камня, появились подъемы и спуски. На горизонте появилась ломаная линия, означавшая приближение гор. Впрочем, далеко ли до них, Симон не мог определить. Прошло уже много часов с тех пор, как он ел в городе в последний раз. Симон на ходу сорвал лист с куста, пожевал, ощутил острый, но приятный аромат. И тут он услышал шум охоты.

Несколько раз прозвучал рог, ему ответил резкий приглушенный крик. Симон пошел быстрее. Остановившись на краю оврага, он понял, что шум доносится с другого края этого оврага, и пошел в том направлении. С осторожностью, выработанной годами службы в отрядах коммандос, он выглянул между двух деревьев.

Первой, из зарослей кустарников на противоположном краю оврага, показалась женщина. Она бежала ровно, как опытный бегун, пробежавший большое расстояние и знавший, что еще много предстоит бежать. На краю узкой долины она оглянулась.

На фоне серо-зеленой растительности ее стройное тело, едва прикрытое обрывками одежды, казалось пятнистым от лучей рассвета. Нетерпеливым жестом она отбросила назад длинные пряди черных волос, провела руками по лицу, а потом осторожно начала спускаться, отыскивая тропу вниз.

Снова прозвучал рог, ему ответил лай. Женщина вдрогнула, и Симон встал, неожиданно поняв, что в этой охоте она является добычей.

Он снова опустился на одно колено, когда женщина дернула платье, отцепляя его от ветки. От толчка она потеряла равновесие и упала через край оврага. Даже сейчас она не закричала, хватаясь руками за ветки куста. Ветки выдержали. Когда она попыталась ногами нащупать опору, появились

собаки. Это были тощие белые животные: их долговязые тела казались лишенными костей, когда они, изгибаясь, остановились на краю оврага. Устремив заостренные морды вниз, они издали торжествующий визг.

Женщина изгибалась всем телом, стараясь нащупать опору, чтобы удержаться и опуститься вниз, на дно оврага. Может, это ей и удалось бы, если бы не появились охотники.

Они ехали верхом. Тот, у которого на шнурке висел рог, остался в седле, а другой спешился и быстро подошел к краю, отпихивая в сторону собак. Увидев женщину, он положил руку на кобуру, висевшую у него на поясе.

В свою очередь, увидев его, женщина прекратила попытки найти опору и, вися на кусте, подняла вверх спокойное, лишенное выражения лицо. Охотник улыбнулся, достал оружие, очевидно, наслаждаясь беспомощностью жертвы.

И тут же пуля из пистолета Симона ударила его в грудь. Он с криком упал с обрыва.

Прежде, чем замерли крики и эхо выстрела, второй всадник укрылся, и Симон понял, что встретился с серьезным противником. Собаки бешено прыгали, наполняя воздух отчаянным лаем.

Женщина сделала последнее усилие и нашла опору в откосе оврага. Она принялась быстро спускаться, укрываясь за кустами и скалами. Симон увидел мгновенное движение. В двух метрах от того места, где он лежал, вонзившись острием в землю, дрожала маленькая стрела. Второй охотник принял бой.

Десять лет назад, Симон почти ежедневно играл в такие игры, наслаждаясь ими. И он обнаружил, что навыки, полученные мышцами и телом, не утрачены. Симон плотнее вжался в траву. Собаки устали, некоторые легли на землю, тяжело дыша. Теперь дело в терпении, а его у Симона было в избытке. Он увидел движение в кустарнике и выстрелил. В ответ послышался крик.

Немного спустя, встревоженный треском ветвей, он пополз к краю оврага и лицом к лицу столкнулся с женщиной. Темные глаза на треугольном лице, смотрели на него с таким интересом, что он был несколько обескуражен. Схватив ее за плечо, он помог ей выбраться наверх. И тут же ощутил опасность, отчаянную необходимость уходить по болоту. Безопасно лишь за краем болота, в направлении, противоположном тому, откуда он пришел.

Это чувство было настолько сильным, что Симон прополз между кустами и побежал рядом с женщиной, примериваясь к ее ровному и быстрому бегу. Лай собак постепенно утихал вдали.

Хотя она, должно быть, пробежала много миль, держаться рядом с ней оказалось нелегко. Наконец, болото начало уступать место небольшим прудам, заросшим тростником. Здесь до них снова донесся отдаленный звук рога. Женщина рассмеялась, взглянув на Симона, как бы приглашая его тоже посмеяться какой-то шутке. Она указала вперед, на полосу прудов: ее жест свидетельствовал, что там спасение.

Примерно в четверти мили перед ними, поперек дороги, клубился туман. Симон всматривался в него. Возможно, там спасение, но туман как-будто вытекал из какого-то источника.

Женщина подняла правую руку. Из широкого металлического браслета сверкнул луч, направленный в туман. Другой рукой она приказала Симону не двигаться. Симон всматривался в туманный занавес, почти уверенный, что видит какие-то движущиеся фигуры.

Впереди послышался крик. Слова были непонятны, но по тону было ясно, что это вопрос. Спутница Симона ответила несколькими словами. Услышав ответ, она повернулась. Потом взяла себя в руки и взглянула на Симона. Он взял ее протянутую руку, догадываясь, что им отказали в помощи.

— Что теперь? — спросил он. Слова бы ли ей незнакомы, но он был уверен, что она поняла вопрос.

Женщина облизала кончик пальца и подняла руку, подставив ее ветру. Ветер сдувал с ее лица темные локоны. Стал виден кровоподтек на щеке. Все еще держа Симона за руку, она потянула влево: они побежали через дурно пахнущие лужи, тина расступалась перед ними, липла к намокшим брюкам и ногам. Так они добрались до края болота, а туман двигался параллельно, закрывая их стеной. Симон ощущал сильный голод, мокрые ботинки натерли ноги. Но звуков рога больше не было слышно. Должно быть, они сбили собак со следа.

Пробравшись через гущу тростника, они оказались на краю более возвышенной местности. Перед ними была дорога, почти тропа. Идти по ней было гораздо легче.

Должно быть, было уже далеко за полдень, хотя в этом сером свете трудно было определить время, когда дорога на-

чала подниматься. Впереди показалась каменная стена. Красноватый камень поднимался почти вертикально и походил на искусственное укрепление. В стене виднелась брешь. В нее уходила дорога.

Они почти добрались до этой стены, когда счастье отвернулось от них. Из травы, рядом с дорогой, выбежало маленькое черное животное, пробежав рядом с женщиной. Она потеряла равновесие и упала на утопанную глину. Она вскрикнула и схватилась за правую лодыжку. Симон отвел ее руку и осмотрел рану. Женщина закусила губу: было ясно, что идти она не сможет. И тут снова послышался рог.

Симон подбежал к щели в стене. За ней расстелалась равнина, спускающаяся к реке. Ни одного укрытия, кроме этого каменного выроста. На много миль не было видно ничего, выступающего на ровной поверхности. Симон повернулся к стене и внимательно ее осмотрел. Сбросил пальто и поискал опору. Несколько секунд спустя он поднялся на карниз, еле заметный снизу. Можно было попытаться отсидеться здесь.

Пока Симон спускался, женщина ползком приближалась к нему. Объединив отчаянные усилия, они добрались до карниза и прижались друг к другу. Симон ощутил на своем лице горячее дыхание женщины. Повернувшись, он посмотрел на тропу, по которой они пришли.

Под ударами ветра полуобнаженное тело женщины дрожало. Симон подобрал свое пальто и укрыл им женщину. Та улыбнулась, и Симон увидел, что ее губы рассечены недавними ударами. Он решил, что она некрасива — слишком худая и бледна. Хотя почти все ее тело было обнажено, он не чувствовал к ней влечения. И тут же ему стало ясно, что женщина каким-то образом поняла его мысль, которая ее позабавила.

Она подползла к краю карниза: теперь они лежали плечо к плечу. Отбросив рукав пальто, она обнажила браслет. Время от времени она проводила пальцами по овальному камню в центре браслета.

Сквозь шум ветра они слышали звуки рога и собачий лай. Симон достал пистолет. Его спутница слегка коснулась оружия, как бы удивляясь его природе, а затем кивнула. На дороге появились белые точки собак. За ними следовали четыре всадника. Симон внимательно разглядывал их.

Всадники приближались открыто, явно не ожидая неприятностей. Возможно, они не знали о судьбе двух своих това-

рищей, считая, что преследуют только женщину. И Симон надеялся на это.

Металлические шлемы с неровными гребнями защищали их головы, верхнюю половину лица скрывало забрало. Одежда их состояла из куртки, зашнурованной от талии до горла. На поясах, в добрых двадцать дюймов ширины, висела кобура с оружием, нож в ножнах, различные приспособления, которые были Симону не известны. Облегающие брюки, сапоги с высокими голенищами и острыми носами. Создавалось впечатление мундира: так, цвет одежды был одинаковый — си-не-зеленый, а на груди каждого всадника виднелся одинаковый символ.

Тощие змееголовые собаки подбежали к каменной стене, встали на задние лапы и цеплялись за камни передними. Симон, помня о маленькой стреле, выстрелил первым.

Первый всадник с криком упал, зацепившись за стремя, и лошадь потащила его тело по дороге. Симон выстрелил вторично. Послышался крик. Второй всадник схватился за руку. Лошадь, попрежнему волоча мертвеца, проскакала через брешь в стене и понеслась к реке.

Собаки замолчали. Тяжело дыша, они лежали у подножия стены. Глаза их горели, как угли. Симон рассматривал их с растущим беспокойством. Он хорошо знал собак и знал, как их используют в лагерях. Симон мог бы их расстрелять одну за другой, но он не хотел зря тратить патроны.

День подходил к концу. Симон знал, что ночью, в полной темноте, им придется тугο. Ночь быстро приближалась. Ветер с болот пронизывал их холодом.

Симон шевельнулся, и одна из собак насторожилась, опершись лапами о скалу, и взвыла. Крепкие пальцы ухватили Симона за запястье и вернули в прежнее положение. И он снова получил известие. И как бы безнадежно не было их положение, женщина не отчаивалась. Он понял, что она чего-то ждет.

Неужели она надеется подняться на вершину стены? Во тьме он уловил отрицательное движение ее головы, как-будто она прочитала его мысли.

Собаки успокоились: лежа у подножья стены, они следили за укрывшейся наверху добычей. Где-то — Симон напряженно всматривался в темноту — собрались их хозяева, готовясь покончить с беглецами.

Симон напряженно сжимал оружие, вслушиваясь в малейшие звуки. Женщина шевельнулась и приглушенно вскрикнула. Симону не понадобилось ее прикосновение, он и так смотрел на нее.

В полутьме что-то двигалось по карнизу. Женщина, застав его врасплох, перехватила пистолет и ударила рукоятью крадущееся существо.

Злобный писк оборвался посередине. Симон отобрал оружие и только тогда взглянул на извивающееся существо с переломанной спиной. Зубы — иглы, белая плоская голова, тело, заросшее шерстью, красные глаза, больше всего поразившие Симона — в них светился разум. Существо умирало, но все еще пыталось дотянуться до женщины, злобно шипя.

Симон с отвращением пнул маленького зверька и тот упал с карниза прямо на головы собак.

Собаки отскочили и залаяли. Сквозь их лай Симон уловил одобряющий звук. Женщина смеялась. Глаза ее светились торжеством. Она кивнула и снова рассмеялась, когда он наклонился, рассматривая темноту у подножия стены.

Неужели это существо тоже было спущено на них преследователями? Однако беспокойство собак, их быстрое отступление говорили против. Значит, их встреча с маленьким существом была случайной. Приняв это как еще одну загадку, он приготовился провести ночь на страже. Если нападение маленького животного было частью плана охотников, за этим могут последовать и другие ходы.

Но тьма сгущалась, снизу не доносилось ни звука, который означал бы нападение. Собаки снова легли полукругом у подножья стены. Если бы не рана женщины, они могли бы подняться на вершину стены. Так думал Симон.

Когда окончательно стемнело, женщина шевельнулась. Пальцы ее задержались на запястье Симона и скользнули по ладони. В мозгу его мелькнула картина. Нож! Ей нужен нож. Он опустил ее руку и достал перочинный нож, она с готовностью схватила его.

Симон не понял последующего, но у него хватило здравого смысла не вмешиваться. Туманный кристалл на запястье женщины слабо засветился. При этом свете Симон увидел, как женщина вонзила лезвие себе в палец, капля крови упала на кристалл, и на мгновение густая жидкость закрыла свет.

Затем из овала брызнул поток пламени. Женщина снова удовлетворенно рассмеялась. Через несколько секунд кристалл снова потускнел.

Женщина взяла Симона за руку и он получил очередное сообщение. В оружии больше нет необходимости, помощь приближается.

Болотный ветер с гнилым запахом завывал между скал. Женщина дрожала, и Симон прижал ее к себе, чтобы соединить тепло их тел. В небе блеснула изогнутая сабля молнии.

Глава 3. Симон поступает на службу

Еще раз яркая молния разорвала небо, как раз над стеной. Она послужила началом такой дикой битвы в небе и на земле, такого ветра и бури, каких Симон никогда не видел. Ему приходилось испытывать огненные ужасы войны, но это было гораздо хуже, может быть потому, что он знал, что эти удары и вспышки огня не поддаются никакому контролю.

Скала дрожала под этими ударами и беглецы жались друг к другу, как испуганные маленькие животные, закрывая глаза при каждой новой вспышке. Слышался постоянный рев, не обычные раскаты грома, а удары гигантского барабана. Ритм этих ударов отражался в биении сердца, от него кружилась голова. Женщина прижалась к груди Симона лицом. Симон обнял ее дрожащие плечи, словно был единственным островком безопасности в качающемся мире.

Удары, гром, блеск вспышек, ветер — все это продолжалось, но дождя не было. Скала под ними начала дрожать в такт раскатам грома.

От последней яростной вспышки Симон на какое-то время ослеп и оглох. Прошло несколько минут. Ударов больше не было, даже ветер стихал, словно от усталости. Симон поднял голову.

В воздухе стоял чад от горелого мяса. Поблизости дрожащим пламенем горел кустарник. Но благословенная тишина продолжалась. Женщина зашевелилась в руках Симона и высвободилась. Он снова уловил ее уверенность, смешанную с торжеством. Какая-то игра подходила к концу.

Симон хотел осмотреть сцену внизу. Пережили ли охотники и их собаки бурю? При свете горящих кустов, он увидел у подножия стены клубок тел. На дороге лежала мертвая лошадь, из-под нее виднелась рука всадника.

Женщина подползла к краю карниза, осматривая местность. Потом, прежде, чем Симон смог остановить ее, спустилась вниз. Симон последовал за ней, ожидал нападения. Но вокруг были только трупы.

Тепло огня доносилось до них. Хорошо. Странная спутница Симона протянула обе руки к огню. Симон пробирался между обожженными телами собак. Он направился к мертвой лошади, собираясь использовать оружие всадника. И тут он увидел, что пальцы всадника шевелятся.

Охотник был смертельно ранен, но Симон не испытывал к нему сочувствия после жестокой охоты на болотах. Но он не мог оставить беспомощного человека в ловушке. Налегая изо всех сил, он поднял мертвую лошадь и выволок изувеченное тело. При свете пожара он принялся рассматривать раненого.

В искаженных, залитых кровью чертах лица не было ни признака жизни, но разбитая грудь с трудом поднималась и опускалась... Время от времени слышался стон.

Симон не мог бы назвать расу всадника. Коротко остриженные волосы, очень красивые, почти серебристо-белые, нос крючком между широкими скулами — странное сочетание. Симон предположил, что раненый молод, хотя в этом бледном лице мало что сохранилось от несформировавшегося юноши.

Через плечо у него по-прежнему висел рог. Богато украшенная одежда, усаженная жемчугом брошь на груди свидетельствовали о том, что это не простой солдат. Симон, не способный помочь ему, обратил внимание на широкий пояс всадника и оружие.

Нож он засунул себе за пояс. Станный самострел извлек из кобуры и внимательно осмотрел. У оружия был ствол и приспособление, которое могло служить только курком. Но ручка оружия была непривычна, целиться — трудно. Симон сунул самострел запазуху.

Он отцеплял следующий предмет — узкий цилиндр, когда из-за его спины протянулась рука и взяла цилиндр.

При этом прикосновении раненый шевельнулся. Он открыл глаза, и в них появилось такое выражение, что Симон отшатнулся.

Он встречался с опасными людьми, желавшими его смерти, и справился с ними. Он стоял лицом к лицу с людьми, ненавидящими его, и он сам ненавидел их. Но никогда он не видел такого выражения, которое застыло в блестящих зеленых глазах охотника.

Но тут же Симон понял, что эти глаза обращены не к нему. Раненый смотрел на женщину, которая стояла, слегка наклонившись, оберегая раненую ногу, поворачивая в руках жезл, снятый с пояса охотника. Симон ожидал увидеть на ее лице объяснение того горящего, разъедающего гнева, с которым смотрел на нее раненый.

Она спокойно, без следа эмоций, смотрела на охотника. Его губы изогнулись. С мучительным усилием он приподнялся и плюнул в ее сторону. Затем голова его ударилась о землю и он затих, словно последнее движение отняло у него всю энергию. В свете угасающего огня его лицо расслабилось, и рот приоткрылся. Симону не нужно было вглядываться в него: он знал, что охотник мертв.

— Ализон, — женщина тщательно выговорила это слово, переводя взгляд с Симона на мертвеца. Наклонившись, она указала на эмблему на груди мертвеца и повторила — Ализон.

— Ализон, — сказал Симон, вставая. У него больше не было желания осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к отверстию, через которое уходила к реке дорога.

— Эсткарп..., — еще тщательнее выговорила она. Пальцем она указала на речную долину. — Эсткарп, — повторила она, указывая на себя.

И, как-будто в ответ на ее слова, из-за стены послышался резкий трубный свист. Не вызывающий звук рога, а скорее свист, который издает сквозь зубы человек, ожидая действия. Женщина в ответ прокричала несколько слов, ветер подхватил их и они эхом отдались от каменной стены.

Симон услышал топот копыт, лязг металла о металл. Но поскольку спутница с радостным ожиданием смотрела на проход, он решил ждать, не прибегая к действиям. Лишь рука его сомкнулась на автоматическом пистолете в кармане. Он направил дуло оружия на проход в стене.

Они появились по одному, эти всадники, держа оружие наготове, и протиснулись в проход. Увидев женщину, они радостно вскрикнули: это явно были друзья. Четвертый всадник подъехал прямо к ожидавшим Симону и женщине. У него была высокая, мощная лошадь, выбранная специально для того, чтобы нести большую тяжесть. Но всадник был настолько мал ростом, что пока он не спешился, Симон принимал его за мальчика.

В свете огня доспехи всадника блестели, искры вспыхивали на шлеме, поясе, вороте и запястьях. Хотя он был мал ростом, плечи у него были необычайно широкие, а руки и грудь могли бы принадлежать человеку втрое большего размера. Одежда его напоминала кольчугу, но облегала тело так плотно, словно была сделана из ткани. Шлем был увенчан изображением птицы с распростертыми крыльями. А может, это и была настоящая птица, каким-то образом замершая в неестественной неподвижности? Глаза на поднятой голове, казалось, следили за Симоном с молчаливой яростью. Гладкая металлическая шапка, на которой сидела птица, оканчивалась чем-то вроде кольчужного шарфа, обернутого вокруг шеи всадника. Идя вперед, всадник нетерпеливо потянул за этот шарф, открывая лицо. И Симон увидел, что не так уж ошибался в своей первоначальной оценке. Воин в шлеме был молод.

Молод, да, но и силен. Внимание его разделилось между женщиной и Симоном, он задал ей вопрос, враждебно осматривая Симона. Она ответила потоком слов, ее рука начертила в воздухе какой-то знак между Симоном и воином. Увидев это, воин коснулся шлема жестом, который мог быть только приветствием чужеземцу. Но распорядилась в этой ситуации женщина.

Указывая на воина, она продолжала урок языка:

— Корис.

Симон решил, что это может быть лишь личным именем. И он ткнул пальцем себя в грудь.

— Трегарт. Симон Трегарт, — и подождал, пока она назовет себя.

Но она лишь повторила его слова, как-будто запоминая:

— Трегарт. Симон Трегарт.

Тогда Симон решил спросить прямо:

— Кто? — он указал пальцем на нее.

Воин по имени Корис потянулся за оружием, женщина нахмурилась, лицо ее приобрело холодное выражение. Симон понял, что допустил большую ошибку.

— Прошу прощения, — он развел руками, надеясь, что она воспримет его жест, как извинение. Он каким-то образом оскорбил ее, но лишь из-за своего невежества.

И женщина, должно быть, поняла это, потому что принялась объяснять Симону что-то, а затем — молодому воину. Впрочем, тот в последующие часы не стал более дружелюбным по отношению к Симону.

Корис с почтительным видом, не соответствующим разорванной одежде женщины, посадил ее за собой на спину большой черной лошади. Симон сидел на лошади другого воина, обеими руками держась за пояс всадника.

Спустя некоторое время Симон неподвижно лежал в постели и невидящими глазами смотрел на резной деревянный верх полога. Он мог бы показаться глубоко спящим, если бы не эти широко открытые глаза. Но старая способность мгновенно переходить от сна к бодрствованию не оставила его в новом мире. И сейчас он напряженно классифицировал сведения, стараясь из разрозненных фактов нарисовать картину того, что находилось за каменными стенами этой комнаты. Эсткарп оказался не только речной долиной. Это была серия мощных крепостей, расположенных вдоль дороги, обозначавшей границу. В этих крепостях они меняли лошадей, ели и снова скакали, подгоняемые необходимостью, которой Симон не понимал. Наконец они оказались в городе круглых башен, серо-зеленых, как почва, на которой они стояли. В этом окруженном стеной городе жила раса людей с гордой походкой, темными глазами и волосами, такими же черными, как у Симона. В этой расе чувствовалась глубокая древность.

Но к тому времени, когда они прибыли в город, Симон так устал и у него так болело тело, что в памяти сохранились только отдельные картины. И всюду впечатление возраста, глубокой древности башен и стен. Башни и стены гордо вздымались к небу. Они могли быть частью гор этого мира. Симон бывал в старых городах Европы, видел дороги, по которым проходили римские легионы. Однако здесь пучина времени, покрывавшая все, была гораздо древнее, и Симон боролся с этим впечатлением, обдумывая факты.

Его поселили в центральной части башни — массивном каменном сооружении, в котором была и торжественность храма, и безопасность крепости. Симон с трудом мог вспомнить, как приземистый офицер — Корис — привел его в эту комнату и указал на постель. А затем — ничего.

Или было еще что-то?

Симон нахмурился, слегка сдвинув брови, Корис, комната, постель... Но теперь, когда он глядел на узоры резьбы над головой, она казалась ему странно знакомой, как-будто вырезанные там символы имели какое-то значение, когда-то известное ему.

Эскарп — и древняя страна, и город, и образ жизни. Симон напрягся. Откуда он это знает? Однако это правда, такая же реальная, как и кровать, на которой отдыхало его измученное тело, как резьба над кроватью. Женщина, за которой шла охота, принадлежала к расе Эскарпа в то время как мертвый охотник — к иному, враждебному народу.

Воины в крепостях все были высокими, смуглыми, гордыми и отчужденными. И лишь Корис, с его изуродованным телом, отличался от предводительствуемых им людей. Но приказы Кориса исполнялись: только женщина, ехавшая за ним, обладала, по-видимому, большей властью.

Симон моргнул, руки его задвигались под одеялом, он сел, устремив взгляд на полог. Он уловил легкий шум приближающихся шагов и поэтому не удивился, когда кольца занавеса звякнули, толстая синяя ткань раздвинулась и появился тот человек, о котором Симон только что думал.

Без кольчуги Корис представлял собой еще более странное зрелище. Широкоплечий, со свисающими, непропорционально длинными руками, он был невысок, и его тонкая талия и стройные ноги были необычайно малы по сравнению с верхней частью тела. Но на этих широких плечах сидела голова мужчины. Такого мужчины, каким был Корис, если бы судьба не сыграла с ним злую шутку. Под густой шапкой светлых волос находилось лицо лишь недавно возмужавшего юноши. Необычайно красивое лицо, резко контрастирующее с плечами, — голова героя на теле обезьяны.

Симон опустил ноги с высокой кровати и встал, сожалея, что вынужден смотреть на вошедшего сверху вниз. Но Корис тут же отскочил с быстротой кошки и встал на широкий карниз, шедший под узким окном, так что его голова оказалась

на уровне головы Симона. Грациозным жестом, странным для такой длинной руки, он указал на грудь одежды.

Симон кивнул. Это была не та одежда, которую он сбросил, ложась в кровать. Но кое-что давало ему возможность понять, в каком статусе он здесь находится. Пистолет и все содержимое карманов было аккуратно разложено рядом с новой одеждой. Значит он не пленник.

Он натянул брюки из мягкой кожи, такие же, как те, что были сейчас на Корисе. Тонкая, как перчаточная, кожа была темно-синего цвета. Тут же оказались и сапоги с высокими голенищами из серо-серебристого материала, похожего на шкуру ящерицы. Одевшись, Симон обернулся к Корису и жестом показал, что хочет умыться.

Впервые в прекрасных глазах воина появилась слабая улыбка и он указал на альков. Симон понял, что хотя обстановка в крепостях Эсткарпа кажется средневековой, их обитатели понимают, что такое санитария. После поворота ручки, из трубы потекла теплая вода, тут же оказался кувшин с ароматной пеной, которая сняла щетину с лица. В то же время продолжался урок языка. Корис терпеливо произносил слова, пока Симон не повторял их верно.

Корис держался нейтрально. Он не делал дружеских жестов и не отвечал на попытки Симона установить более личные отношения. Когда Симон натягивал нечто среднее между курткой и рубашкой, Корис отвернулся, глядя в окно.

Симон взвесил в руке пистолет. Корису, по-видимому, было все равно, пойдет он вооруженный или нет. Наконец, Симон затянул пояс и сделал знак, что готов.

Они вышли в коридор и через несколько шагов стали спускаться по лестнице. Впечатление древности подтверждалось выбитыми в каменных ступенях углублениями, канавкой вдоль левой стороны, там, где много столетий стены касались пальцы идущих. Бледный свет лился из шаров, размещенных в корзинах над головами, но природа этого света оставалась для Симона загадкой.

У подножия лестницы находился большой зал. В нем были несколько вооруженных воинов, но большинство присутствующих были одеты в такую же, как у Симона, одежду. Кориса приветствовали с любопытством, но все молчали. Корис коснулся руки Симона, указывая на занавешенную дверь. Отведя занавес, он пропустил Симона вперед.

За дверью оказался еще зал. Но тут голые каменные стены были увешаны занавесями с изображением того же символа, который Симон обнаружил на пологе кровати. И символ этот показался ему странно знакомым. В дальнем конце зала стоял часовой, подняв к губам рукоять своего меча. Корис отвел второй занавес.

Помещение за ним казалось больше, чем было на самом деле, из-за сводчатого потолка, уходящего далеко вверх. Здесь и свет шаров стал сильнее, позволяя разглядеть собравшихся.

Симона ждали две женщины: одна сидела, а другая — стояла, положив руку на стинку кресла. Ему пришлось приглядеться, чтобы узнать в стоящей ту самую женщину, которая спасалась от охотников из Ализона. Волосы, свисавшие тогда длинными мокрыми прядями, теперь были убраны в серебряную сеточку, вся она, с ног до головы, была задрапирована в платье из серебристо-туманной ткани. Единственным украшением был овал из того же кристалла, который Симон видел у нее на браслете. Но на этот раз кристалл висел на цепи между маленькими возвышениями груди.

— Симон Трегарт, — это произнесла сидящая женщина, и Симон посмотрел на нее. И он тут же понял, что не может отвести взгляд.

У нее было такое же треугольное лицо и такие же внимательные глаза и черные волосы. Но от ее исходила сила, действующая, как удар. Симон не мог определить ее возраст, но ему показалось, что она вполне могла быть современницей первых строителей Эсткарпа. И в то же время, она показалась ему лишенной возраста. Руки ее взметнулись, и она бросила Симону шар, из того же туманного кристалла, как и украшения, на ее шее.

Симон поймал шар, который оказался не холодным, как он ожидал, а теплым. В то же время обе женщины взяли в руки свои украшения.

Все последующее Симон так никогда и не смог объяснить, даже себе.

В мозгу Симона, одна за другой, начали возникать картины того, как он попал в мир Эсткарпа и он понимал, что и женщины видят эти картины. Когда он закончил, к нему хлынули молчаливые потоки информации.

Он находился в главной крепости страны, которой угрожали с севера, с юга и с моря на западе. Смуглые жители

равнин и городов Эсткарпа пока устояли только потому, что унаследовали древние знания. Возможно, они обречены, но сдадутся лишь с последним ударом сердца последнего оставшегося в живых воина.

То же чувство, которое заставило Симона шагнуть под грубую арку во дворе дома Петрониуса, снова ожило в нем. Гордые люди этой земли ни о чем не просили его. Но он присягнул в верности расспрашивающей его женщине. Мгновенно, с юношеским энтузиазмом, сделал выбор. Не произнеся ни слова, Симон поступил на службу Эсткарпа.

Глава 4. Призыв из Салкаркина

Симон поднес к губам тяжелый кубок. Через край кубка он внимательно следил за происходящим. При первом знакомстве он решил, что люди Эсткарпа мрачны, отягощены грузом лет, что они последние представители древней расы, забывшей обо всем, кроме снов о прошлом. Но за прошедшие недели он понял, насколько поверхностны его суждения. Теперь, в столовой гвардии, он переводил взгляд с одного лица на другое, рассматривая не в первый раз людей, с которыми делит ежедневные обязанности и досуг.

Конечно, их оружие было ему незнакомо. Ему приходилось учиться обращению с мечом в схватке. Меньше беспокойства вызывали у него самострелы, похожие на автоматический пистолет. Симон никогда не мог сравниться с Корисом, его уважение к воинскому искусству молодого человека было безграничным. Но Симон был знаком с тактикой иных армий, иных войск, и был способен делать предложения, с которыми считался любой офицер.

Симон удивлялся, почему его приняли в гвардию: в конце-концов, эти люди оборонялись против превосходящих сил врага и любой незнакомец мог оказаться шпионом, брешью в обороне. Но он не был знаком с обычаями Эсткарпа. Среди всех наций континента, только в Эсткарпе могли поверить в такой дикий рассказ. Потому что силы Эсткарпа основывались на магии.

Симон подержал во рту вино, прежде чем проглотить его, и в то же время думал о магии. Это слово могло означать

искусные фокусы и трюки, могло скрывать суеверную чепуху, но могло говорить о чем-то гораздо более могучем: воля, воображение и вера были оружием, используемым магией Эсткарпа. Конечно, у этих людей были определенные способы усиления воли, воображения и веры. А конечный результат — открыть их мозг для того, что не видно и не воспринимается обычными органами чувств.

Ненависть и страх соседей определялись той же самой основой — магией. Для Алисона на севере, для Карстена — на юге, власть волшебниц Эсткарпа была злой.

Владычицы Эсткарпа обладали властью, неподвластной объяснению человека, и когда было необходимо, безжалостно пользовались этой властью. Симон помог спастись волшебнице, которая была глазами и ушами своего народа в Ализоне.

Волшебница... Симон отпил вина. Не каждая женщина в Эсткарпе обладала Властью. Эта способность передавалась в отдельных семьях от поколения к поколению. Тех, у кого она обнаруживалась в детстве, отправляли в главный город страны, там их учили и определяли дальнейшую судьбу. Имена девушек забывались, потому что имя — часть личности. Сообщить свое имя — значить вручить другому человеку власть над собой. Теперь Симон понял, насколько неосторожно он поступил, спрашивая имя волшебницы, с которой бежал по болотам.

- Власть не была постоянной. После определенного момента, использовать ее для волшебницы становилось затруднительно. Да и не всегда ее можно было вызвать по своей воле. Иногда, в самые критические моменты она отказывала. А потому, несмотря на волшебниц и их науку, Эсткарп располагал и вооруженной гвардией и линией крепостей вдоль границы.

— Жарко для этого времени года, — стул рядом с Симоном скрипнул под тяжестью новоприбывшего. На стол со звоном опустился шлем, длинная рука потянулась за кубком вина.

Ястреб на шлеме смотрел на Симона стеклянными глазами, в его металлическое, прекрасной работы тело, были вставлены настоящие перья. Корис пил вино, а со сторон на него сыпались вопросы. В войсках Эсткарпа поддерживалась дисциплина, но все службы были равны, а собравшиеся в сто-

ловой хотели услышать новости. Корис с силой опустил на стол кубок и ответил:

— Вы слышали рог за час до закрытия ворот? Это просил допуска Магнус Осберик. И с ним свита в полном вооружении. Мне кажется, Горму угрожает беда.

После его слов наступила тишина. Все, включая Симона, знали, что означает Горм для Кориса. По праву власть над Гормом должна была находиться в руках Кориса. Его личная трагедия начиналась не там, но закончилась на этом острове, когда он, израненный, одинокий, отплыл от него в дырявой рыбацкой лодке.

Хильдер, лорд-протектор Горма, в бурю заблудился в болотах между Ализоной и равнинами Эсткарпа. Отбившись от свиты, он упал с испуганной лошади и сломал руку. Полуживой от боли и лихорадки, он забрел в землю торов, загадочной расы, живущей в болотах и не позволяющей никому проникать в свои земли.

До сих пор остается загадкой, почему Хильдера не убили или не прогнали от границ. Несколько месяцев спустя, вылечившись, он вернулся в Горм и привез с собой жену. Жители Горма, особенно женщины, возмущались этим браком, говоря, что он был навязан их повелителю взамен обещания сохранить жизнь. Его жена, с изуродованным телом, с необычайным строением мышления, принадлежала к расе торов. В должный срок она родила Кориса и исчезла. Может, умерла, а может, вернулась в свое племя. Хильдер, вероятно знал об этом, но никогда не говорил, и Горм рад был избавиться от своей леди, не задавая никаких вопросов.

Остался Корис, с головой благородного повелителя Горма, и телом жителя болот. И ему никогда не позволяли забывать об этом. Когда Хильдер женился вторично на Орне, дочери известного повелителя морей, из семьи моряков, Горм принял этот брак с радостью и надеждой. Второй сын Хильдера, Урьян, стал всеобщим любимцем, потому что в венах его стройного тела не было ни капли чужой крови.

Хильдер умер. Но он умирал долго, и у противников Кориса было время подготовиться. Те, кто собирался использовать Орну и Урьяна в своих целях, ошиблись. Леди Орна, умная и способная женщина, не хотела быть игрушкой в чужих руках. Урьян был еще ребенком и она стала регентшей. Не все с этим смирились, но леди Орна продемонстрировала свою силу.

Она натравливала одного лорда на другого, тем самым ослабляя их силу. Но она совершила непоправимую ошибку, когда обратилась за помощью к Колдерам.

Колдер находился за морем, но лишь один моряк из десяти тысяч мог приблизительно указать, где именно. Моряки старались держаться в стороне от его угрюмых гаваней. Было общеизвестно, что Колдеры не похожи на других людей, что связь с ними приносит гибель.

За днем смерти Хильдера последовала ночь красного ужаса. И только сверхчеловеческая сила Кориса помогла ему вырваться из ловушки. И осталась только смерть, когда пришел Колдер. Горм перестал существовать. Те, кто еще помнил жизнь при Хильдере, потеряли всякую надежду, потому что Горм превратился в Колдер, и не только остров Горм. Меньше, чем за год, на берегу поднялись башни и возник город, названный Айль. Ни один житель Эсткарпа не приходил в Айль добровольно.

Айль, как грязное пятно, лежал между Эсткарпом и его единственным сильным союзником на западе — морскими бродягами из Салкаркипа. Эти торговцы-воины, знавшие самые отдаленные и дикие местности, построили свою крепость, с разрешения Эсткарпа, на конце полуострова, глубоко вдающегося в море — дорогу этих моряков в самые дальние края. Жители Салкаркипа были опытными моряками и торговцами и не менее опытными солдатами, и безбоязненно посещали тысячи портов. Ни один воин Алисона, или щитоносец Карстена, не смел говорить с ними вызывающе. Гвардейцы Эсткарпа считали салкаров братьями по оружию.

— Магнус Осберик не из тех, кто часто обращается за помощью, — заметил Танстон, один из старших офицеров Эсткарпа. — Нужно проверить снаряжение. Когда Салкаркип просит о помощи, мы обнажаем мечи.

Корис лишь кивнул в ответ. Намочив палец в вине, он проводил линии на столе, в то же время жуя, с отсутствующим видом, кусок хлеба. Симон, заглянув через широкое плечо, уловил смысл в этих линиях: они повторяли карту, которую ему пришлось видеть в зале крепости.

Полуостров, на конце которого находился Салкаркип, образовывал одну из дуг, окружавших обширный морской залив. На противоположной дуге располагался главный порт Алисона — Ализ. Впрочем, эти города разделяло много миль.

В глубине залива лежал остров Горм. На нем Корис поставил точку. Она означала Сиппар, главный город Горма.

Айль был расположен не на внутренней стороне полуострова, а на самом материке, на южном берегу, и смотрел прямо в открытое море. Дальше берег представлял собой крутую стену, где не мог пристать ни один корабль. Тут находилось герцогство Карстен. Залив, непосредственно рядом с Гормом, издавна служил выходом Эсткарпа в западный океан.

Корис несколько мгновений изучал свою работу, а затем, с нетерпеливым восклицанием, стер рукой линии. — В Салкаркип ведет только одна дорога? — спросил Симон.

С Айлем на юге и с Гормом на севере, отряды Колдера без особых затруднений смогли бы перерезать дорогу, ведущую на полуостров.

Корис рассмеялся.

— Дорога лишь одна, древняя как мир. Наши предки не предвидели появления Колдера в Горме, да и кто, в здравом уме, мог это предвидеть? Чтобы обезопасить дорогу, — он положил палец на точку, обозначавшую Сиппар, и нажал, как бы безжалостно раздавив насекомое, — мы должны быть здесь. Чтобы избавиться от болезни, нужно лечить ее источник, а не лихорадку. Лихорадка — только признак болезни тела. Но у нас нет сведений, которые помогли бы справиться. — Он мрачно взглянул на Симона.

— Шпион. . .

— Двадцать человек ушли из Эсткарпа в Горм. Эти люди изменяли свою внешность, не зная, сумеют ли когда-либо снова взглянуть на свое лицо в зеркале. Но они с радостью шли на это. Они были вооружены всеми известными здесь знаниями, и ни один не вернулся из Сиппара! Колдеры не похожи на других людей, и мы ничего не знаем об их средствах вооружения. Знаем лишь, что эти средства непогрешимы. Наконец, Властительницы запретили такие испытания, потому что затрачивается слишком большая сила, а результата никакого. Я сам пытался уйти туда, но они наложили на границу заклятье, которое я не могу преодолеть. Появление в Горме означает для меня смерть, а я могу лучше послужить Эсткарпу живым. Нет, лучше не трогать эту рану.

— Но если Салкаркип под угрозой?

Корис потянулся за своим шлемом.

— Тогда, друг Симон, мы выступаем. Ибо в этом главная загадка Колдера — когда он сражается на своей земле и на

своих кораблях, победа всегда за ним. Но когда они появляются на территории, куда еще не падала их тень, тогда еще есть шанс пролить их кровь, скрестить с ними мечи.

— Я отправляюсь с вами, — это было утверждение, а не вопрос. Симон был готов ждать и учиться. Он относился к учению с терпением, выработанным за последние семь лет, знал, что пока он не овладеет местным военным искусством, он не приобретет независимость. Раз или два, во время ночного дежурства, он спрашивал себя, уж не применили ли к нему хваленую силу Эсткарпа, чтобы он смирился со статусом кво, не задавая вопросов и не возмущаясь. Если так, то действие чар кончилось. Он решительно настроился увидеть больше в этом мире, чем один-единственный город, и знал, что если не пойдет с гвардией, то отправится один.

Корис посмотрел на него.

— Это не быстрый набег.

Симон остался сидеть, зная, что Корис не любит, когда на него смотрят сверху.

— Разве я похож на любителя легких побед?!

— Тогда возьмите самострел. Как мечник вы не опаснее конюха из Карстена.

Симон не рассердился на это замечание. Он знал, что оно справедливо. В стрельбе из самострела он мог померяться силами с лучшими бойцами. Борьба без оружия, в которой он применял приемы дзю-до, создала ему известность, дошедшую до всех крепостей Эсткарпа. Но в искусстве владения мечом он был не лучше неуклюжего новобранца-юноши, только-только начавшего соскребать пушок со своих щек. А булава, которую с легкостью швырял Корис, казалась ему невероятно тяжелой.

— Пусть будет самострел, — готовностью согласился Симон, — но я поеду.

— Пусть будет так. Но вначале посмотрим, состоится ли вообще выступление.

Решение принималось на совете, где присутствовали офицеры во главе с Корисом и дежурные волшебницы. Хотя Симон официально не принадлежал к офицерам, он пошел вслед за Корисом. Ему не помешали войти и он устроился у окна, рассматривая собравшихся.

Возглавляла совет Властительница, правившая крепостью и всем Эсткарпом, та самая женщина без имени, которая распрашивала его с самого начала. За ее креслом стояла та, с

которой он спасался от охотников Ализона. Присутствовало еще пять волшебниц, без возраста, в некотором смысле бесполой, с пронизательными взглядами. Симон решил, что предпочел бы иметь их на своей стороне, чем сражаться против них. Никогда раньше он не видел таких сильных личностей.

Лицом к ним стоял мужчина, перед которым все окружающие казались гномами. В любом другом обществе он господствовал бы над всеми. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, казались подростками рядом с ним — бронзовым колоссом. Из брони, покрывавшей его грудь, можно было бы изготовить два щита для гвардейцев. Руки и плечи у него были такими же, как у Кориса, но им соответствовало и все тело.

Подбородок у него был бритый, но на широкой верхней губе были усы. Они щетинились, касаясь обветренных щек. Брови образовывали вторую полоску волос на верхней половине лица. Шлем венчала искусно сделанная голова медведя, зловеще разинувшая пасть. Плащом ему служила огромная медвежья шкура, отделанная шафрановой тканью, и под подбородком этот плащ застегивался пряжкой в виде двух золотистых лап.

— Мы в Салкаркипе храним торговый мир, — он старался говорить тихо, но без особого успеха. — И если возникает необходимость, мы поддерживаем этот мир мечами. Но что может сделать добрая сталь против колдунов ночи? Я не спорю со старой наукой, — он обращался непосредственно к Властительнице, как-будто они стояли по разные стороны прилавка. — Каждому его боги и вера, и Эсткарп никогда не навязывал свои верования другим. Но Колдер — другое дело. При его прикосновении противник гибнет. Говорю вам, леди, наш мир погибнет, если мы не объединим наши усилия. Нужно остановить противника.

— Видели ли вы, мастер-торговец, человека, рожденного женщиной, который умел бы управлять приливом? — спросила женщина.

— Управлять — нет, но плыть по нему — да! В этом моя магия, — он ударил себя в грудь. Жест этот показался бы театральным, если бы не был так искренен. — Но с Колдером это не пройдет. Пусть глупцы из Ализона предпочитают остаться в стороне... Наступит и их черед. Но Салкаркип будет сражаться! И когда падет наш порт, прибой будет рядом с

вами, леди! Говорят, у вас есть власть над ветром и бурей, есть заклинания, изменяющие внешность человека. Сможет ли ваша магия противостоять Колдеру?

Властительница погладила кристалл на груди.

— Скажу вам правду, Магнус Осберик. Я не знаю, Колдер не известен, мы не сумели пробить брешь в его стене. Что касается всего остального, то я согласна. Пришло время борьбы. Капитан, — она позвала Кориса, — что вы об этом думаете?

Мрачное выражение не сошло с прекрасного лица Кориса, но глаза его горели.

— Если можно пустить в ход мечи, то мы сделаем это! С вашего разрешения Эсткарп вступится за Салкаркип!

— Если таково ваше решение, Эсткарп выступает. Вы искусны во владении оружием, но с вами будет и другая, более могучая сила.

Она не сделала никакого жеста, но волшебница, шпионившая в Ализоне, вышла из-за ее кресла и встала по правую руку от Властительницы. Ее раскосые глаза обежали собравшихся и остановились на сидевшем в стороне Симоне. Тень улыбки промелькнула на ее губах. Симон сам не понимал почему, но был уверен, что между ними установилась связь.

Когда после полудня они выступили из города, Симон обнаружил, что его конь идет рядом с конем волшебницы. Как и на всех гвардейцах, на ней была кольчуга и шлем с металлическим шарфом. Внешне она ничем не отличалась от остальных. Вооружена она была мечом и таким же самострелом, как и Симон.

— Итак, воин из другого мира, — она говорила негромко и Симон понял, что она не хочет, чтобы ее слышали другие, — мы снова едем вместе.

Что-то в ее спокойствии раздражало его.

— Будем надеяться, что на этот раз мы охотники, а не дичь.

— Все в свой срок. В Ализоне меня предали и я была безоружна.

— А теперь у вас меч и самострел.

Она взглянула на свое оружие и улыбнулась.

— Да, Симон Трегарт, меч и самострел и еще кое — что. Но вы правы: нам предстоят мрачные встречи.

— Предсказание, леди? — в этот момент он верил только в сталь.

— Предсказание, Симон, — она по-прежнему смотрела на него с легкой улыбкой. — Я не накладываю на вас заклятия, человек из иного мира, но знаю: нити наших жизней лежат рядом в руке Верховного Правителя... То, чего мы хотим и то, что будет на самом деле, возможно, совершенно различно. Слова мои относятся ко всему отряду: берегитесь места, где скалы высоки и звучат крики орлов!

Симон вынужденно улыбнулся в ответ.

— Поверьте, леди, в этой земле я бдителен так, словно у меня глаза вокруг головы. Для меня это не первый военный поход.

— Это нам известно. Иначе вы не отправились бы с Ястребом, — она указала на Кориса. — Корис прирожденный воин и предводитель. Удача для Эсткарпа!

— И вы предвидите опасность в Салкаркипе? — настаивал Симон.

— Вы знаете, как обстоят дела с Даром. Нам даны отрывки, части, но никогда — вся картина в целом. Но у меня в мысленной картине нет городских стен. Держите наготове оружие и ваши прославленные кулаки, Симон. — Она снова забавлялась, но смех ее звучал невесело. Скорее, это был добродушный смех товарища. И Симон понял, что он должен принимать дружбу на ее условиях.

Глава 5. Дьявольская битва.

Войско Эсткарпа продвигалось вперед быстро, но ему еще оставался день пути, когда они миновали последнюю пограничную крепость и двинулись вдоль изогнутого берега моря. Гвардейцы постоянно меняли в крепостях лошадей и поэтому буквально пожирали мили.

Салкары, не привыкшие к езде верхом, угрюмо сидели в седлах, казавшихся слишком маленькими для их могучих тел — Магнус Осберик не был исключением, но не отставали. Они ехали с упорством людей, для которых главным врагом было время.

Утро стояло яркое, а масса пурпурных цветов, на кустарниках вдоль дороги, отражала блеск солнца. Воздух приносил в себе обещание соленых волн впереди, и Симон испытывал возбуждение, которого уже давно не знал. Он пока не созна-

вал, что напевает, пока его не окрикнул знакомый хриловатый голос:

— Птички поют перед ударом ястреба.

Он добродушно воспринял насмешку.

— Не хочу слышать злое карканье — слишком хороший день.

Волшебница потянула за металлический шарф, закрывавший ее плечи и горло.

— Море — оно здесь в ветре..., — взгляд ее устремился вперед, к горизонту, куда ушла дорога. — У нас море в крови. Поэтому кровь салкаров может смешиваться с нашей. Итак бывает часто. Когда-нибудь я уплыву в море. Волны, убегая от берега, тянут меня за собой.

Голос ее звучал музыкой, но Симон внезапно встревожился, ощутив, как у него пересохло в горле. Может и не было у него дара волшебниц, но что-то в нем зашевелилось, ожило, и он, не отдавая себе в этом отчета, поднял руку, давая сигнал остановиться.

— Да! — рука волшебницы повторила его жест. Корис обернулся. Он отдал приказ, и весь отряд остановился.

Капитан передал командование Танстону и отъехал назад. Обвинить его в недостатке бдительности было нельзя: далеко по флангам рассыпались разведчики.

— Что случилось?

— Мы к чему-то приближаемся, — Симон всматривался в местность впереди, такую спокойную под лучами солнца. Ничто не двигалось, только высоко в небе кружилась птица. Ветер затих, не шевелился ни один листик. Но Симон готов был поручиться, что впереди ждет засада.

Удивление Кориса кончилось, он перевел взгляд с Симона на волшебницу. Она наклонилась вперед в седле, ноздри ее раздувались, она глубоко дышала. Она прислушивалась, как это делают собаки. Пальцы ее двинулись, изображая какие-то знаки, и она резко и убежденно кивнула:

— Он прав. Впереди — пустое пространство, в которое я не могу проникнуть. Силовой барьер. За ним может скрываться засада.

— Но как он мог... У него нет Дара! — и Корис быстро взглянул на Симона, в его взгляде было недоверие. Затем он отдал несколько приказов и сам выехал вперед, туда, где дорога уходила за очередной поворот.

Симон достал свой самострел. Откуда он знает, что впереди засада? У него бывали такие озарения и в прошлом — например, в тот вечер, когда он встретил Петрониуса, но никогда раньше предвидение не было таким острым и ясным. Ощущение тревоги еще больше усилилось.

Волшебница держалась за ним, как раз за первой линией гвардейцев. Из-под кольчуги она извлекла туманный кристалл, который служил ей оружием. Она подняла камень над головой и выкрикнула несколько слов на непонятном для Симона языке.

Впереди показалось естественное скальное образование, напоминавшее клык огромной челюсти. Дорога ныряла под своеобразную арку, образованную двумя клыками. У подножия скал рос густой кустарник, образуя непроницаемый за-слон.

Из кристалла ударил луч, направленный на более высокую скалу. В месте его соприкосновения с камнем поднялся густой туман, закрывая скалы и кусты. И оттуда, из этого серо-белого тумана, показались нападающие. В полном вооружении, они бежали вперед, сохраняя полное молчание. Заостренные шлемы с забралами придавали им вид необычных хищных птиц. Необычная тишина их нападения добавилась к неожиданности.

— Сал! Сал! Сал! — морские бродяги обножили мечи на-встречу приближающейся линии атаки. Во главе салкаров стоял Магнус Осберик.

Гвардейцы не издали крика. Корис не отдавал приказов. Но стрелки выбрали цели и выстрелили, а меченосцы поехали вперед, держа оружие наготове. Они ехали верхом, а молчаливые враги были пешими.

Симон изучил вооружение Эсткарпа и знал, где находится незащищенное место в доспехах... Справедливо ли это и для брони Колдера? Он прицелился и выстрелил. Колдер повернулся и упал, а его заостренный шлем воткнулся в землю.

— Сал! Сал! Сал! — гремел боевой клич салкаров, сражающихся в ожесточенной рукопашной схватке. В первые несколько мгновений боя, Симон думал лишь о том, что необходимо найти цель. Затем он начал замечать необычность нападения.

Солдаты Колдера не делали попыток к самосохранению. Воин за воином гибли, не защищаясь, не уклоняясь от оружия противника. Они не поднимали щиты, не парировали

удары своими мечами. Пешие солдаты сражались яростно, но и в этой ярости было что-то механическое. Заводные игрушки, — подумал он. Кто-то завел их и пустил в дело.

Но ведь они считались искуснейшими бойцами этого мира. А теперь гибли с такой легкостью, как-будто кто-то толкнул ряд солдатиков.

Симон опустил самострел. Что-то в нем восставало против слепого убийства и он вовремя увидел, как одна из голов в заостренном шлеме повернулась в его направлении. Колдер быстро приближался. Но он не нападал на Симона. Он набросился на его соседку.

Лишь мастерское владение лошадью спасло ее от этого яростного натиска. Она опустила меч, но забрало шлема отразило удар.

Противник был искусен в фехтовании. Сверкнуло лезвие его меча и оружие вылетело из рук волшебницы. Колдер отбросил свое собственное оружие, схватил всадницу за ногу и потащил ее из седла с легкостью, которая удивила бы Кориса.

Волшебница отчаянно билась в тисках колдера, и Симон не решался применить меч. Вытащив ногу из стремени, он подъехал поближе и изо всех сил пнул солдата.

Удар пришелся в заднюю часть шлема, и нога Симона почти онемела. Солдат потерял равновесие и упал лицом вперед, потянув за собой волшебницу. Симон выпрыгнул из седла, опасаясь, что онемевшая нога подвернется. Руки скользнули по металлическим плечам колдера и Симон оторвал его от женщины и бросил на спину. Колдер лежал на спине, как жук, руки и ноги его слабо двигались.

Отбросив перчатки, волшебница наклонилась над колдером, развязывая его шлем. Симон схватил ее за плечо.

— В седло! — приказал он, подводя свою лошадь.

Она покачала головой, продолжая свое занятие. Симон не знал, что увидит. Воображение нарисовало несколько картин чуждых существ, но все они оказались совершенно непохожими на лицо воина.

— Херлвин!

Увенчанная ястребом голова Кориса появилась между Сином и этим лицом. Корис схватил колдера за плечи, как-будто обнимая близкого друга.

Глаза сине-зеленые, как у Кориса, на таком же прекрасном лице, открылись, но не сосредоточились ни на одном из склонившихся людей. Волшебница разжала руки Кориса.

Она взяла колдера за подбородок и всмотрелась в невидящие глаза. Затем откинула голову и принялась вытирать руки о жесткую траву. Корис следил за ней.

— Херлвин? — этот вопрос скорее адресовался волшебнице, а не поверженному знакомому Кориса.

— Убить! — приказала она сквозь тонкие губы. Корис потянулся за мечем, лежащим на траве.

— Не нужно! — возразил Симон. — Ведь колдер сейчас безвреден, удар лешил его сознания. Нельзя убивать так хладнокровно.

Холодный взгляд волшебницы скрестился с его взглядом. Она указала на качающуюся голову.

— Взгляни, человек из другого мира!

Со странным беспокойством Симон взял в ладони голову колдера, и чуть не вскочил от этого прикосновения. В этом теле не было человеческой теплоты, не было в нем и холода металла или камня. Казалось, он каснулся чего-то грязного, вялого, прочного лишь внешне. Посмотрев в эти невидящие глаза, он увидел абсолютную пустоту, которая не могла быть результатом сильного удара. Симон никогда не встречал такое: безумный человек все еще сохраняет в себе что-то человеческое, он может вызвать жалость. Здесь же лежало отрицание всего, нечто настолько отвратительное, что Симон не мог представить себе его живым, видящим солнце и ходящим по земле.

Как и волшебница, он принялся тереть руки о траву, как бы стирая с них грязь. Встав, он отвернулся от Кориса, который обнажил меч. Тот, кого сейчас увидел капитан, был уже мертв, давно мертв и проклят.

Остались лишь мертвые солдаты Колдера. Погибли два гвардейца и один салкар. Нападение было таким неуместным, что Симон удивлялся, зачем оно вообще было организовано. Он пошел рядом с капитаном, который тоже, по-видимому, хотел узнать кое-что.

— Снимите с них шлемы! — этот приказ переходил от одной группы гвардейцев к другой. И под каждым шлемом они находили все те же бледные лица, светловолосые головы: все были так похожи на Кориса.

— Мидир! — Корис остановился у одного из тел. Рука его дернулась.

— Убить! — приказ капитана прозвучал бесстрастно и был немедленно выполнен.

Корис осмотрел всех и еще трижды приказал нанести смертельный удар. Уголок рта его подергивался. Обойдя тела, он вернулся к Магнусу и волшебнице.

— Они все из Горма!

— Были из Горма, — поправила его волшебница. — Горм умер, когда открыл свои ворота Колдеру. Лежащие здесь — не те люди, которых вы помните, Корис. Они давно, уже давно не люди. Это руки и ноги машин, которые служат своим хозяевам. У них нет настоящей жизни. Когда Сила вытащила их из укрытия, они смогли повиноваться единственному полученному ими приказу — убивать. Колдер использует их, чтобы истощить силы противника, прежде чем нанести главный удар.

Губы капитана исказились в гримасе.

— Они выдают собственную слабость. Неужели им не хватает людей? — но тут же поправился, вкладывая меч в ножны, — кто знает, чего ждать от Колдера? Нас могут ждать и другие сюрпризы.

Симон находился в авангарде, когда они отъехали с того места, где встретились с силами Колдера. Он не мог помочь воинам в их последнем деле и не мог заставить себя думать об оставшихся сзади безголовых телах. Трудно поверить, что все это правда.

— Мертвый не сражается! — он не создавал того, что говорит вслух, пока не отозвался Корис.

— Херлвин был рожден для моря. Я видел, как он с одним ножом ходил на меч-рыбу... Мидир — новичок в гвардии. Он еще запинался в строю, когда объявили о приходе колдеров в Горм. Я их обоих хорошо знал. Но те существа, что остались позади — это не Херлвин и не Мидир.

— Человек един в трех составляющих — это произнесла волшебница, — тело людей действует, мозг мыслит, душа — чувствует. Может в вашем мире человек устроен иначе, Симон. Я так не думаю: вы тоже мыслите, действуете, чувствуете. Убейте тело — и вы освободите душу. Убейте мозг — и тело будет продолжать жить, вызывая сочувствие у окружающих. Но убейте душу и позвольте телу и мозгу жить..., — голос ее дрогнул, — это грех, тяжелее которого невозможно себе представить. Именно это произошло с людьми Горма. То, что двигалось в их облике, не должно существовать на земле. И только нечестивое использование запретного, может породить такую смерть.

То, что произошло в Горме, может произойти и в Салкаркипе, — Магнус поравнялся с ними на своем могучем коне. — Здесь мы взяли над ними верх, но что, если у них есть легион таких мертвецов, готовых напасть на наши стены? В крепости мало мужчин: сейчас торговый сезон и тринадцать наших кораблей вышли в море. Придется расставить всех людей вдоль стен. Воля наша сильна, но руки могут устать. И враг может подавить нас простой численностью. Враги не боятся за себя и пойдут вперед, не задумываясь.

Ни у Кориса, ни у волшебницы не нашлось на это ответа. Лишь, когда несколько часов спустя, Симон впервые увидел стены крепости, он почувствовал некоторую уверенность: хотя салкары и были прежде всего моряками, они оказались хорошими строителями и использовали все преимущества места, выбранного ими для строительства крепости. Снаружи были видны лишь стены со сторожевыми башнями и узкими бойницами. И лишь когда Магнус Осберик провел их внутрь, они поняли всю мощь этой крепости.

Из моря выступали две скалы, раскрывая клешни краба, между ними находилась гавань. Каждая из сторон этой клешни была искусно укреплена и соединена с главной крепостью лабиринтом подземных ходов. Стены уходили прямо в море и на них незачто было уцепиться.

— Похоже, что строители Салкаркипа думали о войне, — заметил Симон.

Магнус Осберик коротко рассмеялся.

— Мастер Трегарт, мы в мире с Эсткарпом, так же, как с Ализоном и Карстеном. Во всем же остальном мире, мы показываем не только свои товары, но и мечи, а это сердце нашего государства. В этих складах наша жизнь — наши товары. Все пираты мира мечтают ограбить Салкаркип.

Может, колдеры и отродье дьявола, но они не презирают хорошие вещи. Им тоже хочется запустить сюда лапы. Но у нас есть последнее средство. Если Салкаркип падет, то его завоеватели не получают выгоды, — он с силой опустил кулак на парাপет. — Салкаркип построен во времена моего прадеда, чтобы у людей было убежище на время бури — и не только бури, ветра и волн, но и войны. И, похоже мы в этом нуждаемся.

— В гавани три корабля, — сказал Корис, — грузовой и два военных.

— Грузовой из Карстена. Он под флагом герцога и поэтому его экипаж не нуждается в оружии, — заметил Магнус Осберик, — Говорят, герцог женится. Но на корабле плывет драгоценное ожерелье для белой шеи Ардис. И, может, Ивьян и собирается надеть браслет на чье-то запястье, но прежние связи он рвать не будет.

Волшебница пожала плечами, а Корис больше заинтересовался кораблями, чем сплетнями о соседних государях.

— А военный? — спросил он.

— Патрульный. Нужно же знать, что приближается с моря.

Бомбардировщик мог бы уничтожить Салкаркип в один-два захода, тяжелая артиллерия за несколько часов пробила бы его массивные стены, решил Симон, продолжая осмотр крепости. В складе было пробито множество помещений и переходов, многие — за прочными дверями. Если только у Колдера нет оружия, невиданного в этом мире, торговцы видимо излишне нервничают. Но так можно думать, пока не вспомнишь пустые глаза воинов Горма.

Симон подметил также, что хотя в казармах множество оружия на стеллажах и в специальных пирамидах, но людей в крепости мало. Салкаркип способен вооружить и разместить тысячи воинов, но в нем была едва ли сотня.

В троем — Корис, волшебница и Симон — они поднялись на башню, обращенную к морю, где вечерний ветер ударил в их кольчуги.

— Я не смею оголять Эсткарп, чтобы собрать все наши силы, — гневно сказал Корис, как бы в ответ на какое-то замечание в споре, — такая глупость послужила бы откровенным приглашением для Ализона или герцогства, вторгнуться с севера и с юга... У Осберика раковина, которую, как мне кажется, не раскусят даже челюсти Колдера, но в этой раковине нет тела. Он слишком долго ждал. Если бы все его люди были здесь, то он смог бы продержаться. Но с его гордостью — сомневаюсь.

— Вы сомневаетесь, Корис, но вы будете сражаться, — заметила волшебница. В ее тоне не было ни одобрения, ни осуждения. — Потому, что так нужно. И может, в этой крепости мы сломаем челюсти Колдера. Но колдеры придут — это Магнус предсказал верно.

Капитан взглянул на нее.

— У вас есть предсказания для нас, леди?

Она покачала головой.

— Капитан, не ожидайте от меня большего, чем я могу дать. Когда мы столкнулись с засадой, я ничего не могла разглядеть, только пустое место. По этому отрицательному признаку я узнала Колдера. Больше я не могу. А вы, Симон?

Он вздрогнул.

— Я? Но я не претендую на вашу Силу, — начал он и добавил более честно, — ничего не могу сказать. Как солдат, я вижу, что это неприступная крепость, и в то же время чувствую себя, как в ловушке, — и сказал он это не задумываясь, но знал, что говорит правду Осберику.

Вместе, они продолжали смотреть на гавань. Садилось солнце, и город за ним все больше и больше напоминал пещеру.

Глава 6. Туманный рок

Это началось вскоре после полуночи — на море появилась линия, поглощающая волны и звезды: перед ней катился пронизывающий холод, который не был ни ветом, ни дождем, но который коварно пробирал людей до самых костей, на кольчугах появились маслянистые капли с солоноватым привкусом.

Вот уже дошло до линии фонорей, следовавшей за изгибом крепостных стен. Один за другим светлые пятна мутнели, поглощенные зеленоватой мутью. Дюйм за дюймом, фут за футом, туман поглощал мир.

Симон ходил взад и вперед по маленькой караульной платформе центральной сторожевой башни. Половина укреплений была окутана туманом. Один из стройных кораблей гавани был разрезан на двое зановесом. Эта муть не походила на обычный туман, не была похожа на индустриальный смог родного мира Симона. Туман приближался густой завесой, как экран, за которым могли скрываться нападающие.

Замерший и оцепеневший, Симон услышал тревожный звон колоколов на стенах. Нападение! Он подошел к двери башни и столкнулся с волшебницей.

— Они нападают?

— Нет еще. Это звучат колокола бури — они помогают кораблям, застигнутым штормом, попасть в порт.

— Кораблям Колдера?

— Может и им. Но нельзя за час уничтожить тысячелетние традиции. В тумане колокола спасают моряков. Только приказ Осберика может заглушить их.

— Значит, такой туман известен морякам?

— Вообще туманы известны. Но такой — другое дело, — она подошла к парапету и посмотрела на море, на быстро исчезающую гавань. — Мы, владеющие Силой, можем, до некоторых пределов, управлять природными явлениями, хотя и здесь результаты могут оказаться неожиданными. Любая из моих сестер может вызвать туман, который не только затмевает глаза врагу, но и смутит его разум — на время. Но этот туман — совсем другое дело.

— Он естественный? — настаивал Симон, уверенный, что это не так. Хотя откуда у него была такая уверенность, он не знал.

— Когда гончар делает вазу, он кладет глину на круг и придает ей искусными руками форму, в соответствии со своими замыслами. Глина — продукт естественный, но разум и обучение придают ему определенную форму. Мне кажется, что кто-то или что-то, собрал то, что есть в море и в воздухе, и придал ему другую форму для своих целей.

— И что вы сделаете в ответ, леди? — за ними стоял Корис. Он подошел к парапету и ударил по нему ладонями. — Мы теперь похожи на слепых.

Волшебница не отвела взгляда от тумана, у нее был вид ученого, принимающего участие в ответственном эксперименте.

— Возможно, они хотят ослепить нас, но это можно сделать двумя путями. Если они воспользуются иллюзией — пусть встретятся с такой же хитростью.

— Бороться с туманом, туманом? — Нельзя против хитрости использовать ту же хитрость. Они призвали воздух и воду. Поэтому мы тоже должны призвать воздух и воду, но по иному. Да, можно использовать кое-что, — пробормотала она и обернулась. — Нужно спуститься к гавани. Попросите Магнуса, чтобы он раздобыл дров, лучше всего сухих щепок. Если их нет, то пусть срежут ветви с деревьев. Так же нужна будет ткань. Пусть все это принесут к гавани.

Когда маленькая группа салкаров и гвардейцев вышла на берег, по-прежнему слышался звон колоколов. Принесли досок, и волшебница выбрала из них самые маленькие. Держа нож привычными к такому труду руками, она вырезала гру-

бое подобие лодки, заострила нос, закруглила корму. Симон взял у нее игрушку и принялся срезать кору, остальные последовали его примеру.

Они сделали около тридцати деревянных лодочек, размером с ладонь, снабдили каждую маленькой мачтой и парусом. Лодочки поставили в ряд, и волшебница, наклонившись, подула в каждый парус.

— Ветер и вода, ветер и вода, — нараспев произнесла она, — вода понесет, ветер погонит, туман скроет!

Руки ее быстро двигались. Один за другим, направляла она маленькие корабли в воду. Туман уже почти закрыл их, но он еще был недостаточно плотен, чтобы скрыть от Симона это удивительное зрелище. Лодочки выстроились клином и двигались навстречу туману. И когда первая нырнула в туманный занавес, она уже была не небрежно изготовленной игрушкой, а могучим кораблем, более прекрасным, чем боевые корабли, которые с гордостью показывал им Осберик.

Волшебница, с помощью Симона, выпрямилась.

— Не верьте всему, что видите, человек из другого мира. Мы, обладающие Силой, часто пользуемся иллюзией. Будем надеяться, что иллюзия не менее эффективна, чем их туман, и отпугнет тех, кто готовится напасть.

— Они не могут быть настоящими! — Симон упорно противился очевидному.

— Мы слишком полагаемся на наши чувства. Если можно обмануть глаза, пальцы, нос, то почему же магии не обмануть их сразу все? Скажите мне, Симон, если бы, готовясь напасть, вы неожиданно увидели в гавани мощный военный флот, разве вы не призадумались бы прежде, чем напасть? Я пытаюсь лишь выиграть время, иллюзия разрушается, когда ее подвергают испытанию. Корабль Колдеров, который сблизится с таким кораблем и попытается взять его на абордаж, тут же обнаружит, что это такое.

По-видимому, она оказалась права. Если враг и собирался использовать туманную полосу для прикрытия нападения, то не сделал этого. Тревоги не было, хотя до самого рассвета туман не рассеивался.

Команды кораблей, стоявших в гавани, ждали приказ Осберика, а он мог только ждать, пока рассеется туман. Симон, вместе с Корисом, обходил посты гвардейцев на стенах и часто им приходилось цепляться друг за друга, чтобы не заблудиться. Приказ бить в колокола был отдан не для того, чтобы

помочь заблудившимся кораблям, а чтобы посты слышали друг друга. Всех охватило напряжение, при малейшем шуме обнажалось оружие и любой, кто не успел произнести пароль, рисковал получить удар мечом.

— Скоро им не понадобится нападать, — заметил Симон, едва увернувшись от удара какого-то салкара, с которым он столкнулся на стене. — Мы начнем нападать друг на друга. Кому-то покажется в тумане, что у встречного заостренный шлем, и ему тотчас отрубят голову.

— Я думаю об этом, — медленно сказал капитан. — Они тоже используют иллюзии, рожденные нашими нервами и страхом. Но чем мы можем ответить им?

— Нетрудно подслушать наш пароль, — Симон считал, что нужно надеяться на худшее, — часть стены, пост за постом, может оказаться в их руках.

— Разве мы можем быть уверены, что это еще не нападение? — с горечью произнес Корис. — Человек из иного мира, если ты можешь отдавать лучшие приказы, делай это и я с радостью подчинюсь. Я военный человек, и думал, хорошо знаю способы ведения войны. Мне казалось, что я знаю и колдовство — такое, какое используют в Эсткарпе. Но это что-то совсем другое.

— А я никогда не сталкивался с такими способами ведения войны, — с готовностью подхватил Симон. — Тут хоть кто окажется в тупике. Но все же я думаю, что они не нападут с моря.

— Потому что мы ждем их оттуда? — с налету подхватил Корис, — но на крепость невозможно напасть с суши. Эти морские бродяги знали, как строить. Потребуются осадные машины и много недель времени.

— Море и земля — что останется?

— Подземные ходы и воздух, — ответил Корис. — Подземелья!

— Но нам не хватит людей, чтобы охранять все подземные ходы.

Зеленоватые глаза Кориса вспыхнули тем же огнем, что и при их первой встрече.

— Есть способ охранять их без людей. Идем к Магнусу. — Он побежал. Острие его меча со звоном задевало за камень стен при крутых поворотах.

На столе выстроился ряд сосудов различных форм и размеров, сделанных из меди. Они были связаны с медными ша-

рами, висевшими над подземными ходами. Теперь любая попытка открыть дверь отразилась бы на сосуде на столе.

Подземелья в некоторой степени в безопасности. Остается воздух. Симон напряженно прислушался. Может, потому, что он был знаком с войнами в воздухе? Но ведь цивилизация, основанная на примитивных самострелах, мечах и щитах, не может организовать нападение с воздуха.

Благодаря выдумке Кориса, они узнали о первом ударе Колдера за несколько мгновений. Со всех мест, где были установлены шары, сигнал тревоги донесся одновременно. Залы, ведущие к подземным ходам, были подготовлены заранее. Мешки с шерстью, пропитанные маслом и смолой — этой смолой промазывали корпуса кораблей, были уложены в ряд, вместе с кипами тканей, мешками зерна, ящиками бутылок с маслом и вином.

Когда прозвучали сигналы тревоги, в эти груды кинули факелы, а затем наглухо закрыли двери, ведущие в наполнившиеся пламенем залы.

— Пусть суют туда свои собачьи носы, — Магнус возбужденно ударил боевым топором по столу в центральном зале главной башни. Впервые, с того момента, как враг осадил его город, Магнус, казалось, перестал беспокоиться. Как морской бродяга, он ненавидел туман и боялся его, но как только дело дошло до прямых действий, он вновь был полон сил и энергии.

— Ахxxx! — как удар мечом, этот крик разрезал общий гул. Не только физическая боль, но какой-то сверхчеловеческий ужас мог извлечь его из человеческой глотки.

Магнус, слегка склонивший бычью шею, Корис, пригнувшийся к земле, как-будто его тело гнома получало от нее энергию, и остальные воины в зале — все на время оцепенели.

Может быть потому, что он подсознательно все время ожидал этого, Симон первым определил, откуда исходит этот звук, и побежал к лестнице, которая тремя этажами выше выводила его к сторожевому посту на крыше.

Он не добежал до верха. Крики и лязг металла о металл послужили достаточным предупреждением. Симон пошел медленно, доставая оружие. И хорошо поступил, потому что на середине второго этажа мимо него пролетело тело, едва не задев его. И это был салкар. Из его разорванного горла

лилась кровь, брызгая по ступеням, на стены. А вверху царила полная сумятица.

На следующем этаже еще сражались два гвардейца и трое морских бродяг, прижавшихся спинами друг к другу. Противник нападал с той же слепой яростью, что и в засаде на дороге. А сверху катилась волна остроклювых шлемов. Симон догадался, что враг каким-то способом прибыл по воздуху и теперь захватил верхний этаж.

Не время было размышлять, каким образом враги появились, они прорвались и этого было достаточно. Пали еще двое салкар и гвардеец. Мертвые и раненые, друзья и враги поглощались морем остроклювых шлемов. Тела скользили по лестнице, сметая все на своем пути. Вместе с ними падали и обломки мебели.

Симон ухватился за перила. Салкары строили прочно: перила выстояли. Собрав все силы, Симон стал пробираться к выходу.

Перед ним оказалась клювастая голова, а перед лицом сверкнуло острие меча. Симон схватил стул и ударил противника.

— Сал! Сал! Сал!

Симона оттеснили в сторону, он увидел страшное лицо Магнуса в первой шеренге отбивающих вторжение.

Прицелиться, выстрелить, снова прицелиться, снова выстрелить. Сбросить пустой колчан, снова подготовиться к стрельбе, оттащить в сторону стонущего раненого гвардейца, там ему окажут помощь. Снова прицелиться. Стрелять! Стрелять!

Каким-то образом Симон снова оказался в зале, затем отряд, в котором он находился, снова сражался на другой лестнице, дорого отдавая каждую ступеньку. По лестнице тянулся тонкий дымок — щупальца тумана? Нет, дым забивался в горло, заставлял кашлять. Симон стрелял, снимая колчаны с тел упавших гвардейцев.

Ступени остались позади. Люди хрипло закричали, дым стал гуще. Симон смахнул рукой выступающие слезы и плотнее затянул металлический шарф. Он дышал затруднилось.

Вслепую, он двигался вслед за товарищами. За ним закрывались двери пятидюймовой толщины. Одна, две, три... четыре таких преграды. И вот они в помещении, где находится странное устройство. Сложное и большое, оно выше огромного человека, стоящего перед ним с отчаянными

глазами. Моряки и гвардейцы расступились, оставив в центре помещения странную машину наедине с хозяином города.

Магнус потерял шлем, плащ его был порван и свисал с одного плеча. Топор лежал на крышке машины, с лезвия на каменный пол капала кровь. Лицо его побледнело и осунулось. Широко раскрытыми глазами смотрел он на людей, не видя их. Симон подумал, что Магнус в состоянии шока.

— Уходите! — Магнус схватил топор и взмахнул им. — Крылатые демоны с воздуха! Человек не может сражаться с демонами! — он рассмеялся радостно, как мужчина, обнявший любимую. — Но у нас есть ответ и для демонов — Салкаркип не будет служить дьявольскому отродью!

Он повернул бычью голову, рассматривая гвардейцев Эскарпа и своих сограждан.

— Вы хорошо сражались. Но теперь ваша судьба не здесь. Я высвобождаю энергию, питающую город. Уходите подальше, а я заберу с собой как можно больше этих летающих колдунов. Уходите, люди-волшебники, и оставьте Салкаркип его судьбе!

Его глаза и голос давили с такой силой, что уцелевшие гвардейцы отшатнулись. Корис был с ними: ястреб на его шлеме потерял одно крыло. Волшебница, с печальным лицом, но спокойная. И еще двадцать человек с Симоном.

Как один человек, гвардейцы обнажили мечи, салютуя оставшемуся. Магнус улыбнулся:

— Хорошо, хорошо, волшебники! Но сейчас не время для парадов. Уходите.

Они вышли в указанную им маленькую дверцу, которую Корис тут же закрыл, и побежали по подземному переходу. К счастью, пол был ровный, и через небольшие интервалы горели шары.

Еще сильнее слышался шум прибоя, и вот они оказались в пещере, где покачивались в воде маленькие лодки.

— Вниз, — Симон вместе с другими забрался в лодку, а Корис ударил его ладонью по спине, заставляя лечь на качающееся дно. Захлопнулась еще одна дверь. Свет исчез. Симон лежал неподвижно, не зная, что произойдет дальше.

Лодка двигалась, тела людей перекачивались, Симон закрыл лицо руками. Качка усилилась и Симон почувствовал, что его начинает тошнить. Он никогда не был хорошим моряком. Занятый борьбой с тошнотой, он не был подготовлен к взрыву, который, казалось, уничтожил весь мир.

Они по-прежнему качались на волнах, но, подняв голову, Симон вдохнул свежий воздух. Он зашевелился, не обращая внимания на протесты соседей. Больше нет тумана — была первая его мысль. А потом наступил день. Небо, море вокруг, берег — все было чистым и ясным.

Но когда же взошло солнце? Симон был оглушен взрывом, но не ослеп. Они направлялись в море, оставляя позади источник жары и света.

Одна... две... три маленьких лодки насчитал он. Парусов не было, но очевидно, лодки имели какой-то двигатель. На корме их лодки сидел человек. По ширине его плеч, Симон узнал Кориса. Капитан держал руль. Они были ушли из ада, в который превратился Салкаркип, но куда же они направляются?

Туман исчез, а пламя на берегу давало им свет. Но волны не были порождением морской стихии. Должно быть, взрыв передался океану. Поднимался ветер, и люди в лодке стали понимать, что они еще не спаслись, а лишь получили небольшую передышку.

Часть 2. ВЕРЛЕЙН

Глава 1. Брачный договор на топоре.

Море было тусклым и серым, цвета лезвия топора, которое, несмотря на правку, не блестит, или стального зеркала, покрытого влагой. И небо над ними — такого же цвета, так что трудно было различить, где кончается воздух и начинается вода.

Лойз съезжилась на скамье под узким окном. Она боялась высоты, а эта башня, выдававшаяся из стены, нависала непосредственно над острыми, окруженными пеной, скалами береговой линии. Но ее постоянно влекло к этому месту, потому что, глядя в глубокую пустоту, лишь изредка нарушаемую ныряющей птицей, она видела свободу.

Прижимая узкие ладони с длинными пальцами к скамье и камню, она заставляла себя выглянуть, заставляла глядеть на то, чего она боялась, как ей много раз приходилось делать то, от чего отказывалось ее тело и мозг. Будучи дочерью Фалька, ей пришлось надеть броню из льда и железа, которую не мог пробить ни один удар. И вот уже больше половины своей короткой жизни она провела в этой внутренней цитадели.

В Верлейне было множество женщин, потому что Фальк отличался похотливостью. С раннего детства Лойз видела, как они приходят и уходят, смотрела на них холодным взглядом и сравнивала себя с ними. Ни на одной из них Фальк не женился и ни одна из них не принесла ему потомства — к величайшему неудовольствию Фалька и к некоторому временному выигрышу для Лойз. Потому что Верлейн принадлежал Фальку не по наследству, а из-за его единственного брака с матерью Лойз. И только пока жила Лойз, Фальк продолжал владеть Верлейном, и всеми его богатейшими возможностями для грабежа и мародерства на море и на берегу. Если бы она умерла, в Карстене нашлось бы немало наслед-

ников ее матери, которые тут же предъявили бы свои права на владение Верлейном.

Но если бы хоть одна из тех женщин, что вольно или невольно ложились на огромную кровать в спальне Фалька, принесла бы ему сына, он смог бы спокойно претендовать на владение Верлейном не только в течение своей жизни, но и для новой мужской линии, согласно вновь изданным законам герцога. По старым обычаям, право наследования сохранялось по материнской линии, теперь же наследовали потомки отца и лишь в тех случаях, когда не было потомков мужского пола, действовал старый закон.

Лойз цеплялась за эту единственную возможность, дававшую ей временную безопасность. Если Фальк погибнет в одном из грабительских рейдов, если его убьет представитель какой-либо ограбленной семьи, она и ее Верлейн станут свободными! Вот тогда они и увидят, на что способна женщина! Они поймут, что она не вытирала все эти годы слезы в своем укрытии.

Она оттолкнулась от стены, прошла по комнате. В помещении было холодно и темно. Но она привыкла к холоду и полумраку. Они стали частью ее жизни.

За пологом, скрывающим кровать, она подошла к зеркалу. Это было не изящное женское зеркало, а щит, тщательно отполированный в течение нескольких часов, пока не стал давать слегка искаженное изображение. Для Лойз стало привычным стоять там, глядя на свое отражение, слушая, что оно говорит ей.

Она была небольшого роста, но это была единственная черта, единственная женская черта, которая объединяла ее с теми женщинами, которые удовлетворяли людей ее отца или его самого. Тело ее было стройно и прямо, как у мальчика, и лишь намек на округлость говорил о том, что это не юноша. Густые волосы локонами падали ей на плечи и спускались до талии. Цвет у них был светло-желтый и бледный, и ресницы того же цвета придавали лицу пустое, лишенное разума выражение. Кожа плотно облегла лицевые кости и была почти лишена румянца. Даже губы ее были бледными. Унылое дитя мрака, она все же сосредотачивала в себе огромную жизненную силу, она была крепка, как хрупкое лезвие, которое опытный боец предпочитает громоздкому, но непрочному оружию.

Неожиданно она свела руки, сжала их, а потом развела и опустила, но под свисающими рукавами руки были сжаты в кулаки и ногти почти впились в плоть. Лойз не шевельнулась, ничем не показала, что она слышит звон щеколды. Она знала, как далеко может зайти в своей обороне против Фалька, и никогда этих границ не переступала. Иногда она в отчаянии думала, что отец не подозревает о ее истинном настроении.

Дверь распахнулась. Повелитель Верлейна любую преграду воспринимал как вражескую крепость. Он вошел с видом человека, только что получившего ключи от сданного города.

Если Лойз была бесцветным созданием, то Фальк казался повелителем солнца и яркого света. На его большом теле уже появились следы грубой жизни, но лицо оставалось прекрасным: свою красно-золотистую голову он нес с высокомерием принца, благородные черты лишь слегка расплылись. Большинство верлейнцев восхищались своим повелителем. В хорошем настроении он бывал щедр и великодушен, а его пороки разделялись и принимались его подданными.

Лойз увидела в зеркале яркое отражение, отбрасывающее ее еще глубже во мрак, но не обернулась.

— Приветствую лорда Фалька, — голос ее был лешен выражения.

— Лорда Фалька? Разве так нужно говорить с отцом, девушка? Растопи лед в своих жилах!

Рука его опустилась на ее плечо под локонами, он повернул ее, сжав с такой силой, что теперь целую неделю не сойдет синяк. Она знала, что он сделал это сознательно, но не подала вида.

— Я пришел с известием, которое любую девушку заставило бы прыгать от радости, а на твоём холодном рыбьем лице я не вижу и следа удовольствия, — пожаловался он. Но в глазах его не было веселья.

— Вы еще не сообщили этого известия, мой лорд.

Пальцы его еще сильнее сжали ее плечо, как-будто он хотел сломать ее кость.

— Конечно нет! Но эта новость заставит быстрее биться сердце любой девицы. Свадьба и постель, моя девочка!

Лойз, чувствуя такой страх, какого никогда не испытывала раньше, решила обмануть себя.

— Вы избрали леди Верлейна, мой лорд! Судьба посылает вам на такой случай красавицу.

Он не ослабил своей хватки, наоборот, встряхнул ее с видом шутки, но не причиняя боль.

— Может, в тебе и нет женских качеств, но ума хватает: ты меня не одурачишь, как других. В твоём возрасте ты уже зрелая женщина. Во всяком случае, пора доказать это. И советую тебе не пробовать свои шутки на будущем твоём повелителе. Он любит послушных в постели!

То, чего она боялась, произошло. На какое-то мгновение сила духа оставила ее.

— Брак нуждается в добровольном согласии..., — она остановилась, устыдившись мгновенной слабости.

Он хохотал, довольный тем, что вырвал у нее этот невольный протест. Руки его сжали ее шею с такой силой, что на мгновение у нее перехватило дыхание. Потом, как безжизненную куклу, он повернул ее лицом к зеркалу и держал так, избивая словами, которые, как он думал, причиняют большую боль, чем любые удары.

— Взгляни на это застывшее ничто, которое ты называешь лицом. Думаешь, мужчина может прижать к нему губы, не закрывая глаз и не желая быть в другом месте? И будь довольна, девка, что можешь прельстить чем-либо помимо этого лица и костлявого тела. Ты дашь согласие любому, кто захочет тебя. И будь благодарна отцу за то, что он подыскал для тебя такого мужа. Да, девка, лучше на коленях благодарить любых богов за то, что отец заботится о тебе.

Слова его звучали громогласно: она не видела в зеркале отражение, только ужасы своего воображения. Неужели ее бросят в постель одного из грубых приближенных Фалька — ради какой-то выгоды лорда?

— Сам Карстен..., — в голосе Фалька прозвучало невольное удивление, — сам Карстен, подумать только, просит о согласии этого непропеченного теста! Ты сошла с ума! — он отпустил ее неожиданно, и она повернулась к нему лицом.

— Герцог! — она не могла верить в это. Зачем правилу герцогства свататься к дочери незначительного барона, пусть даже у этой дочери славная родословная со стороны матери?

— Да, герцог! — Фальк сел на кровать, размахивая ногами в сапогах. — Хвала судьбе! Добрая фея присутствовала при твоём рождении, девочка! Сегодня утром прибыл вестник Карстена с предложением брака на топоре.

— Зачем?

Ноги Фалька замерли, теперь но уже не улыбался.

— У него для этого не мало причин, — Фальк принялся загибать пальцы. — Итак: герцог, несмотря на свое теперешнее могущество, был простым наемником, прежде чем укрепится в Карстене, и я сомневаюсь, чтобы он смог назвать свою мать, не говоря об отце. Он сокрушил противостоящих ему лордов. Но это было добрых десять лет назад и он больше не хочет развезжать в кольчуге и выкуривть непокорных из их замков. Завоевав герцогство, он стремится насладиться захваченным. Жена, взятая из рода тех, с кем он воевал, будет для него залогом мира. И хотя Верлейн - не самая богатая крепость Карстена, в жилах его повелителя течет благородная кровь — разве мне не дали это ясно понять, когда я сватался? А у меня щит без девиза, я младший сын Фартома из Северных Холмов, — его губы дернулись при воспоминании о тех прошлых унижениях. — А поскольку ты - наследница Верлейна, ты очень подходишь для герцогства.

Лойз рассмеялась.

— Неужели я единственная девушка из благородных семей Карстена?

— Конечно, он может взять любую. Но, как я уже упоминал, дражайшая из дочерей, у тебя есть некоторые преимущества... Верлейн — береговая крепость, с древними правами, а честолюбие герцога теперь связывается не только с завоеваниями. Что ты скажешь, Лойз, если здесь будет порт для торговли с Севером?

— А что будет делать Салкаркип, когда возникнет такой порт? Те, кто клянется именем Сала, ревниво относятся к своим правам.

— Те, кто клянется именем Сала, скоро совсем не смогут клясться, — со спокойной уверенностью заявил Фальк. — У Салкаркипа появились беспокойные соседи, и тревоги его растут. А Эсткарп, куда Салкаркип может обратиться за помощью, теперь пустая раковина, выведенная колдовством его жителей. Один удар и вся эта страна рассыплется в прах.

— Итак, из-за моего происхождения и возможности основать порт, лорд Ивьян предлагает брак, — настаивала Лойз, неспособная поверить в то, что это правда. — Но разве могучий лорд свободен посылать рукоять своего топора с предложением брака? Я девушка, уединенно живущая в крепости вдали от Карстена, но я слышала о некой леди Алдис, кото-

рая отдает приказы и им беспрекословно подчиняются все, носящие знаки герцогства.

— У Ивьяна может быть Алдис и еще полсотни таких же, и это тебя совершенно не касается, девочка. Дай ему сына — если твое тощее тело способно выносить мальчика, в чем я глубоко сомневаюсь! Дай ему сына и сиди рядом с ним за высоким столом и не требуй от него ничего, кроме обычной вежливости. Будь рада оказанной тебе чести и если будешь мудрой, то сумеешь повелевать и Алдис, и всеми остальными, но помни — у Ивьяна не хватает терпения и он не легко прощает ошибки. — Фальк встал, собираясь уходить. Но прежде снял с цепи на поясе маленький ключ и швырнул его дочери.

— Хотя у тебя и лицо привидения, но ты не пойдешь замуж без украшений и мишуры. Я пришлю Беатрис, она поможет тебе выбрать одежду. И вуаль для лица, она тебе понадобится! Присматривай за Беатрисой, не позволяй ей уносить больше, чем помещается в двух руках!

Он вышел, оставив дверь широко открытой. Закрывая дверь, Лойз ласкала в руках ключ. Месяцы и годы думала она, как получить этот кусочек металла. Теперь она имеет на него полное право и никто не помешает ей взять то, что ей действительно нужно, из сокровищницы Верлейна.

Права на грабеж на берегу и на море! С тех пор, как между двумя предательскими мысами на берегу был построен Верлейн, море приносило его лордам богатый урожай. В башне крепости имелась настоящая сокровищница, которая открывалась только по приказу лорда. Фальк, должно быть, очень хотел ее брака с Ивьяном, если позволил ей заглянуть туда. А общества Беатрис она не боялась. Очередная любовница Фалька была столь же жадна, сколь и прекрасна, и если дать ей возможность пожить самой, она и не посмотрит, что берет себе Лойз.

Лойз перебросила ключ из правой руки в левую, и впервые слабая улыбка появилась на ее губах. Как удивился бы Фальк, узнав о том, что выбрала она из сокровищ Верлейна. И если бы узнал, что ей известно об этих стенах, которые кажутся такими безопасными. Взгляд Лойз скользнул по стене, на которой висел зеркальный щит.

Послышался торопливый стук в дверь, Лойз снова улыбнулась, на этот раз презрительно. Быстро же выполняет Беатрис приказания Фалька. По крайней мере, эта женщина

не осмеливается без разрешения войти в комнату дочери своего любовника. Лойз подошла к двери.

— Лорд Фальк..., — начала женщина, стоящая в дверях, красивая яркой, кричащей красотой, похожей на красоту Фалька.

Лойз подняла ключ.

— Вот он.

Она не назвала собеседницу по имени, не знала ее титула, и спокойно смотрела на роскошные плечи Беатрис, выставившиеся из платья, на остальные полуобнаженные округлости ее тела. За спиной Беатрис стояли двое слуг. Они держали сундук. Лойз подняла брови, Беатрис нервно рассмеялась.

— Лорд Фальк хочет, чтобы вы выбрали себе брачный наряд, леди. Он сказал, что не нужно скромничать в сокровищнице.

— Лорд Фальк щедр, — без выражения сказала Лойз, — идем.

Женщины миновали большой зал и внешние помещения крепости, потому что сокровищница находилась в основании башни, где помещались частные комнаты семьи повелителя. Лойз была рада этому, ей можно было держаться в стороне от жизни двора ее отца. Когда они, наконец, подошли к двери сокровищницы, Лойз была довольна: лишь одна Беатрис осмелилась войти туда вместе с ней, слуги втолкнули за ними сундук и исчезли.

Три шара в потолке освещали сундуки и ящики, тюки и корзины. Беатрис жестом рыночной торговли погладила себя по бедрам. Ее темные глаза перебегали от груды к груде, и Лойз, сунув ключ в карман на поясе, подлила масла в пламя ее алчности.

— Я думаю, лорд Фальк не откажет вам в праве выбрать что-нибудь для себя. В сущности, он сказал мне об этом. Но будьте благоразумны и не очень жадничайте.

Пухлые руки переместились с бедер на едва прикрытые груди. Лойз подошла к столу в центре комнаты и открыла крышку стоящей на нем шкатулки. Даже ее ослепило сверкание драгоценностей. Она до сих пор не сознавала, какие огромные богатства накопились в Верлейне за долгие годы грабежа. Из клубка цепочек и ожерелий, она высвободила большую брошь, украшенную рубинами — игрушка не по ее вкусу, но вполне соответствующая пышной миловидности ее спутницы.

— Что-то вроде этого, — сказала она, протягивая брошь.

Беатрис жадно протянула руки и тут же отдернула их. Облизывая пересохшие губы, она переводила взгляд с Лойз на брошь и обратно. Преодолевая отвращение, Лойз поднесла брошь к глубокому вырезу в платье Беатрис, едва не отдернув руку, когда, почувствовала мягкое тело женщины.

— Вам идет, возьмите! — вопреки желанию, слова Лойз прозвучали резким приказом. Но наживка была проглочена. Видя только драгоценности, женщина подошла к столу, и Лойз на время оказалась свободной.

Она знала, что искать, но не представляла, где оно может находиться. Она медленно пошла между грудями добра. Некоторые предметы были покрыты отложениями морской соли, от других исходили слабые экзотические запахи. Отгородившись от Беатрис баррикадой ящиков, девушка обнаружила сундук, выглядевший многообещающе.

Хрупкая внешность Лойз была обманчива. Так же, как она воспитывала свои чувства и мозг, тренировала она и свое тело. Крышка сундука оказалась тяжелой, но девушка справилась с ней. И, уловив запах смазки, поняла, что находится на верном пути. Лойз отбросила лежавшую сверху одежду. Кольчуга, слишком велика. Может, ей не удастся найти ничего подходящего по размеру.

Она продолжала рыться. Одна кольчуга, вторая, третья... Должно быть, перевозили имущество какого-то кузнеца. На дне оказалась кольчуга, изготовленная, вероятно, для юного сына какого-нибудь лорда. Лойз она подошла почти точно. Лойз затолкала остальные кольчуги в ящик, а свою свернула как можно плотнее.

Беатрис была увлечена шкатулкой с драгоценностями и Лойз была уверена, что уже не один предмет из этой шкатулки был спрятан под платье женщины. Но это давало возможность Лойз почти открыто продолжать свои поиски, прикрыв найденное шелком, бархатом и мехами.

Чтобы усыпить подозрения Беатрис, она выбрала для себя кое-что из украшений, а потом позвала слуг и приказала отнести сундук в свою комнату. Она боялась, что Беатрис захочет вместе с ней осмотреть выбранное, но наживка действовала хорошо. Женщина горела от нетерпения остаться в одиночестве, чтобы полюбоваться своими приобретениями.

Быстро, но осторожно, Лойз принялась за работу. Ткани, вышивка, кружева были брошены на постель. Опустившись на колени, Лойз опустошила сундук. Кое-что она приготовила заранее. Но нужно было еще многое. Все свое приданое, которое она хотела унести с собой, она должна была разместить в заплечном мешке и седельных сумках.

Кольчуга, кожанная куртка и брюки, оружие, шлем, золотые монеты, пригоршня драгоценных камней. Поверх всего этого она снова сложила собственное платье, разгладила его. Она слегка запыхалась, но успела все расставить на свои места прежде, чем услышала шаги — Фальк возвращался за ключом.

Лойз быстро набросила себе на голову вуаль и последний раз взгляделась в зеркало-щит.

Глава 2. Кораблекрушение

Обстоятельства, которые она хотела использовать в свою пользу, действовали против нее в течении нескольких следующих дней. Хотя Ивьян сам не приехал в Верлейн, чтобы посмотреть на невесту и поторговаться из-за приданого и прав наследования, он прислал за ней почетную делегацию. И ей пришлось демонстрировать себя, скрывая нетерпение и растущее отчаянье.

Наконец, она отложила свои надежды на брачный пир, потому что тогда головы обитателей крепости затуманятся. Фальк хотел поразить посланников герцога своим гостеприимством. Он откроет двери своих винных подвалов, и тогда ей представится возможность осуществить свои планы.

Но сначала ударила буря, подул ветер такой силы, что Лойз, с детства живущая на берегу и знакомая с морем, никогда не видела ничего подобного. Поднялись такие волны, что пена долетала до окон ее комнаты наверху башни. Беатрис и женщины, посланные Фальком, чтобы помочь ей в шитье свадебного наряда, вздрагивали при каждом ударе ветра и волн.

Беатрис встала, по полу покатился поток прекрасного зеленого шелка, глаза женщины были тревожно расширены. Она сложила пальцы в священный знак своего забытого деревенского детства.

— Колдовская буря, — голос ее едва доносился сквозь рев шторма.

— Но здесь не Эсткарп, — Лойз прижала полоску кружев к сатину и начала делать ровные стежки. — У нас нет власти над ветром и водой. А Эсткарп не выходит за свои границы. Это просто буря. И если не хотите разгневаться лорда Фалька, не трепещите перед бурей: жители Верлейна их хорошо знают. Откуда же еще наши богатства? — она помолчала и вдела в иглоку новую нитку.

Беатрис повернулась к ней, губы ее напряженно изогнулись над маленькими зубами в лисьей усмешке.

— Я сама родилась на берегу и видела немало бурь. И потом собирала обломки. И больше, чем вы, леди! Но за всю свою жизнь я не видела такой бури! В ней зло, говорю я вам, большое зло!

— Зло для тех, кто должен довериться волнам, — Лойз отложила шитье, подошла к окну, но сквозь кружева пены нельзя ничего было разглядеть.

Служанка даже не делала вид, что работает. Она жалась к очагу, где горели дрова, раскачиваясь назад и вперед, прижимая руки к груди, как-будто у нее там болело. Лойз подошла к ней. Она не жалела многочисленных женщин замка — от бесчисленных предшественниц Беатрис, до служанок на кухне — и не интересовалась ими. Но теперь, когда была буря, она вопреки собственному намеренью спросила:

— Ты больна?

Девушка была чище других служанок. Возможно, ей велели помыться, прежде, чем идти сюда. Ее лицо привлекало внимание Лойз. Это была не деревенская девушка, не крестьяночка, привезенная сюда для удовольствия солдат, а затем отправленная на кухню. Лицо ее было маской страха: страх этот так долго составлял часть ее существа, что изменил лицо, как гончар изменяет форму глиняного кувшина. Но под страхом чувствовалось что-то прочное.

Беатрис резко рассмеялась:

— У нее ничего не болит, это только воспоминания. Она сама испытала кораблекрушение. Разве не так, сука? — и концом мягкого сапожка пнула служанку в бок, чуть не опрокинув ее в огонь.

— Оставь ее! — впервые Лойз дала волю гневу. Раньше она всегда держалась в стороне от жертв кораблекрушений

— ничего не могла сделать для них и не могла забыть увиденного.

Беатрис притворно улыбнулась. С Лойз она чувствовала себя неуверенно и поэтому не приняла вызова.

— Отошлите хнычущую дуру. Во время бури от нее все равно не добьешься работы. Мне жаль, что она умеет шить, иначе уже давно пошла бы на корм рыбам.

Лойз подошла к постели, на которой были разбросаны предметы одежды, взяла большую шаль и набросила ее на дрожащую девушку. Не обращая внимания на удивление Беатрис, Лойз опустила ее на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо.

Беатрис потянула ее за рукав.

— Как вы смеете? — вспыхнула Лойз.

На полных губах женщины заиграла улыбка.

— Уже поздно, леди. Лорду Фальку не понравится, что вы возитесь с этой дрянью, пока он подписывает контракт с посланниками герцога. Сказать ему, почему вы не идете?

Лойз спокойно посмотрела на нее.

— В этом, как и во всем остальном, я послушна желаниям лорда. И не вздумайте учить меня! — она неохотно отвела руки и сказала служанке:

— Оставайся здесь. Тебя никто не тронет. Понимаешь, никто!

Поняла ли девушка? Она раскачивалась, мучаясь старой болью, которая оставалась в ее душе, хотя шрамы с тела сошли.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах, — Лойз повернулась к Беатрис.

Та вспыхнула. Она не могла бросить вызов юной леди и знала это.

— Вам следовало бы поинтересоваться тем колдовством, которым владеет каждая женщина, — резко ответила Беатрис. — Я могу научить вас, леди, как привлекать внимание мужчины. Немного темной краски на брови и ресницы, немного помады на губы..., — раздражение оказалось забыто, женские инстинкты победили. Она критически и отвлеченно рассматривала Лойз, и та обнаруживала, что прислушивается, несмотря на презрение к Беатрис и всему что она представляла.

— Да, леди, если вы послушаетесь меня, вам, может быть, удастся оторвать взгляд лорда от этой Алдис. Есть и другие

способы, чтобы очаровать мужчину, — она облизнула губы кончиком языка. — Вы получите хорошее оружие, — и она приблизилась, в глазах ее горел огонь.

— Ивьян берет меня такой, какая я есть, — ответила Лойз, отказываясь от предложения Беатрис. — И должен быть доволен тем, что берет! — и, про себя, добавила: «Беатрис и не подозревает, насколько это верно.»

Женщина пожала плечами.

— Как угодно, леди. Но вам придется убедиться, что не все пойдет так, как вам хочется.

— А разве раньше было по-другому? — спросила Лойз. — Идите. Как вы сказали, уже поздно, а мне еще многое нужно сделать.

Со своим обычным холодным терпением, она выдержала церемонию подписания контракта. Герцог прислал за своей невестой трех совершенно различных людей, и Лойз было интересно рассмотреть их.

Рунольд был старым товарищем Ивьяна еще с времен наемничества. Его репутация солдата достигла даже такого захламления, как Верлейн. Странно, но его внешность не соответствовала его занятию и репутации. Она ожидала увидеть человека, похожего на Сенешаля отца, может, несколько более отшлифованного, а перед ней был одетый в шелка щеголь, с манерами и вежливым произношением, как-будто он никогда не испытывал на своих плечах тяжесть кольчуги. Круглый подбородок, глаза с длинными ресницами, гладкие щеки делали его моложе. И Лойз, пыталась сопоставить увиденное с тем, что слышала об этом человеке, чувствовала себя смущенной и немного испуганной.

Сирик, который представлял храм судьбы, завтра, когда ее рука будет лежать на рукояти топора, произнесет за Ивьяна должные слова. — Этот человек был стар. У него было красное лицо, а посреди низкого лба вздувалась пульсирующая вена. Слушая или негромко говоря что-нибудь, он непременно жевал кусочки сухих сладких конфет; слуга с коробочкой этих конфет постоянно находился поблизости. Желтая ряса священника топорщилась над солидных размеров животом.

Лорд Дуарт представлял древнее благородное семейство. Но и он не соответствовал своей роли. Маленького роста, худой, с постоянно дергающейся нижней губой, он производил впечатление человека, занятого крайне неприятной работой.

Отвечал он только на прямые вопросы. И, единственный из всех трех, уделял хоть какое-то внимание Лойз. Она заметила, что он задумчиво смотрел на нее, но в его манерах ничего не говорило о жалости и не обещало поддержки. Скорее всего, они свидетельствовали о каком-то препятствии, которое он хотел бы убрать со своего пути.

Лойз была благодарна обычаю, который позволял ей избежать ночного пира. Завтра она должна будет сидеть на свадебном пиру, и когда все достаточно выпьют, тогда... Цепляясь за эту мысль, она заторопилась в свою комнату.

Она совсем забыла о служанке и с удивлением увидела ее фигуру на фоне окна. Ветер затихал, буря как-будто кончалась. Но слышался другой звук, отдаленный и неясный. Соленный воздух ударил в лицо Лойз из открытого окна.

Разгневанная собственными тревогами, раздраженная ожиданием предстоящего, Лойз захлопнула окно. Хотя ветер стих, тучи по-прежнему озарялись молниями. И в момент такой вспышки Лойз увидела то, за чем уж давно следила служанка.

Прямо на ждущие клыки скал шли корабли — два... три больших корабля. Корабли несло предательское течение, которое прокляло и обогатило Верлейн. Должно быть, это была часть гордого флота могучего морского владыки. В коротких вспышках молнии Лойз не видела никакого движения на палубах, никаких попыток предотвратить судьбу. Призрачные корабли двигались навстречу гибели и это, по-видимому, никак не волновало экипаж.

На берегу появились огни. Много людей выходило из ворот Верлейна. Все хотели поживиться, хотя Фальк накладывал свою тяжелую руку на любую добычу. Люди несли сети, чтобы вытаскивать обломки и готовились к привычной работе. Лойз оттащила девушку от окна и занавесила его.

Но, к ее удивлению, обращенное к ней лицо девушки не было больше искажено страхом. В глубине темных глаз светился разум, возбуждение и нарастающая сила.

Девушка слегка склонила голову, словно прислушиваясь к звукам бури. Все яснее становилось, что где бы она не жила до того, как кораблекрушение привело ее в Верлейн, она была не просто солдатской девкой.

— Та, что долго прожила в этом здании, — голос служанки звучал как бы издалека, — выбери хорошо. В эту ночь решается судьба людей и стран.

— Кто ты? — спросила Лойз, а служанка продолжала меняться на глазах. Она не была чудовищем, которое по своему желанию может принимать форму зверя или птицы, как утверждали слухи о волшебницах Эсткарпа. Но то, что скрытно лежало в ней, замученное, почти убитое, теперь вполне ожило, показалось сквозь израненое тело.

— Кто я? Никто... ничто... Но приближается та, что собрала в себе то, чем я когда-то обладала. Выберешь хорошо, Лойз Верлейнская — живи, выберешь плохо — умрешь, как умирала я, по частям, день за днем.

— Этот флот..., — Лойз полуобернулась к окну. Неужели приближается завоеватель, настолько безжалостный, чтобы пожертвовать своими кораблями для захвата плацдарма на берегу? Безумная мысль. Корабли обречены, мало кто из экипажа сойдет на берег живыми, их тут же будут ждать жители Верлейна.

— Флот? — переспросила служанка. — Флота нет, есть только жизнь или смерть. В тебе есть что-то от нас, Лойз. Докажи это и ты выиграешь.

— Что от вас? Но кто вы?

— Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, Лойз Верлейнская, прежде, чем ваши люди вытащили меня из моря.

— Кем же ты была? — послушно спросила ее Лойз, как ребенок, повинующийся приказу старшего.

— Я из Эсткарпа, женщина с морского берега. Понимаешь? Да, я обладала силой — пока она не вытекла из меня в зале внизу под смех и крики мужчин. Дар принадлежит нам, женщинам, пока тела наши не тронуты насилием. Для Верлейна я была всего лишь женщиной, и больше ничего. Там я утратила то, что составляло мою жизнь, утратила себя.

— Понимаешь ли ты, что это значит — потерять себя? — она изучала Лойз. — Да, понимаешь, судя по тому, что ты собираешься сейчас сделать. Мой дар исчез, раздавленный как последний уголек костра, но пепел остался. Поэтому и я знаю, что буря приносит к нам более великую, чем я когда-либо надеялась стать. И именно она определит наше будущее, и не только наше!

— Волшебница! — Лойз не отпрянула, наоборот, ее охватило возбуждение. Сила Эсткарпских женщин была легендарной. Лойз жадно прислушивалась к рассказам об этой силе, доходившим до Верлейна. И теперь горько сожалела — почему она не знала раньше об этой женщине.

— Да, волшебница. Так нас называют, когда начинают немного понимать. Но не думай, Лойз, что сможешь что-нибудь получить от меня сейчас. Я — лишь обгоревшая головешка, а когда-то во мне пылал огонь. Напряги свою волю и разум, чтобы помочь той, что приближается.

— Волю и разум! — Лойз хрипло рассмеялась. — У меня есть воля и разум, но нет власти. Ни один солдат не подчинится мне, не шевельнет пальцем по моей просьбе. Лучше обратиться к Беатрис. Когда отец доволен ею, она пользуется некоторым влиянием.

— Тебе нужно будет лишь использовать представившуюся возможность, — женщина сняла шаль, аккуратно свернула ее и, направляясь к двери, положила на кровать. — Воспользуйся возможностью, Лойз. И спи сегодня спокойно — твой час еще не настал.

И прежде, чем Лойз успела остановить ее, она выскользнула за дверь. Комната опустела, словно женщина унесла с собой всю жизнь, пульсирующую в скрытых тьмой углах.

Лойз медленно сняла свой торжественный наряд, расплела наощупь волосы, не заглядывая в зеркало. Ей казалось, что кто-то тайно подглядывает за ней. Много подлых и грязных поступков совершалось в большом зале внизу с тех пор, как хозяином Верлейна стал Фальк. Но, как подумала Лойз, один из этих поступков, связанный с женщиной из Эсткарпа, будет отомщен.

И так задумалась она, что даже забыла — ведь у нее канун брачного торжества. Впервые, за все время, она не доставала вооружение со дна сундука и не радовалась тем возможностям, которые оно давала.

На берегу выл ветер, хотя и не поднимал пену так высоко, как раньше. Люди на берегу, прячась, ждали, пока волны принесут им добычу. С берега флот выглядел более внушительно, чем с башни Лойз.

Рунольд плотнее запахнул плащ, всматриваясь в полутьму. Корабли не из Карстена и, следовательно, крушение выгодно герцогству. Рунольд считал, что они являются свидетелями последних минут вражеского набега. И вдвойне хорошо, что он может в таком случае присмотреть за Фальком. Ходят слухи об огромных богатствах Верлейна, полученных морским грабежом. А поскольку герцог берет в жены это бледное ничтожество, он потребует точных сведений о богатствах своей жены. Да, судьба улыбнулась, послав Рунольда

в этот вечер на берег, чтобы он мог наблюдать, собирать сведения и готовить доклад для герцога.

Убедившись, что обреченные корабли уже не смогут вернуться от берега, верлейнцы с фонарями в руках высыпали из укрытий... Боже, дураки на кораблях примут эти фонари за бакены. Тем лучше. Они лишь сэкономят время грабителей.

И вот лучи фонарей протянулись над вздымающимися волнами, коснулись раскачивающегося носа первого корабля. Нос корабля высоко вздымался в волнах, наблюдатели кричали, заключали торопливые пари на счет того, где произойдет крушение. Корабль высоко поднялся и устремился прямо на скалы. И вдруг исчез!

Люди на берегу столкнулись с невозможным. Вначале некоторые, особо впечатлительные решили, что корабль перевернулся и забросили сети. Но в сетях ничего не было — ни корабля, ни обломков.

Никто не шевельнулся. В первое мгновение никто не поверил своим глазам. Приближался второй корабль. Он двигался прямо на скалу на которой стоял Рунольд с Фальком, как будто направляемый невидимым рулевым. Ни одного живого существа не было видно на палубе.

Снова волны подняли корабль, чтобы бросить его на скалы. На этот раз корабль был так близко к берегу, что Рунольд подумал: с того места, где он стоит, можно прыгнуть на пустынную палубу. Все выше и выше вздымался нос, фантастическая резная фигура на нем скалила зубы в небо. Потом — вниз, в потоке воды.

И корабль исчез.

Рунольд схватился одной рукой за Фалька и сам увидел на его лице выражение невероятного ужаса. А когда к рифам устремился третий корабль, люди Верлейна побежали с криками страха. Брошенные фонари освещали пустынный берег и сети.

Позже, чья-то рука схватилась за такую сеть и сжала ее в последнем отчаянном усилии. Тело перекатывалось в прибое, но сеть выдержала, а рука не разжалась. Ползком по берегу — и вот уже полумертвый пловец лег навзничь на берегу и уснул.

Глава 3. Пленная волшебница.

Жители Верлейна единодушно решили, что исчезнувший флот был иллюзией, вызванной демоном. На следующее утро, Фальк никого из своих людей не смог отправить на берег. Да он и не пытался таким образом проверить, насколько велика его власть.

Но брак следовало завершить прежде, чем хоть один намек на случившееся достигнет Карса и даст герцогу законный повод отказаться от наследницы Верлейна. Чтобы преодолеть суеверие и страх, который могли питать посланцы герцога, Фальк неохотно отвел их в сокровищницу и сделал ценные подарки, отложив в сторону меч с украшенной жемчугом рукоятью как знак восхищения воинской доблестью герцога. Но под роскошным нарядом Фальк покрылся потом и боролся с желанием отдать приказ проверить все темные уголки.

Он заметил также, что никто из его гостей неупоминал, о происшествии на скалах, и размышлял, хорошо ли это или плохо. Только когда за час до венчания они оказались в кабине Фалька, Рунольд извлек из своего мехового плаща маленький предмет и осторожно поставил в полоску солнечного света, падающего из окна.

Сирик, придерживая живот, запыхтел, с любопытством разглядывая этот предмет.

— Что это, лорд-командующий? Вы отобрали у деревенских мальчишек эту игрушку?

Рунольд взвесил игрушку на ладони. Хотя и неуклюже вырезанный, деревянный предмет явно имел форму корабля. А мачтой служила обломанная палочка.

— Это благочестивый голос, — мягко ответил Рунольд, — могучий корабль, один из тех могучих кораблей, которые мы видели прошлым вечером. Да, это игрушка, но мы не играем такими. И ради безопасности Карстена я обязан спросить, какие дела у вас, лорд Фальк, с порождением тьмы, ведьмами из Эсткарпа?

Фальк напряженно смотрел на игрушечный корабль. Лицо его побелело, а потом покраснело от прилива крови. Яростным усилием он сдержал вспышку гнева. Если он сейчас ошибется, то может проиграть все.

— Разве я послал бы людей на берег, готовясь захватить добычу с этого корабля? — он придал своему голосу оттенок торжественности.

— Я полагаю, вы сегодня утром выловили эту игрушку в воде, лорд-командующий. Но почему вы считаете, что это часть Эсткарпской магии и что корабли, которые мы видели, рождены этим колдовством?

— Да, я подобрал это утром на песке, — согласился Рунольд, — и я кое-что знаю о колдовских иллюзиях. К тому же мы, я и мои люди, пошли на берег утром и нашли сокровище, которое может соперничать с теми, что вы показывали нам. Марк, Джотек! — вошли два щитonosца, ведя на веревке пленника. — Передаю вам часть флота, — Рунольд отдал корабль Фальку. — А теперь, лорд Фальк, если не ошибаюсь, я могу показать вам того, кто сделал этот флот. Не думаю, что бы я ошибался.

Фальк привык к полумервым пленникам, которых море выбрасывало на берег, и знал, как обращаться с ними. Причем, его обращение обычно заканчивалось одинаково. До сих пор он благополучно решал такие проблемы. Рунольд несколько обеспокоил его, но теперь к Фальку вернулась обычная самоуверенность.

— Итак, — он откинулся в кресле, улыбаясь в предвкушении развлечений, — вы считаете, что захватили волшебницу, — Фальк в упор разглядывал пленницу. Худая, но сразу видно, что сильная — хорошая предстоит забава. Может, Рунольд сам хочет приручить ее. Эти колдуньи не отличаются красотой, а эта так обмыта, будто целый месяц провела в волнах. Он внимательно вглядывался в обрывки одежды, почти не скрывающие ее тела.

Одежда кожаная — такую носят под кольчугой! Значит, женщина была вооружена. И Фальк шевельнулся. Одета в кольчугу колдунья и иллюзорный флот. Неужели Эсткарп выступил и цель выступления — Верлейн? У Эсткарпа немало оснований быть недовольными Верлейном, хотя до сих пор никаких враждебных действий с его стороны не было. Обдумаем позже, сейчас все внимание — Рунольду и тому, как удержать Карстен в качестве союзника.

Фальк тщательно избегал взгляда пленницы.

— Разве в Карсе неизвестно, лорд-командующий, что эти колдуньи силой взгляда могут подчинить человека своей воле? Ваши щитonosцы не приняли мер предосторожности.

— Похоже, вы что-то знаете об этих колдуньях?

«Осторожно, — подумал Фальк, — этот Рунольд стал правой рукой Ивьяна не только из-за своего меча. Надо показать ему, что Верлейн не предатель и не болван».

— Эсткарп уже платил дань нашим берегам, — Фальк улыбнулся.

Рунольд, видя его улыбку, отдал приказ:

— Марк, набрось свой плащ на ее голову.

Женщина не шевельнулась и не издала ни звука с тех пор, как ее ввели. Может, она до сих пор находилась в полубессознательном состоянии от долгого прибывания в воде или от удара о скалу. Но ни один из людей Верлейна не ослабил своей бдительности только потому, что пленник не кричит, не умоляет, не отбивается бесполезно и отчаянно. Лишь когда на голову женщина был наброшен плащ, Фальк заговорил, наклонившись вперед: слова его были обращены скорее к женщине, чем к мужчинам. Он хотел проверить по ее реакции, в каком она состоянии.

— Разве вам неизвестно, лорд-командующий, как разоружить колдунью? Это очень просто... И довольно приятно, — и он пустился в непристойные подробности.

Сирик рассмеялся, поддерживая руками колышущийся живот. Рунольд улыбнулся.

— Да, вы в Верлейне из всего можете извлекать удовольствие, — согласился он.

Лишь лорд Дуарт оставался спокойным. Он сидел, положив руки на колени. Постепенно на его щеках появилась краска.

Полускрытая фигура не пошевелилась и не издала ни звука.

— Уведите ее, — приказал Фальк, — отведите к Сенешалю, он сохранит ее для нашего удовольствия. Для каждого удовольствия — свое время.

Теперь это был вежливый хозяин, занимающий прочное положение.

— А теперь доставим удовольствие лорду-герцогу — дадим ему жену.

Фальк ждал. Никто не знал, с каким огромным напряжением он вслушивался в ответ Рунольда. Пока Лойз стоит у алтаря редко используемой церкви, держа руки на рукояти топора, а Сирик произносит слова обряда, Рунольд именем своего повелителя может прекратить венчание. Но как толь-

ко Лойз станет герцогиней Карстена, пусть лишь по названию, Фальк сможет свободно двигаться по пути, который он давно рассчитал.

— Да, да, — Сирик встал, с пыхтением расправляя складки плаща. — Венчание. Не нужно заставлять леди ждать, лорд Дуарт... Молодая кровь — нетерпеливая кровь. Идемте же, лорды... Венчание! — это был его час, и этот выскочка-солдафон не может помешать ему. Гораздо приличнее, если топор понесет, и будет замещать своего повелителя, благородный лорд Дуарт. Это предложил он, Сирик, и Ивьян тепло поблагодарил его перед выездом из Карстена. Да, Ивьян поймет... уже понял, что за поддержку храма братства и таких благородных семей, он больше не должен слушать разбойников, типа Рунольда. После венчания, солнце Рунольда должно закатиться.

Было холодно. Лойз металась по балкону большого зала — сердцу крепости. Она терпеливо стояла, пока произносились тосты, но не собирались делать вида, что верит в пышные слова и испытывает счастье. Лойз не понимала такого счастья. Она хотела только свободы.

Захлопнув за собой дверь и закрыв ее на три запора, она принялась за работу. Сняв с шей, головы и ушей драгоценности, она бросила их на пол. Длинное платье было откинута в сторону. И вот, наконец, Лойз стоит перед зеркальным щитом, слишком возбужденная, чтоб чувствовать холод, идущий от каменных стен. Расплетенные волосы тяжело лежали на плечах, опускаясь до обнаженных бедер.

Прядь за прядью, безжалостно обрезала она их ножницами, длинные локоны падали на пол. Вначале быстро, а затем — медленно и осторожно, пока голова не приобрела такой вид, как полагается под шлемом. Те хитрости, которые Лойз презирала в изложении Беатрис, теперь пригодилась, она осторожно натерла брови и ресницы смесью сажи. Занятая этим делом, она почти не смотрела в зеркало. И вот, немного отступив, она критически рассмотрела свое отражение, весьма удивленная увиденным.

Настроение у нее поднялось, она была почти уверена, что сможет пройти незамеченной через большой зал и даже, если Фальк узнает ее... Нет, он не сможет ее узнать! Она подбежала к кровати и стала одевать приготовленную одежду.

Одевшись и застегнув оружейный пояс, она потянулась за седельными сумками. Но рука ее двигалась медленно. Поче-

му это ей вдруг так не хочется покидать Верлейн? Она выдержала брачную церемонию, скрывая свою цель. И знает, что пир — лучшее время для осуществления ее замысла. Лойз сомневалась, что хоть один человек в замке или вне его, сегодня соблюдал бы бдительность. К тому же, она знала потайной ход.

Но что-то удерживало ее: она ждала, теряя драгоценное время. Испытывая сильное желание вернуться на нависающий над залом балкон, она бессознательно кинулась к двери.

Что сказала служанка? Кто-то приближается на крыльях бури, хорошо используй возможность, Лойз Верлейнская! Что ж, вот ей возможность, и она готова воспользоваться ей со всем умом и хитростью, которые развила у нее жизнь в доме Фалька.

Но двинулась она не к потайным ходам, о которых Фальк и его люди ничего не знали, а к этой двери. И пока она боролась с этим безрассудным желанием, руки ее сами собой открывали запоры, и вот она уже в зале, каблуки ее сапог стучат по ступеням лестницы.

Точно так же, как огонь в очаге не согревал верх зала, шум снизу доносился сюда приглушенным, трудно было различить отдельные слова. Мужчины пили и ели, скоро они начнут думать о развлечениях. Лойз вздрогнула, но оставалась на балконе. И взгляд ее не отрывался от главного стола, как будто ей важно было видеть происходящее.

Сирик, который в церкви приобрел даже некоторое достоинство, теперь был сплошным животом. Он швырял в рот содержимое бесчисленных тарелок и подносов, хотя его соседи по столу давно уже пили только вино.

Беатрис, которая не имела права находиться за столом, пока в зале оставалась Лойз — Фальк настаивал на соблюдении некоторых приличий — сейчас пользовалась возможностью. Украшенная роскошной брошью из сокровищницы, она перегнулась через резную ручку кресла своего любовника, стараясь привлечь его внимание. Но Лойз заметила — она осталась только наблюдателем, и ее чувства обострились — что время от времени Беатрис обещающе поглядывала на Рунольда. В то же время, она искусно предоставляла для обозрения свои круглые белые груди и плечи, выступающие из платья.

Лорд Дуарт сидел, задумчиво глядя в кубок, как бы читая в его глубине какое-то сообщение, которое предпочел бы не

читать. Четкие линии одежды, худоба старческого лица, придавали ему вид врача в этом роскошном собрании. Он явно не получал удовольствия от этого пира.

Лойз должна была идти, и немедленно! В кожаной одежде и кольчуге, поверх которой наброшен плащ, она стояла смутной тенью, среди множества теней, в затуманенных винными парами глазах. Ее никто не заметит. Лойз сделала шаг, другой, но тут тот же бессловестный приказ, который привел ее сюда, вернул к перилам балкона.

Рунольд, наклонившись вперед, разговаривал с ее отцом. Красивый человек, интереса к нему со стороны Беатрис следовало ожидать. У него было яркое лисье лицо с лисьей же щетиной усов. Рунольд сделал какой-то жест, и Фальк рассмехался, звуки его голоса донеслись до ушей Лойз.

На лице Беатрис появилось выражение сильного отвращения. Она схватила Фалька за рукав, губы ее двигались, но слов Лойз разобрать не могла. Фальк даже не повернул к ней головы. Он толкнул ее от стола с такой силой, что Беатрис с размаху упала на пыльный пол.

Лорд Дуарт встал, поставил свой кубок. Тонкими белыми руками, с вздутыми синими венами, он плотнее запахнул на шее воротник мехового плаща, как-будто он один, среди всех собравшихся, ощутил холод, от которого онемело тело Лойз. Он медленно заговорил. Ясно было, что он против чего-то протестует. И по тому, как он отвернулся от стола, было ясно, что он не ждет вежливого согласия.

Рунольд рассмеялся, а Фальк забарабанил пальцами по столу, подавая сигнал слугам. Старейший из посланников герцога, лавируя между столами, направился к лестнице, ведущей в его комнату.

Движение у двери, ведущей в зал. Там появились воины в полном вооружении и построились, образуя проход к помосту, на котором стоял главный стол. Шум слегка стих, когда ввели пленника. Лойз показалось, что это мужчина со связанными за спиной руками. Но она не могла понять, зачем на голову пленника надели мешок, так что он шел, запинаясь.

Фальк вытянул руку, указывая на место между собой и Рунольдом. При этом он толкнул кубок Дуарта, все содержимое которого вылилось на рясу Сирика. Горячие же протесты Сирика никто не заметил. Из кармана Фальк извлек две монеты, подобрал их в воздух. Они покатались по столу

и упали так, что стали видны надписи. Фальк пододвинул монеты к Рунольд, давая ему право первого броска.

Рунольд подобрал монеты, рассмотрел их, отпустив какое-то насмешливое замечание, и бросил. Мужчины наклонили головы. Затем бросил Фальк. Беатрис, несмотря на грубый отпор, подползла, не отрывая взгляда от монет. Когда монеты легли, Беатрис снова ухватилась за рукоять кресла Фалька, словно результат придал ей храбрости. Фальк рассмехался и сделал шутливый жест в сторону гостя.

Рунольд встал и двинулся к концу стола. Стоявшие около пленника расступились и Рунольд остановился перед ним. Он не стал снимать мешка с его головы, а принялся развязывать ремешки, стягивающие его кожаную куртку. Рывком он сдернул одежду до талии, и все вскрыкнули.

Под улыбки мужчин, Рунольд схватил женщину за плечо. Проявив удивительную для своей хрупкой фигуры силу, он вскинул женщину на плечо и двинулся к лестнице. Не один Фальк выразил неудовлетворение: намеченное развлечение ускользало. Но Рунольд покачал головой и продолжал свой путь.

Пойдет ли Фальк за ним? Лойз стала дожидаться. Как она сможет справиться с Фальком? Или даже только с Рунольдом? И почему она должна помогать этой жертве Фалька? Одной из многих. И хотя она понимала, что этого делать не следует, ноги сами несли ее и она продолжала действовать вопреки рассудку.

Она торопливо вернулась в свою комнату, обнаружив, что в новом наряде легче бежать. Снова на место легли массивные запоры. Она шагнула к щиту, не обращая внимания на отражение юноши в кольчуге. И вот щит отошел, превратившись в дверь.

За дверью было темно. Лойз придется положиться на память, на результат многочисленных походов, которые она предпринимала с тех пор, как три года назад наткнулась на эту дверь. По-видимому, теперь в Верлейне никто не подозревал о существовании этой разветвленной системы подземных ходов.

Ступеньки спускались, она считала их вслух. Внизу проход, затем — резкий поворот. Лойз держалась одной рукой за стену, стараясь определить кратчайший путь к цели.

Еще ступеньки, на этот раз — вверх. Светлое отверстие в стене — один из глазков для подглядывания. Должно быть

населенная комната. Лойз, приподнявшись на цыпочки, заглянула. Да это одна из спален.

Лорд Дуарт, выглядевший еще более сморщенным и старым без верхнего плаща с пышной меховой отделкой, стоял у очага, протягивая руки к огню. Рот его шевелился, как будто он не мог выговорить какое-то горькое слово.

Лойз заторопилась дальше. Следующее отверстие было темным: оно, несомненно, вело в комнату Сирика. Дальше виднелся еще один кружок золотистого света. Лойз была так уверена в себе, что, не заглядывая в отверстие, направилась к потайному ходу.

Приглушенные звуки, вскрик. Лойз изо всех сил нажимала на скрытую пружину. Но механизм давно не смазывали: не было причин держать двери в рабочем состоянии. Дверь не поддавалась. Лойз уперлась рукой в стену и налегла всем телом. Дверь внезапно поддалась и Лойз, едва избежав падения, ухватилась за косяк.

Она повернулась, выхватывая меч с быстротой, которой она была обязана долгим тайным упражнениям. На нее с постели, где лорд-командующий пытался удержать свою жертву, смотрело удивленное лицо Рунольда. С быстротой и гибкостью кошки он скользнул на противоположную сторону, оставив женщину и потянувшись за оружейным поясом, который лежал на стуле.

Глава 4. Потайные ходы

Лойз забыла о своей новой внешности и о том, что Рунольд увидел в ней мужчину, пришедшего отобрать у него добычу. У нее в руке был меч, но вопреки обычаю, Рунольд схватил самострел. Но внимание его двоилось между вновь вошедшим и женщиной, которая, несмотря на связанные руки, по сбитым простыням ползла к нему.

Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, Лойз схватила верхнюю одежду, сброшенную Рунольдом, и бросила в него. Тем самым она спасла себе жизнь. Цель была сбита, и стрела дрожала в стене, а не в груди у девушки.

С проклятием Рунольд отшвырнул одежду и устремился к женщине. Но та и не пыталась спастись. Напротив, она стояла неподвижно, со странным спокойствием глядя в лицо Рунольда. Губы ее раздвинулись, и оттуда выскользнул

овальный предмет. Он повис на короткой цепочке, которую женщина удерживала в зубах.

Рунольд не двигался. Глаза его, под полузакрытыми веками, не отрывались от раскачивающейся тусклой жемчужины.

Лойз застыла при виде сцены, которая могла произойти только в кошмарном сне. Женщина повернулась, и Рунольд, не отрывая взгляда от камня, двинулся за ней. Женщина протянула к Лойз связанные руки, частично скрыв своим телом Рунольда от девушки.

Глаза Рунольда двигались слева направо и обратно, а когда камень остановился, он тоже застыл. Рот его безвольно раскрылся, на лбу выступили капли пота.

Лойз по-прежнему чувствовала на себе волю, приведшую ее сюда. Она разрезала веревку, грубо стягивающую руки женщины. И эти руки тяжело упали, как-будто женщина не владела ими.

Рунольд наконец двинулся. Руки, державшие самострел, начали поворачиваться, словно преодолевая сильное сопротивление. Кожа его блестела от пота, изо рта показались струйки слюны.

Глаза его жили, полные ненависти и усиливающегося ужаса. Руки продолжали поворачиваться, а он не в силах был оторвать взгляда от камня. Плечи его задрожали. Лойз чувствовала, как он борется, отчаянно и бесполезно. Он уже не хотел убивать, он хотел только бежать. Но для лорда-командующего Карстена спасения не было. Ствол самострела уперся в его горло. Рунольд застонал, негромко, как пойманное животное. Щелкнул курок.

Выпустив фонтан крови, освобожденный от воли, которая привела его к смерти, он упал лицом вперед. Женщина гибко отстранилась, потянув за собой Лойз. Рунольд упал на кровать, голова и плечи его свесились, колени лежали на полу, как-будто он молился, руки дергались в агонии.

Впервые женщина взглянула прямо на Лойз. С усилием она пыталась поднести руку ко рту, удерживая стон, а затем снова взяла камень в рот и повелительно указала на отверстие в стене.

Лойз слышала кое-что о магии Эсткарпа, но это были сказки о далеких событиях и от слушателя никогда не требовалась полная вера. Исчезновение флота на рифах в предыдущий вечер описала ей Беатрис, помогая одеваться для

венчания. Но Лойз тогда была так поглощена собственными надеждами и страхами, что почти ничего не слышала.

То, что она увидела сейчас, превосходило все ее представления, и она отшатнулась от прикосновения колдуньи, углубившись в путаницу переходов, желая только вывести пленницу и оказаться отделенной от нее безопасными стенами. Женщина шла за ней с готовностью, свидетельствующей, что она сохранила немало энергии, вопреки жестокому обращению.

Лойз не хотела задерживаться у тела Рунольда. Она к тому же боялась, что сам Фальк, лишенный любимого развлечения, может ворваться в любую минуту. И все же с большой неохотой она захлопнула потайную дверь. Дрожь пробежала по телу девушки, когда колдунья в темноте схватила ее за руку. Лойз сама взялась за пояс волшебницы и потянула ее за собой.

Они направились в комнату Лойз. Оставалось очень мало времени. Если Фальк последует за Рунольдом, если только в комнату случайно зайдет слуга Рунольда, если отец вздумает искать ее... Лойз до рассвета должна быть за пределами Верлейна! И приняв такое решение, она вела волшебницу по темным переходам.

Но, оказавшись на свету, Лойз не могла быть такой черствой, как советовал ей рассудок. Она отыскала мягкую ткань, обмыла и перевязала раны на руках волшебницы. И выбрала из своей одежды все необходимое.

Наконец, волшебница настолько хорошо овладела своими руками, что смогла поднести их ко рту. Камень выскользнул изо рта волшебницы. Она не позволила Лойз коснуться камня, да девушка и не хотела этого.

— Мне на шею, — это были первые ее слова.

Лойз подхватила цепочку и надела ее на шею женщины, как раз под кончики волос, торопливо обрезанных, может быть, по той же причине, что и у нее самой.

— Спасибо, леди Верлейна, — теперь ее голос звучал почти хрипло, — теперь глоток воды.

Лойз поднесла чашку к ее рту.

— Вряд ли нужно благодарить меня, — ответила она, собрав всю храбрость, — похоже, что вы владеете оружием не менее могущественным, чем сталь.

Над краем чашки глаза волшебницы улыбались. Лойз, встретившись с этим взглядом, утратила часть своего страха,

но попрежнему чувствовала себя такой юной, неуклюжей и неуверенной в себе.

— Я не могла использовать это оружие, пока вы не отвлекли внимание моего предполагаемого компаньона по постели, благородного лорда-командующего. Даже ради спасения собственной жизни его нельзя отдавать в чужие руки. Довольно об этом, — она подняла руки, осматривая рубцы на запястьях. Потом оглядела комнату, заметила шаль на полу, груды стриженных волос, седельные сумки.

— Похоже, вы не собирались в свадебное путешествие, миледи герцогиня.

Не тон, а власть, звучавшая в этом голосе, заставила Лойз ответить правдиво:

— Я не герцогиня Карстена, леди. Да, надо мной произнесли должные слова перед лордами Ивьяна, потом воздали мне почести на коленях, — она слабо улыбнулась, вспомнив, каким испытанием это было для Сирика. — Я не выбирала Ивьяна, я согласилась на брак, только чтобы скрыть свое бегство.

— Но вы помогли мне, — волшебница смотрела на Лойз своими большими темными глазами, которые, казалось, прожигали мозг.

— Я не могла поступить иначе! — вспыхнула девушка.
— Что-то заставило меня. Ваше колдовство, леди?

— Возможно, возможно. Я обратилась по-своему ко всем в этих стенах, кто может услышать меня. Похоже, нас объединяет нечто большее, чем общая опасность, леди Верлейна, или, — она открыто улыбнулась, — учитывая изменения вашей внешности, лорд Верлейна.

— Зовите меня Брайантом, наемником со щитом без герба, — выпалила Лойз подготовленное заранее.

— И куда вы направляетесь, Брайант? Наниматься в Карс? Или на север? На севере нужны наемники.

— Эсткарп воюет?

— Скорее, его вынуждают воевать. Но это другой вопрос, — она встала. — Мы сможем обсудить это, когда выберемся за эти стены. Я уверена, вы знаете выход.

Лойз взвалила седельные сумки на плечо, набросила на шлем капюшон плаща. Когда она собиралась погасить свет, волшебница указала на шаль. Сердясь на собственную забывчивость, Лойз собрала пряди волос и бросила их в огонь.

— Хорошо сделано, — заметила волшебница, — не остав-
ляй ничего, что может потянуть тебя назад. Волосы обладают
особой властью, — она посмотрела на среднее окно. — Оно
выходит на море?

— Да.

— Оставим ложный след, Брайант. Пусть Лойз Верлейн-
ская умрет, скрывая побег.

Несколько мгновений потребовалось на то, чтобы открыть
окно и бросить вниз свадебное платье. Волшебница так же
велела привязать к каменному подоконнику полоску из про-
стыней.

— Увидев это, — сказала она, — они вряд ли будут искать
другие выходы из комнаты.

Они снова прошли через зеркальную дверь и направились
вниз, во тьму. Лойз сказала, что нужно придерживаться пра-
вильного направления — правой стороны — и спускаться ос-
торожно. Стена под их руками становилась влажной, в
воздухе чувствовался запах моря, смешанный с запахом гни-
ения. Вниз, вниз. Скоро стал слышен гул волн. Лойз считала
ступени.

— Вот! Этот проход ведет к странному месту.

— Странное место?

— Да, я не люблю здесь задерживаться, но у нас нет вы-
бора. Придется подождать рассвета, иначе нам не выбраться.

Она двинулась вперед, преодолевая сомнения и тревогу.
Трижды она проходила этим путем в прошлом и каждый раз
ощущала таящуюся во тьме угрозу. И сейчас она пробира-
лась, таща за пояс волшебницу.

Во тьме волшебница затаила дыхание. И вдруг она шепо-
том сказала:

— Это Место Власти.

— Это странное место, — упрямо возразила Лойз.

— Мне оно не нравится, но оно стережет ворота Верлей-
на.

Хотя было по-прежнему темно, они чувствовали, что про-
ход расширяется. Лойз увидела лучик света — в щель над
головой светила звезда.

Но вот показался другой свет, который становился все яр-
че, словно отдернули какой-то занавес. Пятно света двига-
лось над поверхностью земли в воздухе — удивительное
круглое серое пятнышко. Послышались странные напевные
слова, и Лойз поняла, что светился камень волшебницы.

По коже Лойз пробежали мурашки, воздух был словно наполнен энергией. Лойз испытала странное чувство, похожее на голод. Она не могла сказать, чего ей хочется. В прежние посещения этого места она боялась и заставляла себя преодолевать страх, теперь же страх остался позади и ее охватило новое чувство, которое она не сумела бы определить.

Волшебница, видимая в свете, лившемся из камня на ее груди, раскачивалась из стороны в сторону, у нее было восхищенно-напряженное лицо. Поток слов продолжал литься из ее уст — просьбы, защитные заклинания, убеждения — Лойз не могла сказать, что именно. Но девушка знала, что они обе пойманы в сети какой-то энергетической субстанции, исходящей от скалы под ногами, от стен. Проснулось что-то, спавшее столетия.

Почему? Что? Лойз медленно обернулась, вглядываясь в темноту. Что скрывалось за тем слабым светом, что давал камень?

— Мы должны идти! — это властно произнесла волшебница. Ее темные глаза были широко раскрыты, руки неуклюже двинулись к Лойз.

— Я не могу контролировать силы, большие, чем моя собственная! Это древнее место, оно не человеческое и превосходит наши знания. Здесь некогда поклонялись богам. Богам, чьи алтари не воздвигались вот уже много тысяч лет. Прсыпаются остатки прежнего могущества! Где выход? Мы должны попытаться уйти, пока это еще возможно.

— Свет вашего камня..., — Лойз закрыла глаза, вспоминая, куда идти дальше. — Сюда, — показала она вперед.

Шаг за шагом, волшебница уходила в этом направлении и свет уходил за ней, как и надеялась Лойз. Широкие вырубленные ступени, закругленные временем, возвышались справа от них. Лойз знала, что они ведут к широкой каменной площадке под крышей.

По этой площадке они проползли к дальней стене. В свете камня был виден спуск. Во тьме рискованно было спускаться по лабиринту из скал и глины, но на Лойз подействовала тревога волшебницы.

Спуск оказался трудным, как и опасалась Лойз. Хотя ее спутница не жаловалась, Лойз знала, какие мучения та испытывает, используя при спуске свои опухшие руки. Где могла, девушка помогала ей. И вот они преодолели спуск и

лежат на жесткой траве, а вокруг них соленый воздух и сероватое небо, которое говорит о том, что рассвет близок.

— По морю или по земле? — спросила волшебница. — Будем искать лодку на берегу или направимся в холмы?

Лойз села.

— Ни то, ни другое, — хрипло ответила она, — мы на пастбище, которое отделяет крепость от моря. В это время года лошадей отпускают свободно пастись. В хижине у ворот есть сбруя, но ее могут охранять.

Волшебница рассмеялась.

— Один стражник? Слишком мало, чтобы остановить двух решительных женщин. Покажите мне эту хижину, и я избавлю ее от охраны.

Они пошли по пастбищу. Лойз знала, что лошади держатся поближе к хижине. Их привлекает соль, которую принесли сюда за два дня до бури. Камень, после выхода из подземелья, перестал светиться и им приходилось осторожно выбирать себе путь.

Над дверью хижины горел свет, и в свете фонаря Лойз увидела лошадей. Тяжелые боевые кони, выращенные, чтобы нести вооруженных воинов в битву, не интересовали ее. Но тут были лошади и меньшего роста, с грубой шерстью, используемые для охоты в холмах. Эти лошади были выносливее и быстрее других рысаков, которых подбирал себе Фальк.

В круге света виднелись как раз два таких коня — как будто они явились по ее тайному зову. Лошади, казалось, беспокоились: они мотали головами, трясли гривами. Лойз положила на землю сумки и негромко свистнула. К ее облегчению, лошади подошли, принюхиваясь друг к другу. Пряди грив спускались им на глаза.

Только бы они оказались послушными под сбруей! Лойз медленно обошла их и приблизилась к хижине. Охраны не было. Неужели охранник покинул свой пост ради пира? Это может стоить ему жизни, если Фальк узнает.

Лойз толкнула дверь, та заскрипела. И вот она вглядывается в помещение, пахнущее лошадьми и промасленной кожей, да еще тем крепким напитком, который гонят из меда и трав. После третьего кубка этого напитка даже Фальк отправляется спать. Нога Лойз задела кувшин, который откатился в сторону. Из его горлышка шел винный запах. Охранник лежал на соломенном матрасе и шумно храпел.

Два седла, два набора сбруи, используемой охотниками и гонцами. И вот Лойз снова в поле, дверь закрылась за ней.

Лошади послушно позволили себя оседлать. И когда женщины направились верхом по дороге — единственному пути из Верлейна, волшебница вторично спросила:

— Куда же вы направляетесь, щит без девиза?

— В горы, — Лойз продумала в подробностях лишь план бегства из Верлейна. Теперь, верхом на лошади, вооруженная, она не могла заглядывать дальше. Свобода, бегство из Верлейна — это казалось такой трудной, такой невозможной задачей, что все силы были направлены на ее решение, и девушка не думала о поездке через неизвестное. — Вы говорите, Эсткарп воюет? — она никогда всерьез не думала о поездке через дикие земли между Верлейном и южными границами Эсткарпа, но с волшебницей в качестве попутчицы, это было бы лучшим выходом.

— Да, Эсткарп воюет, щит без девиза. Но не задумывались ли вы о Карсе, леди? Не хотите ли тайно взглянуть на свое государство, которое вы храбро отвергли?

Лойз, изумленная, дернула поводья, так что лошадь чуть не опустилась на колени.

— Карс?! — повторила она.

Что-то зашевелилось в ее мозгу. Да, она не собиралась становиться леди, герцогиней Ивьяна. Но, с другой стороны, Карс — это центр южных земель и там она сможет найти родственников, если будет нуждаться в помощи. В таком большом городе легко затеряться. А если Фальк вздумает отыскать ее, он не догадается проверить Карс.

— Эсткарп может подождать, — между тем говорила девушке волшебница.

— В этой земле что-то готовится. И я должна знать, кто готовит это. Карс — ключевой пункт.

Волшебница принуждала Лойз. Она знала это, но не испытывала гнева. Ей показалось, что она наконец нашла давно утраченный конец пути. Если она осмелится идти, эта нить приведет ее туда, куда она всегда стремилась.

— Едем в Карс, — спокойно согласилась она.

Часть 3. КАРСТЕН

Глава 1. Священный склеп

Пять человек лежали на песчаном берегу небольшой бухточки. Один из них был мертв, голова его была разбита. День был жаркий, и солнечные лучи обжигали обнаженные тела, соединяясь с гнилыми испарениями разлагавшихся водорослей.

Симон закашлялся, приподнял избитое тело на локтях. Тело его представляло сплошной кровоподтек, его измучила тошнота. Он медленно отполз от воды и изверг то, что еще оставалось в его желудке. Спазмы вернули ему полное сознание и, справившись с головокружением, он сел.

Он мог припомнить лишь обрывки ближайшего прошлого. Бегство из Салкаркипа кончилось кошмаром. Магнус Осберик взорвал генератор — сердце города, дававшее ему энергию, свет и тепло, но тем самым не только уничтожил город, но и добавил силы буре. И в этой буре небольшой отряд гвардейцев на спасательных лодках оказался разбросанным без всякой надежды на соединение.

Из порта вышли три лодки, но после взрыва они не видели друг друга. Последовал сплошной ужас, лодку бросало, швыряло, вертело, дергало и, наконец, швырнуло на скалы и невозможно было сказать, сколько это продолжалось — часы или минуты.

Симон потерял лицо руками. Лицо покрылось налетом соли, ресницы склеились и трудно было открыть глаза. Четверо мужчин... Тут он разглядел расколотый череп — трое живых и один, должно быть, мертвый.

С одной стороны было море, теперь сравнительно спокойное, волны выносили на берег спутанные клубки водорослей. За песчаной полосой берега возвышался утес... Присмотревшись, Симон решил, что по нему можно подняться. Но у него не было ни малейшего желания делать это, и вообще двигаться. Так хорошо было сидеть, а теплое солнце изгоняло из тела жгучий холод бури и волн.

— Сааа...

Одна из фигур на песке шевельнулась, и длинная рука отбросила путаницу водорослей. Человек закашлялся, изо рта потекла вода, он поднял голову и слепо огледелся. Капитан гвардии Эсткарпа увидел Симона, некоторое время тупо смотрел на него, потом уголки его рта изогнулись в подобии улыбки.

Корис на четвереньках отполз на ровное место.

— В Горме говорят, — голос его звучал хрипло, — что тот, кто рожден для топора палача, не утонет. Мне часто казалось, что моя судьба — топор, и снова это подтвердилось.

Он с трудом подполз к одному из лежащих и перевернул вялое тело: показалось бледно-серое лицо. Гвардеец дышал, никаких ран не было видно.

— Йивин, — назвал его Корис, — великолепный всадник, — последнее он добавил задумчиво, и Симон обнаружил, что смеется, прижимая кулаки к отчаянно болевшим мышцам живота.

— Естественно, — сказал он в перерыве между приступами истерического хохота, — это сейчас самое ценное качество.

Но Корис уже перешел к следующему телу.

— Танстон!

Симон смутно обрадовался. За короткий период пребывания в Эсткарпе, у него установились дружеские отношения с этим младшим офицером. Заставляя себя двигаться, он помог Корису оттащить двух, еще не пришедших в сознание гвардейцев, от линии прибоя. Потом, держась за скалу, встал.

— Воды! — радостное чувство, которое он испытал в короткие мгновения после пробуждения, исчезло. Симон хотел пить, все его тело испытывало жажду. И хотел смыть с тела жгучую соль.

Корис осматривал стену. Из бухты можно было выбраться двумя путями. Вернуться в море и попробовать проплыть мимо груды скал и подняться на утес. Каждый нерв в Симоне протестовал против возвращения в воду, откуда он чудом спасся.

— Подъем не слишком труден, — сказал Корис. Он слегка нахмурился.

— Тут и там есть опора для рук, — он встал на цыпочки, прижавшись к скале, вытянув длинные руки над головой, и пальцы его улубились в небольшие трещины в поверхности

скалы. Мышцы на плечах напряглись: он поднял ногу, цепляясь за трещину, и начал взбираться.

Бросив последний взгляд на берег и двух людей, теперь лежавших далеко от воды, Симон последовал за ним. Он обнаружил, что капитан был прав. В поверхности скалы были углубления, подходившие для рук и ног, сделанные природой или человеком. И вскоре Симон оказался на выступе, в десяти футах над песком.

Не было сомнения в искусственности происхождения этого выступа: видны были следы инструментов, вырубивших его. Выступ вел наклонно, хотя и круто, к вершине утеса. Нелегкая дорога для человека, у которого кружится голова и дрожат от слабости ноги, но несколько лучшая, чем он смел надеяться.

Корис снова заговорил:

— Сможешь подняться один? Я посмотрю остальных, нельзя ли их поднять.

Симон кивнул и тут же пожалел, что избрал такую форму спасения. Он ухватился за стену и подождал, пока мир не перестанет вращаться. Стиснув зубы, он полез наверх. Большую часть пути он проделал на четвереньках, пока не добрался до пустоты в скале. Подув на израненные руки, он всмотрелся в углубление. Пещера! другого выхода нет! Можно надеяться, что у пещеры есть другой выход вверх.

— Симон?! — крик снизу звучал беспокойно, тревожно. Симон заставил себя подползти к краю выступа и посмотреть вниз.

Внизу стоял Корис, задрал голову и глядя вверх. Танстон тоже стоял, поддерживая Йивина. В ответ на слабый взмах руки Симона, они начали действовать, каким-то образом умудрившись поднять Йивина до выступа.

Симон оставался на месте. У него не было желания в одиночку входить в пещеру. Воля, казалось, покинула его, как сила ушла из тела. Но мужество вернулось к нему, когда Корис появился рядом с ним, поддерживая Йивина.

— Здесь какое-то колдовство, — заявил капитан. — Я не видел вас, пока вы не махнули рукой. Кому-то очень нужно было скрыть вход в пещеру.

— Вы считаете это очень важным? — Симон махнул рукой в сторону пещеры. — Даже если это сокровища древних кораблей, она не интересует меня. Разве что там есть вода!

— Вода! — слабо подхватил Йивин, — воды, капитан, — жадно попросил он у Кориса.

— Подожди еще немного, приятель.

Они обнаружили, что открытый Симоном способ передвижения на четвереньках неизбежен при входе в пещеру. А Корис едва протиснулся, обдирая кожу на плечах и руках.

Позади оказался проход, но света было так мало, что они двигались, держать за стены руками.

— Тупик! — вытянутая рука Симона уперлась в скалу. Но он слишком поторопился вынести приговор: справа показался слабый свет, и он обнаружил, что проход сворачивает направо.

Здесь было светлее и они стали двигаться быстрее. Но в конце прохода их ждало разочарование. Свет не усиливался, и когда они вышли на открытое пространство, тут были сумерки, а не яркое солнце дня.

Источник света привлек внимание Симона и заставил его забыть о боли. Вдоль стены шла линия абсолютно круглых отверстий, похожих на корабельные иллюминаторы. Он не мог понять, как они не увидели эти отверстия с берега; они явно выходили в сторону моря. Отверстия были забраны каким-то материалом, пропускавший свет туманными лучами.

Света, впрочем, было достаточно, чтобы осветить единственного обитателя каменного зала. Этот обитатель спокойно сидел в каменном кресле, вырубленном из той же скалы, что и вся пещера, руки его лежали на широких подлокотниках кресла, голова опустилось на грудь, как во сне.

Лишь когда Йивин перевел дыхание со звуком, похожим на рыдание, Симон понял, что они стоят в склепе. И пыльная тишина зала сомкнулась над ними, словно их закрыли в гробу без всякой надежды на спасение.

Чувствуя благоговенный страх и тревогу, Симон приблизился к двум каменным блокам на которых стояло кресло, глядя в глаза сидящему. Кресло и сидящего в нем человека покрывал толстый слой пыли. Но Симону было видно, что этот человек — вождь, жрец или король — не принадлежал к расе Эсткарпа или Горма.

Его пергаментная кожа была смуглой и гладкой, как-будто искусство бальзамировщика превратило ее в дерево. Черты полускрытого лица говорили о могучей воле и душевной силе, орлиный нос преобладал над остальными чертами. Подбородок — маленький, заостренный, закрытые глаза глубоко

посажены. Словно предком этого человека был не примат, а птица.

К тому же, его одежда, под слоем пыли, была сделана из материала, похожего на перья. Стройную талию охватывал пояс, а на коленях лежал топор такой величины, что Симон усомнился, мог ли мертвец поднимать его.

На голове сидящего находилась усаженная драгоценностями корона. На пальцах, сжимающих рукоять топора, блестя кольца. И на всем этом лежала печать такой чуждости, что Симон остановился, не доходя двух шагов до помоста.

— Вольт! — голос Йивина походил на вопль. Он заговорил на непонятном языке: Симону показалось, что это была молитва.

— Подумать только, легенда оказалась правдой! — Корис стоял рядом с Симоном. Глаза его ярко горели, как ночью, когда они уходили из Салкаркипа.

— Вольт? Неужели? — повторил Симон, и Корис нетерпеливо ответил:

— Вольт-топор! Вольт, гремевший громами! Вольт, которым и теперь пугают детей по вечерам! Эсткарп древен, его знания восходят к доисторическим временам, но Вольт старше Эсткарпа! Он из тех, кто жил до современного человека. Род его вымер до того, как человек вооружился дубинкой и камнем против зверей. Но Вольт пережил свой род и знал первых людей, и они знали его и его топор! Вольт, в своем одиночестве, пожалел людей и топором прорубил им дорогу к знаниям и величию прежде, чем ушел от них.

В некоторых местах Вольта вспоминают с благодарностью, хотя и боятся его, как и всего непонятного. А в других местах ненавидят великой ненавистью, потому что мудрость Вольта с молитвами и проклятиями, он бог и демон. И вот мы убеждаемся, что он был живым существом и в чем-то походил на нас. Впрочем, может, с особыми способностями, свойственными его расе.

— Вольт! — длинная рука Кориса взметнулась в салюте. — Я, Корис, капитан Эсткарпа и его гвардии, приветствую тебя и сообщаю, что мир очень изменился с тех пор, как ты ушел из него. Мы по-прежнему воюем, и мир у нас редок. А сейчас возможно, наступает окончательная ночь. Она идет из Колдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу тебя отдать мне свое! И если нам удастся снова встать лицом к лицу с колдерами, я докажу, что взял топор не напрасно.

Он поднялся на ступеньку и протянул руку. Симон услышал приглушенное восклицание Йивина, шумное дыхание Танстона. Но Корис с улыбкой взялся за рукоять топора и осторожно потянул его на себя. Сидящая фигура казалась такой живой, что Симон невольно подумал: вот она сожмет руки и потянет оружие назад. Но топор поддался легко, как-будто тот, кто много столетий держал его, отдавал охотно.

Симон ожидал, что рукоять рассыплется в руках Кориса, но капитан взмахнул топором и опустил его, остановив лишь в дюйме от каменного помоста. В его руках оружие ожило, стало податливым и прекрасным.

— Спасибо, Вольт! — воскликнул Корис. — С ним я одержу немало побед, никогда раньше мои руки не держали такого оружия. Я, Корис из Горма, Корис Безобразный, Корис Злополучный. Но с твоими добрыми пожеланиями, о Вольт, я стану Корисом Завоевателем, и твое имя вновь прозвучит по всей земле!

Возможно, звук его голоса поколебал столетиями недвижимый воздух: это было единственное рациональное объяснение, которое Симон смог дать следующему происшествию. Сидящий, казалось, кивнул один раз, второй, как бы соглашаясь со словами Кориса. Затем тело, которое лишь секунду назад казалось таким прочным, начало распадаться прямо на глазах.

Йивин закрыл лицо руками, Симон подавил восклицание. Вольт, если это Вольт — исчез. Лишь пыль на кресле и топор в руках Кориса, остались от него. Танстон, сей невозмутимый человек, заговорил первым, обращаясь к своему командиру:

— Его долг выполнен, капитан. Теперь начинается ваш. Хорошо, что вы взяли оружие: И я думаю, оно принесет нам счастье.

Корис еще раз взмахнул топором, искусно повертев в воздухе лезвием. Симон отвернулся от пустого кресла. С самого своего появления в этом мире он был свидетелем волшебства его обитателей и принимал его как должное. Но даже обладание знаменитым топором Вольта не принесло им ни воды, ни пищи, и он сказал об этом:

— Верно, — сказал Танстон, — если другого выхода отсюда нет, придется вернуться на берег и попробовать что-либо другое.

Но выход был. За креслом, в стене, виднелся арочный проход, забитый землей и обломками камня. Они принялись за работу, используя ножи в качестве оружия. Даже для отдохнувших людей это была тяжелая работа. И лишь недавно пережитый ужас перед морем подгонял Симона. В конце-концов они расчистили небольшой проход и оказались перед дверью.

Дверь была сделана из какой-то очень прочной местной древесины. И она казалось нетронутой гниением, наоборот, какой-то естественный процесс превратил ее в камень. Корис жестом велел всем отойти.

— Это мое дело.

Снова взлетел топор Вольта. Симон едва не закричал, боясь увидеть, как прекрасное лезвие топора раскалывается при ударе о камень. Послышался звон, топор снова взмыл в воздух и обрушился на дверь со всей силы мощных рук капитана.

Дверь раскололась. Часть ее упала вперед. Корис отошел, а четверо собравшихся расчистили проход. В лицо им ударил яркий дневной свет. Свежий ветерок разгонял затхлый воздух подземелья.

Убрав остатки дверей и пройдя сквозь паутину из сухих ветвей и высохших насекомых, они оказались на вершине утеса. Прямо под ними начинался спуск к ручью. Ни слова не говоря, Симон устремился вперед, надеясь промыть выскохшее горло, облегчить муку просоленной коже.

Чуть позже, подняв от воды мокрую голову и плечи, он обнаружил, что Корис исчез. Но Симон был уверен, что капитан вместе с ним покинул склеп Вольта.

— Где Корис? — спросил он Танстона, который протирал лицо пригоршней влажной воды и вздыхал от удовольствия. Йивин лежал на спине возле ручья, закрыв глаза.

— Он делает необходимое для воина внизу, — ответил Танстон. — Гвардеец не должен оставаться открытым ветру и воде, если о нем может позаботиться его офицер.

Симон вспыхнул. Он совсем забыл об этом исклеванном теле на берегу. Хотя он по своей воле вступил в гвардию Эсткарпа, он еще не чувствовал себя ее частью. Эсткарп слишком древен, его жители — волшебницы — слишком чужды ему. Но что обещал ему Петрониус, предлагая бегство? Что человек, воспользовавшийся его услугами, будет перенесен в тот мир, которого желает его душа. Симон солдат, и вот он

в мире постоянной войны. Но это не его способ воевать и он по-прежнему чувствует себя бездомным.

Он вспомнил женщину, с которой бежал по болотам, не зная, что она волшебница из Эсткарпа. Во время бегства были моменты, когда они испытывали друг к другу чувство товарищества. Но впоследствии оно исчезло.

Она была в одной из лодок, когда они бежали из Салкаркипа. Неужели ее поглотило безжалостное море? Он шевелнулся, испытывая какое-то странное чувство, которое он не сумел определить. Повернувшись на траве, он положил голову на согнутую руку и, расслабившись, как он уже давно научился, уснул.

Проснулся он скоро, потому что солнце еще ярко светило. В воздухе пахло едой. В расщелине скалы горел небольшой костер, и Танстон жарил на нем рыбу, нанизанную на прут. Корис спал, положив топор под голову, его мальчишеское лицо казалось усталым. Йивин лежал на животе, опустив руки в ручей. Он доказал, что является не только отличным всадником, извлекая из воды рыбин, одну за другой.

Когда Симон подошел, Танстон поднял брови.

— Возьмите свою порцию, — показал он на рыбу.

Симон уже собирался взять кусок, когда вдруг заметил напряженный взгляд Танстона, и сам посмотрел в ту же сторону. Над их головами описывала широкий круг птица с черным оперением. На груди у нее виднелось белое у-образное пятно.

— Сокол! — Танстон выдохнул это слово, как будто оно обозначало опасность не меньшую, чем засада колдеров.

Глава 2. Соколиное Гнездо

Птица, с искусством, присущим этим хищникам, зависла над нами, распластав крылья. Увидев свисающие с ее лап яркие ленты, Симон понял, что птица не дикая.

— Капитан! — Танстон тряс Кориса. Тот сел, жестом ребенка протирая глаза кулаками.

— Капитан, фальконеры близко!

Корис резко задрал голову, потом встал, заслонив глаза от солнца, и стал смотреть на медленно кружившую птицу. Он свистнул, и в его свисте звучала чистая мелодия. Ленивое кружение прекратилось, и Симон увидел чудо скорости и

точности — удар сокола. Сокол, упал с неба и сел на рукоять топора Вольта, лежащего в траве. Он раскрыл клюв и издал хриплый крик.

Капитан склонился к птице, осторожно поднял одну из лент. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис внимательно его рассматривал.

— Валин. Это один из его часовых. Лети, крылатый воин, - Корис обращался к птице, — мы одного племени с твоим хозяином, и между нами мир.

— Жаль, капитан, что ваши слова не дойдут до ушей самого Валина, — заметил Танстон. — фальконеры сначала убеждаются в безопасности своих групп, а уж потом задают вопросы. Если нарушитель после этого способен отвечать на вопросы.

— Именно так, бродяга!

Слова прозвучали совсем рядом. Гвардейцы обернулись, но вокруг была только трава и скалы. Неужели говорила птица? Йивин с сомнением посмотрел на сокола, но Симон отказался воспринимать это колдовство или иллюзию. Он нащупал свое единственное оружие — нож, который был у него за поясом, когда он выбрался на берег.

Корис и Танстон не выказали удивления. Очевидно, они ожидали чего-то подобного. Капитан заговорил отчетливо и медленно, как будто убеждая невидимого слушателя.

— Я, Корис, капитан Эсткарпа, прибит бурей к этому берегу. А это гвардейцы Эсткарпа: Танстон, офицер большой башни; Йивин и Симон Трегарт, пришедший из чужого мира, и вступивший в гвардию. Клятвой меча и щита, крови и хлеба я прошу убежища. Между нами нет войны, но над нами равно занесено разящее лезвие!

Слабое эхо его слов прокатилось вокруг и затихло. Птица еще раз испустила хриплый крик и взлетела. Танстон сухо улыбнулся.

— Теперь остается ждать, либо проводника, либо стрелу в спину.

— От невидимого врага? — спросил Симон.

Корис пожал плечами.

— У каждого командира свои тайны. У фальконеров их в избытке. Если они пришлют проводника, нам действительно повезет. — Он принюхался. — А тем временем нет необходимости ждать голодными.

Симон ел рыбу и в то же время осматривал небольшой луг у ручья. Товарищи его, по-видимому, философствовали о будущем. А он ломал голову, откуда доносился этот голос. Но Симон уже научился использовать Кориса как барометр в сложных ситуациях. И если Корис спокойно ждет, значит сражение им, по-видимому, не грозит. С другой стороны, он хотел бы побольше узнать о предполагаемых хозяевах.

— Кто такие фальконеры?

— Подобно Вольту, — Корис провел рукой по рукояти топора, как бы лаская его, — они тоже легендарны, хотя и не так древни. Вначале они были наемниками и прибыли на кораблях Салкаров из земли, которую они оставили из-за нашествия иноземцев... Некоторое время они служили вместе с Салкарами как проводники и моряки. До сих пор в юности они нанимаются на корабли. Но большинство сейчас не думают о море: они любят горы, потому что родились в горах. И вот они пришли к Властительнице Эсткарпа и предложили заключить договор: они защищают наши южные границы, в обмен на право поселиться в горах!

— Это было мудрое предложение, — вмешался Танстон.

— Жаль, что Властительница не могла согласиться.

— Почему?

Корис угрюмо улыбнулся.

— Разве вы недостаточно прожили в Эсткарпе, Симон, чтобы понять, что такое матриархат? Из-за Силы, которая охраняет безопасность Эсткарпа и сосредоточена не в руках мужчин, а в руках женщин. И все Властительницы Эсткарпа — женщины. А у фальконеров свои обычаи и они также им дороги, как права Эсткарпа — волшебницам. Фальконеры — это мужские боевые отряды. Дважды в год молодые воины отправляются в особые женские поселения, чтобы зачать новые поколения, как жеребцов пускают пастись с кобылами. Но среди фальконеров нет понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. Таким образом, их нравы цивилизованному Эсткарпу показались варварскими, и Властительница заявила, что если они поселятся в пределах страны, Сила, таившаяся в женщинах, исчезнет. И им было сказано, что Властительница не разрешает им селиться в пределах страны. Но им разрешили пройти по территории Эсткарпа и получить все необходимое. Если они поселятся за пределами Эсткарпа, волшебницы пожелают им добра и не поднимут против них меча. Так обстояли дела свыше ста лет.

— И они сумели основать свое жилище?

— И такое прочное, — ответил на вопрос Симона Танстон, — что сумели трижды отбить нападение герцогов Карстена. Сама земля, которую они выбрали, сражается на их стороне.

— Вы сказали, что Эсткарп не предложил им дружбы, — заметил Симон, — но что это за клятва меча и щита, крови и хлеба? Похоже на то, что у вас имеется какое-то взаимопонимание.

Корис с сосредоточенным видом занялся рыбьими костями. Потом улыбнулся, а Танстон открыто рассмеялся. Только Йивин выглядел слегка смущенным, как будто речь шла о вещах, о которых он не имел представления.

— Фальконеры — мужчины...

— Но гвардейцы Эсткарпа — тоже мужчины, — продолжал Симон.

Корис широко улыбнулся.

— Не поймите нас превратно, Симон. Мы преклоняемся перед женщинами Власти. Но они по самой своей природе отдалены от нас и от того, что нам близко. Вы ведь знаете, что сила уходит от волшебницы, которая становится истинной женщиной. Поэтому они вдвойне ревностно относятся к своей Силе, отдавая часть жизни на то, чтобы удержать ее. И они гордятся тем, что они — женщины. Для них обычаи фальконеров, которые отрицают их гордость и Силу и которые признают лишь женское тело без разума и личности, неприемлимы. Мы можем не согласиться с обычаями сокольничьих, но, как бойцы, уважаем их, и между нами нет вражды. Гвардия Эсткарпа и фальконеры не ссорятся. И, — он отбросил в сторону кость, сняв с нее последний кусок мяса, — скоро может наступить день, когда нам понадобится их помощь.

— Это верно! — горячо заговорил Танстон, — Карстен враждебен им. И хотя они этого или нет, фальконеры стоят между Карстеном и Эсткарпом. Но мы хорошо знаем, что Властительница смотрела сквозь пальцы, когда выпал большой снег и зерно и скот посылались в поселки фальконеров.

— В этих поселках голодали женщины и дети, — заметил Йивин.

— Да, запасы подошли вовремя.

— Сокол! — Йивин указал вверх, и они увидели плывущего над ними сокола. Птица, на этот раз, оказалась пред-

вестником небольшого отряда. Всадники подъехали и остановились, глядя на гвардейцев.

Их лошади походили на пони, это были грубошерстные животные, сильные и пригодные для езды по горным тропинкам. Их седлами служили простые подушечки. Но у каждого всадника был раздвоенный рог, на котором сидел сокол. Сокол-проводник подлетел к предводителю всадников и сел на свое место.

Как и гвардейцы и Салкары, фальконеры были вооружены небольшими щитами и одеты в кольчуги. Шлемы их походили на головы птиц, которых они приручили. И хотя Симон знал, что в прорези этих шлемов на него смотрят человеческие глаза, он чувствовал себя неуютно под их взглядами.

— Я — Корис, служу Эсткарпу. — Корис, опустив топор, стоял перед четырьмя всадниками.

Человек, сокол которого вернулся на свой насест, поднял правую руку в жесте, универсальном и старом, как время.

— Валин, с гор, — голос его глухо звучал в шлеме.

— Между нами мир, — слова Кориса прозвучали полувопросом, полуутверждением.

— Между нами мир. Повелитель крыльев приглашает капитана Эсткарпа в Соколиное гнездо.

Симон сомневался, выдержат ли пони двойную тяжесть. Но когда он сел верхом за одним из всадников, то обнаружил, что маленькое животное не менее устойчиво, чем ослик, и даже, не замечает дополнительной тяжести.

Тропа, ведущая на территорию фальконеров, была явно не рассчитана на обычного путешественника. Симон лишь силой воли заставлял себя не закрывать глаза, когда они двигались по краю пропасти и ноги его свисали над бездной.

Время от времени птицы поднимались в воздух и улетали вперед над глубокими долинами, а затем возвращались к своим хозяевам. Симону очень хотелось расспросить об этом странном союзе человека и птицы; ему казалось, что крылатые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам.

Отряд спустился со склона на более широкую дорогу. Но они лишь пересекли ее и снова углубились в бездорожную местность. Симон решил заговорить с человеком, за спиной которого сидел.

— Я новичок в этой южной местности. Разве нет дороги через горы?

— Есть торговые дороги. Мы держим их открытыми, это выгодно. Значит, вы и есть тот выходец из другого мира, который поступил на службу Эсткарпа?

— Да.

— Похоже, вас изрядно потрепало море.

— Человек не может командовать бурей, — уклончиво ответил Симон. — Мы живы... И на том спасибо.

— Поблагодарите и за то, что вас не унесло дальше к югу. Грабители Верлейна многое извлекают из моря, но не заботятся о живых людях. Настанет день, — голос всадника звучал угрожающе, — и Верлейн поймет, что стены и рифы — недостаточная защита. Там, куда ступит герцог, уже не будет места для костра грабителей, скорее всего, разгорится целый пожар.

— Верлейн принадлежит Карстену? — спросил Симон. Он везде, где только можно, собирал факты, собирал штрих за штрихом в картине мира.

— Дочь лорда Верлейна должна была выйти замуж за герцога. Эти иноземцы считают, что право наследования переходит и к женщине! И поэтому герцог мог бы претендовать на Верлейн из-за его богатств, извлеченных из моря, а главное — из-за того, что Верлейн дает возможность захватить береговую линию. Издавна мы отдавали свои мечи торговцам, хотя море — не наше поле битвы. Может, и мы вмешаемся, если понадобится.

— Вы оказывали помощь и людям Салкаркипа?

Птичья голова на шлеме резко кивнула.

— На кораблях Салкаров мы прибыли из-за моря, гвардеец! И Салкары имеют право ожидать нашей помощи.

— Но больше они не ждут! — Симон не знал, почему сказал это, и тут же пожалел о своей несдержанности.

— Вы несете новости, гвардеец? Наши соколы летают далеко, но все же не до северных пещер. Что случилось с Салкаркипом?

Симон колебался, не зная, что ответить. В это время над ними завис в небе сокол и хрипло крикнул.

— Отцепитесь и прыгните! — резко приказал всадник. Симон повиновался и четверо гвардейцев остались на тропе, а фальконеры осторожно двинулись вперед. Корис подозревал к себе остальных.

— Засада, — он побежал за всадником, вскинув на плечо топор: стройные ноги быстро несли его и лишь Симон смог

держаться рядом с ним. Впереди слышались крики и звон металла о металл.

— Силы Карстена? — выдохнул Симон, поравнявшись с капитаном.

— Не думаю. В этой пустыне живут стоящие вне закона, и Валин говорит, что они становятся смелее. По моему мнению, это лишь часть общей схемы. Ализон угрожает с севера, Колдер поднимает голову на западе, ожили разбойничьи банды и пришел в движение Карстен. Давно уже волки и птицы мечтают вонзить когти в Эсткарп. Хотя они непрерывно ссорятся между собой из-за добычи. Некоторые люди переживают вечер и уходят во тьму, защищая остатки того, что они уважают.

— И это вечер Эсткарпа? — решился спросить Симон.

— Кто может сказать? А, вот и они!

Они смотрели вниз на торговую дорогу. Там кипела битва. Всадники в птичьих шлемах спешили, потому что дорога была слишком узка для кавалерии. Они теснили разбойников. Но на склонах прятались снайперы и немало их стрел нашли свою цель среди фальконеров.

Корис прыгнул в углубление, в котором скрывались два таких снайпера. Симон, подобрав камень, обрушил его на противника, готовившегося вступить в схватку. Лишь одно мгновение понадобилось ему, чтобы снять с тела врага самострел и другое вооружение и вступить в битву.

С криками летели соколы, клюя лица и глаза, раздирая тело жесткими когтями. Симон выстрелил, прицелился, снова выстрелил, с угрюмым удовлетворением встретив свой успех. Часть горечи от поражения Салкаркипа рассеялась.

Послышался резкий сигнал рога. Над долиной яростно заметался разорванный флаг, и те разбойники, которые все еще сопротивлялись, побежали и скрылись в скалах, где их не могли преследовать всадники. День быстро клонился к вечеру и все вокруг заполнилось тенями.

Скрыться от людей можно, но спрятаться от соколов гораздо труднее. Те камнем падали вниз и часто вскрик боли свидетельствовал о том, что они настигли добычу. Симон увидел на дороге Кориса. Тот держал в руке топор, лезвие которого было выпачкано чем-то темным. Он что-то говорил фальконеру. Остальные сокольные ходили между телами, время от времени наклоняясь и нанося короткий удар мечом.

Симон занялся подгонкой вооружения, стараясь не смотреть на эту работу.

В ответ на свист своих хозяев возвращались соколы из-под арки вечернего неба. Два тела в птичьих шлемах положили на спины нервно вздрагивающих пони, некоторые фальконеры ехали в повязках, поддерживаемые товарищами. Но потери разбойников были гораздо больше.

Симон снова сидел за фальконером, но на этот раз — за другим. Этот всадник не хотел разговаривать. Он дотрагивался до раны на груди и негромко бранился при каждом толчке.

Ночь быстро спустилась на горы, вершины еще отражали солнечные лучи, а внизу уже сгустилась тьма. Дорога, по которой они теперь двигались, была гораздо шире и ровнее предыдущей. Она привела их к крутому подъему — здесь изгнанники фальконеры устроили свой новый дом. Их крепость вызвала у Симона возглас удивления.

Его по-настоящему поразили древние стены Эсткарпа, казалось, созданные из костей земли в момент ее рождения. И Салкаркип, хотя и закрытый неестественным туманом, производил впечатление могучей крепости. Но это была часть самой горы, самого утеса. Симон решил, что строителям удалось найти утес, изрытый сетью пещер, которые были расширены и обработаны. Потому что Соколиное Гнездо было не замком, а горой, превращенной в крепость.

Они прошли по подъемному мосту, переброшенному через пропасть, которую, к счастью, скрывала тьма. Только мост был настолько узок, что двигаться по нему можно было только гуськом. Симон перевел дыхание только когда понял, что они уже оказались в пещере. Он помог раненому фальконеру спешиться и огляделся в поисках гвардейцев. Первым ему бросилось в глаза темное лицо Танстона.

Корис пробирался к ним, за ним шел Йивин. На какое-то время хозяева, казалось забыли о них. Лошадей увели, перед входом каждый фальконер посадил своего сокола на кожаную перчатку. Наконец, один из птичьих шлемов повернулся к ним и сказал:

— Повелитель крыльев будет говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит к вашим услугам.

Корис подбросил топор, поймал его и повернул лезвие в сторону в знак приветствия.

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, хозяин соколов!

Глава 3. Волшебница в Карсе.

Симон сел на узкой койке, зажав кулаками раскалывающуюся от боли голову. Он видел сон, яркий и пугающий, а теперь мог вспомнить только ощущение ужаса. Проснувшись, он обнаружил себя в келье — скальном помещении в крепости фальконеров. Отчаянно болела голова. Но более важным, чем головная боль, казалось ему настоящая необходимость повиноваться чьим-то приказам или просьбам.

Боль ослабла, но тревога не позволяла оставаться в постели. Симон оделся в кожаную куртку, которую ему дали хозеява, и вышел, решив, что скоро уже утро.

Они уже пять дней находились в Соколином Гнезде, и Корис собирался вскоре пробиваться на север, к Эсткарпу, через районы, занятые разбойниками. Симон знал, что капитан хочет склонить фальконеров к защите северного соседа. В столице Эсткарпа он употребит все свое влияние, чтобы победить предрассудки волшебниц, чтобы бойцы с птичьими головками на шлемах, смогли бы участвовать в битве за Эсткарп.

Падение Салкаркипа подняло суматоху среди жителей гор, в их крепостях шла подготовка к войне. В нижних этажах необычной крепости кузнецы и оружейники напряженно трудились, а небольшая группа техников готовила те крошечные устройства, при помощи которых птица-разведчик докладывала своему хозяину. Это была наиболее охраняемая тайна нации и Симон мог лишь догадываться, что это какое-то техническое устройство.

Симон часто ошибался в оценке людей этого странного мира. Те, кто вооружен мечами и щитами, не могут производить сложные коммуникационные устройства. Эти странные несоответствия в знаниях и оборудовании сбивали с толку сильнее, чем магия волшебниц, чем голоса птиц.

Магия волшебниц... Симон, взобравшись по каменным ступеням, поднялся на наблюдательный пункт. Туман не скрывал горные цепи, видимые в свете раннего утра, и, благодаря какой-то инженерной хитрости, он мог видеть далеко сквозь горы в том направлении, где, как он предполагал, находился Карстен.

Карстен! Он так задумался над проблемой этого герцогства, что не заметил часового, пока тот не заговорил:

— У вас сообщение: гвардеец?

Сообщение? Это слово отпустило какой-то невидимый рычаг в мозгу Симона. На мгновение он ощутил боль и убеждение, что что-то необходимо сделать. Это было предчувствие, но не такое, как на пути в Салкаркип. Его не предупреждали, а вызывали. Корис и гвардейцы пусть едут на север, если хотят, а он должен двигаться на юг. Симон снял все мысленные барьеры, позволив чему-то незаметно поглотить себя.

— Приходили ли какие-нибудь сообщения с юга? — спросил он у часового.

— Спросите Повелителя Крыльев, гвардеец, — голос часового был подозрителен. Симон направился к лестнице.

— Спрошу!

Но прежде, чем идти к командиру фальконеров, он разыскал капитана. Корис был занят подготовкой к походу. Он поднял взгляд от седла, и прекратил проверять прочность кожи.

— Что случилось? — спросил он.

— Смейтесь, если хотите, — коротко ответил Симон, — но моя дорога лежит на юг.

Корис сел на край стола и свесил ноги в сапогах.

— Почему вас влечет Карстен?

— Именно влечет! — Симон пытался выразить в словах свое ощущение. Он никогда не был красноречив, и сейчас ему было трудно. — Меня притягивает...

Раскачивание ноги прекратилось. На его лице застыло непроницаемое выражение.

— С каких пор... И как это случилось с вами? — вопрос был быстрым и резким, как приказ командира подчиненному.

Симон сказал правду:

— Я видел сон, а потом проснулся. А поглядев в сторону Карстена, понял, что дорога моя лежит туда.

— А сон?

— В нем была опасность, больше я ничего не могу объяснить.

Корис ударил кулаком в ладонь.

— Да будет так! Я хотел бы, чтобы вы обладали большей Силой. Но если у вас был сон, то мы едем на юг.

— Мы?

— Танстон и Йивин отвезут известие в Эсткарп. Колдер пока не может прорваться через барьер Власти. И Танстон сможет временно командовать гвардией. Послушайте Симон, я из Горма, а Горм сражался и против гвардии, пусть даже этот Горм мертв и заселен демонами. Я служил всеми своими силами Эсткарпу с тех пор, как Властительница дала мне приют и буду продолжать служить. Но теперь я могу принести пользу за границами Эсткарпа.

— Откуда мне знать..., — у Кориса под глазами были темные круги, глаза были усталыми, затянутыми какой-то пеленой. — Откуда мне знать, может, через меня — я ведь тоже из Горма — опасность ударит в самое сердце Эсткарпа. Мы видели что Колдер сделал с людьми, которых я хорошо знал. Как может человек сказать, на что еще способны эти дьяволы? Они прилетели по воздуху и захватили Салкаркип.

— Но, может быть, это не плод волшебства, — прервал его Симон. — В моем мире полеты в воздухе — обычный способ передвижения. Хотел бы я взглянуть на то, как они летают! Это мне о многом сказало бы!

Корис сухо рассмеялся. — Несомненно, в будущем у нас будет немало возможностей понаблюдать за их методами ведения войны. Говорю вам, Симон, если вас тянет на юг, для этого должна быть важная цель. А два меча, или, скорее, — с улыбкой поправился он, — один топор и один самострел лучше, чем только один самострел. Сам факт этого призыва — хорошее предзнаменование. Значит та, что ехала с нами в Салкаркип, жива и действует.

— Но откуда вы знаете, что это она? — у Симона тоже возникло подозрение, и теперь оно было подкреплено уверенностью Кориса.

* * *

Некогда на территории герцогства жил народ, родственник жителям Эсткарпа. И время от времени гордая темная голова, бледное лицо с чеканными чертами напоминали Симону о людях с севера.

— Проклятие Силы прикончило их здесь, — заметил Корис, когда Симон поделился с ним своими соображениями.

— Проклятие?

Капитан пожал плечами.

— Это происходит от сущности Силы. Тот, кто владеет ею, не имеет потомства. И с каждым годом число женщин,

выходящих замуж и рожаящих детей, становится все меньше. Достигая брачного возраста, девушка в Эсткарпе может делать выбор среди двадцати. К тому же, есть множество бездетных семей.

Так было и здесь. И вот, когда сильные варвары появились из-за моря и поселились на берегу, они не встретили особого сопротивления. Все больше и больше земель попадало в их руки. Старые роды отступили в отдаленную местность. С течением времени, среди вновь пришедших появились завоеватели. Так появились герцоги, а этот последний герцог — простой наемник, который занял положение благодаря своему уму и силе меча.

— То же ждет и Эсткарп?

— Возможно, но в Эсткарпе кровь смешалась с кровью Салкаров, которые одни, по-видимому, могут заключать брак и иметь детей от женщин Эсткарпа. Поэтому на севере появилась новая кровь. Привлекает ли вас этот город, Симон? Это Карс-холм на реке, дальше лежит только Карс.

— Значит, мы идем в Карс? — осторожно ответил Симон, спустя несколько долгих мгновений. — Тяжесть по-прежнему на мне.

Брови Кориса поднялись.

— Значит, нужно идти осторожно и оглядываться по сторонам. Хотя герцог и не высок по рождению, но в отсутствии ума его нельзя обвинить. В Карсе немало глаз и ушей следуют за каждым чужестранцем и задается немало вопросов. Особенно, если мы немедленно не вступим под его знамена.

Симон задумчиво смотрел на речные баржи, раскачивающиеся на якорях у городской пристани.

— Но вряд ли кому понадобится раненный солдат. К тому же, разве не в Карсе лучшие доктора? Те, которые могут излечить изувеченного в сражении? Допустим, воина, у которого пропало зрение от удара по голове?

— И верный товарищ привез его к врачам Карса? — рассмехался Корис. — Да, это прекрасная выдумка, Симон. И кто же из нас этот раненный воин?

— Я думаю, это моя роль. Она прикроет и ошибки, которые смог бы заметить наблюдатель герцога.

Корис кивнул.

— Продадим здесь пони. Они слишком явно показывают, что мы с гор, а в Карсе к горам относятся подозрительно. Заплатим за проезд в одной из речных лодок. Хороший план.

Капитан вел переговоры о продаже пони: присоединившись к Симону на барже, он еще держал в руках странной формы куски металла, которые служили в герцогстве деньгами. Корис улыбнулся, ссылая их себе в карман.

— У меня кровь торговца, и сегодня я доказал это, — сказал он. — Хватит на то, чтобы сунуть в чью-нибудь жадную лапу в Карсе, если понадобится. Да и на продовольствие тоже. — Он опустил на борт мешок и топор, с которым не расставался с тех пор, как взял его из рук Вольта.

Два дня прошли в ленивом движении по реке. Незадолго до второго заката, когда впереди показались стены и башни Карса, Симон снова сжал голову руками. Боль вернулась и подействовала, как удар. Но тут же исчезла, оставив яркую картину плохо вымощенного переулка, стены и глубоко сидящей в ней двери. Это их цель, и находилась она в Карсе.

— Это оно, Симон? — и рука капитана опустилась на плечо Трегарта.

— Да, — Симон закрыл глаза. Где-то в городе он должен найти этот переулок, эту стену и дверь и встретиться с той, которая ждет...

— Узкий переулок, стена, дверь...

Корис понял.

— Немного, — заметил он. Взгляд его устремился к городу, как будто он силой воли хотел сократить расстояние, разделявшее баржу и гавань.

Вскоре они пришли в гавань под арку городской стены. Симон медленно продвигался в избранной им роли, стараясь идти с неуверенностью человека, который не доверяет своему зрению. И хотя нервы его были напряжены, он был уверен, что сумеет отыскать в городе нужный переулок. Нить, которая вела его через герцогство, превратилась в прочную веревку.

Корис рассказал у ворот трогательную историю Симона и это, а также щедрый дар стражнику, позволило им пройти в город. Капитан фыркнул, когда они свернули за угол.

— Если бы он служил в Эсткарпе, то оказался бы на дороге, ведущей из крепости раньше, чем сумел бы произнести свое имя! Говорили, что герцог изменился, начав править, но не настолько же, чтобы так распустить своих людей!

— Говорят, каждый человек имеет свою цену, — заметил Симон.

— Верно; но мудрый командир знает цену своим людям и использует их соответственно. А этих наемников можно дешево купить. Хотя, может быть, они будут храбро сражаться за того, кто им платит. Что это?

Он задал вопрос, потому что Симон остановился и полу-обернулся.

— Мы идем не туда. Нужно на восток.

Корис изучал улицу впереди.

— Через четыре двери поворот. Вы уверены?

— Уверен.

На случай, если сержант у ворот окажется более проницательным, они шли медленно и Корис вел Симона. Поворот на восток привел к новым улицам. Симон скрывался в подворотне, пока Корис проверил, не следят ли за ними. Несмотря на свою запоминающуюся внешность, капитан знал, как скрываться. Вскоре он вернулся.

— Если за нами пустили пса, он лучше, чем наши в Эскарпе. Но я в это не верю. Идемте, пока нас не заметили и не запомнили. На восток?

Тупая боль в голове Симона плыла и качалась. Он мог использовать ее как проводника — «холодно-горячо». Затем особенно сильный приступ привел его к изогнутой улочке и он вошел в нее. Она была ограждена стенами и немногие окна были темны и завешены.

Они ускорили шаг, и Симон бросал взгляд на каждое окно, опасаясь увидеть там чье-нибудь лицо. И вот она — дверь из его ведения. Он дышал с трудом, остановившись перед дверью, не от усталости, а скорее от внутреннего напряжения. Поднял кулак и постучал.

Не получив ответа, он почувствовал странное разочарование. Толкнув дверь, он почувствовал, что она заперта.

— Вы уверены в этом? — спросил Корис.

— Да! — то, что привело его сюда, ждало по ту сторону.

Корис отступил на шаг, измеряя взглядом высоту стены.

— Когда стемнеет, мы сможем перелезть. Но нас не должны видеть.

Симон отбросил осторожность и забарабанил по двери. Корис схватил его за руку.

— Вы хотите собрать все войско герцога? Посидим в таверне до вечера...

— Не нужно.

Корис поднял топор, рука Симона легла на самострел. Дверь приоткрылась, и оттуда послышался голос.

В щели двери был виден юноша. Он был гораздо ниже Симона, даже ниже Кориса, и очень строен. Верхнюю часть его лица скрывало забрало шлема, на кольчуге не было никаких боевых знаков.

С Симона он перевел взгляд на капитана и вид Кориса почему-то успокоил его, так как он отступил в сторону и сделал знак войти. Они вошли в сад с высокими стеблями цветов на аккуратных клумбах, миновали сухой фонтан, на котором каменная птица с обломанным клювом, бесконечно искала свое уже больше не существующее отражение в воде.

Еще одна дверь — в дом, а оттуда — поток света, как знак приветствия. Юноша задержался у калитки, закрывая ее. Но их ждали у входа в дом.

Симон видел эту женщину в рваном платье, когда она бежала от своры охотничьих псов. Видел ее в Совете, в строгой одежде, соответствующей ее рангу. Он ехал рядом с ней, когда на ней была кольчуга гвардейца. Теперь она была в алом и золотом, с алмазами на пальцах и жемчужной сеткой на волосах.

— Симон! — она не протянула руки, никак не приветствовала их, только имя, — и он почувствовал теплоту и покойствие, — и Корис! Вы пришли по просьбе мудрой женщины Карса?

Корис опустил топор, положил на пол седельные сумки, которые нес с собой.

— Скорее, по вашей просьбе. И будем делать то, что вы скажете, хорошо, что вы в безопасности, леди.

Симон только кивнул. Снова он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

Глава 4. Любовное зелье

Корис со вздохом опустил свой кубок.

— Вначале постель, какой не может похвастаться ни одна казарма, затем — две такие трапезы. С приезда в Эсткарп я не пробывал такого вина и не пировал в такой прекрасной компании.

Волшебница хлопнула в ладоши.

— Корис, лстец! Корис и Симон терпеливы. Ни один из вас не спросил, что мы делаем в Карсе, хотя провели под этой крышей ночь и часть дня.

— Под этой крышей..., — задумчиво повторил Симон. — Это, случайно, не посольство Эсткарпа?

Она улыбнулась.

— Вы умны, Симон. Но мы здесь неофициально. В Карсе есть посольство Эсткарпа, где живет лорд с безупречным происхождением и рядом с ним — ни намек на колдовство. Он обедает с герцогом во время празднеств и является блестящим воплощением респектабельности. Его дом помещается совсем в другом районе. А мы здесь делаем...

Она замолчала, а Корис сказал:

— Я думаю, наша помощь необходима, иначе у Симона не болела бы голова. Нужно ли нам для вашего удовлетворения захватить Ивьяна, или просто потребуется разбить две-три головы?

Юноша, который двигался легко, говорил мало, но всегда находился здесь, волшебница называла его Брайантом и не объясняла гвардейцам, кто он такой — этот юноша протянул руку к блюду с пирожными. Без кольчуги и шлема он выглядел очень хрупким и слишком юным, чтобы хорошо владеть оружием, которое носил. Но что-то в решительной посадке головы, в плотно сжатых губах, подбородке, говорило, что волшебница мудро выбрала себе помощника.

— Итак, Брайант, — обратилась она к нему, — привести Ивьяна сюда? — что-то необычное звучало в ее вопросе.

Юноша пожал плечами и занялся пирожным.

— Если вы сами хотите его видеть. Я — не хочу, — ни один мужчина не заметил слабого удара на «я».

— Нет, не герцогом собираемся мы заняться. Другим членом его семьи — леди Алдис.

Корис присвистнул.

— Алдис! Я не думал...

— Что у нас какое-то дело к любовнице Ивьяна? Ах — это ошибка, свойственная вашему полу, Корис. Есть причина, по которой я хочу больше знать об Алдис. И мне необходимо, чтобы она пришла сюда.

— Эта женщина? — вмешался Симон.

— Ее власть внутри герцогства — основана только на благоволении Ивьяна. Пока она удерживает его у себя в постели, ей больше всего нужно влияние, не дары и драгоценности.

Мужчины, добивающиеся осуществления своих планов, ищут через Алдис доступ к герцогу, если даже они принадлежат к старому дворянству. А что касается высокородных женщин — Алдис жестоко отплатила за старое пренебрежение.

Когда она впервые привлекла внимание Ивьяна, ей было достаточно нарядов и украшений, но с течением времени власть ее усилилась. Без него она — всего лишь шлюха в портовой таверне, и она это прекрасно понимает.

— А что, Ивьян стал своенравнее? — спросил Корис.

— Ивьян женился.

Симон следил за рукой, протянутой к блюду. Вдруг она изменила направление и схватилась за кубок.

— Мы слышали в горах разговоры о его женитьбе на наследнице Верлейна.

— Брак на топоре, — объявила волшебница мужчинам, — и он еще не видел своей новой жены.

— И нынешняя леди боится соперничества. Неужели леди Верлейна так прекрасна? — небрежно спросил Симон и уловил брошенный искоса взгляд Брайанта.

Ответил юноша.

— Нет! — какая-то нотка в его голосе удивила и огорчила Симона. Кто же такой Брайант и где отыскала его волшебница? А может, мальчишка влюблен в наследницу Верлейна и теперь разочарован своей потерей?

Волшебница рассмеялась.

— Это тоже вопрос вкуса. Но, вероятно, Алдис беспокоится, размышляя, долго ли Ивьян будет держать ее рядом с собой. В таком настроении она созрела для наших целей.

— Я не понимаю, почему леди ищет именно нашей помощи? — спросил Симон.

Она укоризненно ответила:

— Хотя я и не ношу свои истинные цвета женщины Власти Эсткарпа, у меня в этом городе есть некоторая репутация. И я здесь не в первый раз. Мужчины и женщины, особенно женщины, часто стремятся узнать свое будущее. За последние три дня сюда приходили две служанки Алдис под вымышленными именами и с выдуманными историями. Когда я сказала им, кто они такие, и кое-что о них рассказала, они с испуганными лицами отправились к своей хозяйке. Она скоро придет.

— Но зачет она вам? Если ее влияние на Ивьяна кончается..., — Корис покачал головой. — Я никогда не претендовал на понимание женщин, а сейчас вообще запутался. Наш враг — Горм, а не Карстен — пока, во всяком случае.

— Горм! — какое-то чувство проступило на ее лице, — и здесь Горм может пустить свои корни!

— Что? — руки Кориса тяжело опустились на стол. — Как Горм мог добраться до герцогства?

— Есть и другой путь. Карстен обращается к Горму, по крайней мере, шлет часть своих войск, — волшебница, опустив подбородок на сложенные руки, живо заговорила: — Мы видели в Салкаркипе, что силы Колдера сделали с людьми Горма, используя их, как свое оружие. Но Горм — лишь небольшой остров, и во время его завоевания многие воины погибли в битве прежде, чем их смогли... преобразовать.

— Правда! — голос Кориса звучал сурово, — они не могли захватить слишком много пленных!

— Именно так. А когда пал Салкаркип, то Магнус Осберик прихватил с собой большую часть нападавших. Этим он послужил своему народу. Большая часть торгового флота была в море, а по обычаю салкаров, они берут семьи в долгое путешествие. Их гавань на континенте погибла, но народ жив и может построить новую. Но может ли Колдер так легко восстановить утраченные силы?

— Должно быть им не хватает людей, — полуспросил Симон, напряженно работая над разными вариантами.

— Это может оказаться правдой. По какой-то причине они не хотят, или не могут выступать открыто. Мы очень мало знаем о колдерах, даже сейчас, когда они стучатся в наши двери. Теперь они покупают людей.

— Но из рабов получают плохие бойцы, — заметил Симон. — Дайте им оружие, и они восстанут.

— Симон, разве вы забыли о засаде на морском берегу? Готовы ли эти люди к восстанию? Нет, те кто марширует под барабаны Колдера, не имеют собственной воли. Замечено, что за последние шесть месяцев в гавань Карса приходят корабли, и на них перевозят заключенных из тюрем Карса. Иногда захватывают людей на улицах и в доках, людей без родственников и друзей — тех, кого не ищут.

Такие события нельзя долго хранить в тайне. Слово там, намек здесь, кусочек за кусочком, мы составляем общую картину... Людей продают в Колдер. А если это происходит

в Карстене, то почему не может происходить и в Ализоне? Теперь я понимаю, почему моя миссия там не удалась и меня так быстро раскрыли. Если Колдер обладает определенной Властью — а мы считаем, что это так — он мог выследить меня так же, как псы шли по запаху за мной по болотам. Мы считаем теперь, что Колдер в Горме собирает силы для вторжения на материк. И, возможно, вскоре и Карстен, и Ализон обнаружат, что создали оружие для собственного уничтожения. Поэтому мне и нужна Алдис. Мы должны больше узнать об этой грязной торговле с Гормом, а она не может происходить без ведома и согласия Ивьяна.

Корис неловко задвигался.

— Солдаты тоже любят поболтать, леди. Если наемник с чистым щитом обойдет кабачки, он может принести немало новостей.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Ивьян далеко не глуп. У него всюду глаза и уши. Достаточно кому-нибудь узнать вас в таверне, и герцог тотчас же будет знать об этом.

Корис не казался встревоженным.

— Разве наемник из Горма, Корис, не потерял своих людей и репутацию в Салкаркипе? Не сомневайтесь, у меня будет подготовлена хорошая история для тех, кто станет расспрашивать. Вам, — он кивнул Симону, — лучше затаиться здесь, если наш рассказ разошелся по городу. А как насчет молодого человека? — он улыбнулся Брайанту.

К удивлению Симона, юноша робко улыбнулся в ответ. Потом взглянул на волшебницу, как бы спрашивая разрешения. И, к еще большему удивлению Симона, волшебница дала это разрешение с каким-то затаенным чувством.

— Брайант не знаком с казармами; Корис. Но достаточно долго здесь находится. И не нужно недооценивать его искусство владения мечом. Я уверена, что он еще сумеет удивить вас — и не однажды!

Корис рассмеялся.

— Не сомневаюсь, леди, если вы это говорите, — он потянулся за топором.

— Лучше оставьте эту игрушку здесь, — предупредила она. — Ее то уж точно приметят, — она положила руку на рукоять.

Пальцы ее как будто примерзли. Впервые, с момента их прибытия, Симон увидел, что спокойствие покинуло ее.

— Что вы носите, Корис? — голос ее звучал резко.

— Вы не знаете, леди? Оно пришло ко мне по доброй воле от того, о ком сложены песни. И я защитил им свою жизнь. Она отдернула руку, словно обожглась.

— Пришло по доброй воле?

Корис вспыхнул от этого сомнения.

— О таких делах я говорю только правду. Оружие пришло ко мне, и будет служить только мне.

— Тогда мы не будем брать его на улицы Карса, — это был на половину приказ, на половину — просьба.

— Тогда покажите безопасное место, где я могу оставить топор, — с явным неудовольствием сказал Корис.

Она немного подумала, потерла пальцем нижнюю губу.

— Пусть будет так. Но позже вы все расскажите подробно, капитан. Пойдемте, я покажу вам самое безопасное место в этом доме.

Симон и Корис пошли за ней в следующую комнату, где стены были увешаны такими древними гобеленами, что на них остались только следы изображения. Отогнув один из гобеленов, волшебница обнажила стену, на которой были нарисованы сказочные звери. В стене виднелся шкаф, куда и поставил Корис свой топор.

Точно так же, как Симон ощущал прошедшие столетия в городе Эсткарпа, точно так же, как он знал о присутствии нечеловеческого в склепе Вольта, он ощутил такую же радиацию от стены. От этого смутного ощущения у него мурашки по коже побежали.

Но Корис поставил топор и волшебница закрыла шкаф, как-будто это была простая метла. Брайант, со своим обычным невозмутимым видом, задержался у входа. Почему Симон ощутил это странное чувство? И когда остальные вышли, он задержался в странной комнате.

Мебели в ней почти не было, только стул черного дерева с высокой спинкой, пришедший из какого-то зала для аудиенций, и напротив него - скромный табурет. На полу между ними — странная коллекция предметов.... Симон принялся разглядывать их, надеясь найти разгадку.

Сначала его внимание привлекла маленькая глиняная жаровня, в которой можно было сжечь, разве что пригоршню углей. Она стояла на гладко отполированной доске. Глиняная чашка с каким-то серо-белым веществом и квадратная бу-

тылка — вот и все. Два сидения — и это странное собрание предметов.

Он не слышал, как вернулась волшебница, и вздрогнул, когда раздался ее голос:

— Кто вы, Симон?

Их взгляды встретились.

— Вы знаете. В Эсткарпе есть свои способы отличать правду от лжи.

— Есть. Вы действительно сказали правду. И все же я должна спросить вас — кто вы? На прибрежной дороге вы почувствовали засаду раньше, чем Сила предупредила меня, но вы мужчина! — впервые самообладание покинуло ее. — И вы знаете, что делается здесь, вы чувствуете это!

— Нет, я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое, но оно существует.

— Вот оно! — она свела кулаки, — вы не можете это чувствовать, однако чувствуете это! Я здесь использую свою Силу. Не всегда использую ее, чтобы узнавать, что лежит в сердцах моих посетителей, и чего они желают. Три четверти моего дара — иллюзия. Я не вызываю демонов, не призываю заклинаниями другие миры. Но Сила все же есть и иногда она приходит на мой призыв. Тогда я действительно могу вызвать разрушение, хотя не всегда знаю, какую форму оно примет. Я могу делать это, клянусь в этом своей жизнью!

— Я верю, — ответил Симон, — и в моем мире происходят события, которые нельзя объяснить только логикой.

— И ваши женщины делают это?

— Нет, у нас это не зависит от пола. У меня под началом были мужчины, которые могли предугадывать смерть, свою или чужую. Я знал и дома, старые дома, в которых скрывалось что-то невидимое. Его нельзя ощутить. И все же оно там.

Она с удивлением смотрела на него. Потом ее рука начертила в воздухе между ними какой-то знак. Он на мгновение вспыхнул огнем.

— Вы видели? — было ли это обвинением или радостным признанием? У него небыло времени на размышления: снаружи прозвучал гонг.

— Алдис! И с нею — охрана! — волшебница пересекла комнату и отдернула гобелен, за которым Корис спрятал топор. — Туда! — приказала она. — Они обыщут дом, как всег-

да это делают. Не нужно, чтобы они обнаружили ваше присутствие.

Она не дала ему времени на возражения и Симон обнаружил, что находится в слишком тесном для него месте. И тут же понял, что этот шкаф — скорее укрытие для шпионов. В резьбе находились отверстия для доступа воздуха и для осмотра комнаты.

Все произошло так быстро, что он не успел опомниться. Он уже собрался выйти, когда обнаружил, что изнутри дверь не открывается. Его закрыли вместе с топором Вольта. Придется ждать, пока волшебница не выпустит его.

С нарастающим раздражением, Симон прижался лбом к резной стене, чтобы лучше видеть комнату. И затаил дыхание. Вошла женщина, вместе с ней вошли два солдата, которые тут же начали заглядывать во все углы и за занавеси.

Волшебница рассмеялась, глядя на них. Потом через плечо бросила кому-то, оставшемуся по ту сторону двери:

— Похоже, что одного слова в Карсе недостаточно. Но когда этот дом и живущие в нем обвинялись в злых делах? Ваши псы могут найти немного пыли, паутину или две — признаю. Я не очень хорошая хозяйка. Но они своими обычаями тратят ваше время.

В ее словах звучала еле заметная насмешка. Симон ощутил ее словесное искусство. Она говорила, как взрослый о детских шалостях, как-будто испытывала нетерпение заниматься другими, более важными делами. И пригласила невидимую собеседницу присоединиться к ее взрослости.

— Хальсфрик! Доннар!

Воины вытянулись.

— Ищите в других комнатах, если хотите, но оставьте нас наедине.

Воины встали по сторонам двери и вошла другая женщина. Потом солдаты вышли, волшебница закрыла за ними дверь и повернулась к вошедшей. Та отбросила роскошный плащ, который упал на пол алым пятном.

— Добро пожаловать, леди Алдис.

— Время идет, женщина, как ты уже заметила, — слова звучали хрипло и вместе с тем как-то бархатно. Такой голос мог свести мужчину с ума.

Фигура любовницы Ивьяна вовсе не напоминала фигуру портовой шлюхи, с которой сравнивала ее волшебница. Это была юная девушка, еще не вполне уверенная в своих воз-

можностях, со скромно прикрытыми маленькими высокими грудями. Женщина противоречий — резвая и спокойная одновременно. Разглядывая ее, Симон понял, как она могла так долго и успешно удерживать при себе такого развратника, как герцог.

— Ты сказала Фирте..., — снова резкая нота, обернутая в бархат.

— Я сказала вашей Фирте, что могу делать, и что необходимо делать, — волшебница была так же резка, как и ее клиентка. — Вас это устраивает?

— Устроит, если ты докажешь свои способности, и не раньше. Дай мне то, что обеспечит мне безопасность в Карсе, и тогда требуй плату.

— У вас странный способ заключать сделки, леди. Все преимущества на вашей стороне.

Алдис улыбнулась.

— Но если ты обладаешь Властью, как ты утверждаешь, мудрая женщина, ты можешь не только помогать, но и заставлять. Я для тебя в таком случае — легкая добыча. Говори же, что я должна сделать и быстро — я могу доверять тем, что снаружи лишь до тех пор, пока держу в руках их жизни. Но в городе есть другие глаза и уши!

— Дайте мне вашу руку! — волшебница подняла чашу с пола.

Алдис протянула украшенную кольцами руку и волшебница уколола ее иглой, взятой из платья. Капля крови упала в чашку. Волшебница долила туда жидкости из бутылки и все смешала. Потом раздула огонь в жаровне.

— Садитесь, — она указало на табуретку. Когда Алдис села, волшебница положила ей на колени доску, на которую поставила жаровню.

— Думайте о том, кто вам нужен, только о нем, леди.

Волшебница начала петь. То неувловимое, что тревожило Симона в этой комнате, когда она начертила в воздухе знак, теперь улетучилось.

Но в пении было очарование, изменявшее мысленные образы, вызывающее ответные изображения. Симон прикусил губу. Подходящая магия для Алдис и ей подобных, но не подходящая для холодной красоты Эсткарпа. И она начала действовать на Симона. Симон заткнул уши, чтобы не слышать, не ощущать вздымающегося в его теле жара.

Он отнял руки лишь тогда, когда увидел, что губы волшебницы перестали двигаться. Лицо Алдис порозовело, раздвинутые губы увлажнились, она смотрела невидящим взглядом, пока волшебница не сняла с ее колен доску с жаровней.

— Добавьте щепотку этого в его пищу или питье, — вся жизнь ушла из голоса волшебницы, она говорила, преодолевая усталость.

Алдис взяла у нее сверток и сунула его за лиф платья.

— Будь уверена, я правильно использую ее, — она подхватила свой плащ и направилась к двери. — Дам тебе знать о результатах.

— Я узнаю сама, леди.

Алдис вышла, а волшебница продолжала стоять, держась за спинку стула, как-будто нуждаясь в опоре. На ее лице выражение усталого отвращения смешивалось со стыдом, словно она использовала дурные средства для достижения доброй цели.

Глава 5. Три звука рога.

Руки Кориса равномерно двигались, полируя лезвие топора шелковой тканью. Он потребовал свое сокровище в ту же минуту, как вернулся и теперь, усевшись на подоконник и держа топор на коленях, говорил:

— ... он рванулся так, будто сам Колдер гнался за ним по пятам, а сержант пролил половину вина, за которое я заплатил. Этот парень уцепился за стол и заорал. Я ставлю недельное жалование на то, что в его рассказе есть зерно правды, хотя в целом, это ерунда.

Симон смотрел на остальных в комнате. Он не ожидал, что волшебница удивится или как-то покажет, что слышала подобные истории. Однако юноша, появившейся при ней ниоткуда, был меньше натренирован и его поведение доказывало, что Симон прав. Брайант слишком хорошо сдерживался. Тот, кто более опытен в науке убийства, разыграл бы удивление.

— Мне кажется, что для вас эта история — не ерунда, леди, — оборвал Симон рассказ капитана. Осторожность стала привычкой для его взаимоотношений с волшебницей с того часа, когда он вынужден был защищаться от колдовства

при встрече с Алдис. Она чувствовала его отношение, но не делала попыток что-либо изменить.

— Рунольд в самом деле мертв, — ее слова звучали ровно, — и умер он в Верлейне... Леди Лойз действительно исчезла. Так что эта часть рассказа вашего человека, капитан, правдива, — она обращалась скорее к Корису, нежели к Симону. — Ну, а то, что это результат набега Эсткарпа — это, конечно, ерунда.

— Это я знаю, леди. Не наша манера сражаться. Но что, если эта история прикрывает что-то другое? Мы вас не расспрашивали, но какова судьба гвардейцев, оказавшихся у рифов Верлейна?

Волшебница покачала головой.

— Насколько я знаю, капитан, вы и те, что были с вами — единственные, кто спасся из Салкаркипа.

— Но такие разговоры могут послужить поводом для нападения на Эсткарп, — Корис нахмурился. — Рунольд был приближенным Ивьяна. Не думаю, что бы герцог спокойно воспринял его смерть, особенно, если учесть окружающие ее чудеса.

— Фальк! — это имя вырвалось у Брайанта, как стрела из самострела. — Это дело Фалька! — теперь его бледное лицо стало достаточно выразительным. — Но ему придется считаться с Сириком и лордом Дуартом! Я думаю, что сейчас Фальк очень занят. А этот ваш щитonosец сообщил столько подробностей набега, что, должно быть, ознакомился с докладом.

— Посланцы с моря недавно прибыли. И я слышал, как об этом говорили, — заметил Корис.

— С моря! — волшебница встала, ее алое с золотом платье зашуршало. — Фалька нельзя считать простаком, но есть в развитии событий нечто такое, что не позволяет считать их только желанием Фалька оградиться от мести герцога!

Глаза ее были мрачны, когда она холодно разглядывала трех своих собеседников. Она, может быть, сравнивала их силы с силами врагов.

— Это мне не нравится. Конечно, следовало ожидать какого-нибудь сообщения из Верлейна: Фальку нужно что-то рассказать герцогу в свое оправдание, иначе на него обрушатся камни собственного замка. И он вполне способен привлечь на свою сторону Сирика и Дуарта, чтобы они подтвердили его рассказ. Но события развиваются слишком

быстро, слишком все хорошо организовано! Я готова поклясться...

Она расхаживала по комнате, алая юбка колыбалась вокруг ее ног.

— Мы хозяйки иллюзий, но готова поклясться Силой Эскарпа, что эта буря не была иллюзией. Если только Колдер не овладел силами природы..., - теперь она стояла неподвижно, руками она зажала рот, словно хотела вернуть вылетевшие слова, — ... если Колдер овладел..., — она перешла на шепот. — Не могу поверить, что мы явились сюда по замыслу колдеров. Не смею верить в это! И все же..., — она резко повернулась и подошла к Симону. — Я знаю Брайанта, знаю, что он делает и почему. Я знаю Кориса, и его желания. Но вас, человека из тумана Тора, вас я не знаю. Если вы не то, чем кажетесь, значит, мы привели с собой свою судьбу.

Корис перестал полировать лезвие топора. Ткань упала на пол, руки сомкнулись на рукояти.

— Он был принят Властительницей, — сказал он спокойно, но внимание его сосредоточилось на Симоне, как у дуэлянта, ожидающего выпада противника.

— Да! — волшебница была согласна с этим. — И невозможно думать, что то, что скрывает Колдер, нельзя обнаружить другими методами. Сама темнота покрытия делает его презренным! Есть еще одно испытание, — она сунула руку за воротник платья и извлекла тусклый камень, который всегда носила с собой. Несколько мгновений она держала его в руках, пристально глядя на него, затем сняла с шеи цепь и протянула Симону. — Возьмите!

Симон взял в руки камень. Корис вскрикнул и перехватил топор. При первом прикосновении камень казался гладким и холодным, а затем начал согреваться, с каждой секундой становясь все теплее. Но жар его не обжигал. Только сам камень ожил, на его поверхности появились радужные вспышки.

— Я знала! — ее хриплый полусшепот заполнил комнату. — Нет, не колдер! Колдер не смог бы удержать без вреда для себя Пламя Силы! Добро пожаловать, брат по Силе! — она вновь начертила в воздухе символ, который засверкал так же ярко, как камень. Затем взяла у Симона камень и снова спрятала его под платьем.

— Он — мужчина! Изменение внешности не может так действовать, да и не смог бы он нас дурачить в казарме, —

первым заговорил Корис. — Как может мужчина владеть Силой?

— Он мужчина, но он из другого мира, времени и пространства. Мы не знаем, что происходит в других мирах. Я могу поклясться, что он не колдер. Может, именно он будет стоять перед колдером в последней битве. А сейчас мы должны...

Но тут послышался сигнал у ворот. Встревоженные, Симон и Корис посмотрели на волшебницу. Брайант достал самострел.

— Сигнал правильный, хоть и в неурочное время. Ответь, но будь осторожен.

Корис и Симон поспешили за Брайантом к воротам. Снаружи они слышали шум города. Симон чувствовал, что нечто подобное он уже слышал. Корис выглядел встревоженным.

— Это толпа! Крик взбешенной толпы!

И Симон, вспомнив ужас своего прошлого, кивнул. Он приготовил самострел, чтобы встретить стоявшего за дверью.

Невозможно было ошибиться в национальности вбежавшего. Кровавый подтек на лице не мог скрыть черт жителя Эсткарпа. Он упал и Корис подхватил его на руки.

Человек, которого держал Корис, улыбнулся, попытавшись заговорить. Оглушенные, они ничего не слышали. Брайант закрыл наружную дверь. Симон и Корис помогли беглецу войти в дом.

К этому времени он настолько оправился, что смог приветствовать волшебницу. Она налила какую-то голубоватую жидкость в чашку и поднесла к губам беглеца. Он выпил.

— Лорд Болтимер?

Человек откинулся в кресле, в которое его усадили.

— Вы только что слышали, леди, как он прошел в громе и криках. С ним шли все наши, кто сумел добраться до посольства. За остальными охотятся на улицах. Ивьян приказал трижды протрубить в рог против эсткарптцев и представителей древних родов. Он сошел с ума!

— Их тоже?! — она прижала руки к вискам, как-будто хотела облегчить невыносимую боль. — У нас совсем нет времени?

— Болтимер послал меня, чтобы предупредить вас. Вы хотите следовать за нами леди?

— Пока нет.

— Те, против кого звучит рог, могут быть убиты на месте любим, без всяких расспросов. А в Карсе сегодня убивают не быстро и легко, — бесстрастно добавил он. — Не знаю, можете ли вы рассчитывать на леди Алдис...

Волшебница рассмеялась.

— Я вообще не рассчитываю на Алдис, Вортигин. Нас пятеро..., — она вертела в руках чашку, глядя на Симона. — От этого зависит нечто большее, чем наши жизни. И если вовремя предупредить представителей старых родов во всем Карстене, они смогут добраться до наших границ и пополнить наши ряды. Да и то, что мы здесь узнали, нужно сообщить в Эсткарп. Я не надеюсь на свою Силу — вы должны помочь мне, брат!

— Но я не знаю, как... Я никогда не использовал свою Силу..., — возразил Симон.

— Вы можете поддержать меня. Это наша единственная надежда.

Корис отошел от окна, где всматривался в сад.

— Изменения внешности?

— Единственная возможность. И долго ли она выдержит? — она пожала плечами.

Вортигин провел языком по губам.

— Выведите меня из этого проклятого города, и я подниму всю округу. У меня там немало родственников.

— Пошли! — волшебница направилась в магическую комнату с занавесями. Все двинулись за ней, но у входа Корис остановился.

— Я беру с собой то, что мне было дано. Придайте мне внешность, в которой я могу владеть топором Вольта.

— Я назвала бы вас слабоумным, — выпалила волшебница, — если бы не знала цены этого лезвия. Но изменение внешности — лишь иллюзия. Можно попробовать. Подготовьтесь, и побыстрее.

Пока Корис и Симон убирали стулья, она протянула в сторону ковер. Наклонившись, провела камнем несколько раз. Линии вспыхнули, образовав пятиконечную звезду. Корис неохотно положил топор в центр звезды.

Волшебница заговорила, обращаясь к Симону.

— Внешность на самом деле не меняется, это лишь иллюзия, которая должна сбить с толку тех, кто будет нас преследовать. Я буду опираться на вашу помощь, чтобы увеличить свою Силу, — она огляделась, поставила рядом с топором

жаровню и подула на угли. — Можно начинать. Приготовьтесь.

Корис схватил Симона за руку.

— Раздевайтесь донага, иначе Сила не подействует! — он уже снимал собственную куртку. Симон повиновался, а затем они помогли раздеться Вортигину.

Дым поднимался от жаровни, заполняя комнату красноватым туманом, в котором еле виднелась приземистая фигура Кориса.

— Встаньте у кончиков лучей звезды, — слышался из полутьмы приказ волшебницы. — Вы, Симон, рядом со мной.

Он пошел на этот голос, потеряв в тумане Кориса. Из тумана показалась белая рука и притянула его на место. У себя под ногами Симон различал слабое мерцание линий звезды.

Кто-то запел где-то далеко. Симон заблудился в тумане. Но в тоже время что-то согревало его — не внешне, а изнутри. И эта теплота исходила из него, из его тела и плыла по правой руке. Симон подумал, что мог бы увидеть этот поток — кроваво-красный, теплый, но видел лишь туман и знал только, что тело его существует.

Пение становилось все громче. Когда-то он уже слышал такое пение — тогда оно поднимало в нем вожелание, заставляло бороться с самим собой. Теперь оно действовало по-другому и он не сопротивлялся.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть бесконечного кружения тумана, и стоял, настроившись на пение: каждая клеточка в его теле дрожала в такт этому пению, и по-прежнему теплый поток струился из его тела.

Но вот рука его бессильно упала. Поток прекратился, пение смолкло. Симон открыл глаза. В сплошном тумане образовались просветы. В одном из них он увидел грубое лицо, жестокую карикатуру на человека. На этом лице сверкали дьявольские глаза Кориса. А немного дальше стоял другой человек, с изъеденной язвой кожей и пустой глазницей.

Тот, у которого были глаза капитана, перевел взгляд с Симона на своего соседа, широко улыбнулся, обнажив гнилые, пожелтевшие зубы.

— Прекрасная компания получилась! Оденьтесь! — донесся приказ волшебницы из рассеивающегося мрака. — Сегодня вы вышли из притонов Карса, чтобы грабить и убивать. Такие, как вы, расцветают при звуках рога.

Они оделись в рваную одежду, а Корис поднял с пола топор Вольта, точнее не топор уже, а ржавый металлический стержень с крючьями, назначение которых Симон не мог угадать.

Зеркала, чтобы осмотреть свою новую внешность, у Симона не было, но он догадывался, что стал не более привлекательным, чем его товарищи. Он ожидал, что внешность волшебницы и Брайанта тоже изменяться, но не настолько! Волшебница превратилась в старуху с грязными прядями седых волос над согнутыми плечами. В чертах ее лица отражалась лютая злоба. А юноша превратился в ее противоположность. Симон с удивлением уставился на девушку, одетую в алое, с золотом, платье.

Насколько Брайант был бледен и бесцветен, настолько девушка была красива. Она не позаботилась завязать шнурки, стягивающие пышную грудь. Старуха ткнула пальцем в Симона.

— Это ваша добыча, смельчак. Взвалите красотку на плечо, а если устанете, то разбойники охотно помогут вам. Играйте свою роль хорошо, — она ткнула мнимую девушку в спину так, что та прямо влетела в объятия Симона. Он подхватил ее, взвалил на плечо, а волшебница рассматривала их взглядом режиссера, а затем еще больше расстегнула корсаж девушки и стянула платье с пышного плеча.

Про себя Симон поразился совершенству иллюзии. Он думал, что она затронет только зрение, но теперь чувствовал, что держит женщину. И ему все время приходилось напоминать себе, что на самом деле это Брайант.

Карс грабило множество таких банд, как их группа. И то, что они видели, то, что они не могли помочь, грызло их на всем пути к гавани. У ворот стояла стража. Они приблизились к воротам: Симон нес свою жертву, а старуха ковыляла с мешком впереди. Она запнулась и упала, сверкающее содержимое мешка рассыпалось по земле.

Стражники ожили, офицер оттолкнул старуху с дороги. Но один из стражников сохранил какое-то чувство долга, а может, его больше привлекла добыча Симона. Он опустил перед Симоном копье и улыбнулся из-за этого барьера.

— Оставь здесь свой груз, оборванец. Она слишком хороша для тебя! Пусть ее сначала отведает лучший человек!

Ржавая палка Кориса вытянулась вперед, зацепив крюком ногу солдата. Тот упал, а они выбежали за ворота и побжали к гавани, преследуемые другими стражниками.

— Туда! — Брайант вырвался из рук Симона и прыгнул в воду, капитан последовал за ним и вынырнул рядом с алозолотистым платьем. Вортигин бежал к воде, прихрамывая. Симон оглянулся в поисках волшебницы.

В глубине гавани виднелся клубок фигур. С самострелом в руке, Симон побежал назад, трижды останавливаясь, чтобы выстрелить, и каждый раз убивая или ранив солдата. Симон прибежал вовремя, чтобы увидеть лежащую на земле старуху и нацеленный в ее горло меч.

Симон выстрелил еще дважды. Потом кулак его ударил, кто-то закричал и побежал, а Симон подхватил волшебницу, обнаружив, что она весит больше Брайанта. И, неся ее на плече, он побежал к ближайшей барке.

Старуха в его руках неожиданно ожила и начала вырываться, как-будто он действительно ее похитил. Симон потерял равновесие и оба упали, сильно ударившись о воду. Симон наглотался воды, закашлялся и забил руками.

Голова его поднялась над поверхностью, он оглянулся в поисках волшебницы и увидел ее неподалеку. Она хорошо держалась на воде.

— Эй!

Этот возглас послышался с ближайшей плывущей вниз баржи, оттуда выбросили веревку. Симон и волшебница выбрались на палубу и увидели Кориса, который стоял у противоположного борта и яростно размахивал руками. Увидев их, он спустился вниз.

Здесь, в маленькой лодке, сидел Вортигин, рядом, как жертва настоящего насилия, лежал Брайант. Когда они спустились, Корис оттолкнул лодку от баржи, используя свою палку с крючьями.

— Я думал, вы погибли у ворот!

Симон ответил:

— Ну здесь у нас передышка. Они посчитают, что мы скрываемся на барже. Мы, по крайней мере, должны на это надеяться. Но разумнее попытаться как можно быстрее добраться до берега на другой стороне.

Все согласились с этим предложением. Брайант, наконец, выпрямился, но продолжал прятать лицо, словно стыдясь

своей внешности. Волшебница, сидя на дне лодки, напряженно всматривалась в противоположный берег.

Им повезло — приближалась ночь, и Вортигин хорошо знал местность. Он сможет провести их по полям, минуя поселки, пока они не окажутся достаточно далеко от Карса.

— Три звука рога — что ж, это действует в Карсе. Город принадлежит герцогу. Но у древних семейств есть связи с нами и они не любят Ивьяна. Они, может быть, и не помогут нам, но не помогут и людям герцога. Они просто закроют глаза и уши.

— Да, Карстен теперь закрыт для нас, — согласилась с ним волшебница. — И я скажу старой расе, что она должна бежать к границам, пока не поздно. Возможно им помогут фальконеры... Ну вот, прилижается ночь!

Но Симон знал, что она имеет в виду не физическую ночь, смыкавшуюся над маленьким отрядом.

Глава 6. Поддельный сокол.

Симон, Корис и Вортигин, закрывшись пучком влажной соломы, лежали в поле за стогом и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там виднелись яркие сине-зеленые мундиры солдат герцога. Их было четверо, хорошо вооруженных и подготовленных к долгой поездке. Их окружало кольцо селян в тусклой одежде. Предводитель маленького отряда торжественно подъехал к столбу объявлений и поднес рог к губам. Утреннее солнце горело на серебряном оружии.

— Раз... два... три..., — Корис вслух считал звуки рога. Они ясно слышали эти звуки, вся округа слышала их. Впрочем, то, что говорили люди герцога собравшимся, до них доносилось лишь урывками.

Корис взглянул на Вортигина

— Быстро распространяют. Вам лучше отправиться, чтобы успеть предупредить хоть кого-то из ваших родичей.

Вортигин вонзил в землю кинжал, как-будто перед ним был сине-зеленый солдат.

— Мне понадобится лошадь.

— Верно. А вот и нужные нам лошади, — Корис ткнул пальцем в отряд солдат герцога.

— За этим местом дорога проходит через небольшой лес,
— вслух подумал Симон.

Псевдолицо Корис выразило злобное восхищение.

— Они скоро кончат. Нам лучше двигаться.

Они отползли от своего наблюдательного пункта, вброд перешли речку и отыскиали за ней лесную дорогу. Дорога, ведущая на север, содержалась не очень хорошо. В этой местности власть герцога с недовольством воспринималась как древними семьями, так и простыми семьями. Все дороги, помимо главной, были всего лишь тропами.

По обе стороны дороги возвышались холмы, поросшие кустами и травой. Это было не безопасное место для любого путника, особенно в мундире герцогских солдат.

Симон укрылся на одном холме, Корис выбрал себе позицию ближе к реке, чтобы перекрыть отступление. Вортигин лежал напротив Симона. Им оставалось только ждать.

А предводитель солдат дураком не был. Один из его людей ехал впереди, осматривая каждый куст, каждый пучок подозрительно высокой травы. Он остановился между скрывавшимися людьми, потом двинулся дальше. За ним двигался командир с рогом и еще один солдат, а четвертый замыкал колонну.

Симон выстрелил, когда последний солдат поравнялся с ним.

Командир, с искусством опытного всадника, повернул лошадь и увидел, как падает, обливаясь кровью, замыкающий.

— Сал! Сал! Сал! — вновь резко прозвучал боевой клич, который Симон слышал в обреченной морской крепости. Стрела разорвала одежду на плече Симона и оцарапала кожу: у командира солдат было кошачье зрение.

Оставшийся солдат пытался прикрыть своего командира, но Вортигин приподнялся из своего укрытия и бросил кинжал. Оружие описало дугу и ударило солдата в затылок. Он беззвучно упал.

Копыта пронеслись в воздухе над головой Симона. Лошадь потеряла равновесие и упала, подмяв под себя всадника. Корис выпрыгнул из-за укрытия и ударил своим посохом слабо сопротивляющегося офицера.

Они быстро раздели всадников, успокоили лошадей. К счастью, упавшая лошадь поднялась на ноги, испуганная, но по-видимому, не раненная. Тела оттащили в кусты, а коль-

чуги, оружие и шлемы привязали к седлам, после чего отвели лошадей в заброшенную овчарню, где скрывались беглецы.

Здесь мужчины услышали горячий спор. Высохшая старуха и черноглазая красotka в алом, с золотом, платье, вызывающе смотрели друг на друга. Но когда в проеме изгороди показался Симон, они немедленно замолчали. И молчали до тех пор, пока не привели лошадей с багажом. Тут девушка вскрикнула и ухватилаcь рукой за сверток с кольчугой и кожаной одеждой.

— Я хочу свою истинную внешность, немедленно! — выпалила она.

Симон мог это понять. В возрасте Брайанта роль, навязанная ему, тяжелее рабства. Никто из них не хотел носить непривлекательную внешность, которую наложила на них волшебница.

— Прекрасно! — одобрил он слова Брайанта. — Можем ли мы измениться по своей, вернее, по вашей воле, леди? Или нужно выждать еще какое-то время?

Под путаницей седых косм волшебница нахмурилась.

— Зачем зря тратить время? И мы еще не удалились достаточно далеко от людей Ивьяна, хотя вы, по-моему, с некоторыми из них поговорили, — она взяла один костюм, как бы собираясь примерить его к своей согнутой фигуре.

Брайант смотрел сердито, прижимая к себе кольчугу. Пухлые губы на девичьем лице были упрямо сжаты.

— Я ухожу отсюда в своем настоящем виде или не ухожу совсем! — заявил он, и Симон поверил ему.

Волшебница сдалась. Из-за рваного корсажа она достала мешочек и бросила его Брайанту.

— Уходи к ручью. Вымойся, используя пригоршню этого порошка. Но будь осторожен — этот порошок должен послужить нам всем.

Брайант схватил мешочек и, прижимая к себе узел с одеждой, побежал к ручью, как-будто боясь, что его остановят.

— А как на счет нас? — спросил Симон, готовый двинуться следом.

Корис привязал лошадей к ограде. Его разбойничье лицо было отвратительно, но он умудрился выразить смехом живейшее веселье.

— Пусть малыш спокойно избавляется от своих тряпок, Симон. Ведь раньше он не возражал. А эта юбка досаждала ему.

— Юбка? — удивленно повторил Вортигин, — но...

— Симон не принадлежит к древней расе, — волшебница скребла в голове длинными ногтями, — он не знает наших обычаев и свойств изменения внешности. Вы правы, Корис, — она искоса взглянула на капитана, — Брайанту лучше позволить переодеться в одиночестве.

Одежда, снятая со злополучных всадников герцога, свисала с юного воина, когда он вернулся от ручья гораздо более бодрой походкой. Он с ненавистью швырнул в сторону алый сверток.

Корис натер старый посох порошком прежде, чем окунуться и, выходя из воды, держал топор Вольта. Они выбрали себе одежду, а Корис надел кольчугу, принесенную из Карса; никакая другая не подошла бы ему. Поверх кольчуги он надел куртку, тоже самое сделали его товарищи.

Когда они вернулись, Корис протянул волшебнице мешочек, та немного подежала его в руке, потом вернула не место.

— Храбрая компания воинов, я — ваша пленница. В шлемах и капюшонах, вы не похожи на эсткарптцев. Только в вас, Вортигин, еще видны черты древней расы. Но если меня увидят в истинном обличье, я немедленно вас выдам. Придется мне походить в этой внешности.

Так они и отъехали от своего убежища — четверо воинов в цветах герцога, и старуха, сидящая за Брайантом. Лошади были свежими, но всадники не торопили их, избегая открытых мест, пока не добрались до места, откуда Вортигин должен был повернуть на восток.

— На север, по торговым дорогам, — волшебница наклонилась вперед из-за спины Брайанта, — если мы сумеем предупредить фальконеров, они беспрепятственно пропустят беглецов через горы. Скажите своим людям, чтобы они все бросили, взяли с собой лишь оружие и пищу, сколько может взять лошадь. Пусть Сила будет с вами, Вортигин. Те, кого вы приведете, станут кровью в жилах Эсткарпа.

Корис снял с плеча рог.

— Это будет вашим пропуском, если вы столкнетесь с отрядом герцога. Счастья вам, брат, и когда вы вернетесь, отыщите гвардию севера. У нас в арсенале найдется достойное вас оружие!

Вортигин отсалютовал и галопом помчался на восток.

— А теперь? — спросила волшебница у Кориса.

— Фальконеры.

Она захихикала.

— Вы забыли капитан, хоть я стара и сморщена, сок жизни вытек из меня, и все же я — женщина, и крепости сокольников для меня закрыты. Переведите нас с Брайантом через границу, а затем отправляетесь на поиски ваших женоненавистников — птичьих людей. Поднимите их, если сможете. Граница, ошетилившаяся мечами, заставит Ивьяна призадуматься. А если фальконеры дадут нашим людям свободный проход через горы — мы будем у них в большом долгу. Только, — она указала нашивки на груди Брайанта, — советую вам убрать это, иначе вы можете оказаться приколотыми к дереву где-нибудь в горах, прежде, чем сможете сказать, кто вы на самом деле.

На этот раз, когда над ними закружил сокол, Симон не удивился и Корис, обратившись к птице, назвал их настоящие имена и объяснил, что привело их в холмы. Симон ехал сзади, капитан — впереди, а волшебница и Брайант — в середине. В полдень они расстались с Вортигином, а сейчас уже близок был закат. За весь день они ели только то, что оказалось в седельных сумках всадников.

Корис натянул поводья и подождал, пока остальные не присоединятся к нему. Говоря, капитан находился лицом к горам, и Симону казалось, что он немного утратил всегдашнюю самоуверенность.

— Мне это не нравится. Сообщение должно было быть передано по коммуникатору птицы, а передовой отряд фальконеров должен находится где-нибудь поблизости. Они уже должны появиться.

Симон беспокойно разглядывал склоны впереди.

— Я не стал бы двигаться по такой местности без проводника. Если вы говорите, капитан, что в их поведении что-то странное, тем больше оснований остановиться на месте. Я разбил бы лагерь в первом подходящем месте.

Но тут заговорил Брайант, внимательно следивший за птицей.

— Он летает не правильно! — юноша, опустив поводья, руками изобразил движение крыльев. — Настоящая птица делает так — и сокол тоже, я много раз наблюдал за ними, а этот — смотрите, — хлоп, хлоп, хлоп, это неверно!

Теперь все смотрели на кружащую птицу. Для Симона это был такой же черно-белый пернатый часовой как и тот, которого они видели, выйдя из склепа Вольта. Но он первым согласился бы, что ничего не понимает в птицах.

— Можно позвать его? — спросил Симон Кориса.

Капитан резко свистнул.

В тот же момент Симон поднял самострел. Корис с криком ударил его по руке, но выстрел уже был сделан. Они увидели, как черная стрела попала точно в белое пятно на груди птицы, но в полете сокола ничего не изменилось, не было никаких признаков, что она ранена.

— Я же говорил вам, что это не птица! — воскликнул Брайант. - Волшебство!

Все взглянули на волшебницу, ожидая объяснений, но ее внимание было приковано к соколу. Тот, с торчащей в груди стрелой, медленно летал по кругу над их головами.

— Это не Сила, — ответ прозвучал как бы против ее воли, — я не знаю, что это такое. Но это не животное, насколько мы понимаем жизнь.

— Колдер! — Корис сплюнул.

Волшебница медленно покачала головой.

— Если это и Колдер, то не изменение сущности живого, как это было с людьми из Горма. Я не знаю.

— Надо заставить его опуститься. Он теперь ниже — может, вес стрелы тянет его вниз, — сказал Симон, — дайте мне ваш плащ, — добавил он, обращаясь к волшебнице и спешиваясь.

Она протянула ему разорванный плащ, и перебросив его через плечо, Симон начал взбираться на холм, мимо которого шла дорога. Он надеялся, что птица останется на месте. К тому же, с каждым кругом она все больше снижалась.

Симон ждал, сложив плащ. Он бросил его, и птица влетела прямо в середину импровизированной сети. Когда Симон попытался притянуть к себе птицу, та вырвалась и налетела на скалу прямо над головой.

Симон прыгнул к тому, что лежало на земле. Настоящие перья, но под ними! Он присвистнул от удивления: под натянутой и порванной кожей и разбросанными перьями, виднелась сложная путанница мелких металлических деталей, крошечных колесиков и проводков, а также устройство, которое могло быть только мотором этой странной машины. Держа ее в руках, он вернулся к товарищам.

Вы уверены, что фальконеры используют только настоящих соколов? - спросил он у Кориса.

— Соколы для них священны, — Корис ткнул пальцем в путанницу деталей, его лицо выразило крайнее удивление. — Это не их выдумка.

— Но ведь кто-то выпустил в воздух этих горных соколов, которые не выращены, а изготовлены, — заметил Симон.

Волшебница наклонилась и коснулась птицы пальцами, как это сделал Корис. Ее взгляд встретился со взглядом Симона, и в нем был вопрос и сосредоточенность.

— Из другого мира, — это прозвучало еле слышно. — Порождение не нашего волнебства, не нашего времени и пространства... Симон, это чужое. Чужое...

Брайант прервал ее возгласом. Он указал на вторую черно-белую птицу, спускавшуюся кругами. Симон потянулся за самострелом, но юноша прыгнул из седла и ударил его по руке.

— Это настоящая птица.

Корис свистнул, сокол послушно сел на скалу рядом с путниками.

— Корис из Эсткарпа, — заговорил капитан. — Пусть те, кто послали тебя, крылатый брат, придут быстро, потому что здесь большое зло, а может большее еще впереди.

Он взмахнул рукой, и сокол тут же поднялся в воздух и направился в горы.

Симон положил механическую птицу в седельную сумку. В Соколином Гнезде его заинтересовали переговорные устройства настоящих соколов. Техническое устройство, такое точное и миниатюрное, требовало огромных знаний и было неуместно в средневековой крепости. То же — и относительно искусственного освещения и отопительной системы Эсткарпа и зданий в Салкаркипе, того источника энергии, при помощи которого Магнус Осберик взорвал крепость. Может это остатки древней цивилизации? Или все это пришло сюда из иных миров? Симон невидящими глазами смотрел вперед, размышляя над этой проблемой.

Корис говорил о нечеловеческой расе Вольта, предшествовавшей человечеству. Может, это ее остатки? А может, фальконеры и моряки Салкаркипа узнали то, что им было нужно, из другого источника, где-нибудь за морем? Симон хотел бы получше рассмотреть поддельного сокола и определить, какой тип разума смог его создать.

Фальконеры появились как из-под земли. Они ждали приближения отряда из Карса, не уступая дороги и не приветствуя.

— Фальтьяр с Южных Ворот, — Корис узнал их предводителя. Он снял с головы шлем, чтобы открыть лицо. — Я — Корис из Эсткарпа, со мной гвардеец Симон.

— И еще женщина! — ответ был холоден и сокол на нагесте Фальтьяра захлопал крыльями и закричал.

— Леди Эсткарпа, которую я обещал благополучно довести до границы, — поправил Корис тем же холодным и резким голосом. — Мы не просим у вас убежища, но у нас есть известия, которые должен услышать Повелитель Крыльев.

— Вы можете пройти через горы, гвардеец Эсткарпа. А новости можете поведать мне: до восхода луны я перескажу их Повелителю Крыльев. Но вы говорили о зле здесь, и о большом зле, которое последует. Неужели Карстен послал на нас своих солдат?

— Карстен трижды протрубил в рог всем представителям древней расы и они бегут, спасая свои жизни. Но есть и кое-что еще. Симон, покажите ему поддельного сокола.

Симону не хотелось этого делать. Лучше бы самому как следует рассмотреть птицу. Горец осмотрел разбитую птицу, погладил крылья, дотронулся до открытого глаза, оттянул кожу, чтобы взглянуть на металлические детали.

— Он летал? — спросил он, словно не веря своим собственным глазам.

— Летал, как ваши птицы, и следил за нами, совсем как ваши соколы.

Фальтьяр ласково провел по голове собственного сокола, как бы желая убедиться, что это живое существо, а не подделка.

— Действительно, большое зло. Вы должны сами говорить с Повелителем Крыльев! — он, очевидно, разрывался между древними обычаями своего народа и необходимостью немедленных действий. — Если бы не эта женщина, леди, — с усилием поправил он себя. — ... но она не может входить в Соколиное Гнездо!

— Я останусь с Брайантом, — сказала волшебница, — а вы поезжайте в Соколиное Гнездо, капитан. Но говорю вам, птичий человек: близок день, когда нам придется отбросить многие обычаи, как в Эсткарпе, так и в горах. Лучше жить и сражаться, чем быть связанным цепями предассудков и

умереть. Над нашими землями нависла небывалая угроза, и все люди доброй воли должны быть заодно.

Фальтьяр не смотрел на нее и не ответил, но отдал салют с видом большой уступки... Затем его сокол с криком взлетел в воздух, а Фальтьяр заговорил, обращаясь к Корису:

— Лагерь будет устроен в безопасном месте. Поехали!

Часть 4. ГОРМ

Глава 1. Прорыв границы

Столб дыма вздымался в воздух, время от времени разрываемый вспышками наиболее горючих материалов. Симон поднялся в стременах, оглядываясь на разбитое Карстенское войско — еще одна победа небольшого, но хорошо обученного и снаряженного отряда. Долго ли будет им везти, никто сказать не мог, но пока им везло и они нападали, давая возможность спастись темноволосым людям со строгими чертами лица, которые приходили семьями, отрядами и израненными, страшно истощенными одиночками. Вортигин проделал хорошую работу. Древняя раса, вернее то, что от нее осталось, через открытые фальконерами границы уходила в Эсткарп.

Люди, не обремененные семьями, горящие желанием снова встретиться с врагом, оставались в горах и пополняли отряды Симона и Кориса. А потом — одного Симона, потому что капитана гвардии отозвали на север, в Экстарп.

Это была партизанская война, которую так хорошо изучил Симон в другое время и в другом мире, вдвойне эффективная, так как его люди знали местность, а солдаты Карстена — нет. Симон обнаружил, что эти молчаливые люди, которые ехали теперь за ним, составляли единство не только с землей, но со зверями и птицами... Возможно, звери не служили им, как тренированные соколы фальконеров, но Симон видел странные события: стада оленей затаптывали следы лошадей, вороны выдавали Карстенские засады. Теперь перед каждым их действием Симон выслушивал всех своих сержантов и принимал во внимание их советы.

Древняя раса не была рождена для войны, хотя прекрасно владела оружием. Но для ее представителей это была тяжелая обязанность, которую нужно побыстрее исполнить и забыть. Они убивали с отвращением и были не способны на жестокость. А ведь с захваченными в плен беглецами Карстен расправлялся очень жестоко.

Однажды, когда Симон, бледный, силой воли подавляя тошноту, отвел взгляд от такого зрелища, его поразило замечание помощника, молодого человека с печальным лицом.

— Они делают это не по своей воле.

— Я видел такое и раньше, — ответил Симон, — все это делалось человеческими существами над людьми.

Собеседник, который оставил все, спасая жизнь, бежал тридцать дней кряду, покачал головой. •

— Ивьян — солдат, наемник. Война — его профессия. Но убивать таким образом, вызывать к себе жгучую ненависть? И Ивьян — повелитель своей земли: он слишком умен, чтобы уничтожить собственное добро. Он не мог отдать приказ совершить такие злодеяния.

— Но мы не впервые видим это. Все это не может быть результатом приказов одного-двух садистов.

— Верно, поэтому я и думаю, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые! Симон подумал о старинном значении этого слова в его собственном мире — одержимые злым духом. Что ж, можно понять этого человека после того, что они видели. Одержимые злым духом — и лишенные собственной души! И снова Колдер!

Отныне, хотя это ему и претило, Симон вел записи о таких событиях. Впрочем, ему ни разу не удалось застать преступников за работой. Ему хотелось посоветоваться с волшебницей, но только она ушла с Брайантом в толпе беглецов.

Он потребовал от сети партизанских отрядов регулярной информации, и по вечерам, в очередной штаб-квартире, сравнивал, сводил вместе отдельные факты. Очень мало конкретного, но постепенно Симон все больше убеждался, что командиры Карстенских отрядов действуют не в своей обычной манере и что в армию герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Несоответствие технических знаний устройству общества, продолжало занимать Симона. Беглецы, которых он расспрашивал, сказали ему, что энергетические машины, которые они всегда знали, пришли «из-за моря» несколько веков назад, машины салкарских моряков, заимствованные у древней расы для освещения и отопления — «из-за моря», фальконеры сами приплыли «из-за моря» и привезли с собой удивительные коммуникационные приспособления для своих

соколов. А колдеры ведь тоже «из-за моря». Неясный термин. Похоже, источник всего — там.

Свои сведения он передавал волшебницам в Эсткарп, спрашивая у них в свою очередь новости. Единственное, в чем он был уверен — пока его пополнения приходят из древней расы, ему нечего бояться проникновения чужаков. Помимо способности общаться с землей и ее дикими обитателями, у этих людей была способность чутко чувствовать чужаков.

Еще три поддельных сокола были обнаружены в горах. Все они были уничтожены при захвате, и Симон мог рассматривать лишь разбитые обломки. Оставалось загадкой, откуда они прилетели и с какой целью.

Ингвальд, помощник Симона, еще раз оглянулся на сцену уничтожения, которую они покидали.

— Главный отряд с добычей уже высоко в горах, капитан. На этот раз мы захватили добычу с определенной целью, а из-за этого огня они даже не будут знать, сколько попало в наши руки! Там четыре ящика стрел и пища.

— Слишком много для легкого отряда, — и Симон нахмурился. Мысли его вернулись к повседневным делам. — Похоже, что Ивьян собирается устроить главную стоянку где-то поблизости и здесь базировать свои отряды. Возможно, он собирается двинуть к границам большие силы.

— Я не понимаю этого, — медленно сказал Ингвальд. — Почему вдруг все выскочило из ничего? Мы не были кровными братьями берегового народа. Они оттеснили нас вглубь, когда приплыли из-за моря. Но десять поколений мы жили с ними в мире, каждый шел своим путем и не мешал другому. Мы не склонны к войне, и нет никаких причин для внезапного нападения на нас. Но когда это началось, то шло так, словно давно готовилось.

— Но возможно, не Ивьяном, — Симон заставил свою лошадь идти рядом с лошадей Ингвальда. — Мне нужен пленник, Ингвальд, один из тех, кто забавлялся там, у фермы.

В темных глазах Инвальда вспыхнули искры.

— Если такого возьмут, капитан, то приведут к вам.

— Живого и способного говорить! — предупредил Симон.

— Живого и способного говорить! — согласился Ингвальд.

— Мы тоже считаем, что у одного из них можно кое-что узнать. Но мы их никогда не находим, только их работу. И, думаю, они оставляют ее сознательно — как предупреждение и угрозу.

— Загадочно, — Симон размышлял вслух, снова обдумывая волнующую его проблему. — По-видимому, кто-то считает, что нас можно запугать жестокостью. Этот кто-то не понимает, что такими методами вызывает как раз противоположную реакцию. Или, — добавил он после долгого молчания, это делается нарочно, чтобы разъярить нас и направить ярость против Ивьяна и всего Карстена, поджечь границу, втянуть Эсткарп в войну, а потом ударить в другом месте.

— Возможно, и то и другое, — предположил Ингвальд. — Я знаю, капитан, что вы ищите чье-то присутствие в войсках Карстена, слышал я и о том, что найдено в Салкаркипе, и о продаже людей в Горм. В этом нам не грозит опасность: мы знаем, когда приходит ненастоящий человек, как всегда знали, что вы из другого мира.

Симон удивленно обернулся и увидел, что его собеседник преспокойно улыбается.

— Да, пришелец из чужого мира, ваш рассказ стал известен, но уже после того, как мы поняли, что вы не наш. В то же время, каким-то странным образом, сродни нам. Нет, колдер не может так легко говорить в наших советах. Не может враг жить и среди фальконеров — соколы чувствуют его присутствие.

— Как это?

— Птица или зверь скорее ощущают присутствие того, кто пришел из другого мира, скорее, чем даже те, кто обладает Силой. И те, кто подобен людям из Горма, обнаружат против себя и птиц, и зверей. Так соколы Соколиного Гнезда служат своим хозяевам вдвойне и обеспечивают безопасность гор.

Но еще до конца дня Симону удалось узнать, что хваленая безопасность границ не более прочна, чем хрупкое птичье тело. Они осмотрели добычу и Симон велел отложить в сторону то, что было предназначено для Соколиного Гнезда, когда услышал крик часового и ответ фальконера. Радуюсь возможности отправить сокольников их долю и тем самым освободить людей, Симон выехал вперед.

Всадник не последовал обычаю. Его птичий шлем был закрыт, как будто он находился среди врагов. И не только это заставило Симона остановиться. Люди его отряда встревожились, собираясь в круг. Симон тоже почувствовал зарождающееся подозрение.

Он подъехал к молчаливому всаднику и, не вступая в разговор, схватил его за оружейный пояс. Он испытал легкое удивление: сокол, сидевший на луке седла, не поднялся на своего хозяина. Симон захватил фальконера врасплох и тот даже не успел выхватить оружие. Но он быстро пришел в себя, всем телом навалился на Симона, увлекая его на землю, где одетые в металл рукавицы потянулись к горлу Симона.

Это было подобно борьбе со стальной машиной, и Симон уже через несколько секунд знал, что пытается совершить невозможное: справиться голыми руками с тем, что находилось под личиной фальконера, невозможно. Но он был не один: другие руки схватили его противника, прижали его к земле, хотя незнакомец яростно отбивался.

Симон, потирая руки, встал на колени.

— Снимите с него шлем! — Ингвальд занялся ремешками шлема и с трудом распутал их.

Они собрались вокруг прижатого к земле незнакомца, который не прекращал сопротивления. У фальконеров были некоторые врожденные черты: рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Внешне пленник был настоящим фальконером. Но Симон и все остальные, собравшиеся на поляне, знали, что он не подлинный житель горной страны.

— Крепко свяжите его, — сказал Симон. — Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали. — Он подошел к лошади, которая принесла псевдофальконера в их лагерь. Шкура животного блестела от пота, клочья пены свисали с удила: лошадь, должно быть, выдержала изнурительную гонку. Глаза у нее были дикие. Но когда Симон потянулся к узде, она не сделала попытки бежать и стояла с опущенной головой: крупная дрожь пробежала по всему ее телу.

Сокол оставался спокойным, не взмахивал крыльями, не нацеливался на Симона клювом. Симон снял птицу с насеста и в ту же минуту понял, что держит не живое существо.

Держа птицу в руке, он обернулся к Ингвальду.

— Ингвальд, отправьте Латора и Карна, — он назвал двух лучших разведчиков своего отряда, — пусть едут в Соколиное Гнездо. Мы должны знать, как далеко проникла зараза. Если они увидят, что там все нормально, то пусть предупредят. А в доказательство пусть возьмут вот это, — он наклонился и подобрал птичий шлем. — Я думаю, это подлинная

работа фальконеров, — он подошел к связанному человеку, на этот раз лежавшего неподвижно, но глядевшего на него с бешеной ненавистью. — Но я не могу поверить в то, что это один из них.

— А его мы с собой не возьмем? — спросил Карн, — или птицу?

— Нет, их пока нужно держать в безопасности.

— Пещера у водопада, капитан, — это заговорил Уолдис, юноша из дома Ингвальда, ушедший в горы вместе с хозяином. — Один часовой у входа может стеречь его, и никто кроме нас не будет знать.

— Хорошо. Присмотрите за этим, Ингвальд.

— А вы капитан?

— Я хочу посмотреть на его след. Возможно, он прибыл из горного Гнезда. Если это так, то чем быстрее мы узнаем, тем лучше.

— Я так не думаю, капитан. Если даже он из Гнезда, то приехал не прямым путем. Мы находимся к западу от крепости, а он появился со стороны моря. Санту, — обратился он к одному из тех, кто связывал пленника, — займите пост на этой тропе и пришлите к нам Калуфа, который первым окликнул его.

Симон надел седло на свою лошадь и добавил лишнюю сумку с продуктами. Сверху он положил поддельного сокола. Пока он не мог сказать, было ли это еще одно летающее устройство. Он закончил собираться, когда подбежал Калуф.

— Вы уверены, что он подъехал с запада? — спросил у него Симон.

— Поклянусь в этом на камне Энгиса, если хотите, капитан. Сокольничьи не держатся у моря, хотя временами служат моряками. Я не знал, что они патрулируют морской берег. Но он появился как раз между двумя скалами, откуда дорога ведет к той бухточке, которую мы обнаружили пять дней назад. А двигался он так, словно хорошо знал дорогу.

Симон встревожился. Бухточка — их недавнее открытие — давала надежду на установление лучших связей с севером. Здесь не было рифов и мелей, которые сопровождали береговую линию, и Симон собирался использовать здесь небольшие суда, переправляя на север беглецов и привозя взамен продовольствие и оружие для охраны границы. Если бухточка в руках врага, он должен знать об этом немедленно.

Когда он ехал в сопровождении Калуфа и еще нескольких солдат, мозг Симона работал в двух направлениях. Он отмечал детали местности, которую позже можно будет использовать в наступательных и оборонительных действиях. Но под этими внешними, под текущими мыслями о безопасности, пище и убежище, он думал и о другом.

Когда-то в тюрьме, у него была возможность исследовать самого себя. И он углубился в такие отдаленные области души, которые никогда не открывались свету.

Страх он понимал. Но это было приходящее чувство, которое обычно побуждало его к действию. Некогда он поверил, что за воротами Пертониуса он станет свободным человеком. Пока это не так. Ингвальд говорил об одержимых злым духом, но что, если человек не владеет собой?

Симон как бы раздвоился. Он постоянно следил за собой, как за посторонним человеком. Чужак — люди чувствовали это в нем. Может, это еще одна странность этого мира, такая же, как загадка Колдера? Симон чувствовал, что находится на грани какого-то открытия.

Но вот эти мысли были оставлены, когда он увидел ветвь дерева, изогнутую горной бурей, лишенную листьев. Она черной линией выделялась на фоне неба, а то, что свисало с нее в петле, было еще чернее.

Симон смотрел на три маленьких тела, раскачивающихся на ветру, на их разинутые клювы, блестящие бусинки глаз, на изогнутые когти, на которых по-прежнему виднелись алые ленты и серебряные кольца. Три настоящих сокола со свернутыми шеями.

— Почему? — спросил Калуф.

— Должно быть, предупреждение, — Симон спешился и передал повод Калуфу. — Подождите здесь. Если я не вернусь вскоре, возвращайтесь к Ингвальду и доложите о происшедшем. Не ходите за мной, мы не можем терять людей зря.

Солдаты возражали, но Симон решительно остановил их. Осмотрев кусты, он увидел следы множества людей, сломанные ветки, вырванную, вытопанную траву, обрывок какой-то ткани. Он приблизился к берегу: стал слышен шум прибоя.

Симон дважды бывал на этой тропе и сейчас пытался мысленно представить себе картину местности. К несчастью, долина, выходящая к бухточке, была лишена всякой растительности. Утесы по обе стороны — лысые. Придется

все же использовать один из этих утесов, хотя придется не легко. Симон упорно двинулся вперед.

Как когда-то из склепа Вольта, он пробирался ползком, цепляясь за любую опору. Вот он подполз на животе к краю обрыва и заглянул в бухточку.

Он ожидал увидеть многое: голую полосу песка без следа чьего-нибудь присутствия, а может отряд Карстена или стоящий на рейде корабль. Но увидел он совсем другое. Вначале он решил, что это одна из иллюзий Эсткарпа — то, что он видит, порождено его собственным мозгом, рождено каким-то воспоминанием. Но более пристальный взгляд на металлический корпус показал, что, хотя он и напоминает что-то знакомое, но все же отличается от всего, что он видел раньше, как поддельный сокол отличается от настоящего.

Очевидно, он смотрел на морской корабль, хотя никаких надстроек и мачт не было видно. Непонятно, что движет этот корабль. Нос и корма были резко заострены, весь корабль по форме напоминал торпеду. На плоской поверхности корпуса виднелось отверстие, рядом с которым стояли три человека. На голове у них были птичьи шлемы, но Симон был уверен, что это не настоящие фальконеры.

Опять вечная загадка этой цивилизации, ведь корабли Салкаров — парусные, что характерно для немеханической культуры. Этот корабль словно явился из будущего его собственного мира! Как могут существовать два таких различных уровня цивилизации? И здесь Колдер? Чуждое, чуждое. Симон чувствовал, что еще мгновение и он поймет, догадается...

Он на мгновение утратил бдительность. Только прочный шлем, добытый им в Карсе, спас ему жизнь. Удар оглушил Симона. Он на мгновение вдохнул запах влажных перьев, чего-то еще, полуослепший, он пытался встать, но получил еще один удар. На этот раз он увидел враждебное крыло. Сокол... но подлинный или ложный? Этот вопрос он унес в сокнувшуюся вокруг него тьму.

Глава 2. Проданные на Горм

Тупая боль заполняла голову, сотрясала тело. Вначале Симон, неохотно приходящий в сознание, с трудом мог набрать сил для того, чтобы вынести эту боль. Он понял, что

биение не только внутри, но и вне его. То, на чем он лежал, дрожало равномерной ритмичной дрожью. Он заключен в черном сердце там-тама.

Открыв глаза, он не увидел света, а попытавшись двинуться, обнаружил, что руки и ноги его связаны. Ощущение того, что он заперт в гробу, стало таким сильным, что Симон прикусил губу, чтобы не закричать. Он так отчаянно сражался с неизвестным, что спустя какое-то мгновение обнаружил, что он не один.

Справа от него кто-то время от времени слабо стонал. Слева кого-то рвало, и это добавило зловония в душном воздухе. Симон почувствовал странное спокойствие после этих звуков и позвал:

— Кто здесь? И где мы? Кто-нибудь знает?

Стон кончился коротким перерывом дыхания. Но человек слева не мог или не хотел справиться с собой.

— Кто вы? — слабый шепот донесся справа.

— Я с гор. А вы? Это тюрьма Карстена?

— Лучше бы мы были там, человек с гор! Я бывал в подземельях Карстена, да и в комнате для допросов тоже. Но лучше быть там, чем здесь.

Симон напряженно вспоминал предыдущие события. Он взобрался на вершину утеса, чтобы заглянуть в бухточку. Там находился странный корабль, потом — нападение птицы, которая, вероятно, вовсе не была птицей. Ответ может быть только один — он лежит в том самом корабле, на который смотрел сверху.

— Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? — спросил он.

— Именно так, горный человек. Вас не было с нами, когда дьяволы Ивьяна отдали нас Колдеру. Значит, вы один из фальконеров, которых захватили позже?

— Фальконеры! Эй, люди крылатых! — Симон возвысил голос, слыша, как это гулко отражается от невидимых стен. — Сколько вас лежит здесь? Я, один из всадников, спрашиваю вас!

— Нас трое, всадник, хотя фальконера Фальтьяра бросили сюда без чувств и мы не знаем, жив ли он.

— Фальтьяр! Страж южных проходов! Как захватили его и вас?

— Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл вестник из Эсткарпа. Он сообщил, что нам

могут доставлять припасы морем, если есть, где высадиться. Поэтому Повелитель Крыльев приказал нам отыскать бухту. Нас сбили соколы, хотя это были не наши соколы. Очнувшись мы на берегу, без кольчуг и оружия, нас втащили на корабль, подобного которому нет в мире. Это говорю я, Тандис, который пять лет служил моряком у салкаров. Много портов я видел и столько кораблей, что не пересчитать и за неделю, но такого не было.

— Он рожден колдовством Колдера, — слышался слабый голос справа от Симона. — Как может человек определить время, если он заключен в бесконечной тьме? Ночь сейчас или день, этот день или следующий? Я сидел в тюрьме Карса потому, что дал убежище женщине и ребенку древней расы, когда прозвучал рог. Всех молодых взяли из тюрьмы на остров в дельте реки. Там нас осмотрели.

— Кто осмотрел? Живо спросил Симон. Неужели наконец-то кто-то видел загадочных колдеров?

— Не помню, — голос звучал теперь еле слышно, и Симон напряг слух, чтобы уловить смысл. — У них какое-то колдовство, у этих людей из Горма: голова начинает кружиться и все мысли из нее вылетают. Говорят, что они демоны с края мира, и я верю в это.

— А вы, фальконер, видели ли тех, кто захватил вас?

— Да, но это мало что даст вам, всадник. Нас притащили сюда люди Карстена — оболочка без разума, сильные руки и спины для их хозяев. А хозяева надели нашу одежду, чтобы одурачить наших друзей.

— Мы поймали одного такого, — сказал Симон. — Нужно быть благодарным и за это, сокольничий. Может, хоть часть загадки удастся разгадать, — только тут Симон подумал, а не имеют ли эти стены уши, которые слышат разговоры беспомощных пленников? Но может, в этом случае их похитители почувствуют беспокойство.

Во тьме обнаружилось десять карстенцев — все бывшие заключенные, арестованные за нарушение приказов герцога, к ним добавились три фальконера, захваченные в бухте. Большинство пленников находились в безсознательном состоянии. Если они и могли вспомнить предыдущие события, то их воспоминания заканчивались прибытием на остров или появления в бухте.

Симон продолжил расспросы, и начало вырисовываться нечто общее, во всех нарушителях воли герцога. Все они бы-

ли предприимчивыми людьми, с определенной военной подготовкой, начиная от фальконеров, которые постоянно жили в монастырских военных казармах и чьим занятием была война, и кончая первым собеседником Симона, мелким землевладельцем из Карса, они были в хорошей физической форме. Двое принадлежали к обедневшему дворянству и получили некоторое образование. Они были братьями, их захватили солдаты Ивьяна, обвинив в том же преступлении — помощь древней расе.

Никто из пленников не относился к древней расе и все единодушно утверждали, что по всему герцогству после пленения мужчин, женщин и детей древней расы предали смерти.

Именно один из молодых дворян, выведенный терпеливыми расспросами Симона из состояния оцепенения, сообщил ему первый важный факт.

— Солдат, который оглушил Карпита — пусть его вечно днем и ночью грызут крысы Нора! — сказал, что Ренстона не нужно уводить. Мы с Ренстоном были побратимами с того момента, как взяли в руки мечи, и мы дали ему оружие и пищу, чтобы он смог добраться до границы. Солдаты выследили и схватили нас, хотя трое из них остались бездыханными, с дырами в груди. Когда один из них начал связывать Ренстона, солдат сказал, что это бесполезно, покупатели людей не берут тех, у кого древняя кровь.

Тот начал убеждать, что Ренстон так же молод и силен, как и мы, и его можно продать. Но солдат герцога заявил, что старую расу можно сломать, но не согнуть и пронзил Ренстона его собственным мечом.

— Сломать, но не согнуть..., — медленно проговорил Симон.

— Древняя раса в родстве с эсткарпцами, — добавил дворянин. Эти дьяволы из Горма не могут справиться с нею так легко, как с другими.

— Но почему Ивьян так обрушился на них? — полушопотом кто-то спросил. — Они нам не мешали. А те, кто подружился с ними, говорят, что они добрые, несмотря на их древние знания и странные обычаи. Неужели Ивьян действует по приказу? Может ли быть так, мои братья по несчастью, что присутствие древней расы среди нас мешало проникновению Горма, ставило преграды на пути зла?

Умно и близко к собственным мыслям Симона. Симон продолжал бы расспросы, если бы сквозь стоны и бессловесные жалобы тех, кто все еще не пришел в себя, не услышал шипение, странно знакомое. Душная атмосфера скрывала новую опасность, а когда Симон ее обнаружил, было слишком поздно — в помещении появился какой-то газ.

Люди давились и кашляли, пытались вдохнуть поглубже и затихали. Только одна мысль держалась в голове Симона: враг не пошел бы на все эти сложности, если бы хотел убить их. Поэтому Симон, один среди всех, не сопротивлялся газу, медленно вдыхал, вспоминая кресло дантиста в своем мире.

Бормотание... бормотание... Бормотание... слова, которые не были словами, а только путаницей звуков. Они произносились высоким голосом и содержали в себе непреодолимый приказ. Симон не шевелился. Возвращалось сознание окружающего, но врожденный инстинкт самосохранения удерживал его в неподвижности.

Бормотание... бормотание... Бормотание...

Боль в голове стала тупой. Симон был уверен, что он больше не на корабле: то, на чем он лежит, не дрожит и не движется. Он раздет, в помещении холодно.

Тот, кто говорил, теперь отошел, бормотание осталось без ответа. Но Симон продолжал лежать неподвижно.

Он дважды досчитал до ста, не услышав ни звука за это время. Симон приоткрыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Мало-помалу поле его зрения, хотя и ограниченное, прояснилось. То, что он видел, было так же непонятно, как и странный корабль.

Он был мало знаком с лабораториями, но, несомненно, ряды пробирок, бутылочек и мензурок на полках прямо перед ним, можно было встретить только в лаборатории.

Один ли он? И с какой целью его принесли сюда? Дюйм за дюймом Симон изучал то, что мог рассмотреть. Он явно лежал не на уровне пола. Поверхность под ним была достаточно твердой — он на столе.

Он медленно стал поворачивать голову, убеждений, что необходима осторожность, и теперь ему стала видна стена — голая, серая, с линией на краю поля зрения. Линия эта могла обозначать дверь.

Это одна сторона комнаты. Теперь другая. Снова он повернул голову и обнаружил новые чудеса. Еще пять тел, обнаженных, как и он сам, лежали на столах. Все пятеро были

либо мертвы, либо без сознания: сам же он был склонен считать, что верно второе.

Но здесь был и еще кто-то. Высокая худая фигура стояла лицом к Симону, наклонившись над первым телом в ряду. Серое одеяние, стянутое на талии поясом, покрывало все туловище стоящего, а шапка из такого же серого материала скрывала голову. Симон не мог получить никакого представления о расе или типе человека, занятого работой.

Передвижной столик со множеством бутылочек и изогнутых трубочек был придвинут к телу. Иглы от этих трубочек были введены в вены, круглая металлическая шапка надета на голову. Симон с острым чувством страх понял, что видит смерть человека. Не смерть тела, но смерть, которая превращает тело в существо, подобное тем, что он видел по дороге в Салкаркип.

И его ждет такая же судьба! Он медленно шевельнул рукой и ногой, проверяя их послушность. Ему повезло что он — последний в ряду. Передвижной столик передвинули ко второму. Симон сел. Несколько мгновений его голова кружилась, он ухватился за край стола, на котором лежал, радуясь, что тот не скрипнул и не сдвинулся.

Работа на другом конце комнаты выполнялась сложная и полностью поглощала внимание серого человека. Симон перенес ноги на пол и встал.

Он взглянул на своего соседа, надеясь, что тот тоже приходит в себя. Но юноша — это был совсем молодой человек — лежал неподвижно с закрытыми глазами, грудь его поднималась и опускалась с необычно долгими интервалами.

Симон сделал шаг от стола к полкам. Только там он сможет найти оружие. Побег отсюда, если, конечно, дверь не заперта, слишком рискован, пока он не узнает большего. И он не мог оставить на смерть пятерых — на то, что хуже смерти.

Он выбрал оружие — бутылку, наполненную какой-то желтоватой жидкостью. Она казалась стеклянной, но была слишком тяжела для этого. Тонкое горлышко позволяло удобно ухватиться и Симон тяжело двинулся вокруг стола туда, где стоял лаборант.

Ноги его передвигались бесшумно, он подошел сзади к ничего не подозревающему работнику. Бутылка взлетела. Симон вложил в удар всю свою силу.

Серая фигура беззвучно упала, потащив за собой проволочную металлическую шапку, которая предназначалась для очередного пленника. Симон ухватил упавшего за горло, но тут же увидел разбитый, залитый кровью затылок. Он приподнял тело и втащил его в проход между столами, заглядывая в лицо тому, кто, несомненно, был колдером.

То, что они рисовали в своем воображении, было гораздо поразительнее, чем правда. Перед ним был человек, по крайней мере, внешне, подобный тысячам других людей. У него были мелкие черты лица, широкие щеки и очень маленький узкий подбородок, соответствующий верхней половине лица. Но это не был демон по внешности, чтобы не скрывалось в его черепе.

Симон нашел крепления серого одеяния и расстегнул их. Хотя ему не хотелось дотрагиваться до разбитой головы, он снял и капюшон. На другой половине комнаты была раковина и кран, и Симон промыл здесь капюшон от крови. Под серой одеждой на человеке было плотно прилегающее платье без пряжек и пуговиц: Симон не смог его снять и ему пришлось удовлетвориться только верхней одеждой.

Он ничего не смог сделать для двух человек, которых лаборант уже присоединил к трубкам, потому что не мог понять устройства сложных приборов. Он по очереди подходил к каждому из них, пытаясь их поднять, но вскоре обнаружил, что это тоже невозможно. Они производили впечатление наркоманов в состоянии опьянения и он еще меньше понимал, как ему удалось избежать участи остальных пленников.

Разочарованный, Симон направился к двери. Он не обнаружил ни шеколды, ни ручки, но вскоре понял, что дверь сдвигается вправо. И вот он уже выглядывает в коридор стены, пол и потолок которого окрашены в те же самые тона серого цвета, что и лаборатория. Насколько Симон мог видеть, коридор был пустым, хотя были видны другие двери. Он двинулся к ближайшей из них.

Осторожно приоткрыв ее, он увидел людей, привезенных колдерами на Горм, если это, конечно, был Горм. Свыше двадцати человек, еще одетые, лежали рядами. Симон торопливо осмотрел их, но ни один из них не проявил признаков сознания. Может те, в лаборатории, еще придут в себя. Надеясь на это, он вытащил троих из лаборатории, и присоединил их к товарищам.

В последний раз наведя лабораторию, Симон нашел несколько хирургических инструментов и взял себе самый длинный нож. Он срезал одежду с тела убитого им человека и положил его на один из столов так, чтобы его разбитая голова не была видна от входа. Если бы он знал, как закрываются двери, он обязательно закрыл бы их.

Заткнув за пояс одежды нож, Симон неохотно надел влажную шапку — капюшон. Несомненно, вокруг него в различных бутылках и тюбиках находились сотни смертоносных орудий, но он не мог отличить одного от другого. Придется полагаться на кулаки и нож.

Симон вышел в коридор, закрыв за собою дверь. Долго ли небудут искать убитого им работника?

Две выходящие в коридор двери не поддавались под его нажатием. Но там, где коридор кончался, он нашел третью, слегка приоткрытую, и оказался в помещении, которое могло быть только жилым.

Мебель строгая, функциональная, но стулья и кровать выглядели удобнее, чем все остальное. Внимание Симона привлек предмет, похожий на стол. Удивленный мозг отказывался связывать место, где он стоял, с миром Эсткарпа, Соколиного Гнезда, Карса. То было прошлым, это же — настоящим.

Симон не мог открыть ящики стола, хотя на каждом имелось отверстие, куда можно было поместить палец.

В стенах тоже виднелись ящики с такими же отверстиями. Они тоже оказались закрытыми. Упрямо сжав зубы, Симон приготовился воспользоваться ножом, как рычагом.

Но тут же повернулся лицом к стене, потом резко обернулся, глядя в пустую комнату со скудной мебелировкой. Он услышал голос, произносящий слова на незнакомом языке. Голос раздавался словно из воздуха. Судя по интонации, это был вопрос, на который следовало дать немедленный ответ.

Глава 3. Серый храм

Находится ли он под наблюдением? Или просто слушает какое-то оповещение по общей коммуникационной сети? Убедившись, что он один в комнате, Симон начал внимательно вслушиваться в слова, значения которых не понимал и должен был ориентировать только по интонации. Звуки по-

вторились. Симон мог разобрать некоторые из них. Означало ли повторение, что его обнаружили?

Скоро ли невидимый диктор начнет расследование? Немедленно, если не получит ответа? Ясно, что это предупреждение, но от чего? Симон вернулся в коридор.

Поскольку этот конец коридора кончался тупиком, нужно исследовать противоположный, проверить другие двери. Но в них он нашел непреодолимую серую поверхность. Вспоминная галлюцинации Эсткарпа, Симон провел руками по гладкой поверхности, но не обнаружил никаких отверстий. Его утверждение о том, что колдеры представляют собой совсем другой народ, чем волшебницы Эсткарпа и опираются скорее на знания, чем на колдовство, укрепились.

Людам Эсткарпа большинство технических знаний его собственного мира показалось бы волшебством. И, может, именно он, Симон, единственный из всех гвардейцев, кто способен хотя бы частично понять колдовскую науку, чего не может сделать ни одна волшебница.

Симон продолжал идти по коридору, ведя рукой по ровной поверхности стены в поисках выхода. Может, выход находится в одной из комнат? Его везение, несомненно, скоро кончится.

Скоро из невидимого репродуктора на потолке послышались звуки незнакомой речи: в них звучала настойчивость, которую нельзя было игнорировать. Симон, почувствовав опасность, замер на месте, ожидая, что в следующее мгновение окажется в какой-нибудь ловушке. В тот же момент он обнаружил выход: дальше по коридору часть стены скользнула в сторону, обнажив освещенное пространство. Симон вытащил из-за пояса нож и приготовился к отражению нападения.

Тишина была снова нарушена бестелесным голосом. Симон решил, что, по-видимому, его подлинная сущность еще не раскрыта хозяевами этого места. Возможно, если они видели его, то одеяние и капюшон делали его одним из тех, только со странным поведением. Поэтому ему приказывают что-то сделать.

Решив действовать соответственно этому предположению, Симон с большой уверенностью направился к выходу. Но чуть не впал в панику, когда дверь закрылась за ним и он оказался в тесном прямоугольном помещении. Только когда его прижало к одной из стен и он почувствовал дрожание

пола, то догадался, что это лифт. Это открытие странно подбодрило его. Все больше и больше крепла уверенность, что колдеры представляют цивилизацию, близкую к его собственной. Было гораздо спокойнее подниматься и опускаться навстречу врагу в лифте, а не стоять, например, в заполненной туманом комнате и следить, как друг превращается в незнакомца, и притом — отвратительного.

Но, несмотря на странное и смутное чувство знакомства со всем окружающим, он не мог избавиться от ощущения внутреннего холода. Он мог воспринимать изготовленное. Колдерами как нечто нереальное, но вся атмосфера этого места говорила о чуждости. И не только чуждости, но и об угрозе: каким-то странным образом это место противостояло ему и всему, что было ему близко. Все же это не чужое, решил он, а нечеловеческое, в то время, как волшебницы Эсткарпа все же люди.

Гудение в стене прекратилось. Симое не знал, в какой ее стороне откроется дверь. Его уверенность в том, что дверь откроется, оправдалась.

На этот раз снаружи слышались звуки, смутное гудение, отдаленные голоса. Симон осторожно вышел и оказался в небольшом алькове, отделенном от остального помещения. Смутное узнавание вновь пробудило в нем ощущение чуждости. Обширная площадь одной из стен была занята картой. Извилистая, изрезанная береговая линия, горные районы, которые недавно видел. Тут и там на карте виднелись разноцветные огоньки. Расположенные на берегу в районе погибшей крепости Салкаров и в заливе, где лежал Горм, горели тусклым фиолетовым светом: те, что находились на равнинах Эсткарпа, были желтыми, Карстена — зелеными, в Ализоне — красными.

Вдоль карты располагался стол, на котором через равные промежутки стояла машины, время от времени издавшие треск или же вспыхивающие сигнальными огнями через равные интервалы. Перед этими машинами, углубившись в наблюдение за ними, сидели такие же люди в серых одеяниях и капюшонах, как и тот, в лаборатории.

Немного в стороне стоял второй стол, за которым находились еще трое колдеров. Из них на среднем была одета металлическая шапка, от которой путаница проводов шла к поверхности стола. Лицо его было лишено выражения, глаза закрыты. Однако он не спал, потому что время от времени

его пальцы двигались, нажимая кнопки и переключая рычажки. С каждой секундой у Симона крепло убеждение, что он находится в центральном пункте управления.

Слова, обращенные к нему, на этот раз прозвучали не из воздуха: их произнес человек рядом с центральной фигурой в шапке. Он смотрел на Симона, на его плоском лице отразилось сначала нетерпение, а затем растущее убеждение, что Симон не принадлежит к их числу.

Симон прыгнул. Он не надеялся добраться до второго стола, но один из операторов оказался в пределах досягаемости. И он нанес ребром ладони удар, который был способен переломить кость. Держа обвисшее тело как щит, Симон попятился к стене, надеясь пробраться к выходу.

К его изумлению человек, первым заметивший его появление, не сделал попытки помешать ему. Он только медленно и четко повторил на языке континентальных жителей:

— Возвратись к себе и доложи контролеру своего помещения.

Симон продолжал пятиться к выходу. Один из соседей его жертвы повернул изумленное лицо к Симону, а затем так же удивленно глянул в сторону офицера у стола. Ясно, что он ожидал немедленного и беспрекословного повиновения со стороны Симона.

— Возвратитесь немедленно в свое помещение!

Симон рассмеялся. Результат был удивительный. Все колдеры, за исключением человека в шапке, который ничего не замечал, вскочили на ноги. Те, кто стояли у длинного стола, смотрели на троих в центре, ожидая приказа. И Симон подумал, что если бы он закричал в агонии, то они не удивились бы — его реакция на приказ поставила в их тупик.

Человек, отдавший приказ, положил руку на плечо своего товарища в шапке. Его жест выражал тревогу. Сидящий открыл глаза и нетерпеливо оглянулся. Он смотрел на Симона, как на привидение.

То, что последовало за этим, было не физическим ударом, а каким-то иным, невидимым ударом. Этот удар прижал Симона к стене, лишив дыхания.

Тело, которое он использовал как защиту, выскользнуло из рук, даже дыхание стало непосильной работой. Если он останется стоять под этим невыносимым давлением, то погибнет. Знакомство с магией Эскарпа обострило его разум.

Он решил, что то, что удерживало его, рождено не телом, а мозгом и ему можно сопротивляться только силой разума.

Он был недостаточно знаком с волшебством Эсткарпа и не мог его использовать, но у него была могучая воля и он всю ее сосредоточил, заставляя себя поднять руку.

Рука, прижатая к стене невидимой тяжестью, двинулась. Напрягая мышцы и волю, Симон заставил себя двинуться к выходу... Неужели, тень удивления показалась на широких лицах под шапками?

То, что дальше сделал Симон, не было сознательным решением. И не его воля заставила Симона передвинуть руку в область сердца и начертить в воздухе знак между собой и фигурой в шапке.

В третий раз он видел этот знак. В предыдущие два раза его чертила рука волшебницы и знак горел лишь короткое время.

Теперь он вспыхнул снова, но ослепительно белым светом. И в тот же момент Симон подбежал к двери, надеясь скрыться от наблюдения.

Но сделать это ему не удалось. Навстречу показались вооруженные люди. Ошибиться в выражении их глаз было невозможно — это были рабы Колдера, и только убив их он сможет прорваться.

Они приближались молча, и само приближение таило в себе смертельную угрозу. Симон быстро принял решение и двинулся им навстречу. Прыгнув вправо, он схватил ближайшего к стене человека за голень и повалил его на пол.

Гладкая поверхность пола оказала ему неожиданную помощь. Толчок заставил Симона вместе со сбитым с ног человеком прокатиться по полу. Симон ударил ножом вверх и почувствовал, как чье-то лезвие задело его кожу рядом с ребром. Один из солдат упал и Симон выхватил у него из-за пояса самострел.

Он успел вовремя выстрелить и удар мечом, нацеленный в него, пришелся в раненого солдата. Это дало ему драгоценную секунду, чтобы справиться с третьим, последним противником.

Присоединив к своему вооружению еще два самострела, Симон двинулся дальше. К счастью, коридор кончался перед запертой дверью и каменной лестницей. Лестница спускалась вдоль каменной стены. Камень стены и лестницы, со-

ставляли полную противоположность коридорам и залам, через которые он прошел раньше.

Голые ноги Симона скрипели на ступенях. На верху лестницы он оказался в проходе, точно таком же, как и в крепости Эсткарпа. По-видимому, хотя начинка этого странного места принадлежала будущему, внешняя его оболочка была туземной.

Симон дважды укрывался, приготовив самострел, когда мимо проходили отряды измененных колдерами людей. Он не мог решить, объявили ли общую тревогу или солдаты совершали обычный поход: они шли безостановочно и не заглядывали в углы.

В коридорах, с их искусственным освещением, утрачивалось чувство времени. Симон не знал, день сейчас или ночь, и не знал, долго ли он находился в крепости колдеров. Но он остро ощущал опасность и жажду, холод, донимавший его под легкой верхней одеждой, боль в голых ногах — ведь он всегда ходил в обуви.

Если бы иметь хотя бы некоторое представление о плане этого лабиринта, из которого он должен спастись. Где он? На Горме? Или в том мифическом городе Айле, который колдеры основали на берегу? В какой-то тайной базе захватчиков? В том, что это важная база, он был уверен.

Желание найти убежище получше, а также отыскать еду и одежду, заставило его внимательно осмотреть помещения верхнего уровня. Здесь не было мебели, которую он видел внизу. Резные деревянные сундуки, стулья, столы — все было туземной работы. В некоторых помещениях были видны следы бегства: теперь все это было покрыто толстым слоем пыли, как будто комнатой уже давно не пользовались.

В одной из таких комнат Симон нашел подходящую одежду. Не хватало лишь кольчуги, да и оружия у него — всего лишь самострелы, отобранные у солдат внизу. Но больше всего ему нужна была еда, и он начал подумывать о возвращении на опасные нижние уровни.

Обдумывая необходимость спуска, Симон продолжал осматривать все ответвления лестницы, попадавшиеся ему на пути. Все окна в помещениях были наглухо забиты, так что лишь искусственный свет позволял видеть окружающее. Чем дальше он отходил от помещений колдеров, тем более тусклым становился свет.

Наконец, показался узкий лестничный пролет, которым, по-видимому, часто пользовались. Симон подготовил самострел, поднимаясь к двери наверху. Она легко поддалась и он увидел плоскую крышу. Над частью крыши был натянут тент, под ним стояли странные предметы, которые не удивили Симона, после всего ранее увиденного. Несомненно, самолеты, крылья отогнуты назад, тупые носы задраны, каждый может нести пилота и не более двух пассажиров. Решена загадка того, как враг оказался в Салкаркипе.

Если не будет другой возможности, то придется воспользоваться этими машинами для бегства. Но бегства откуда? Продолжая рассматривать импровизированный ангар на случай, если здесь есть охрана, Симон подошел к ближнему краю крыши, надеясь понять, где он находится.

На мгновение ему показалось, что он в восстановленном Салкаркипе.

Под ними расстилалась гавань со стоящими на рейде кораблями, с рядами домов вдоль ведущих к морю улиц. Но планировка города была иной, чем в крепости торговцев. Город был больше: на том месте, где в Салкаркипе находились склады, здесь продолжались улицы... Судя по положению солнца, сейчас полдень, но на улицах не видно признаков жизни. Дома кажутся необитаемыми, но не видно и тех признаков разрушения, которые сопровождают вторжение приходы в брошенный людьми город.

Поскольку архитектура, с небольшими отклонениями, напоминала Эсткарпскую и Карстенскую, это не мог быть построенный силами колдеров Айль. Значит, они на Горме — Сиппаре, центре язвы, куда не могли проникнуть лазутчики Эсткарпа!

Если город действительно так пуст, как кажется, то нетрудно будет добраться до гавани и поискать средства для того, чтобы доплыть до континента. Но если доступ сюда закрыт, то стоит лучше осмотреться.

Крыша, на которой он стоял, принадлежала самому высокому зданию в городе. Это был древний замок, в котором правила семья Кориса. Если бы капитан сейчас был с ним, насколько упростилась бы задача! Симон обнаружил, что к ней не примыкают крыши других зданий, с каждой стороны здание выходило на улицу.

Симон неохотно направился к навесу, под которым стояли самолеты. Глупо доверять машине, если не знаешь, как ею

управлять. Но почему бы не осмотреть их? Симон становился все храбрее, видя, что его так долго не могут обнаружить. Но все же он действовал осторожно. Он закрыл дверь ведущую на крышу, заклинив ее ножом.

Потом вернулся к ближайшему самолету. И, повинаясь его толчкам, легкий самолет выдвинулся на открытое место. Симон поднял панель на носу самолета и осмотрел мотор. Он не походил на то, что Симон видел раньше, а Симон не был инженером или механиком. Но он достаточно видел внизу, чтобы поверить: эта штука полетит, если он сумеет управлять ею.

Прежде, чем продолжить изучение машины, Симон рукояткой самострела разбил моторы остальных. Если ему придется довериться воздуху, он не хотел становиться участником воздушного боя.

Когда он поднял импровизированный молоток для последнего удара, враг начал нападение. Но не стук в запертую дверь, не топот ног солдат. Снова молчаливый невидимый удар. На этот раз его не прижало, а тащило назад к источнику этой силы. Симон ухватился за самолет. Но вместе с самолетом его продолжало тащить и он не мог остановиться.

И тащило его не к двери! С приступом паники Симон осознал, что его ждет не сомнительное будущее на нижних уровнях, а быстрая смерть после падения с крыши.

Он напрягал всю силу воли, делая шаг, затем замирал, продолжая внутреннюю борьбу. Он снова пытался начертить в воздухе знак, который помог ему раньше. Но на этот раз он не почувствовал облегчения, может быть, потому что не видел перед собой врага.

Он мог замедлить продвижение, выиграть секунды, минуты, но неизбежный конец приближался. Попытка придвинуться к двери не удалась: он надеялся на то, что невидимые враги примут это за желание сдаться... Но теперь он знал, что они хотят только его смерти. Решение придется принимать немедленно.

Оставался самолет, который он собирался использовать в крайнем случае. Теперь другого выхода не осталось. Самолет находился между ним и краем крыши, куда толкала его невидимая сила.

Шанс ничтожный, но других нет. Уступая давлению, Симон сделал два быстрых шага. Силы его подходили к концу. Третий шаг... Рука его легла на ручку двери в кабину пилота.

Напрягая все силы в этой сверхъестественной схватке, он протиснулся внутрь.

Толчок отбросил его к дальней стене кабины. Симон осмотрелся в поисках приборного щитка. В конце узкой прорези виднелся рычаг. Это был единственный подвижной предмет. Мысленно обратившись к силе Эсткарпа, Симон поднял тяжелую руку и потянул рычаг.

Глава 4. Город мертвецов

Он по детски ожидал, что взлетит вверх, но машина пробежала вперед, набирая скорость. Нос ее ударился в парапет с силой, достаточной, чтобы перевернуть весь самолет. Симон понял, что падает, не свободно, как рассчитывали его мучители, а в кабине самолета.

Потом пришло мгновенное сознание, что он падает не прямо, а под углом. Он в отчаянии схватился за рычаг и снова потянул его.

Последовал удар, а затем — тьма.

Красная искорка, как уголек, смотрела на него из темноты. К ней присоединился слабый повторяющийся звук — тиканье часов? Капанье воды? И еще был запах. Именно он и заставил Симона очнуться. Сладкий запах разложения и смерти.

Симон обнаружил, что сидит среди обломков самолета. Невидимая сила, прижавшая его к месту, исчезла: он снова мог свободно двигаться и думать.

Если не считать несколько синяков, он благополучно перенес крушение. Машина смягчила удар при падении. А этот красный огонек горел на приборной панели, капанье звучало рядом.

Запах тоже. Симон пошевелился на сиденье и потянулся. Послышался скрип металла о металл и большая часть кабины отвалилась. Симон с трудом выполз. Наверху была крыша, а в ней дыра, из которой торчали обломки досок. Когда он смотрел вверх, еще один кусок крыши обломился и упал на разбитую машину. Должно быть, самолет упал на крышу одного из соседних зданий и пробил ее. Приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться в живых, с целыми руками и ногами.

Вероятно, он некоторое время лежал без сознания, потому что небо по-вечернему поблескивало звездами. Голод и жажда превратились в устойчивую боль. Он должен найти воду и пищу.

Почему враги до сих пор не отыскивали его? Несомненно, место его падения хорошо видно с высокой крыши. Разве только они не знают, что он пытался бежать на самолете. ...Если они следили за ним каким-то особым умственным путем. Тогда они знают только, что он упал за парашют и потерял сознание — может, они сочли это смертью. Если это так, тогда он действительно свободен и находится в Сиппаре!

Прежде всего — отыскать пищу и воду, а затем определить, где находится он и в какой стороне порт.

Симон обнаружил дверь, выходящую на лестницу. Он надеялся, что эта лестница выведет его на улицу. Воздух был затхлый, пропитанный запахом разложения. Симон теперь точно знал, что это такое, и потому заколебался: запах исходил снизу.

Но внизу находился единственный выход и поэтому придется спускаться. Окна не были закрыты и свет падал на каждую лестничную площадку. Здесь были и двери, но Симон решил не открывать их: ему казалось, что возле них тошнотворный запах был сильнее.

Еще один пролет вниз, и вход в зал, который оканчивался широким порталом. Симон надеялся, что дальше будет выход на улицу. Здесь он решил осмотреться и нашел сухари, составляющие главный военный рацион в Эсткарпе, а также горшок с сухими фруктами, пригодными в пищу. Сгнившие остатки еды свидетельствовали, что здесь уже давно никто не живет. Из кранов водостока капала вода и Симон напился, потом проглотил пищу.

Несмотря на голод, есть было трудно из-за ужасного запаха. Хотя он побывал только в одном здании, кроме центрального, но чувствовал, что его ужасное предположение оправдывается: кроме главного здания с горстью его обитателей, Сиппар был городом мертвецов. Колдеры безжалостно уничтожили тех, кто им не был нужен. И не только убили, но и оставили лежать в собственных домах. Как предупреждение против восстания немногих выживших? Или просто потому, что им было все равно? Похоже, что последнее наиболее вероятно. И странное чувство родства, которое Симон испытывал к плосколицым захватчикам, умерло навсегда.

Симон захватил с собой весь хлеб, который только смог отыскать, и бутылку с водой. Любопытно: дверь, ведущая на улицу, была заперта изнутри. Неужели те, кто скрывался здесь когда-то, закрылись и совершили массовое самоубийство? Или для этого колдеры использовали ту же силу, что стащила его с крыши?

Улица была такой же пустой, какой он видел ее крыши. Но Симон держался ближе к одной стороне, внимательно следя за всеми дверями и выходами из переулков. Все двери были закрыты: ничто не шевелилось на всем пути к гавани.

Он считал, что если попытаться открыть одну из дверей, то она не поддастся: заперта изнутри, а внутри дома только мертвецы. Погибли ли они вскоре после того, как Горм приветствовал приглашенных Орной и ее сыном колдеров? Или смерть пришла позже, в те годы, когда Корис находился в Эсткарпе, а остров был отрезан от всего мира? Сейчас это было интересно только для историков. Сиппар превратился в город мертвецов — мертвецов телом, а тех, кто остался в башне — мертвецов духом. И лишь колдеры претендовали на жизнь.

На ходу Симон запоминал дома и улицы. Он был уверен, что Горм можно освободить, уничтожив лишь центральную башню. Но ему показалось, что колдеры совершили ошибку, оставив вокруг своего логова эти пустые дома. Разве только у них есть скрытые защитные устройства и сигналы оповещения в стенах этих домов. Тогда это, возможно, ловушка для вероятного десанта.

Симон вспомнил рассказы Кориса об Эсткарпских разведчиках, которых несколько лет назад посылали на остров. И тот факт, что сам капитан не был способен вернуться из-за какого-то загадочного барьера. По опыту Симон знал, что только он сумел освободиться, вначале — из центра управления, потом — при помощи самолета. Тот факт, что колдеры и не пытались преследовать его, свидетельствует, что они не сомневались в своих средствах.

Но трудно было думать, что никто не живет в этом городе, городе мертвецов. Поэтому Симон прятался, пока не добрался до гавани. Тут стояли корабли, разбитые бурей, некоторые — наполовину выброшенные на берег, их оснастка превратилась в гниющий клубок, борта были пробиты, некоторые затонули, так что над водой виднелась лишь верхняя палуба. Ни один из этих кораблей не плавал уже месяцы, годы.

Между Симоном и материком лежал широкий залив. Если он находится в Сиппаре — а у него не было оснований сомневаться в этом — то смотрит на длинный полуостров, похожий на палец. В основании этого пальца колдеры построили загадочный Айль, а ногтем ему служил Салкаркип. После гибели Салкаркипа, колдеры, весьма вероятно, контролируют весь залив.

Если бы удалось найти пригодный для плавания небольшой корабль, он пустился бы в долгий путь на восток, вниз по бутылкообразному заливу до устья реки Эс и Эсткарпа. И Симона подгоняла мысль, что время не на его стороне.

Он нашел лодку, маленькую скорлупку, сохранившуюся в доке. Хотя Симон и не был моряком, он проверил, насколько эта лодка пригодна для плавания. И ждал до полной темноты, прежде, чем взяться за весла. Стиснув зубы — очень болели ободранные руки, — он греб мимо гнилых остовов Гормского флота. Уже удалившись на достаточное расстояние и думая, не пора ли ставить мачту, он встретился с защитой колдеров.

Он не видел и не слышал ничего, когда падал на дно лодки, прижав руки к груди, потом к ушам, закрыв глаза, спасаясь от неслышных звуков, от невидимого света, которые били из самого его мозга. Он думал, что достаточно знает технику колдеров, но это проникновение в мозг оказалось гораздо хуже.

Прошли ли минуты, месяцы или годы? Оцепеневший, оглушенный Симон не мог этого сказать. Он лежал в лодке, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. За ним лежал Горм, мертвый и темный, при свете луны.

Перед рассветом Симона подобрала береговая патрульная лодка в устье Эса, к тому времени он немного оправился, хотя чувствовал себя совершенно разбитым. На перекладных он добрался до Эсткарпа.

В крепости, в той самой комнате, где он впервые встретился с Властительницей, он рассказал о своих приключениях и встречах с колдерами совету высших офицеров Эсткарпа и нескольким женщинам с непроницаемыми лицами. Говоря, он все время отыскивал одну среди собравшихся и не мог отыскать.

Во время рассказа о мертвом городе, Корис сидел с каменным лицом, крепко стиснув зубы. Когда Симон кончил, ему

задали несколько вопросов. Затем Властительница подозвала к себе одну из женщин.

— А теперь, Симон Трегарт, возьмите ее руку и думайте о том человеке в шапке, мысленно вспоминая все детали его одежды и лица, — приказала она.

Симон повиновался, хотя и не понимал, зачем все это нужно. Он держал в своих руках холодные, сухие руки женщины и мысленно рисовал серое одеяние, странное лицо, в котором нижняя половина не соответствовала верхней, металлическую шапку и выражение властности, а затем замешательства, когда он не подчинился приказу. Женские руки выскользнули из его рук и Властительница снова заговорила:

— Ты видела, сестра? Ты сможешь сделать?

— Видела, — ответила женщина, — и я смогу воспроизвести то, что видела. Он — человек с сильной волей и избрание было ясное. Хотя лучше, если бы лилась кровь.

Симону ничего не объяснили и не дали времени на вопросы. Совет кончился, и Корис тут же увел его в казармы: оказавшись в той же комнате, в которой он сидел перед походом в Салкаркип, Симон спросил у капитана:

— Где леди?

Его раздражало то, что он не мог назвать ее по имени. Но Корис понял его.

— Проверяет посты на границе.

— Она в безопасности?

Корис пожал плечами.

— Кто сейчас в безопасности, Симон? Но будь уверен: женщины Силы не рискуют без необходимости, — он отошел к окну и отвернулся. — Итак, Горм мертв, — слова его звучали тяжело.

Симон снял сапоги и растянулся на постели. Он устал до мозга костей.

— Я рассказал то, что видел. Жизнь есть в центральной крепости Сиппара. Больше я нигде ее не видел, но ведь я и не искал.

— Жизнь! Какая жизнь?!

— Спросите у колдеров, а может, у волшебниц, — сонно ответил Симон. — Может, они по-другому представляют себе жизнь.

Симон смутно осознал, что капитан отошел от окна. Его широкие плечи закрыли свет.

— Я думаю, Симон Трегарт, что вы тоже другой, — слова его по-прежнему звучали тяжело, — и, видя Горм, какой вы сочли его жизнь — или смерть?

— Отвратительной, — пробормотал Симон, — но об этом можно будет судить в свое время, — и тут же уснул.

Он спал, просыпался, чтобы поесть, и снова засыпал. Никто не тревожил его и он не обращал внимания на то, что происходит в крепости Эсткарпа. Так животное лежит в своей норе, накапливая жир для зимней спячки. Но вот однажды он проснулся, оживленный, свежий, чувствуя во всем теле бодрость, какой не ощущал уже давно — с самого Берлина. Берлин — что это? Где Берлин? Воспоминания о далеком прошлом странно перемешивались с недавними.

И больше всего его преследовало воспоминание об уединенной комнате домика в Карсе, где гобелены закрывали стены, а женщина смотрела на него вопросительным взглядом и рука ее чертила в воздухе сверкающий знак. И другой момент, когда она стояла, опустошенная, истратив свой дар на магию Алдис.

И вот, лежа и размышляя, и чувствуя, что вся боль и усталость ушли из тела, Симон поднял правую руку и положил ее на сердце. Но он не чувствовал теплоту собственного тела.

Вскоре понадобилось его участие. Во время его сна Эсткарп собрал все силы. Моряки на холмах призывали вестников с гор, из Соколиного Гнезда, от всех, кто хочет противостоять Горму и той судьбе, которую нес Горм. Полдюжины салкарских кораблей, теперь бездомных, причалили к бухте фальконеров, семьи экипажей остались в безопасности, а корабли были вооружены и готовы к действию. Все соглашались, что следует двигаться на Горм прежде, чем Горм принесет им войну.

В устье Эса разбили лагерь, палатки поставили на самом берегу океана. Из двери была видна тень на горизонте — это вдаль моря вставал остров. А за руинами разрушенной крепости ждали корабли, укомплектованные салкарами, фальконерами и пограничными рейдерами.

Но вначале следовало преодолеть защиту Горма и это должны были сделать те, кто владел силой Эсткарпа. И вот, не зная почему, он оказался в этом обществе. Симон обнаружил, что сидит за столом, который мог служить для игры. Но на столе не было разноцветных клеток. Напротив, перед каждым сидящим был изображен символ. И собравшаяся

компания казалась странно смешной, состоящей из представителей высшего правления.

Симон увидел, что он сидит рядом с Властительницей и символ относится к ним обоим. Это был коричневый сокол, обрамленный золотым овалом, а над овалом была нарисована маленькая труба. Слева виднелось сине-зеленое изображение кулака, державшего топор. А дальше был нарисован красный квадрат, а на нем — рогатая рыба.

Справа от Властительницы были нарисованы два символа, которые он не мог рассмотреть. Перед ним сидели две волшебницы, положив руки на стол. Симон повернул голову и почувствовал необычайный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Она молчала, и он тоже. Шестым и последним за столом сидел юный Брайант, бледный, неподвижно устремивший взгляд на изображение рыбы перед ним, как будто эта рыба была живой и он силой взгляда удерживал ее на алом море.

Женщина, которая держала его за руки, когда он думал о человеке с Горма, вошла в палатку, и с ней — еще две, каждая несла небольшую жаровню, истекающую сладковатым дымом. Они поставили жаровню на стол, а первая женщина опустила свою ношу — широкую корзину. Она сняла покрывающую ткань и под ней обнаружилась груда глиняных фигурок.

Достав первую фигурку, женщина остановилась перед Брайантом. Дважды пронесла фигурку через поднимавшийся от жаровен дым и остановила ее на уровне глаз юноши. Это был прекрасно изготовленный манекен с огненно-рыжими волосами и такой естественный, что Симон решил, что это изображение какого-то живого человека.

— Фальк, — женщина произнесла это имя и опустила фигурку в центр алого квадрата, как раз на изображение рыбы. Брайант не мог побледнеть — он и так был слишком бледен, но Симон заметил, что юноша конвульсивно глотнул прежде, чем ответить:

— Фальк Верлейнский.

Женщина достала из корзины вторую фигурку и протянула ее соседке Симона. Теперь Симон мог лучше оценить совершенство работы. Поставив фигурку на изображение перед Симоном и Властительницей, женщина не назвала никакого имени, но протянула фигурку Симону, чтобы тот смог

рассмотреть и узнать ее. Симон смотрел на маленькую копию главы Горма. По его мнению, сходство было абсолютным.

— Горм! — он произнес это, хотя не мог дать Колдеру лучшего имени. И женщина аккуратно поставила фигурку на коричнево-золотого сокола.

Глава 5. Игра силы.

Пять фигурок стояли на символах своих земель, пять совершенных изображений живых мужчин и женщин. Но почему и с какой целью? Симон снова посмотрел направо. Крошечные ножки Алдис держала в руке волшебница, ноги фигурки Фалька — Брайант. Они напряженно всматривались в фигурки, причем на лице Брайанта было видно беспокойство.

Внимание Симона вновь обратилось к стоявшей перед ним фигурке. Смутные воспоминания о старых сказках ожили в его мозгу. Неужели сейчас будут втыкать иглы в сердца фигурок, чтобы их оригиналы заболели и умерли?

Властительница крепко взяла его за руку — точно так же брали за руку в Карсе при изменении внешности. Другая ее рука образовала полукруг у основания фигурки в шапке. Симон повторил ее жест, и кончики их пальцев соприкоснулись.

— Думай о том, что перед вами, с кем вы будете связаны спором о власти или кровью. Выбросьте из головы все остальное, оставьте только его. Вы должны согнуть его, подчинить себе и использовать для нашей пользы. Либо мы выиграем игру Силы за этим столом в этот час — либо навсегда проиграем!

Взгляд Симона был сосредоточен на фигурке в шапке. Симон не знал, смог бы он оторвать взгляд, если бы захотел. Он решил, что его пригласили участвовать в этой странной процедуре только потому, что он единственный из всех видел этого человека в Горме.

Крошечное лицо, полузакрытое металлической шапкой, росло, оживало. Через расстояние Симон снова смотрел на него, как смотрел в той комнате в сердце Сиппара.

Вновь глаза этого человека были закрыты и он занимался своим загадочным делом, а Симон продолжал изучать его. Он знал, что вся его вражда к колдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в городе, их обращение с пленни-

ками, собралось воедино в его мозгу, как человек собирает смертоносное оружие из мелких, незначительных деталей.

Симон больше не был в этой палатке, где шумел морской ветер и шуршал песок на изображении сокола. Он стоял перед человеком в шапке в сердце Сиппара, приказывая ему открыть глаза, взглянуть на него, на Симона Трегарта, вступить в сражение не мышц, а разумов, в сражение воли.

Глаза открылись, и Симон заглянул в них, в их темные зрачки, увидел веки, приподнятые, как будто в удивлении и ожидании надвигающейся угрозы.

Глаза удерживали глаза. Постепенно уходили плоские черты лица, само лицо, металлическая шапка над ним, оставались только глаза. Симон чувствовал, как из его руки и руки Властительницы льется поток Силы, их силы объединились: Симон почувствовал себя нацеленной стрелой.

Вначале колдер смотрел на него уверенно, но вот он попытался освободиться от этой связи глаз, разумов, но слишком поздно понял, что оказался в ловушке. Он боролся, не желая в своем высокомерии признать возможность поражения.

Симон чувствовал нарастающее напряжение. В глазах колдера появилось выражение страха, оно сменилось ужасом, а потом все створело. Симон знал, что теперь уже смотрит на пустую оболочку, которая выполнит его приказ так же, как рабы Горма выполняли приказы своих хозяев.

Симон отдал приказ. Сила Властительницы подкрепляла его: Властительница ждала, готовая помочь, но не вмешивалась. Симон же был уверен в покорности врага. Тот, который распоряжался Гормом, пришел в негодность: барьер будет снят. Теперь у Эсткарпа в Горме будет послушный робот.

Симон поднял голову, открыл глаза и увидел раскрашенную поверхность стола, на которой его пальцы все еще сжимали руку Властительницы у ног маленькой фигурки. Но манекен больше не был совершенным. Под изображением металлической шапки голова представляла собой гладкий пузырь расплавленного воска.

Властительница высвободила руку, Симон посмотрел направо и увидел побледневшее лицо, темные глаза. Та, которая конкретизировала свою волю на Алдис, откинулась без сил на спинку стула.

Фигура Фалька Верлейнского лежала плашмя, а Брайант сгорбился над ней, закрыв лицо руками, его влажные бесцветные волосы прилипли к голове.

— Сделано, — тишину нарушила Властительница. — То, что может Сила, сделано. И никогда она не действовала так мощно, как сегодня! Теперь время огню и мечу, ветру и волне служить нам, если мы сумеем ими воспользоваться, — голос ее звучал истощенно.

Корис ответил ей, взмахнув топором Вольта:

— Будьте уверены, леди, мы используем любое оружие, данное нам судьбой. Маяки горят, наши армии и корабли движутся!

Хотя земля под Симоном качалась, он встал. Та, что сидела слева от него, быстро положила руку на стол, не коснувшись его руки. Не выразила она в словах и того отказа, который выражался каждой линией ее тела.

— Война, которая начинается в соответствии с вашей Силой, — заговорил Симон, обращаясь к ней, как будто они были одни, — ведется по обычаям Эсткарпа. Я же знаю другие способы ведения войн. Я участвовал в вашей игре, леди, а теперь сыграю в свою!

Он отошел от стола и подошел к капитану, который встал и нерешительно положил руку на стол. Брайант смотрел на фигурку перед собой. Она лежала, но оставалась нетронутой.

— Я никогда не претендовал на обладание Силой, — сказал Брайант глухим, хотя и мягким голосом. — Похоже, я потерпел неудачу. Может, меч и щит послужат мне лучше.

Корис шевельнулся, как бы возражая, но волшебница, которая была с ними в Карсе, быстро заговорила:

— Для всех, кто едет или плывет под эсткарпским знаменем, существует свободный выбор. И никто не должен мешать этому выбору.

Властительница кивнула в знак согласия. Так, втроем, они и вышли из палатки: Корис, напряженный, живой, с прекрасной головой на гротескных плечах, с раздувающимися ноздрями, как будто он ощущал в воздухе нечто большее, чем запах соли; Симон,двигающийся медленно, чувствующий, как усталость охватывает его, но поддерживаемый желанием увидеть конец приключений, и Брайант, надевший на голову шлем, обернувший вокруг шеи металлический шарф: и глаза его смотрели прямо, как будто привлеченные чем-то или удерживаемые чем-то большим, чем его воля.

Капитан обернулся, когда они достигли лодок, ждавших, чтобы перевезти людей на корабли.

— Поплывете за мной на передовом корабле. Вы, Симон, будете служить проводником, а вы..., — он посмотрел на Брайанта и заколебался. Но юноша, вздернув подбородок, вызывающе посмотрел ему в глаза. Симон почувствовал, что между ними происходит что-то, касающееся только их двоих, и ждал, как встретит капитан вызов Брайанта.

— Вы, Брайант, поедете с моими щитоносцами и будете находиться с ними!

— А я, Брайант, — ответил юноша с вызовом, — буду стоять за вашей спиной, капитан Эсткарпа, когда понадобится. Но в этой или любой другой битве я сам распоряжаюсь своим мечом!

Казалось, Корис собирался возразить, но их окликнули с лодок. И, пробираясь через прибой Симон заметил, что юноша постарался разместиться в маленькой лодке, как можно дальше от своего командира.

Передовой корабль эсткарпского флота был небольшим рыбацким судном, и гвардейцы стояли на нем плечом к плечу. Остальные корабли шли сзади.

Они были уже достаточно близко, чтобы видеть флот, гниющий в гавани Горма, когда послышался оклик: салкарские корабли, с их смешанными экипажами из фальконеров и уцелевших Салкаров вытянулись в линию.

Симон понятия не имел, в каком именно месте он пересек барьер во время своего бегства из Горма. Быть может, он ведет корабли прямо к гибели? Им остается только надеяться, что игра Силы ослабит или снимет этот барьер.

Симон стоял на борту рыбацкого корабля, всматриваясь в мертвый город и ожидая первых признаков барьера. Или раньше на них нападет один из металлических кораблей?

Ветер заполнял их паруса и перегруженные корабли резали волны. Корпус из гавани, у которого сохранились достаточные оснастки, чтобы уловить ветер, двигался поперек их курса, и длинная лента зеленых водорослей замедляя его ход.

На палубе этого корабля не было видно никаких признаков жизни. С одного из салкарских кораблей взметнулся шар, неторопливо поднялся в воздух и обрушился на палубу блуждающего судна. Из проломленной палубы взметнулось

пламя и начало жадно поглощать сухое дерево. Корабль, пылая, уплыл в океан.

Симон, охваченный боевым возбуждением, улыбнулся Корису. Он чувствовал, что они миновали первую опасность.

— Мы миновали ваш барьер?

— Да, если только они не передвинули его ближе к берегу.

Корис положил подбородок на рукоять топора Вольта, осматривая то, что некогда было цветущим городом. Он улыбался, как волк, показывающий свои клыки перед схваткой.

— Похоже, что на этот раз Сила сработала, — заметил он, — теперь пора и нам приниматься за дело.

— Не нужно недооценивать врага, мы миновали только первый его барьер, может быть, самый слабый, — первоначальное радостно-оживленное настроение Симона исчезло также быстро, как и появилось. Вокруг него были мечи, щиты и самострелы. А в сердце столицы колдеров их ждало оружие, созданное наукой, на столетия опередившей этот мир: в любой момент можно было ожидать неожиданностей.

Они уже плыли по гавани, вынужденные отыскивать проходы между полуразрушенными кораблями, в Сиппаре по прежнему не было признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города окружила воинов, уменьшая их рвение, ослабляя чувство триумфа, вызванное благополучным преодолением барьера.

Корис чувствовал это. Пробившись через толпу воинов, ожидавших высадки, он разыскал капитана корабля и велел ускорить продвижение к берегу. Но тот возразил, что капитан гвардейцев распоряжается на земле, а на море командует тот, кто лучше его знает: капитан корабля не желает столкнуться с одним из гнилых корпусов в гавани.

Симон продолжал осматривать береговую линию, вглядываясь в пустые улицы. Он не мог сказать, чего опасается — нападения самолетов или появления на улицах целой армии. Труднее всего было встретиться с пустой, чем с ордами рабов Колдера. Симон не мог окончательно поверить в игру силы: что-то в нем отказывалось поверить в то, что если он держит в руках маленькую фигурку с расплавленным лицом, они смогут преодолеть то, что скрывается в Горме.

Они высадились без происшествий: часть салкаров высадились по флангам, чтобы отрезать возможность нападения из других частей острова. Они двинулись по пустынным улицам, по которым несколько дней назад шел Симон: проверяя

закрытые двери, осматривая темные углы. Но пока они не обнаружили ничего живого.

Они были уже близко от центра города, когда встретились с первым сопротивлением — не с воздуха, не от какого-то невидимого удара: враги появились с оружием в руках и сражались так, как в этом мире сражалось много поколений.

Неожиданно улицы оказались заполненными солдатами, передвигающимися быстро, но беззвучно; враги не издавали воинственных криков, но двигались молча, со смертоносной угрозой. Некоторые были в боевом облачении Салкаров, другие одеты как Карстенцы: Симон увидел среди них нескольких пернатых шлемов фальконеров.

Нападали не просто опытные воины: враги не думали о самосохранении, как и те, на прибрежной дороге. Их первый удар напоминал удар танка по пехоте. Симон стрелял, а Корис работал топором Вольта, пробивая дорогу через ряды врагов.

Рабы Колдера были опытными воинами. Но им не доставало сознания, разума, чтобы перестроиться и лучше использовать преимущество своей численности. Они знали только, что должны нападать, пока живы, с настойчивостью безумцев. Началась настоящая бойня, от которой даже ветераны-гвардейцы ощутили тошноту.

Высоко взметнулся топор Вольта, больше не блестящий, а темный от крови, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя позади улицу, больше не пустую, хотя по-прежнему безжизненную.

— Это чтобы нас задержать, — заметил Симон капитану.

— Я тоже так думаю. Что ждать? Смерть с воздуха, как в Салкаркипе? — Корис взглянул на небо и на крыши домов с беспокойством.

Именно эти крыши подсказали Симону план.

— Не думаю, чтобы мы могли проникнуть в крепость с уровня земли, — начал он и услышал смех капитана.

— Конечно, но я знаю туда такие ходы, что никто из колдеров не знает. Ведь некогда это был мой остров.

— Но у меня тоже есть план, — настаивал Симон. — На кораблях достаточно веревок и абордажных крючьев. Пусть один отряд идет по крышам, пока вы отыскиваете свои проходы и, может быть, мы сомкнем челюсти над ними с двух сторон.

— Хорошо! — согласился Корис, — отбери людей, но не больше двадцати.

Еще дважды на них нападали отряды живых мертвецов и все больше и больше гвардейцев оставались лежать на земле. Наконец, силы Эсткарпа разделились, после того, как последние рабы Колдера были уничтожены... Симон и двадцать гвардейцев взломали одну дверь и через густой трупный запах выбрались на крышу. Чувство напряжения не обмануло Симона: в соседней крыше виднелась рваная дыра — след его приземления на самолете.

Он стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крюки через улицу. Солдаты привязали мечи, проверили прочность своих оружейных поясов и с решимостью смотрели на две тонкие линии через пустоту. Симон отобрал только тех, кто не боялся высоты. Но теперь, перед испытанием, у него было больше сомнений, чем надежд.

Он шел первым, цепляясь за веревку и ощущая давление второй веревки. Ему казалось, что он не выдержит и сорвется.

Но вот этот кошмар кончился. Симон отвязал от пояса третью веревку и обвязал ею вокруг одного из столбов, поддерживающих крышу ангара.

Самолеты, которые он вывел из строя, стояли на местах, но открытые капоты двигателей и разбросанные инструменты свидетельствовали о том, что здесь шла работа. Почему она не была закончена, оставалось еще одной загадкой. Симон приказал четверым солдатам охранять крышу и веревочную дорогу, а с остальными начал вторжение в крепость.

Та же тишина, что господствовала в мертвом городе, окружала их и здесь. Они прошли по коридору, спустились по лестнице, миновали двери и слышали только биение собственных сердец. Неужели крепость покинута?

Они шли в самое сердце слепого, закрытого здания, каждую минуту ожидая нападения отряда одержимых. Свет становился ярче: в воздухе чувствовалось неуловимое изменение, которое говорило о том, что эти уровни покинуты.

Наконец отряд Симона подошел к каменным ступеням, которые он так хорошо помнил. В конце лестницы начинается серое колдеровское покрытие стен. Симон наклонился вперед, прислушиваясь. Далеко внизу он услышал звук — гудение, такое же ритмичное, как и удары его сердца.

Глава 6. Очистка Горма

— Капитан, — к Симону подошел Танстон, — что ждет нас внизу?

— Вы знаете столько же, сколько и я, — с отсутствующим видом ответил Симон, и в этот момент он осознал, что не ощущает опасности, даже в таком смертельном месте. Но внизу было что-то, иначе они не слышали бы звуков.

Он осторожно, но быстро, начал спускаться по ступеням, приготовив самострел. Двери всюду были закрыты и не поддавались попыткам открыть их. Наконец отряд подошел к комнате с картой.

Здесь гудение, доносившееся из-под пола, стало громким и отдавалось ритмичной дрожью в телах воинов.

Огоньки на карте погасли. На длинном столе не было машин, хотя провода и металлические крепления показывали, где они раньше стояли. Но перед меньшим столом по-прежнему виднелась фигура в шапке и с закрытыми глазами. Неподвижная, в точно такой же позе, как и тогда, когда Симон видел ее в первый раз.

Вначале Симон подумал, что этот человек мертв. Он подошел к столу, с опаской поглядывая на сидящего колдера. Это был тот же самый человек, чью внешность он старался вспомнить для скульптора Эсткарпа. И теперь Симон почувствовал мимолетное удовлетворение от точности своего воспоминания.

Только — Симон остановился — человек не был мертв, хотя глаза его оставались закрытыми, а тело — неподвижно. Одна рука лежала на контрольном щите, вделанном в поверхность стола и Симон заметил, как шевельнулся палец, нажимая кнопку.

Симон прыгнул. На мгновение он увидел открытые глаза, искаженное гневом лицо под шапкой. Тут руки Симона сомкнулись вокруг провода, что отходил от металлической шапки и углублялся в стену. Он рванул, порвав сразу несколько проводов. Кто-то предупреждающе крикнул и Симон увидел как какое-то бочкообразное оружие направилось прямо на него: колдер перешел к действиям.

Только потому, что шапка с ее проволочным хвостом стесняла движения колдера, Симон остался жив. Он ударил самострелом по плоскому лицу с искривленным ртом, не

произнесшим ни звука, с темными, полными ненависти глазами. Удар прорвал кожу, из щеки и носа потекла кровь. Симон перехватил руку противника и вывернул ее так, что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо.

Они повалились в кресло, с которого встал колдер. Послышался резкий щелчок и шею Симона обожгло огнем. Крик, приглушенный и сдавленный, прозвучал в его ушах. Окровавленное лицо исказилось в агонии, но колдер продолжал сопротивляться со страшной силой.

Глаза его, и так огромные, все увеличивались, заполняя зал, — Симон падал в эти глаза. И вот это уже не глаза, а затянутое туманом окно в иной мир, может быть, в иное время. Между колоннами виднелась группа людей в серых одеждах, они на странных машинах двигались ему на встречу. И при этом они отстреливались от какой-то погони.

Они двигались узкой колонной, и Симон ощутил какое-то охватывающее их отчаяние и такой страх, какого никогда не испытывал и не подозревал, что его может вынести мозг и тело. Ворота... они должны собраться с силами для того, чтобы снова стать такими, какими они хотят. Разбитая империя и разграбленный мир оставались за ними, а впереди — новый мир, свободный и богатый.

Окруженные беглецы отступили в сторону. Симон увидел бледное, окровавленное лицо, по которому нанес удар. В воздухе висел запах горелой ткани. Долго ли продолжалось это видение? Не больше доли секунды! Симон продолжал бороться, прижимая противника к креслу. Он еще дважды ударил и только тогда пальцы колдера разжались и выпустили оружие из рук.

Впервые колдер издал слабый звук. Секундное видение бегущих людей, мгновенная вспышка страха и ненависти, подействовали на невольного свидетеля как удар. Подбежавшие солдаты усадили колдера в кресло. В последний раз Симон почувствовал какую-то невидимую связь с этим человеком и тем далеким временем и пространством, откуда пришли колдеры. И все кончилось. Симон отошел от обмякшего тела.

Танстон наклонился и попытался снять металлическую шапку. Они были поражены, обнаружив, что это вовсе не шапка, а, по-видимому, неотделимая часть тела.

— Оставьте его! — приказал Симон, — и пусть никто не касается этих проводов.

И тут он понял, что ритмичное гудение, оживляющее помещение, замолкло. Должно быть, колдер в шапке сам был сердцем, которое, перестав биться, убило крепость так же, как колдеры в свое время убили Сиппар.

Симон направился к алькову, где находился лифт. Если перестали работать все механизмы, можно ли добраться до нижних этажей? Но дверь в кабину лифта была открыта. Симон передал командование Танстону и в сопровождении двух гвардейцев вошел в лифт, закрыв за собой дверь. Бойцам Эсткарпа продолжало везти: закрытая дверь привела в движение механизмы лифта. Симон ожидал увидеть себя на уровне лаборатории, но когда дверь снова открылась, он увидел нечто совсем другое и некоторое время в недоумении смотрел, в то время, как сопровождающие гвардейцы изумленно вскрикнули.

Они находились на берегу подземной гавани. Сильно пахло морем и еще чем-то. Освещенный мостик уходил прямо в море. На берегу лежали тела людей, таких же, как они, без серых одежд.

В то время, как живые мертвецы, встретившие их на улицах, были вооружены и снаряжены, эти же были обнажены или одеты в какие-то лохмотья.

Некоторые лежали около небольших экипажей, груженных ящиками и контейнерами. Другие лежали рядами, как будто выстроились перед тем, как упасть. Симон подошел к ближайшему телу и наклонился, всматриваясь. Человек был мертв, по крайней мере сутки.

Неохотно, избегая приближаться к телам, они направились к концу гавани. Среди мертвецов не было ни одного юина. Никто не принадлежал к расе Эсткарпа. Если это были рабы колдеров, то все они принадлежали к другим расам.

— Капитан, — окликнул один из гвардейцев, остановившись возле тела и удивленно глядя на него, — никогда не видел таких людей! Взгляните на цвет его кожи, на его волосы: он не из наших земель!

Несчастный раб лежал на спине, как спавший. Кожа его тела, если не считать узкой полоски ткани вокруг бедер, была красновато-коричневого цвета, волосы сильно курчавились. Ясно было, что Колдеры расставляли свои сети в самых дальних районах.

Не зная почему, Симон подошел к краю гавани. Либо Горм был воздвигнут над огромной естественной пещерой,

либо захватчики вырыли ее для своих целей, о которых Симон мог только догадываться. Неужели это тайный док колдерского флота?

— Капитан! — второй солдат шел немного впереди, не интересуясь телами. Он стоял на конце каменного мостика и манил к себе Симона.

Вода заволновалась, на мостик набежала волна, заставляя людей отступить. Даже в слабом свете было видно, что что-то поднимается к поверхности.

— Ложись! — приказал Симон. У них не было времени вернуться к лифту: оставалось надеяться на укрытие среди тел.

Они лежали рядом, Симон подложил руки под голову и приготовил самострел. Из воды появился большой корпус, с него потоками сбегала вода. Виден был заостренный нос и такая же корма. Догадка Симона оказалась верной, один из колдеровских кораблей возвращался в гавань.

Симон подумал, так ли громко звучит его дыхание, как дыхание лежащего рядом гвардейца? Они одеты: острый взгляд сумеет отличить блеск кольчуг, а какое-нибудь колдеровское оружие пригвоздит их к месту прежде, чем они смогут пошевелиться.

Но корабль, поднявшись на поверхность, больше не двигался: он покачивался на волнах, как будто тоже был мертв, как и тела рабов на берегу. Симон следил за ним, когда лежащий рядом гвардеец что-то прошептал, тронув его за руку.

Симона не нужно было предупреждать — он тоже заметил новое волнение на воде. Волны прибили первый корабль к причалу. Было ясно, что он неуправляем... Не в силах поверить, что корабль лишен экипажа, гвардейцы оставались в укрытии... Только когда поднялся третий корабль, а первые два продолжали беспомощно биться о причал, Симон признал очевидное и встал на ноги. Корабли не управлялись. Два из них только что с шумом столкнулись.

Ничто не открывалось на их палубах, не было признаков присутствия экипажа и пассажиров. Гавань свидетельствовала, однако, о другом. Все в ней говорило о торопливой погрузке, о подготовке к нападению и отступлению из Горма. Но если бы целью было нападение, разве были бы убиты рабы?

Вступать без подготовки на борт одного из этих кораблей, было бы глупостью. Но все же приглядывать за ними необ-

ходимо. Они направились к лифту. Один из кораблей ударился о причал.

— Оставайтесь здесь? — Симон скорее спрашивал, чем отдавал приказ. Гвардейцы Эсткарпа привыкли к странным зрелищам, но тут было место для добровольцев.

— Эти корабли... Нужно узнать их тайну, — ответил один из солдат. — Но не думаю, чтобы они отплыли снова, капитан.

Симон принял этот невысказанный отказ. Они вместе покинули гавань, оставив ее брошенным кораблям и мертвецам. Прежде, чем закрыться в лифте, Симон осмотрелся в поисках управления. Он хотел добраться до одного из этажей, где можно было бы встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в помещение с картой.

Но стены лифта оказались совершенно пустыми. Разочарованный, он с солдатами стал ждать, предварительно захлопнув двери. Когда вибрация стен показала, что подъем начался, Симон ясно представил себе коридор лаборатории и пожелал добраться туда.

Лифт остановился, дверь скользнула в сторону и трое гвардейцев увидели перед собой удивленные лица вооруженных людей. Только секундное изумление спасло их от губительной ошибки: кто-то окликнул Симона, и он узнал Брайанта.

Потом фигура, в которой безошибочно можно было признать Кориса, протиснулась вперед.

— Откуда вы выпрыгнули? Из стены?

Симон узнал коридор, где собирался эсткарпский отряд: именно об этом месте он думал. Но неужели лифт принес их сюда в ответ на его желание? Его желание!

— Вы нашли лабораторию?

— Мы нашли множество вещей, но мало что из них имеет смысл. Но мы не нашли ни одного колдера. А вы?

— Только одного, и он сейчас мертв. А может, и все мертвы. Симон подумал о кораблях внизу и о тех, кто в них находился. — Не думаю, что нам нужно опасаться встречи с ними.

В последующие часы Симон оказался истинным пророком. Кроме человека в металлической шапке, на Горме не оказалось ни одного представителя чужой расы. А те, что служили Колдеру, все были мертвы. Их находили группами, двойками, тройками в коридорах и комнатах крепости. Все

лежали так, как будто упали внезапно, когда ушло то, что поддерживало их жизнь.

Гвардейцы отыскивали пленников в помещении рядом с лабораторией, среди них — и тех, кто делил заключение с Симоном. Они с трудом просыпались от наркотического сна, неспособные вспомнить что-либо после поступления газа в трюм. Но все благодарили своих многочисленных богов за то, что попали на Горм слишком поздно, чтобы разделить участь рабов Колдера.

Корис и Симон отвели моряков-салкаров в подземную гавань и в маленькой лодке обследовали пещеру. Они обнаружили только скальные стены. Вход в эту гавань, должно быть, находился под поверхностью воды. Они решили, что теперь этот вход закрыт и корабли не могли покинуть гавань.

— Если тот, который в шапке, управлял всеми, — рассуждал Корис, — тогда его смерть закрыла выход. К тому же, так как вы победили в игре Силы, он отдавал противоречивые приказы и вызвал сумятицу.

— Возможно, — согласился Симон. Он думал о том, что узнал в последние секунды жизни колдера. Если остальные колдеры действительно закрыты в кораблях, Эсткарп может торжествовать.

Они привязали веревку к одному из кораблей и подтащили его к причалу. Но крепление люка не поддавалось. И Корис, и Симон, предоставив салкарам право трудиться над этой загадкой, вернулись в крепость.

— Еще одно их колдовство, — сказал Корис, когда дверь лифта закрылась за ними. — Но, видимо, человек в шапке не управлял им, иначе мы не смогли бы им воспользоваться.

— Вы можете управлять им так же, как и он, — Симон прислонился к стене, усталость навалилась на него. Их победа была не окончательной. Поверят ли в Эсткарпе его рассказу? — думайте о коридоре, где мы встретились, мысленно нарисуйте его.

— Так? — Корис натянул шлем. Он прислонился к стене и сосредоточенно закрыл глаза.

Дверь отворилась. Они увидели коридор лаборатории и Корис рассмеялся, как ребенок, получивший игрушку.

— Я, Корис, тоже могу управлять этим волшебством. Похоже, у колдеров Сила принадлежит не только женщинам.

Симон снова закрыл глаза, мысленно представляя себе помещение с картой. Только тогда, когда они оказались там, он ответил на замечание товарища.

— Возможно, именно этого нам следует опасаться, капитан. У колдеров своя сила, и вы видели, как они используют ее. Горм теперь кладовая их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол под картой и, опираясь на топор, посмотрел на Симона.

— Вы хотите, чтобы мы не трогали эту кладовую? — он понимал с полуслова.

— Не знаю, — Симон тяжело опустился в одно из кресел и, опустив голову на кулаки, смотрел на поверхность, на которой лежали его локти. — Я не ученный, не мастер в их магии. Салкаров будут искушать корабли, эсткарпцев же — то, что находится здесь.

— Искушать? — кто-то повторил его слово, и оба они подняли головы. Симон вскочил, увидев садящуюся волшебницу. Рядом с ней, как оруженосец, стоял Брайант.

Она была в кольчуге и шлеме, но Симон знал, что если даже она изменит свою внешность, но все равно узнает ее.

— Искушать, — снова повторила она, — вы хорошо подобрали слово, Симон. Да, нас будут искушать: поэтому я здесь. У лезвия две стороны и им можно не только поразить врага, но и пораниться самому, если не будешь осторожен. Следует ли нам отвернуться от этих чудовищных знаний и уничтожить все, находящееся здесь? Будем ли мы после этого в безопасности или откроем дорогу для нового нападения колдеров: невозможно защищаться, если не имеешь ясного представления об оружии противника.

— Колдеров здесь нечего опасаться, — Симон говорил медленно и тяжело. — Их было совсем немного. Если кто-то и сбежал, их путь можно проследить до самой основной базы, но он теперь закрыт.

— Закрыт?

— В последней схватке их предводитель открыл тайну.

— Что он из другого мира?

Голова Симона дернулась. Извлекла ли она это из его мозга или у нее была какая-то своя информация?

— Вы знали?

— Я не читаю в мозгу, Симон. Но мы знаем это давно. Да, они пришли к нам, как и вы, но, думаю, по совсем другим причинам.

— Они беглецы... Бежали от разрушения, которое вызвали сами. Не думаю, чтобы они осмелились оставить открытой дверь, но мы должны быть уверены в этом. Наиболее важная проблема находится здесь.

— И вы думаете, что если мы воспримем их знания, нас может затронуть зло. Не знаю. Эсткарп долго жил, охраняемый своей Силой.

— Леди, независимо от решения, которое мы примем, Эсткарп не останется прежним. Либо он начнет новую активную жизнь, либо окончательно погрузиться в застой, который есть форма смерти.

Он говорил, как будто они были одни, а Корис и Брайант не принимали участия в обсуждении будущего Эсткарпа. Волшебница разговаривала с ним, как равная с равным: раньше он ничего подобного не встречал в женщинах.

— Вы говорите правду, Симон. Вероятно, древнее одиночество моего народа должно кончиться. Будут такие, кто захочет жить в новом мире, и такие, кто откажется от изменений. Но все это в будущем. И все — результат этой войны. Но, как вы думаете, что нужно сделать с Гормом?

Он устало улыбнулся.

— Я человек действия. Пойду к воротам, которые использовали колдеры, и проверю, тщательно ли они закрыты. Отдайте приказ, леди, и он будет выполнен. А пока я бы закрыл это место — до принятия решения.

— Может быть попытаться овладеть тем, что находится здесь, — она улыбнулась молодому офицеру, — оставляю это в вашей власти, лорд-защитник Горма.

Глава 7. Новое начало

Краска медленно залила лицо Кориса, подступая к самым корням волос. Когда он ответил, у него обозначились горькие морщины, состарив молодое лицо.

— Вы забыли, леди, — он со звоном плащмя опустил лезвие топора на стол, — что Корис был изгнан отсюда?

— А что случилось затем с Гормом и с теми, кто изгнал Кориса? — спокойно спросила она.

Рука его крепче сжала рукоять топора.

— Ищите другого лорда-защитника Горма, леди. Клянусь Норжаномом, что я не вернусь сюда. Думаю, у Эсткарпа нет

причин жаловаться на своего капитана: к тому же, я не верю, что война уже выиграна.

— Вы знаете, он прав, — поддержал Кориса Симон. — Колдеров, может, и не много, большинство из них заперто в кораблях внизу. Но мы должны проследить их путь до самого выхода, чтобы быть уверенным, что они снова не вылезут. Как насчет Айля? И нет ли у них гарнизона в Салкаркипе? Глубоко ли они вторглись в Карстен и Ализон? Возможно, мы только в начале войны.

— Хорошо, — волшебница ласкала камень в руке, — поскольку у вас такие определенные мысли, Симон, оставайтесь здесь гебернатором.

Корис быстро заговорил прежде, чем Симон успел ответить:

— Я согласен с этим планом. Владейте же Гормом с моего благословения, Симон, и не думайте, что я когда-либо предъявлю наследственные права.

Но Симон покачал головой.

— Я солдат. И из другого мира. Каждому свое: мне нужно проследить колдеров. — Он знал, что завтра, закрыв глаза, увидит узкую долину и бегущих отстреливающихся людей.

— Вы хотите отправиться в Айль, Салкаркип и дальше? — первым нарушил молчание Брайант.

— И куда же вы поведете нас теперь? — спросил Корис.

— В Карстен! — если раньше Симон и мог считать Брайанта спокойным и невозмутимым, то сейчас он усомнился в своей оценке.

— А почему Карстен так важен для вас? — голос Кориса звучал почти добродушно. Но было что-то такое в его голосе, чего Симон не мог уловить. Велась какая-то игра и он не знал ее правил.

— Ивьян, — это имя прозвучало как боевой вызов и Брайант посмотрел на Кориса, ожидая, что тот подхватит этот вызов. Как и раньше, во время разговора Симона с волшебницей, сейчас Корис и Брайант говорили так, будто вокруг никого нет.

Второй раз щеки Кориса вспыхнули, а потом побледнели, как будто капитан вел борьбу, от которой не хотел уклониться. Впервые он забыл о топоре Вольта, лежащем на столе и подошел к концу стола с кошачьей грацией, так не вязавшейся с его изуродованным телом.

Брайант, со странным выражением вызова и надежды, ждал его приближения. Руки капитана с силой упали ему на плечи.

— Вы хотите этого? — Кориса как-будто подвергали пытке.

И в этот момент Брайант попытался быть уклончивым.

— Я хочу свободы, — ответил он негромко.

Руки капитана упали. Корис рассмеялся с такой горечью, что Симон внутренне запротестовал.

— Будьте уверены, она ваша, — капитан отошел бы, если бы на этот раз Брайант не схватил его за руку.

— Мне нужна свобода, только чтобы свободно сделать выбор. И этот выбор уже сделан — неужели вы сомневаетесь в этом? Или мне не хватает того, чем обладает Алдис?

Алдис? Догадка сверкнула в мозгу Симона.

Пальцы Кориса, под подбородком Брайанта, повернули юношеское лицо. На Брайанта капитан мог смотреть вниз, а не вверх, как на других.

— Вы верите в клятву меча? У Ивьяна есть Алдис, пусть будут довольны друг другом. Но, мне кажется, Ивьян сделал неудачный выбор. И если на одном топоре был заключен брак, то почему бы его не заключить на другом?

— Брак только в бормотании Сирика, — вспыхнул Брайант, все еще немного вызывая, но не пытаясь освободиться из рук капитана.

— Нужно ли говорить это мне, леди Верлейнская? — Корис улыбнулся.

— Лойз Верлейнская мертва! — повторил Брайант. — Вам придется иметь дело с ее наследницей, капитан.

Морщина появилась на лице Кориса.

— Не нужно говорить об этом. Мне не нужна жена с богатым приданым. И никогда больше не упоминайте об этом.

Ее рука зажала ему рот, призывая к молчанию. В голосе ее прозвучал гнев, когда она ответила.

— Корис, капитан Эсткарпа, никогда не должен так говорить о себе, особенно мне, женщине без наследства, земель и красоты!

Симон шевельнулся, зная, что для них двоих больше никого нет в комнате. Симон коснулся плеча волшебницы и проговорил:

— Оставим их.

Она тихо рассмеялась.

— Этот разговор о том, кто чего стоит, скоро прекратится совсем.

— Значит, она и есть исчезнувшая наследница Верлейна, заочно вышедшая замуж за герцога Ивьяна?

— Да. Только благодаря ей я спаслась из Верлейна. Фальк — не самый приятный противник.

Чуткий к оттенкам ее голоса, Симон стал угрюмым.

— Я думаю, что Фальк и его грабители в самом скором времени получат хороший урок, — заметил он.

Симон знал ее склонность к преуменьшениям. Вполне достаточно признания, что она обязана спасением из Верлейна этой девушке в другом конце комнаты. Для женщины Силы такое признание свидетельствует о подлинной опасности. Он испытал внезапное желание взять один из салкарских кораблей, посадить туда воинов и плыть на юг.

— Несомненно, он получит его, — со своим обычным спокойствием согласилась она. — Как вы сказали, мы еще в середине войны и еще не победили в ней. Верлейну и Карстену тоже придется уделить должное внимание. Симон, меня зовут Джелит.

Это произошло так внезапно, что Симон вначале даже не понял значения сказанного. Потом, вспомнив эскарпские обычаи, он почувствовал крайнее удивление: ее имя, самое святое из владений обладательнец Силы — его нельзя отдавать никому.

Как топор Кориса, так и камень волшебницы остался лежать на столе. Симон понял, она сознательно обезоружила себя, отбросила свое оружие и защиту, отдавая в его руки самое ценное в ее жизни. Он мог только догадываться, что это означает для нее, и почувствовал благоговейный страх.

Он сделал шаг и привлек ее к себе. И, отыскивая ее жаждущие губы, Симон понял, что и сам изменился. Впервые он стал частью, неотделимой частью этого мира. И так будет всегда, до конца его жизни.

ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА

1. Перчатка брошена.

Ночью бушевала гроза, сердитые порывы ветра сотрясали древние стены, тугие капли бились в ставни. Но внутри южной крепости завывания ветра казались отдаленным ворчанием. И Симону Трегарту в этих звуках чудилось даже нечто успокаивающее.

Нет, то, что угнетало его, невозможно было объяснить — просто он ощущал какое-то гнетущее, томительное беспокойство, которое грызло его в предрассветной мгле, и он лежал напряженно, вслушиваясь в темноту, словно часовой на посту.

Холодный пот каплями стекал у него из—под мышек, выступал бисеринками на щеках и квадратной челюсти. В сероватой предрассветной мгле таяли тени, ни единый звук не нарушал тишину покоя, где стояла их кровать, и все же...

Рука его непроизвольно тянулась вправо. Не то, что бы он сразу понял это, но во всяком случае, Симон вдруг ощутил необъяснимую жажду дружеской поддержки, помощи — против кого? Он не смог бы найти названия тому странному чувству, которое вдруг охватило его.

Рука коснулась теплого тела, скользнула по шелковистой коже. Он повернул голову и в слабом свете пробуждающегося утра бросил взгляд на ту, что лежала рядом с ним. Настороженный взгляд открытых глаз бесстрашно встретился с его взором, но где-то в самой глубине зрачков Симон уловил легкую тень, которая была точным отражением его все возрастающего беспокойства.

Джелит, та, которая была одной из волшебниц Эсткарпа, а теперь ставшая всего лишь его женой, вдруг резко поднялась с подушки и села на постели. Шелковистая прядь черных волос нежно коснулась его щеки, а потом волосы плащом окутали ее плечи; маленькие руки Джелит стиснула под высокой маленькой грудью. Она больше не смотрела на него, а беспокойным взглядом обвела комнату, полог кровати, раскрытый из-за жары, открывая ее взору весь их огромный покой.

Эта странная комната, в который раз, поразила Симона. Ведь до сих пор еще, настоящее казалось ему по временам

каким-то колдовским сном, особенно когда он вспоминал о прошлом. В другие минуты именно это прошлое казалось ему призрачным сном. Кто же он такой в сущности? Симон Трегарт — разжалованный армейский офицер, преступник, который бежал от карающей руки закона, подобно тому, как скрывается от стаи провинившийся волк. Он, Симон Трегарт, тот самый, кто решился на отчаянный шаг, который только и мог обеспечить ему надежное убежище. Доктор Петрониус открыл ему тогда тайну «ворот» в этот злой мир — древнее каменное седалище, которое переносило всякого смельчака, решившего усесться на него, в новый мир, в котором он мог найти себе место по мере своих возможностей и талантов. Вот кто такой был Симон Трегарт, тот настоящий Симон Трегарт.

А здесь лежал совсем другой — в южной башне Эсткарпа лежал сейчас другой Симон Трегарт, хранитель южных границ, присягнувший на верность Властительницам. И он взял себе в супруги одну из самых могущественных волшебниц, тех, которых так боялись все вокруг в этой древней стране Эсткарпа, история которой уходит в глубь времен. И в этот самый миг прошлое казалось Симону навсегда сметенным настоящим — ибо, пересекая таинственную границу миров, он и не предполагал, что его союз с этим миром окажется вскоре столь полным.

И тут же его кинжалом пронзила мысль о том, что же он все-таки делает здесь сейчас. Он сел в постели также внезапно, как и Джелит, плечи их соприкоснулись, в руке его было стиснуто ружье, стрелявшее стрелами. Но даже в тот миг, когда Симон выхватил его из-под подушки, он уже знал, что ведет себя глупо. Ведь то, что его встревожило — вовсе не призыв к битве, а какое-то совсем иное беспокойство, и потому еще более устрашающее.

— Симон..., — произнесла Джелит неуверенно, дрожащим голосом, звучавшим гораздо выше, чем обычно.

— Я знаю! — он уже соскользнул с широкого ложа, ноги его нащупали первую ступень лестницы, ведущей к возвышению, на котором оно стояло, а руки тянулись к одежде, оставленной вчера на стуле.

Где-то рядом — может быть, в самой южной башне, а возможно, поблизости от нее, происходит что-то такое, в чем таится опасность! Он лихорадочно перебирал в памяти все

возможные нападения. Нападение со стороны моря — из Карстена? Но он был уверен, что войска герцога не могли бы незамеченными пробраться через горы, ведь там неусыпно несли стражу фальконеры и его собственные отряды пограничников. А может быть, это атакуют войска Алисона?... Ведь уже несколько месяцев в этой стороне идет глухая война. Или же...

Симон лихорадочно зашнуровал пояс и натягивал сапоги, он чувствовал, что буквально холодеет при мысли, что есть ведь и третья возможность — и самая худшая; а что если Колдер не сокрушен, и то зло, которое так же было чуждо этому миру, как и он сам, снова зашевелилось и приблизилось к ним.

С тех пор, как последние атаки безжалостного врага были отражены, и пала твердыня Колдера на острове Горм, а инспирированное ими восстание в Карстене подавлено, Колдер исчез. Все было тихо в мрачных краях Айля, хотя их армии не могли бы преодолеть полосы укреплений, воздвигнутой там на морской и сухопутной границах. Но Симон не верил, что это поражение означает полный разгром Колдера. Он считал, что покончить с Колдером можно только после того, как будет сметено с лица земли само гнездо врага, вместе со всеми его чудовищными обитателями. Однако до тех пор, пока на юге им по-прежнему грозит Карстен, а с севера Алисон, вряд ли они смогут что-либо предпринять в этом смысле.

Он прислушался, не гудит ли на сторожевой башне набат — ведь не могли же стражи южной башни оказаться застигнутыми врасплох, они всегда были начеку. Но все было тихо.

— Симон! — голос ее прозвучал так твердо и повелительно, что он снова схватился за ружье.

Лицо Желит казалось в сумраке спальни белым пятном, но все же он видел крепко сжатые губы и огонек, зажегшийся в ее глазах. Она набросила на себя широкое красное одеяние, небрежно прихватив на груди его складки двумя руками, так что подол волочился по полу, когда она нетвердыми шагами, словно во сне, подошла к ложу. Но она уже совсем проснулась, пришла в себя и двигал ею вовсе не страх.

— Симон! Я, я — снова единое целое! — эти слова поразили его в самое сердце, куда сильнее, чем сигнал об опасности, что прозвучал у него в мозгу. Значит, это все же так много значило для нее? То, что она как бы утратила часть

своего «я» после того, что было между ними? Но тут же он постарался найти ей оправдание. Ведь волшебство так много значило в ее жизни! Как и все ее сестры по духу, она находила в нем высшую радость, она гордилась им. И все же Джелит с такой готовностью отказалась от того, что составляло саму ее жизнь, когда пришла к нему, ни на минуту не сомневаясь, что в соединении их тел она утратит все то, что было ей так дорого!

Симон протянул к ней руку, и их пальцы сплелись. Неожданная радость, казалось, согревала Джелит изнутри, и этот дар переданся Симону. Он почувствовал ответное горячее пожатие ее тонких пальцев.

— Откуда же... — начал было он, но она перебила его:

— Это все еще со мной, по-прежнему со мной! О, Симон! Я не только женщина, я еще и волшебница!

Она отпустила одеяние, которое все еще придерживала одной рукой, и поднесла руку к груди, ища то, чего у нее не было больше — волшебный драгоценный камень, который она отдала, с которым рассталась навсегда накануне свадьбы.

И сразу же лицо ее снова чуть потускнело — ведь только через этот камень могла она пользоваться той энергией, которая — она ощущала это так ясно — по-прежнему в ней кипела. Но тут же она опустила руку и замерла, высоко подняв голову и словно бы прислушиваясь к чему-то.

Тревоги не было, — сказал Симон, наклоняясь, чтобы подобрать с пола упавшее платье и закутать жену.

Джелит кивнула.

— Я не думаю, что это было нападение. Но произошло что-то нехорошее, стряслась какая-то беда.

— Да, но только где и что именно?

Она все еще стояла, словно прислушиваясь, но на этот раз Симон ясно видел, что она не слушает, а воспринимает какие-то волны, направленные прямо на ее мозг. И он тоже ощутил какое-то смутное беспокойство, которое быстро переходило в побуждение к немедленному действию.

— Лойз! — прошептала Джелит. Она круто повернулась и бросилась к своему сундуку. Она стала одеваться так же поспешно, как это раньше делал Симон, но только не в обычный домашний наряд, а в костюм из мягкой кожи, который надевался под кольчугу, когда отправлялись верхом на вооруженную вылазку.

Лойз? Симон не был в этом так уж уверен и не стал задавать вопросов. Их было четверо борцов за освобождение Эсткарпа и за собственное освобождение от того зла, которое Колдеру удалось так глубоко посадить в этом мире, некогда бывшем столь справедливым. Симон Трегарт — пришелец из другого мира, Желит — кудесница Эсткарпа, Корис — бежавший из Горма после того, как остров погрузился во тьму. Капитан гвардии, а позднее Сенешаль и маршал Эсткарпа; и Лойз — наследная принцесса Верлейна, твердыни разбойных владетелей побережья. Лойз бежала из Верлейна из-под самого венца с Ивьяном из Карстена, с ней вместе бежала и Желит. Они укрылись в безопасном убежище, а потом долгое время тайно боролись в Карсе за свержение Ивьяна. Лойз, надев кольчугу, сражалась с мечом в руках в битве под Гормом, а после, в крепости Сиппар, поклялась в вечной верности Корису. Лойз, бледная, хрупкая девушка, по-настоящему мужественная и беззаветно храбрая! И сигнал был об опасности, грозящей именно ей.

— Но ведь она в Эс-Касле, — запротестовал Симон, торопливо натягивая кольчугу, точную копию той, которая уже позванивала кольцами на плечах у Желит.

— Нет! — голос Желит звучал твердо. — Здесь что-то такое, связанное с морем.

— Корис?

— Я не ощущаю его. Если бы только у меня был мой камень! — она натягивала сапоги.

— У меня такое чувство, будто я пытаюсь пальцами поймать туман! Все в какой-то дымке, но я точно знаю, что Лойз в опасности, и эта опасность, связанная с морем.

— Неужели Колдер? — со страхом спросил Симон.

— Нет, я не вижу пустоты, защитной стены Колдера. Но нужда в помощи огромна! Мы должны скакать, Симон, к юго-западу. Она смотрела на стену, словно видела сквозь нее то, о чем рассказывала.

— Мы поскачем.

Торопливо шагая к лестнице, ведущей вниз, они слышали привычные звуки смены караула, но в остальном в крепости было все спокойно. Симон крикнул вниз:

— Трубите сбор!

Его возглас гулом раскатился под низкими сводами, и тотчас же снизу раздалось ответное восклицание. Они едва ус-

пели достигнуть середины лестницы, когда раздался звук трубы.

Гарнизон был хорошо подготовлен для внезапных набегов. Много раз, и весной, и осенью, по сигналу трубы вылетали за стены отряды пограничников. Те, кто входил в ударные силы, находившиеся под командованием Симона, были набраны главным образом из числа беглецов — потомков древней расы. Изгнанные из Карстена кровавыми порядками Колдера, они имели достаточно оснований ненавидеть насильников и убийц, завладевших их исконными землями, а теперь время от времени предпринимавших попытки разрушить и последнее прибежище этих бездомных — Эсткарп. Темноволосые и темноглазые, эти люди сохранили многовековую мудрость древней расы. В их жилах текла необычная кровь, их женщины владели тайнами волшебства, а мужчины были непревзойденными воинами.

Ингвальд, первый заместитель Симона еще с тех старых времен, когда они сражались рядом, стремя в стремя, ожидал их во дворе.

— Мы поскачем к северо-западу, — коротко сказал Симон, в ответ на вопрошающий взгляд Ингвальда. — Там стряслась беда. Я забираю с собой полотряда. Ты остаешься здесь командиром второй половины.

Ингвальд кивнул.

— С тобой поскачут люди Дуротана, — сказал он. — Они все равно должны сегодня нести дозор на холмах, так что все в сборе.

— Годится.

К ним подбежала одна из служанок, в ее руках было блюдо с ломтями свежиспеченного хлеба, поверх которых лежали дымящиеся куски мяса. За ней спешил мальчик, неся доверху наполненный кувшин с вином.

Джелит и Симон поели стоя, пока слуги снаряжали верховых животных, приторачивали к седлам сумки с припасами, готовили оружие.

— Вестница! — Джелит рассмеялась коротким счастливым смешком. Она уже знает! Если бы у меня снова был камень, мы могли бы и вовсе освободить ее от обязанностей вестницы!

Симон моргнул. Значит Джелит все же сумела, даже без своего камня, послать мысленную весть той молодой кудес-

нице, которая должна была теперь служить им для связи с командованием армией Эсткарпа. И возможно, что сообщение теперь в пути к Совету охранителей.

Он стал вспоминать края, которые им нужно было пересечь по пути на юго-запад... Там были, главным образом, горы, заброшенные пастбища, а на западе — морское побережье. Одна или две деревушки, пара торговых центров, несколько временных сторожевых пунктов.

Что может делать Лойз в тех местах? Почему она решила покинуть Эс-Касль и отправиться в те дикие края?

— Ее выманили хитростью, — Джелит снова прочитала его мысли. — Хотя какой именно хитростью сказать не могу. Зато могу догадаться о причине...

— Это дело рук Ивьяна!

Собственно, это было единственно возможное логическое объяснение любых действий против наследницы Верлейна. По законам Карстена она все еще была женой Ивьяна, через которую он мог претендовать на трон — хотя он никогда не видел ее, как и она его. Достаточно ему заполучить ее в свои руки, и сделка, которую Фальк заключил за счет своей дочери, будет завершена. Карстен, по слухам, был охвачен волнениями... Ивьян, который в прошлом был всего лишь наемником, сумевшим огнем и мечом добыть себе власть, оказался лицом к лицу со старой знатью, пылавшей ненавистью к нему. И ему необходимо было разделаться с ними, иначе трон его рухнет.

А в жилах Лойз текла кровь старинного и благородного рода, она могла похвастаться родством, по крайней мере, с тремя их наиболее могущественными домами. Если он прибегнет к ее помощи, Ивьяну удастся поправить положение. Но ему необходимо было поторопиться. Хотя Симон знал, что у Эсткарпа нет намерения вести войну за пределами своих границ — разве что только против Колдера — Ивьян, конечно, в это не поверит. Ему наверняка плохо спится при мысли о том, что кровавая резня, которой он подверг потомков древней расы, непременно должна привести к тому, что кудесницы обратят против него свое волшебство, чтобы отомстить. И Лойз была, бесспорно, отличным орудием против этой угрозы, так что Ивьян готов на все, чтобы ее заполучить.

Они выехали из крепости рысью. Джелит держалась прямо за скакавшим во главе отряда Симоном, позади следовали двадцать солдат Дуротана. Перед ними, на добрых четыре часа пути, лежала дорога, ведущая к побережью. Прежде это была центральная торговая артерия Эсткарпа, но с той поры, как во время вражеского набега был дотла разрушен и сожжен Салкаркип, крупный портовый центр, движение по этой дороге почти прекратилось, если не считать объездов патрулей, которые время от времени расчищали ее от упавших деревьев и обломков, принесенных штормом.

Кони процокали копытами по мостовым Ромсгарта, городка, где обычно проводились ярмарки жителями окрестных ферм. Ранние прохожие с интересом смотрели на кавалькаду, изредка обращаясь к проезжавшим с вопросами. Симон заметил, как Дуротан сделал знак городскому стражу, что здесь они оставляют позади себя бдительную, всегда готовую к бою охрану на сторожевом посту. Карстен и Ализон прекрасно понимали, что потомки древней расы, даже в своем теперешнем положении, не собираются сдаваться без боя и при всяком удобном случае унесут с собой много вражеских жизней. И именно это удерживало оба государства от попытки напасть на Эсткарп.

В нескольких лигах от Ромсгарта, Джелит сделала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем свешивался с седельного рожка. И сейчас она медленно поворачивала голову то вправо, то влево, словно пытаясь уловить запах следов. Но Симон уже сам его нашел.

— Вот там!

Ощущение опасности, которое все это время ни на секунду не покидало его, стало необыкновенно острым. К югу от большой дороги вилась неширокая тропа. Поперек нее лежало сваленное дерево, на нем виднелись свежие затесы. Один из верховых спешил, чтобы внимательно осмотреть тропу.

— Следы копыт... Свежие...

— Рассеяться, — приказал Симон.

Они рассыпались в стороны и, чтобы не ехать по тропе, стали прорубаться сквозь кустарник. Джелит надела шлем.

— Торопитесь!

Она пришпорила своего коня, перепрыгнув через дерево, и поскакала вперед. Симон помчался за ней вслед. Любому

наблюдателю показалось бы, что их всего двое, остальная часть отряда отстала.

В лицо бил пахнувший морем свежий ветер. Что было там — в бухте? Быть может, корабль, пришедший сюда, чтобы похитить Лойз и умчаться обратно в Карстен? Симон пожалел, что с ними нет ни одного фальконера с их прирученными птицами, которых можно было бы послать на разведку.

Симон услышал торопливое цоканье копыт — их поспешно догоняли остальные спутники — ведь здесь опасно было находиться без защиты. Совершенно неожиданно они очутились на широкой, поросшей травой поляне, которая плавно спускалась к берегу. На ней паслись две лошади с пустыми седлами. А в отдалении покачивался на волнах корабль и его разрисованные паруса туго надувал ветер, и он был вне пределов досягаемости.

Джелит спешила и побежала к тому, что ярким пятном выделялось на белом песке прибрежной полосы. Симон последовал за ней. Они остановились у тела, глядя на уже застывшие в мертвенной неподвижности черты женского лица. Руки женщины были крепко стиснуты на груди, они вцепились в рукоять кинжала, пронзившего ее. Симон не знал погибшую.

Джелит нахмурилась.

— Кто она, — спросил Симон.

— Я видела ее когда-то. Она откуда-то из-за гор. Ее имя..., — с торжествующим возгласом, Джелит извлекла имя из тайников своей памяти. — Ее звали Бертера и когда-то она жила в Карсе!

— О боже!

Симон посмотрел туда, куда указывал один из его людей. Там у самой воды, среди гальки и песка, было воткнуто копьё, которое лениво лизали зыбкие волны. И на нем была надета рукавица от кольчуги. Объяснений никому не требовалось. Здесь побывал Карстен, и он желал, чтобы о его появлении стало известно. Ивьян открыто вызывал на бой. Симон сомкнул вокруг рукавицы пальцы и сдернул ее с копья.

2. Пограничный набег

Лучи солнца нестерпимо сверкали прямо в глаза, отражаясь от лежащего на столе предмета, словно от драгоценного камня. А на самом деле это была всего лишь перчатка от кольчуги, лежавшая вверх металлической частью, вниз кожаной ладонью.

— Она исчезла два дня назад, и никто не знает, куда и зачем она направилась, — тихим голосом сказал Корис из Горма. — Он стоял у края стола, наклонясь вперед и стиснув руку на рукоятке своего топора так сильно, что выступили побелевшие костяшки. — И я только вчера вчером узнал об этом! Только вчера. Зачем она это сделала?

— Мы можем считать, что это работа Карстена, а о причинах можно только догадываться, — сказал Симон, встретившись глазами с тревожным взором глаз Джелит.

Если Корис так близко к сердцу воспринимает происшедшее, так сильно переживает это, то шаткое равновесие сил Эсткарпа против враждебных государств может рухнуть. Ибо даже сила волшебниц будет не в состоянии удержать молодого сенешаля от попытки разыскать Лойз, по крайней мере, пока он не будет в состоянии спокойно размышлять о случившемся. Разве, впрочем, и сам Симон не вел бы себя точно так же, если бы этот корабль увез Джелит?

— Карс падет!

Эти слова были произнесены совершенно спокойно, даже безразлично.

— Это будет так просто? — возразил Симон. Ведь если Корис из Горма рванется через границу сейчас, со своими небольшими силами, то худшей глупости и не придумать. — Он, конечно, падет, — продолжал Симон, — но только, если мы все тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку, очертя голову.

— Корис, — рука Джелит, с длинными тонкими пальцами, появилась в полосе света над перчаткой. — Тебе не следует недооценивать Лойз!

— Недооценивать? — спросил Корис. Слова Джелит дошли до него, хотя слов Симона он словно бы и не расслышал.

— Вспомни Брайант. И не отделяй их друг от друга сейчас в своих мыслях.

Брайант и Лойз — она снова права, его жена — волшебница, подумал Симон. Лойз ведь и в самом деле, под видом наемника Брайанта, жила вместе с Джелит в Карсе, вела разведку в самом логове врага. Под этим же именем Лойз не только сумела вырваться из Верлейна, но еще и увезла с собой пленницу — Джелит, и это как раз тогда, когда все в этой неприступной крепости — и сам лорд и все его люди — были против нее. И Лойз, которая была также и Брайантом, вовсе не беззащитная девушка, она обладает умом, волей и решимостью.

— Она ведь принадлежит Ивьяну — по их проклятым законом! — Корис махнул своим топором, описав дугу над сверкающей перчаткой.

— Нет, она принадлежит только самой себе, пока не решит иначе, Корис! Я не понимаю, каким образом им удалось выманить ее к себе, но только сомневаюсь, чтобы им удалось надолго удержать ее у себя. Но подумай вот о чем, мой гордый капитан, стоит только тебе ворваться в Карс, как ты того хочешь, как Лойз немедленно станет орудием против тебя в руках Ивьяна. Неужели ты этого хочешь?

Корис повернул к ней голову и поднял глаза вверх, чтобы встретиться с Джелит взглядом — ему всегда приходилось делать так из-за своего карликового роста. При слишком широких плечах, он казался еще шире, чем был на самом деле.

— Я не оставлю ее там...

Это было категоричное заявление.

— Мы тоже не оставим, — согласился с ним Симон. — Но суди сам, ведь они только этого и ждут, потому и увезли ее туда, что рассчитывали на то, что мы клюнем на эту приманку. И тогда ловушка сработает.

Корис прищурился.

— Так что же ты предлагаешь? Предоставить ей самой позаботиться о себе? У нее достаточно храбрости — у моей леди, но ведь она не волшебница. И не может она одна сражаться против всех!

Но у Симона ответ был наготове: в его распоряжении, к счастью, было несколько часов, прежде чем Корис со своим отрядом примчался в крепость, и он успел все обдумать. И он бросил на стол рядом с перчаткой карту, нанесенную на пергамент.

— Мы не помчимся прямо в Карс. Мы ведь все равно не сможем захватить этот город без большой армии, да и тогда нам пришлось бы все время жестоко сражаться. Но наш авангард проникнет в город по приглашению самого Ивьяна.

— Изменит облик?... — Корис по-немногу начинал утрачивать враждебность.

— Вот именно, — кивнул Симон. — Мы очутимся вот здесь...

В этом, конечно, был некоторый риск. Он обдумывал такую операцию уже многие недели, но до сих пор считал, что слишком много остается доводов против такого плана. Но сейчас ему надо было что-то противопоставить вылазке Карстена, и Симон считал, что это единственный правильный выход.

Корис внимательно изучал карту.

— Верлейн! — Корис искоса поглядел на Симона.

— Ивьяну нужен Верлейн. Он издавна мечтает о нем. Он и на Лойз то женился главным образом поэтому. И дело тут не только в нагрбаленных сокровищах, которые там хранятся — хотя наемная армия и обходится Ивьяну очень дорого. Гораздо больше интересует его сама крепость — ее так легко превратить в порт, откуда можно совершать разбойничьи набеги на нас. А теперь, когда сокровища древней расы уже разграблены, он особенно остро нуждается в Верлейне. Фальк вел себя более благоразумно, не осмеливаясь вторгнуться на территории Ивьяна. Но если все же он пошел бы на это...

— Предложить Верлейн в обмен на Лойз? Ты предлагаешь именно это?

Красивое лицо Кориса нахмурилось.

— Мы должны внушить Ивьяну, что он может получить Верлейн без лишних неприятностей.

Симон впервые говорил вслух о том, что раньше хранил про себя. Слушая его, Корис постепенно переставал хмуриться, но внимательно вникал в план, ища в нем слабые места. Однако он не перебивал Симона, который приводил все новые факты, добытые фальконерами и разведчиками, соединяя воедино все, что ему удалось установить, и то, что ему было известно из прошлого опыта военачальника.

— Если они увидят перед замком на волнах корабль, то немедленно организуют вооруженную вылазку. И внутри

крепости у них тоже надежная охрана. Но внутри крепостных стен и под покоем, имеются старые ходы, о которых Фальку ничего не известно. Они, разумеется, не охраняются. Именно этими ходами пробиралась Лойз, и они известны моей жене. Отряд, который спустится с гор, проникнет в эти ходы, и тогда — крепость наша! А потом мы разделимся с теми отрядами, которые рыскают по побережью.

— Но ведь на это требуется время — я думаю, и хорошая буря — и немалое везенье.

Но протесты Кориса были невесомее пуха, и Симон это отлично понимал. Сенешаль непременно примет его план, а значит угроза немедленной атаки вражеской территории отпала. По крайней мере, до тех пор, пока Корис занят Верлейном.

— Что же касается времени, — Симон развернул карту снова, — то мы уже кое-какие шаги предприняли к нашей цели. Я послал сообщение фальконерам, и они рассеялись по вершинам. Разведчики пограничников отлично знают каждый уголок в тех местах, а салкары должны привести в порядок одно из брошенных суденышек в нашей гавани Сиппар. На нем поставят новые паруса, и оно будет двигаться достаточно быстро, а балласт придаст ему достаточную осадку, как будто это обычное грузовое судно. На нем будет вымпел с торговыми знаками Алисона. Что же касается шторма...

Джелит рассмеялась.

— А, шторм! Неужели ты забыл, Симон, что ветры и волны подвластны нам? Когда пробьет час, я позабочусь о ветре и волнах.

— Но ведь ...

Корис снова взглянул на нее, на этот раз во взгляде его был ясно выраженный вопрос.

— Но ты считаешь, что теперь я не имею прежней Силы, Корис? Но это далеко не так — могу тебя в этом заверить! — в голосе ее звенела радость. — Если я только сумею получить обратно мой волшебный камень, то ты в этом и сам убедишься! Итак, Симон, пока ты отправишься к границе и раскинешь там свою сеть против Фалька, я поскачу в Эс-Касл за тем, что мне снова принадлежит по праву!

Он кивнул, но где-то в глубине души снова шевельнулось сожаление, почти глухая боль. Ему казалось, что она отка-

залась, ради него, от этого камня с радостью, и без сожалений. А теперь, когда оказалось, что жертва вовсе и не была принесена, что она не утратила того, с чем, казалось бы, рассталась навеки, теперь она снова окутала тайной все то, что было открыто ему в ней. И снова странное отчуждение возникло между ними, ему вдруг стало холоднее. Что, если это отчуждение со временем превратиться в стену, и она разделит их навеки? Но тут же Симон отогнал от себя эти мысли — сейчас нужно было думать только о Верлейне.

Симон послал известие — но не с помощью сигнального огня, который могли заметить шпионы Карстена, а с помощью вестниц-волшебниц там, где это было возможно, а там, где такой возможности не было, приказ Симона передавали верховые нарочные. Гарнизоны укреплений несколько сокращались, где на пять, где на десять-двенадцать человек. Те, кого отбирали, осторожно должны были пробираться в горы под видом обычных патрулей и там дожидаться решающего приказа.

Корис договорился с Аннером Осбериком, начальником отряда торговцев — рейдеров, которые поселились в Эс-Порте с тех пор, как их береговая крепость была захвачена врагом. Когда-то отец Осберика погиб в Салкаркипе, и ненависть его к Колдерам и всему их клану, была также велика и грозна, как волны бушующего моря. Эту ненависть он завещал своему сыну, и потому Аннер Осберик всегда готов был выступить против общего врага.

План начал претворяться в жизнь, и все, о чем оставалось договориться, было только время выступления.

Симон распластался на самом краю утеса; день был пасмурный, но тумана не было, и потому Симон ясно видел вдаль две арки башен Верлейна, поднеся к глазам прозрачную кварцевую линзу — эсткарпский эквивалент земного бинокля — он внимательно оглядел высокие стены крепости. Вдали маячил когтеобразный риф, тот самый, который приносил добычу обитателям крепости, промышлявшим морским разбоем. Именно на этот риф и должен был высадить своих лже-торговцев Аннер. Таким образом они окажутся достаточно далеко то крепости, чтобы выманить наружу гарнизон, желающий поживиться за счет очередной жертвы моря.

Серое небо и влажный воздух предвещали шторм. Однако им нужна была управляемая стихия, которая сработала бы

на них. Симон продолжал изучать в линзу местность, но его мысли были заняты совсем другим. Джелит уехала в Эс-Касл к охранительницам, полная радости и восторга перед своим открытием, что она не утратила своих колдовских способностей. Но с тех пор, он не имел от нее ни единого слова, не было между ними и той мысленной связи, которую Симон ожидал. И теперь он уже почти готов был поверить, что те недели в южной крепости были всего лишь сладким сном, что никогда не было в его жизни столь полного свершения желаний, какое он испытал в тот миг, когда она слилась с ним воедино. Ведь тогда ему показалось, что теперь он точно знает, что есть на свете место, с которым не сравнится даже рай, если она рядом.

И снова его охватил холодный страх и снова ему почудилось, что между ними вырастает стена. Нет, лучше всего гнать от себя прочь все мысли об этом, иначе он, подобно Корису, забудет свой долг и сломя голову кинется на поиски Джелит.

Времени было мало, очень мало. Сегодня ночью, подумал Симон, убирая в карман кварцевую линзу, сегодня ночью они выступают. Прежде чем уехать, Джелит передала ему все сведения о подземных ходах Верлейна, и теперь они запечатлены навеки в его мозгу. Прошлой ночью он с Ингвальдом и Дуротаном спустились в пещеру, где начинались эти ходы. Молча смотрели они на старинный алтарь, воздвигнутый в честь богов, обратившихся в прах вместе с теми, кто их почитал. Они ощутили нечто странное, что невозможно было определить, нечто висевшее в воздухе, от чего трудно становилось дышать.

И это нечто оказалось настолько сильно в противодействии способностям Симона, что он едва совладал со своим телом, дрожавшем как в лихорадке. В этих подземных тайниках древнего мира, без сомнения, противоборствовали друг другу многие тайные силы.

Симон соскользнул с утеса, перебрался к расселине, где притаилось три разведчика пограничников и один фальконер.

Симон спросил:

— Сообщения были?

Глупый вопрос, тут же подумал Симон, ведь он и сам бы в тот же миг узнал о ее прибытии, будь она здесь. Но юноша,

в кожаном костюме и кольчуге разведчика, вскочил на ноги при виде Симона.

— Есть сообщение от Сенешаля, лорд. Капитан Осберик полностью подготовил судно. Он может спустить его на воду по сигналу, но только не может поручиться, что ветер продержится достаточно долго.

Время... Симон не обладал способностью управлять стихией, и потому, если Желит не вернется вовремя, им придется рискнуть и положиться на волю наступающего шторма, не рассчитывая на помощь волшебства... И это должно быть сделано сегодня ночью, самое позднее — завтра. Раздался резкий крик птицы, и черно-белый сокол, глаза и уши Ункара, камнем упал на подставленную руку хозяина.

— Сенешаль идет, — сообщил Ункар.

Симон никогда не мог разобраться в той связи, которая существовала у птиц с человеком, но он давно уже убедился, что такие сообщения всегда точны, и что птичья служба фальконеров-сокольников куда надежнее, чем любая разведка на этих высотах. Корис идет сюда, и он настроен уступить немедленно, и на этот раз Симону придется уступить настояниям других. Но где же Желит?

Несмотря на свое неуклюжее тело, Корис двигался с той расчетливой экономией энергии, которая отличает всякого опытного бойца. Огромный топор, который он вынул из руки легендарного Вольта в тайной гробнице птичьего бога, был спрятан под складками плаща, но на Сенешале был боевой шлем и оружие тоже было при нем. Красивое лицо, так странно не сочетавшееся с уродливым телом, светилося мрачной радостью.

— Мы выступаем этой ночью! Аннер говорит, что ветер и волны благоприятствуют нам. А позже он не может поручиться за это, — он помолчал, потом тихо добавил, — С севера нет никаких сообщений.

— Пусть будет так! Подавай сигнал, Уолдис. Мы выступаем в сумерках.

Юноша исчез среди скал с быстротой стрелы, выпущенной из лука. Худое лицо Ункара выглянуло из узкой щели шлема, сделанного в виде птичьей головы.

— Скоро пойдет дождь. Это будет весьма нам кстати. В сумерках, Хранитель границ.

И он последовал за Уолдисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер, собственно, вовсе не было — настолько тяжелыми были облака. А море бушевало все сильнее. Скоро Осберик пустит свое судно-приманку на волю волн. У морских грабителей было три наблюдательных пункта: два на рифе и один на центральной башне крепости; в плохую погоду на всех трех пунктах непременно стоят часовые. Охраны на рифах бояться не приходится, но подступы к крепости, по которым должны двигаться атакующие, находятся в поле зрения сторожей на центральной башне. И потому Симон все же беспокоился, хотя было решено использовать все мало-мальски пригодные укрытия на этом пространстве. Теперь же им очень поможет приближающийся дождь.

Но штормовой ветер опередил этот дождь. И только сумерки скрывали теперь пограничников и сокольничьих, которые цепочкой шли к нужной пещере и осторожно вползали в ее черное жерло. В темноте вдруг что-то там вспыхнуло, и Симон услышал тихое восклицание Кориса.

Лезвие топора Вольта вспыхнуло огнем, и Симон сразу же ощутил веяние какой-то силы от покосившегося алтаря, прилив какой-то непонятной и мощной энергии, которую он не мог бы описать, но которой все же страшился.

— Свет сражения! — раздался безрадостный смех Кориса.
— Благодарю тебя, Вольт, за эту новую милость.

— Шагай вперед! — приказал Симон. — Ты не можешь знать, что вызывает здесь к жизни это лезвие.

Они быстро нашли начало подземного хода. По спине у Симона бежали мурашки, волосы под тяжестью шлема шевелились — так велика была наэлектризованность атмосферы подземелья. По стенам полосами сползала слизь, мерцавшая в свете их факелов, чем дальше они уходили, тем более спертый был воздух, пропитанный сыростью и пахнущий плесенью. Почва под ногами вздрагивала от глухих ударов бушевавшего внизу моря.

Наконец, перед ними возникла лестница, металлические поручни и ступени которой, казались какими-то гигантскими сплетениями паутины на фоне темных стен пещеры. Именно по этим лестницам Желит бежала из крепости вместе с Лойз, и Симону приходилось полагаться на эти сведения, проверить которые не было возможности. Оттуда, из этой комнаты, они могут попытаться застигнуть Фалька врасплох

и захватить его, но это только при условии, что остальной гарнизон будет занят мародерством за стенами крепости.

Ступеней было бесчисленное количество, и Симон в конце концов сбился со счета. Они не кончались даже перед дверью, которую им указала Желит — лестница уходила дальше вверх. К счастью, замок на двери оказался самым примитивным и безо всякого хитроумного приспособления. Симон немного повозился с запором и пятифунтовый овал медленно отошел в сторону.

В комнате царила тьма, так что они не могли загасить факелы. Прямо перед ними был альков с кроватью, рядом с ней — красный комод еще один комод стоял под окном, за которым бушевал шторм.

— Сигнал!

Впрочем, Симону незачем было отдавать приказ. Один солдат из охраны Кориса уже вскочил на стоявший под окном комод, отодвинул ставень и просунул руку с факелом в отверстие. Несколько условных знаков руки, в такт которым замигали и факелы остальных членов отряда, и Аннер Осберик примет условный сигнал — если, конечно, он уже на месте. И тогда он снимет с якоря свое судно. Теперь им оставалось только ждать, пока сигнал о приближении корабля поднимет гарнизон крепости.

Именно это ожидание и было для них хуже всего. Две небольшие группы — одна под началом Ингвальда, другая под руководством Ункара, осмотрели ближайшие помещения. Ункар сообщил, что за соседней дверью находится еще одна пустая спальня — запасной путь к отступлению.

Время тянулось нестерпимо медленно. Симон мысленно перебирал все возможности того, что их план не сработает. Фальк, конечно, должен быть настороже и всегда готов отразить нападение извне. У него были свои разведчики, как это выяснили люди Симона. Но о потайных ходах в крепости не должен знать никто, так по крайней мере считала Лойз.

— А-а-а! — послышался рядом облегченный вздох, тут же потонувший во взорвавшемся над их головами отчаянном шуме и бряцаньи оружия.

— Вот оно! — Корис стиснул плечо Симона и рванул к двери комнаты. — Набатный колокол, возвещающий о крушении! Теперь-то уж эти крысы выползут из своих нор!

3. Черная ночь.

Терпение! Терпению Лойз научилась давным-давно. И теперь ей снова придется им воспользоваться, как оружием против страха и паники, которые стлы внутри нее, тисками схватывая горло, придавливая тяжелым грузом. Терпение... и ее собственный ум — вот что оставили ей.

В комнате, где ее надолго оставили одну, царила мертвая тишина. Не было нужды пытаться проверить прочность ставен или двери: ведь они даже ободрали драпировки у постели со столбов. Чтобы она ничего не сделала с собой, так решила Лойз. Но до этого пока что не дошло. О, нет и нет! Губы Лойз сложились в подобие улыбки, но в глазах застыла горечь.

Она чувствовала себя очень плохо, комната плыла и раскачивалась перед глазами, так что Лойз никак не могла собраться с мыслями. Еще на борту корабля ее стала мучить тошнота, и она ничего не могла есть. Сколько времени она не ела? Она стала по-детски загибать пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... Пять дней? И все время перед ее мысленным взором стояло лицо той темноволосой женщины, которая однажды утром явилась в Эс-Касл и предстала перед ней с какой-то сказкой. Что же она нагала?

Лойз изо всех сил напрягла память, стараясь вспомнить все подробности той встречи. И страх ее стал еще сильнее, когда она вдруг отдала себе отчет в том, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и потрясением, которые она испытала. Нет, это была блокировка памяти, которая никак не могла быть связана ни с физическим ее состоянием, ни с эмоциями. Эта женщина... Бертера! Лойз испытала острую радость, когда все же сумела вспомнить имя женщины. Это Бертера увезла ее из Эс-Касла, принесла ей какое-то сообщение. Но что это было за известие? И от кого? О, почему, почему она в такой глубокой тайне сохранила свой отъезд из Эс-Касла с Бертерой? Какие-то отрывочные воспоминания у нее сохранились, о дороге через лес, и о шторме, и о том, как они искали прибежища от волн и ветра среди скал. А потом они спустились к самому морю и стали ждать.

Почему? Почему она так спокойно оставалась с Бертерой, не испытывая ни беспокойства, ни подозрения? Быть может, ею двигала какая-то посторонняя сила? Нет, в это трудно по-

верить. В Эсткарпе у нее были только друзья, не враги. А вот теперь, соединяя воедино отрывочные воспоминания, Лойз начала понимать, Бертера вела с ней себя так, словно бежала от врагов на чужой земле! Неужели и у Карстена также есть волшебницы?

Лойз сжала руками щеки, и те и другие были холодны, как лед. Но ведь поверить в это — значит, усомниться в собственной же родине. С тех пор, как потомки древней расы были объявлены в Карстене вне закона — их убивали на месте по любому поводу — там не осталось волшебниц. И все-таки теперь она уже не сомневалась больше, что ей была навязана чужая воля, что ее помимо ее собственного желания кто-то принудил идти на юг, к морю, где ее ждал корабль.

И что-то еще там было... Что-то, связанное с Бертерой. Она должна вспомнить, ведь это так важно. Она стиснула судорожно кулачки, так что побелели костяшки пальцев.

Да, верно... Бертера что-то кричала им.

Лойз не могла вспомнить, что именно Бертера кричала, но помнила интонации; они были сначала молящие, потом отчаянные. И один из тех, кто прибыл на корабле, прекратил эти крики, спокойно, почти небрежно, проткнув женщину кинжалом. Бертера пала навзничь, руки ее вцепились в рукоять клинка так сильно, что владелец оружия не смог выдернуть его из груди женщины. Потом раздался короткий приказ, другой из прибывших наклонился над Бертерой, пошарил в складках ее туники и извлек оттуда какой-то предмет, зажатый в кулаке — что именно, Лойз не сумела увидеть.

Бертера отдала ее в руки Карстену, и за это ей заплатили смертью. Но помощь Бертере в этом деле оказало какое-то оружие, неизвестное Лойз.

Впрочем, неважно, как это было сделано. Теперь она в Карсе, в руках Ивьяна. Даже если ее ищут сейчас в Эсткарпе, то все равно они могут строить только догадки о том, куда она исчезла. К тому же... Если даже они догадаются... Ведь им понадобится целая армия, чтобы выручить ее из Карса. А такую армию Эсткарп сейчас не может выставить. Лойз достаточно часто присутствовала на военных советах, что бы отдавать себе отчет, как непрочно сейчас положение древне-

го королевства. Стоит только им отправить армию против Карстена, и Ализон немедленно нападет на них с севера.

Когда-то в Верлейне она одна была против могущества, против всей власти Фалька и не было у нее ни одного друга в стенах этой морской твердыни. И снова она оказалась одинокой против могущественного врага, если бы только не эта ужасная дурнота, если бы только так не кружилась голова, она могла бы тогда мыслить более ясно. Но стоило только ей пошевелиться, как пыльный пол начал уходить у нее из под ног...

Внезапно отворилась дверь, темноту комнаты разрезал узкий луч света лампы, ослепивший ее на мгновение. Когда она открыла глаза, перед ней стояло трое мужчин в ливреях герцогских слуг; один из них держал лампу, другой — поднос, уставленный тарелками. А третий не был мужчиной, судя по изящной фигуре и шарфу, накинутому на голову.

Поставив лампу и поднос на столик, слуги удалились, и только тогда женщина подошла к Лойз и откинула густую вуаль.

Она была выше ростом, чем наследница Верлейна, отлично сложена и держалась с непринужденной грацией и изяществом, каким не могла похвастать Лойз. Светлые густые волосы были уложены в замысловатую прическу и убраны под золотую сетку, переплетенную драгоценными камнями. Такие же драгоценности сверкали у ее горла, на рукавах и подоле тяжелого платья, ее тонкие запястья украшали браслеты. Можно было подумать, что готовясь к встрече, эта женщина специально украсила себя со всей пышностью и великолепием, какие были ей доступны. Но увидев спокойные глаза, серьезное лицо, Лойз подумала, что эта женщина вряд ли нуждается в такой поддержке, какой была вся эта мишура.

Женщина протянула сверкающую драгоценностями руку, взяла лампу со столика и подняла ее повыше, глядя прямо в лицо Лойз оценивающим взглядом, который мог бы вызвать у девушки краску смущения. Но Лойз даже не дрогнула. Она не могла, разумеется, соперничать с такой красотой. Взамен золотой копны у Лойз была гладкая прическа из бесцветных прядей; взамен изысканной грации движений, не заученной, а природной, Лойз отличалась неловкой угловатостью. Что же касается ума, то и здесь Лойз не превосходила эту жен-

щину, ибо леди Алдис славилась своим умением искусно плавать в мутных волнах двора Ивьяна.

— Должно быть, в тебе есть что-то такое, чего не увидишь с первого взгляда, — первой нарушила молчание леди Алдис. — Но только уж очень глубоко это, видимо, скрыто у вас, милая герцогиня.

Голос ее звучал шутливо, но в словах таилась дерзкая насмешка.

Все еще не выпуская из рук лампу, Алдис отвесила поклон, и ее юбки грациозно взметнулись с непревзойденным изяществом, не доступным ни одной женщине, кроме нее.

— Милая герцогиня, не хочешь ли перекусить? Ведь, я думаю, ты должна была проголодаться за долгую дорогу?!

Она поставила лампу на стол, подвинула стул поближе к Лойз, все это с преувеличенной услужливостью, в которой сквозило явное пренебрежение. Лойз не пошевелинулась и ничего не ответила. Алдис озадаченно поднесла к губам палец, потом улыбнулась.

— А... я ведь еще не представилась вашей светлости! Меня зовут Алдис, и я очень уж рада приветствовать тебя в твоём городе Карсе, где тебя так давно ждут. Ну, теперь, быть может, ты изволишь пообедать?

— Разве это не твой город — Карс? — спросила Лойз так бесхитростно как мог бы спросить ребенок.

Она еще не знала пока, какую роль ей лучше всего играть, но на всякий случай решила, что имеет смысл держаться так, чтобы любовница Ивьяна недооценила ее.

Улыбка Алдис стала еще шире и яснее.

— Все это — лживые сплетни. Им бы вовсе не следовало касаться твоих ушей, миледи герцогиня. Когда во дворе нет настоящей госпожи, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы все шло как подобает и как угодно нашему лорду герцогу. Я льщу себя надеждой, что вы не захотите ничего изменить в налаженном порядке.

Что это? Угроза или предупреждение? Во всяком случае сказано это было самым небрежным легким тоном. Лойз считала, что Алдис никогда не согласится уступить свое место, свою власть, которой она здесь обладала, жене, на которой женились только по государственным соображениям.

— Известие о твоей смерти было большим ударом для нашего милорда герцога, — продолжала Алдис. — Он ведь был

готов приветствовать свою супругу, а вместо этого ему сообщили о том, что окно башни открыто и что за окном болтается разорванная веревка, а под ней бушует море — как будто эти волны жаднее его объятий! Немало огорчений принесло это нашему милорду герцогу! Зато каким большим облегчением было для него известие о том, что Лойз из Верлейна жива! Правда, ее околдовали эти собаки с севера и держат у себя в качестве заложницы. Но теперь-то все в порядке, не так ли? Ты в Карсе, и сотня сабель образует надежный заслон между тобой и твоими врагами! Так что поешь, миледи, а потом отдыхай! Недалек тот час, когда ты должна будешь во всей своей красе предстать перед взором своего супруга!

Насмешка больше не была легкой — на сей раз Алдис выпустила коготки и вонзила их поглубже.

Она сбросила салфетки со стоявших на подносе блюд, и запах пищи снова вызвал у Лойз приступ тошноты.

Сейчас не время для проявления гордости, не время бросать вызов врагу.

Лойз закрыла лицо руками, словно ребенок, который устал от рыданий, и с трудом поднялась на ноги, держась за спинку кровати. Ее качнуло к столику, и она с трудом двинулась к стулу и почти упала на него.

— Бедное дитя! Ты и в самом деле измучена, — но Алдис не подошла, чтобы помочь ей, и Лойз была искренне благодарна ей за это.

Лойз пришлось взять бокал двумя руками, чтобы поднести его ко рту, до такой степени она ослабла. Лойз было неприятно, что Алдис видит, как у нее дрожат руки, она не хотела, чтобы та догадывалась о ее слабости.

Впрочем, особого значения это сейчас не имело. Зато очень важно было то, что силы постепенно возвращались в ней и прояснялись мысли. То, что Алдис пришла сюда, это, конечно, непросто, но пока еще Лойз не знала, сможет ли она извлечь какую-нибудь пользу из этого визита. По телу разлилось приятное тепло; тот страх, который грыз ее все время, понемногу начал ослабевать. Лойз поставила кубок на столик, пододвинула тарелку с супом и стала есть, с удовольствием втягивая аромат навара. У герцога Ивьяна отличный повар. Против своей воли Лойз расслабилась, наслаждаясь вкусной едой.

— Говядина в красном вине, — прокомментировала Алдис. — Это теперь тебе будут часто подавать, ведь наш милорд герцог обожает его. Джаппон, наш шеф-повар, особенно славится этим блюдом. Милорд герцог желает, чтобы мы все учитывали его вкусы и всячески угождали им. Лойз отпила еще немного вина.

— Отменно выдержанное вино, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал так же весело и непринужденно, как и той... Другой. — Похоже, что ваш милорд герцог — тонкий ценитель напитков. Правда, мне-то казалось, что его небо больше привыкло к грубому вину таверн...

Алдис улыбнулась еще слаще.

— Милорд герцог не любит, когда намекают на ... Как бы это сказать?... На не совсем обычное начало его карьеры. То, что он завоевал Карстен силой своего оружия...

— И при поддержке наемников, — холодно перебила ее Лойз.

— И с помощью своих сторонников, — согласилась Алдис. — Он гордится этим и часто рассказывает об этом в кругу друзей.

— Тот, кто забирается на самую вершину, должен всегда помнить о том, что внизу, — Лойз отломала корочку орехового хлебца и разломила ее пополам.

— Тот, кто поднимается к вершинам, всегда позаботится о том, чтобы внизу все было гладко и спокойно, — возразила Алдис. — Он научен не доверять случаю, ибо фортуна слишком капризна.

— А мудрость уравнивает силу оружия, — ответила Лойз пословицей жителей холмов.

Поев, она уже не чувствовала себя так отчаянно плохо. Но не следовало переоценивать себя. Ивьян далеко не глуп, он не привык попусту размахивать саблей, и его нелегко провести. И он-то завоевал Карстен не только силой оружия, но и остротой ума. А уж эта Алдис.. Тише, тише Лойз, будь внимательна, ступай осторожно, чтобы ни один лист не шелохнулся...

— Наш милорд герцог — непревзойденный искусник во многих вещах: и в обращении с саблей, и в совещательной комнате.... Да и в постели тоже. Да и тело у него не искалечено, он отлично сложен...

Лойз надеялась, что Алдис не заметила, как она похолодела при этих словах, но на это было мало надежды. И следующее замечание Алдис подтвердило опасения Лойз.

— Говорят, что на севере замышляются какие-то великие дела, и что во главе вот этого всего стоит какой-то несчастный карлик, который изо всех сил размахивает у кого-то украденным топором...

— Да? — Лойз открыто зевнула, потом еще раз и еще. Ее усталость вовсе не была наигранной. — Слухи всегда преувеличены и мало похожи на правду. Я уже поела, можно мне теперь поспать?

— Но, миледи герцогиня, ты говоришь так, как будто считаешь себя пленницей! А ведь ты — могущественная повелительница Карса и Карстена.

— Я это буду иметь в виду. Но все же эта мысль, как бы отрадна она не была, приносит мне меньше радости, чем принес бы отдых. А поэтому пожелаю тебе всего доброго, миледи Алдис!

Еще одна улыбка, легкий смешок, и она исчезла. И Лойз тут же услышала звук, который и ожидала услышать — скрежет ключа в замке. Какой бы могущественной повелительницей Карса она не была, во всяком случае на эту ночь она — пленница, запертая в этой комнате, и ключ от замка не в ее руках. Лойз больно закусил губу при самой мысли о том, что именно это может означать.

Она внимательно осмотрела комнату. Кровать без полога, который непременно полагался в таких покоях, стояла на возвышении, к которому вели две ступеньки; и когда она отодвинула ставни на одном из двух окон, рука ее нащупала прочную металлическую сетку, через ячейки которой проходила только первая фаланга ее указательного пальца, но не больше.

У дальней стены стоял комод, в его ящиках лежала какая-то одежда, но она не стала ее рассматривать. Она чувствовала в себе страшную усталость, все ее тело ныло от желания растянуться на постели. Но ей нужно было еще кое-что сделать перед тем, как лечь, и когда задача была выполнена, Лойз почувствовала, что лишилась последних сил и вся дрожит в изнеможении. Сейчас она ляжет и уснет, но теперь никто не застигнет ее врасплох, потому что к самой двери был придвинут тяжелый стол.

Несмотря на свинцовую усталость, сковавшую все ее члены, Лойз долго лежала без сна. Она не загасила лампу, так что даже самые дальние углы комнаты были освещены.

Ее томило мучительное беспокойство — и когда-то она уже испытывала подобное... И оно было таким же сильным сейчас, как в тот миг, когда она пробиралась по подземелью, мимо забытого алтаря забытого народа, прежде чем выйти под ясное небо. Подземелья Верлейна... Она на мгновение снова ощутила их гнетущую атмосферу и страшную наэлектризованность воздуха....

Волшебство! Если когда-то хоть раз сталкивался с этим, то безошибочно определяешь снова и снова... В конце концов, ей вовсе неизвестны все тайны Эсткарпа, ведь было же когда-то время, когда они с Желит много дней провели в самом сердце Карса под личиной воинов — наемников, собирая информацию, столь необходимую делу севера. И вот сейчас, здесь тоже могут быть агенты охранительниц.

Она вцепилась руками в покрывало. Ах, если бы она только обладала такой силой, если бы только могла послать сообщение и которое мог бы принять дружественный мозг-приемник! Она страстно желала этого, слезы струились по щекам — ей нужна была не только помощь, а хотя бы только поддержка, дружеское участие, сознание того, что она не одинока. Когда-то она была совсем одна, но потом появилась Желит и Симон, этот высокий чужестранец, которому она сразу поверила, и вместе с ним — Корис! Слабый румянец выступил на ее щеках при воспоминаниях о насмешках Алдис. Несчастный карлик. Какая нелепость, какая ерунда! В нем была смешанная кровь, это правда, кровь матери из рода Торгов, с их приземистыми могучими телами, и кровь отца из благородного семейства Гормов, отличавшихся редкой красотой.

Но все равно, лишь одного его выбрало ее сердце из всех мужчин, с того самого дня, когда она увидела его рядом с Симоном. Они ждали ее у ворот Карса, переодетые наемниками, вызванные мысленным сообщением Желит.

Вызванные мысленным сообщением! Но ведь она не может послать такое сообщение! Еще раз Лойз попыталась разобраться, что за барьер возник в ее мозгу, стараясь преодолеть его. Нет, здесь определенно было какое-то волшебство! Она совершенно уверена в этом!

Лойз соскользнула с кровати на пол, и, сама того не сознавая, принялась отодвигать стол от двери, словно ею двигала неведомая сила; все внутри нее протестовало против этого, и все же через минуту стол был отодвинут.

И почти сразу же послышался звук поворачиваемого ключа в дверном замке, тяжелая ручка повернулась. Снова Алдис! На мгновение Лойз расслабилась, потом посмотрела вошедшей в лицо. Оно было точно-такое же, как и раньше — красивое, спокойное... И все же не совсем такое!

Что-то неуловимо изменилось в ее лице, Лойз не смогла бы даже сказать, что именно. Как будто та же самая легкая улыбка, то же ясное лицо. И все же, всем своим существом Лойз ощущала, что это — не та Алдис, которую она видела раньше.

— Ты боишься, — сказала Алдис, и голос ее звучал почти так же, как раньше — почти, но не совсем так! — У тебя есть основания бояться, миледи герцогиня. Милорд наш герцог не любит, когда ему идут наперекор. А ты несколько раз обставляла его! Он должен сделать тебя своей верной женой — ты ведь знаешь, иначе ему не достигнуть своей цели. Но не надейся, что ты найдешь в нем нежного возлюбленного! Отнюдь нет! И поскольку ты в какой-то мере мешаешь и мне, я решила дать тебе один шанс, миледи герцогиня.

Что-то сверкнуло в воздухе и упало на край постели — маленький кинжал, который когда-то приходилось носить Лойз на поясе, но все же настоящее оружие.

— Это подарок для тебя, — сказала Алдис, и не Алдис, таким тихим голосом, что Лойз теперь едва разбирала, что она бормочет, — интересно, как ты решишь им воспользоваться, миледи герцогиня, Лойз из Верлейна? Каким именно образом — так или иначе?

И она исчезла. Лойз уставилась на тяжелую дверь, недоумевая, как Алдис так быстро исчезла. Словно вообще была лишь призраком — без плоти и крови — иллюзией и только.

Иллюзия? Оружие и защита волшебниц. А была ли здесь Алдис на самом деле? Быть может, это всего лишь уловка со стороны какого-то агента Эсткарпа, который хотел хоть так помочь пленнице из Верлейна? Но нет, ей не следует питать таких призрачных надежд.

Лойз бросила взгляд на постель, словно ожидая, что кинжал тоже исчез, как призрачное видение. Но он лежал там

по-прежнему, и в руках у нее он был холодным и гладким на ощупь, а его тонкое лезвие остро отточено.

Что ж, значит, она должна им воспользоваться. Только против кого же интересно? Против Ивьяна? Или против себя самой? По-видимому, для Алдис — или призрака Алдис — особой разницы в том не было.

4. Фальк и... Фальк!

Симон стоял на лестнице, прислушиваясь. Снизу доносились звуки битвы. До него доносился боевой клич салкаров: «Сал! Сал!», но Симон прислушивался совсем к другим звукам, которые должны были слышаться сверху. Он не мог ошибиться. Где-то на верхних площадках этой лестницы должен был быть Фальк.

Вот оно! Скрежет металла по камню. Какую еще ловушку выбрал Фальк для своих преследователей? И все же, прежде всего именно Фальк был им необходим для осуществления задуманного плана. А время работало против них, оно было союзником Фалька.

Правда, пока что все шло, как они и рассчитывали. Судно, выброшенное на риф, открыло перед ними ворота крепости, выманило гарнизон за стены, привлекло к себе всеобщее внимание. Так что нападавшие уже проникли в крепость, прежде чем люди Фалька успели опомниться.

Но это не означало, что они готовы сдаться, наоборот, они сражались отчаянно, как люди, у которых нет пути к отступлению. Только потому, что в разгаре сражения Симон оказался отброшенным вражеским ударом далеко в сторону, он успел заметить, как высокий человек с огненно-рыжей гривой волос, которая выдавала повелителя Верлейна, бросился бежать. Симону приходилось слышать многие легенды о том, как Фальк бросается в атаку впереди своих людей, но на этот раз владетель Верлейна повел себя почему-то совсем иначе. Вместо того, чтобы повести своих воинов в яростный бой против пограничников, Фальк метнулся в сторону и пробежал к одной из внутренних лестниц. И Симон, голова которого все еще гудела от страшного удара, последовал за ним.

Снова слышалось звяканье металла о камень. Быть может там готовится оружие, более грозное, чем сабля или то-

пор? Оттуда, где он стоял, Симону видна была только верхняя площадка лестницы. И там вдруг стал разгораться бледный свет.

Свет мигнул, Симон задержал дыхание. Мерцание продолжалось несколько минут. Наконец Симон не выдержал и сделал шаг вверх, потом еще один... Следующий шаг привел его на площадку, где его ожидало неведомое... Симон считал колебания света. Он знал, что шаровые лампы, освещавшие стены коридора, разгораются сильнее, если постучать по стене. Их никогда не меняли, секрет их был давно утерян. Теперь лампы стали тускнеть. Если они погаснут...

Симон двинулся вперед, прижимаясь спиной к стене, держа самострел наготове. Четыре ступени, шесть, осторожная перебежка по узкому коридору... Симон очутился перед баррикадой — сваленный в кучу всякий хлам, стащенный второпях из соседних комнат. Быть может Фальк лежит где-то рядом с оружием наготове, целясь в того, кто первым намерен разнести это нагромождение столов и стульев?

Симон чувствовал смутное беспокойство... Поступки Фалька странным образом не совпадали с тем, что ему было известно о береговом властителе. Он вел себя так, как человек, стремящийся выиграть время. Для чего? Все силы Фалька были брошены в бой, кипевший внизу. Он не мог надеяться на подкрепление. Нет, он пытается спастись в одиночку! Симон и сам не понимал, откуда у него такая уверенность, но он был убежден в этом.

Может быть, Фальку был известен какой-то потайной ход, и он теперь его ищет?

Снизу больше не доносился шум битвы, вероятно, в живых осталось лишь несколько бойцов Фалька.

Лампы еще сильнее замигали, и тут же Симон услышал наконец какой-то слабый звук, инстинкт бойца заставил его отступить. Белое пламя взрыва! Ослепленный сиянием, Симон закрыл глаза руками. Но шума от взрыва он не услышал. Что бы это ни было, для Симона это дыло новостью. Теперь поплыли клубы дыма, горло немилосердно жгло. Симон закашлялся, еще раз протер глаза, но ничего не смог увидеть.

— Симон! В чем дело?...

— Фальк! — ответил Симон Корису. — Будь осторожен... Он там, наверху...

— Фальк! — Корис твердой рукой поддержал Симона. — Что он там делает?

— Чинит любое зло, какое только сумеет, лорд, — раздался позади них голос Ингвальда.

— Осторожно, — сказал Симон, который мог снова видеть. Он скользнул вверх по лестнице, опережая Кориса. Дымовая завеса рассеялась, на стене виднелись обугленные участки дерева, в воздухе носились частички золы.

Ни звука не доносилось из холла, куда выходили двери на этой площадке. Симон шел вперед, шаг за шагом. Из-за одной двери послышался громкий шорох, и, прежде чем Симон успел сделать движение, огромный топор Вольта обрушился на створку двери. Дверь разлетелась и они увидели комнату. Прямо перед ними было широко распахнутое окно, из которого свисал обрывок веревки, прикрепленный к комо-
ду.

Корис положил топор на пол и вцепился в веревку. Напрягая могучие плечи и руки, он стал тянуть веревку кверху. Симон и Ингвальд подбежали к окну. Ночь была темная, но все равно все происходящее внизу было достаточно видно. Фальк собирался с помощью этой веревки спуститься на следующую, более низкую крышу. Но сейчас веревка медленно и неуклонно ползла вверх — дальше и дальше от того места, где Фальк мог безопасно прыгнуть вниз.

Симон увидел белое пятно лица Фалька, обращенного вверх. Дергаясь на конце веревки словно марионетка, властитель Верлейна поднимался все выше — туда, где они его ждали. И тогда он намеренно разжал руки и с глухим стуком упал вниз, на соседнюю крышу. И падая, он издал отчаянный крик, словно то, что он сделал, свершилось помимо его воли. Неужели он и в самом деле, до самой последней секунды, надеялся спастись подобным образом? Теперь он неподвижно лежал на крыше, одна его рука судорожно дернулась вверх и тут же замерла.

— Он еще жив. — Симон потянул к себе веревку. Он и сам не мог бы объяснить, почему ему было так необходимо заглянуть в лицо Фальку. — Я должен опуститься туда, — он спешно привязывал веревку к поясу.

— Ты думаешь, что за этим что-то кроется? — спросил Корис.

— Думаю, что да.

— Тогда спускайся. Только будь осторожен. Даже с вырванным жалом, змея опасна. А у Фалька нет оснований оставлять в живых своих врагов.

Симон выбрался через окно, и они стали осторожно спускать его вниз. Наконец, ноги его коснулись крыши, он сбросил веревку и двинулся к неподвижной фигуре. Поднеся фонарь к распростертому телу, Симон опустился на колени и сразу же убедился, что несмотря на страшные увечья, Фальк еще жив. Отчаянным усилием, владетель Верлейна повернул голову, и взгляды их встретились.

Симон хрипло вздохнул, едва подавив вырвавшийся было крик. Ибо то, что он увидел в этих тускнеющих глазах, было поистине страшно. В них была ненависть и боль. И что-то еще, совершенно отличное от ненависти и боли — и это нечто было несравнимо ни с какими человеческими эмоциями.

— Колдер! — громко сказал Симон.

Это был на самом деле колдер, зловещая угроза на лице умирающего человека. И все же Фальк не был одним из тех одержимых, которых Колдер использовал в своих битвах, похищая у них душу и заставляя принимать в свое тело некую неведомую силу, от которой бежало прочь все человеческое. Нет, Симону приходилось видеть таких одержимых. А здесь было что-то совсем иное. Ибо личность Фалька не была уничтожена — ведь боль и ненависть становились в глазах Фалька все сильнее, а то, что было колдером, постепенно исчезло.

— Фальк! — Корис тоже прыгнул на крышу и подошел к Симону, волоча за собой веревку.

— Это я, Корис!

Фальк с трудом скривил рот.

— Я умираю... Но и ты умрешь... Болотный червь!

— Как и все люди, — пожал плечами Корис.

Симон наклонился к Фальку.

— И как те, кто не являются людьми!

Он не был уверен, что то, что осталось от колдера, приняло его слова. Губы Фалька снова зашевелились, на этот раз на них лишь выступила кровь. Он попытался было приподнять голову, но она упала, и на сей раз глаза его остекленели.

Симон посмотрел на Кориса.

— Он был колдером, — спокойно сказал он.

— Но ведь он не был одержимым!
— Нет, и все же он был колдером.
— Ты уверен в этом?
— Как в самом себе. Он оставался Фальком и в то же время был колдером.

— Что же в таком случае мы тут открыли?

Корис был ошеломлен тем, что узнал, предвидя ужасные последствия.

— Если у них есть среди нас еще другие слуги, кроме одержимых...

— Именно так, — мрачно ответил Симон. — Я считаю, что охранительницы должны немедленно узнать об этом, и при том, как можно скорее!

— Но ведь Колдер не может воспользоваться телом потомка древней расы, — заметил Корис.

— Будем и дальше надеяться на это. Но Колдер был здесь, значит, может находиться и любом другом месте. Пленники...

— Их совсем немного, — пожал плечами Корис. — Человек десять-двенадцать. И главным образом простые воины. Зачем понадобилось бы Колдеру воспользоваться кем-то из них? Фальк — другое дело. Он мог быть крупной фигурой в их игре. Впрочем посмотри на них сам, может быть, ты увидишь то, чего мы не заметили...

* * *

Солнце заливало стол ярким светом. Симон отчаянно боролся с желанием уснуть и черпал силы во все растущем глухом раздражении. Он хорошо знал эту седовласую женщину в сером платье, волосы у нее были гладко зачесаны над резкими чертами лица и на груди переливался дымчатый драгоценный камень — символ ее ремесла и грозное оружие власти, руки были сложены на коленях. Да, Симон хорошо знал ее, хотя и не мог бы назвать по имени — ибо имена волшебниц Эсткарпа никогда не произносились вслух, ведь это была величайшая тайна каждой из них, которую нельзя было отдать в руки толпы, чтобы ею не завладели враги.

— Значит, это твое последнее слово, он не пытался смягчить резкость тона, задавая этот вопрос.

Она не улыбнулась, только тень промелькнула в спокойных глазах.

— Не мое слово, Хранитель границ, и не наше слово. Это закон, по которому мы живем. Джелит... — Симону показалось, что в тоне ее звучит неодобрение. — Джелит сама сделала свой выбор. Возврата нет.

— Но если ее волшебная Сила осталась с ней, что тогда? Ведь ты же не можешь оспаривать этого?

Она не пожала плечами, но Симон понял, что его речь и гнев нисколько не тронули ее.

— Если обладаешь какой-то вещью, пользуешься ею, и притом долгое время, то ее тень может еще некоторое время оставаться с тобой, даже если этой вещи больше нет. Возможно, ей еще доступно то, что остается лишь бледной тенью ее прежних возможностей. Но она не может требовать обратно камень и снова стать одной из нас. Но я надеюсь, Хранитель границ, что ты не для того вызвал сюда волшебницу, чтобы обсуждать со мной этот вопрос и возражать против такого решения, ведь оно тебя совершенно не касается.

Вот он, снова этот барьер между волшебницами и простыми смертными. Симон постарался обуздать свой гнев, ибо сейчас и в самом деле не время бороться за дело Джелит. Сейчас нужно думать только об осуществлении задуманного плана.

Он коротко объяснил, что нужно сделать.

Волшебница кивнула:

— Изменит облик — кто именно из вас?

— Я, Ингвальд, Корис и десять человек из отряда пограничников.

— Я должна видеть тех, чей облик вы хотите принять, — она поднялась со стула. — А они наготове?

— Их тела...

Она не изменилась в лице при этом сообщении, а спокойно стояла, ожидая, чтобы ей указали дорогу. Они положили тела в дальнем углу зала — десять воинов, выбранных среди убитых в последней схватке, и среди них один офицер, судя по знакам на мундире — покрытый шрамами и с перебитым носом. Фальк лежал немного поодаль.

Волшебница постояла немного возле каждого тела, пристально вглядываясь в черты лица каждого. Многие ее сестры по ремеслу могли совершить временное превращение, но только она одна обладала силой производить полное превра-

щение одного человека в другого, до самых мельчайших черточек лица.

Подойдя к Фальку, она остановилась, наклонилась над ними и долго рассматривала его лицо. Наконец она повернулась к Симону:

— Ты совершенно прав, лорд. В этом человеке было нечто большее, чем его собственный разум, душа и мысли. Колдер... — и это последнее слово она произнесла хриплым шепотом. — И, зная об этом, ты все же пытаешься занять его место?

— Наш план зависит от появления Фалька в Карсе, — сказал Симон. И я не колдер...

— Что с легкостью установит первый же колдер, — предупредила она.

— Мне придется рискнуть.

— Пусть будет так. Приведи сюда тех, кто должен пройти превращение. Сначала семь человек, потом еще трое. Отошли остальных из зала, никто не должен мешать нам.

Он кивнул. Ему приходилось и раньше подвергаться превращению, но это делалось наспех, ненадолго, только чтобы скрыться из Карса. Теперь же он должен стать Фальком, это совсем другое дело.

Пока Симон собирал своих добровольцев, волшебница занялась приготовлениями. Нарисовав на полу две пятиконечные звезды, которые частично накладывались одна на другую, она поместила в центре каждой звезды небольшую жаровню, извлеченную из ящика, который несли за ней вслед прислужники, сопровождавшие ее. Затем она стала отмерять и взвешивать различные снадобья из множества колбочек и пиал, а потом смешала их в две кучки на специальных квадратах тонкого шелка, затканых причудливым узором.

Они не могли воспользоваться одеждой убитых, слишком она была окровавленной и запятнанной, но в комодах, стоявших в зале, нашлось все необходимое, к тому же, в их распоряжении находились пояса и оружие погибших.

Волшебница бросила свернутые квадратики шелка со снадобьями в жаровни и начала нараспев говорить заклинания. От жаровен поднялся густой дым, который скрыл стоявших в зале обнаженных мужчин — каждый из них стоял на одном из лучей нарисованных на полу звезд. Теперь тем, кто стоял

под этой пеленой тумана, трудно было поверить, что существует мир за пределами этого сизого дымка, который окутывал их все плотнее и плотнее. Слова заклинаний медленно и гулко отдавались в их ушах, и все вокруг качалось и плыло в тумане.

Туман рассеялся так же медленно, как и возник, в воздухе повис приятный аромат, и Симон ощутил, что постепенно возвращается в реальный мир. Ему стало холодно, он бросил взгляд вниз и увидел странное незнакомое тело, начинающее полнеть, с курчавыми рыжими волосами, пушком, покрывавшим бледную кожу. Он стал Фальком.

Корис — или по крайней мере человек, который сошел с того луча звезды, где до этого стоял Корис — был немного ниже — они постарались подобрать себе прототипов более или менее похожих на них — но зато у него не было непомерно широких плеч сенешаля и длинных болтающихся рук. Старый шрам вздернул его губу на манер волчьего оскала. Ингвальд утратил свою молодость, в его волосах пробивалась седина, морщинистое лицо носило на себе печать долгой и беспутной разбойничьей жизни.

Они подобрали себе одежду, шейные цепочки, разобрали оружие погибших.

— Лорд, — окликнул Симона один из его людей. — Вот там позади тебя лежит что-то. Выпало из пояса Фалька.

Это был странной формы кусочек металла: ни серебро, ни золото — но отливал зеленоватым и по виду напоминал сложное завязанный узел, состоявший из множества хитросплетений. Симон нашел на поясе Фалька крючок, на который, как видно, раньше был прикреплен этот странный предмет, и водворил его на место. Нельзя было упускать даже такую мелочь в обличье Фалька.

Волшебница оглядела Симона критическим взглядом, как художник свое творение.

— Желаю удачи, Хранитель границ, — сказала она. — Сила волшебства будет с тобой в полной мере.

— Благодарим тебя за добрые пожелания, леди, — сказал Симон, — мне кажется, нам очень потребуется помощь этой Силы.

— Прилив кончается, Симон, — крикнул от двери Корис, — нам пора отплывать.

5. Кровавое утро

— Сигнальные флаги! — один из группы людей, стоявших на носу судна, входившего в воды золотистой реки на рассвете ясного утра, кивнул на полоскавшиеся по ветру радужные полосы, укрепленные на шесте на первой верфи Карса.

Другой мужчина, одетый в богато разукрашенный плащ, склонил голову и положил руку на рукоять кинжала.

— То, что и ждали? — вопрос прозвучал настойчиво и выжидательно.

— Как и положено для тех, за кого мы себя выдаем, — улыбнулся первый. — Теперь остается только выяснить, собирается ли Ивьян приветствовать своего тестя лаской или саблей. Мы идем прямо в пасть к змею, и она может захлопнуться, прежде чем прибудет подкрепление.

Третий, из стоявших на носу, тихонько рассмеялся.

— Любая змея, Ингвальд, которой вздумается сомкнуть челюсти, чтобы проглотить нас, наткнется на несколько футов хорошо отточенной стали! К тому же, от наемников ему тоже хорошего ждать не приходится — они всегда становятся на сторону того, кто им лучше заплатит. Сначала нам надо разделаться с Ивьяном, а тогда уж Карс будет наш!

Симон-Фальк беспокоился из-за самонадеянности Кори-са. Он отнюдь не умалял его достоинств военного руководителя, но ему очень не нравилось то лихорадочное возбуждение, которое снесало Сенешаля на всем пути к Карсу. Команда состояла из салкаров, которые, на этот раз в качестве торговцев, совершали этот переход и отлично знали все течения и излуины реки.

Тем временем основные силы Эсткарпа совершали пеший переход, готовясь атаковать Карс, как только поступит сигнал...

Симон-Фальк бросил взгляд на большую плетеную сетку-корзину, на которую было брошено легкое покрывало. Это был вклад сокольников в экспедицию. В клетке находился один из соколов, но не из тех черно-белых, служивших воинственным горцам разведчиками и товарищами в сражениях. Это была птица, в которой не легко было признать союзника Эсткарпа.

Она была крупнее, чем те соколы, которые обычно сидели на луках седел сокольников-фальконеров, с сизо-серым

оперением, переходившим в белое на голове и у хвоста. Сокольничьи, плававшие на судах салкаров, отыскивали где-то за морями пять таких птиц и уже из них вывели целую породу новых соколов. Они были тяжелее, чем их собратья, и поэтому не могли служить в качестве боевых соколов, зато у них был сильнее развит инстинкт родного гнезда, и поэтому они были отличными посланцами-вестниками, особенно, если учесть их умение постоять за себя в воздухе.

Для целей Симона-Фалька такая птица была незаменима. Ведь он не мог бы взять с собой обычного сокола: они были известными союзниками Эсткарпа, а эта новая разновидность была на редкость красива, и поэтому птица вполне могла сойти за подарок, если учесть, что птица умела охотиться.

Итак, десять человек, птица — и целый город против них. На первый взгляд их экспедиция была безумной затеей. Но ведь когда-то их уже было только четверо против этих стен, и они выстояли и спасли не только свои жизни, но и многие другие. Четверо! Рука Симона скользнула по поясу Фалька. А теперь их трое — он сам и Корис — и где-то упрятанная в гуще этого города Лойз. А четвертая? Но нет, о ней сейчас не надо думать. И все же, почему она не вернулась, почему допустила, чтобы он случайно узнал от волшебницы, прибывшей в Верлейн, что ее миссия не удалась? Где она теперь? Переживет ли эту обиду? Но ведь она сама согласилась уплатить такой ценой за их брак, она сама пришла к нему! Почему же...

— Нас встречают, милорд! — окликнул Симона Ингвальд.

Группа воинов со знаками отличия Ивьяна и в самом деле ожидала их на пристани. Симон невольно сомкнул пальцы вокруг приклада самострела, но плащ, к счастью, это движение скрыл. Однако, повинуясь отрывистому лаю офицера, стоявшие на пристани сложили ладонь к ладони и высоко подняли их вверх — это было дружественное приветствие. Карс говорил им: «Добро пожаловать!»

У ворот крепости их ожидала такая же группа воинов, которые приветствовали их таким же жестом. Насколько они могли судить, проходя по улицам, все в Карсе шло как обычно, не было никаких видимых признаков беспокойства.

Однако, когда их с подобающей церемонностью придворного этикета проводили в отведенные им покои, Симон сделал знак Ингвальду и Корису отойти с ним к окну.

— Почему нас всех собрали в одном месте? — сказал он, обращаясь к ним.

— Чтобы легче было обезопасить нас, — сказал Ингвальд. — И, по-видимому, их несколько не волнует, что мы можем об этом догадаться. И потом — где Ивьян или хотя бы его главнокомандующий? Нас ведь встречал младший офицер и не больше того. Быть может, они и встретили нас как гостей, но не слишком-то вежливо и любезно.

— И в этом кроется не только оскорбление Фальку. — Симон снял шлем погибшего, и легкий ветерок, пробивавшийся в окно, разбросал буйные рыжие пряди, украшавшие голову Симона с момента перевоплощения. — Собрать нас всех вместе — это понятно, по соображениям безопасности. Ивьян не питает уж такое почтение к Фальку. Но здесь кроется что-то еще...

Он закрыл глаза, чтобы дать возможность таинственному шестому чувству сообщить ему предчувствие, которое становилось все сильнее с тех пор, как он сделал первый шаг по земле вражеской твердыни.

— Сообщение? Ты получил сообщение, — нетерпеливо спросил Корис.

Симон открыл глаза. Нет, это было не сообщение, ничего похожего на ту горячую волну, которая когда-то схватила его тут, в Карсе и заставила, словно в трансе, идти вперед, вперед — туда, где находились тогда Желит и Лойз. На этот раз у него возникло какое-то странное ощущение, что-то вроде предчувствия, которое возникает, когда собираешься сделать непоправимый шаг. И это предчувствие было не совсем связано с ним лично. Словно бы он собирался совершить какой-то поступок, последствия которого не понимал.

— Нет, не сообщение, — запоздало ответил он. — Что-то здесь должно произойти...

Корис поднял свой топор — он никогда не выпускал дар Вольта из своих рук. Только теперь, на время пребывания в Карсе, топор замаскировали фольгой и разукрасили в цвета Фалька.

— Топор шевелится, — сказал Корис. — Вольт ведет нас вперед! — Он понизил голос до шепота. — Мы сейчас в центральном блоке. Симон понял, что Корис мысленным взором видит план крепости. Личные покои Ивьяна находятся в се-

верной башне. В верхних коридорах, наверное, не больше двух часовых в дальнем конце. — Он двинулся к двери.

— Ну, так как? — Ингвальд посмотрел на Симона. Будем ждать или начнем?

Они должны были выждать некоторое время по плану, но тревожное ощущение у Симона становилось все сильнее...

— Уолдис! — один из мужчин в форме Верлейна быстро поднял голову. Мы забыли на судне мешок с птичьим кормом. Пошли за ним сейчас же, он нам очень нужен.

Симон отдернул покрывало с клетки птицы. На него смотрели темные глаза, в которых светился разум — пусть не человеческий, и все же разум. Голова птицы была повернута к двери, она словно прислушивалась к чему-то, чего не слышало человеческое ухо. Потом кривой клюв раскрылся, и птица издала пронзительный крик, крик тревоги — в тот же миг Симон ощутил толчок: опасность вокруг них!

Корис устоялся на дар Вольта. Тонкая фольга не смогла скрыть мерцания лезвия, оно словно горело огнем, и это было не отражение солнечного света, а пламя, что вспыхнуло внутри самого топора. И столь же внезапно этот огонь погас.

Белые перья птицы растопырились, и она крикнула во второй раз. Симон открыл дверцу клетки, поставил руку, и птица очутилась на этом живом мостике. Она была тяжела, но вес ее действовал успокаивающе на Симона. Тяжело вспорхнув крыльями, птица перелетела на спинку стула.

Один из пограничников распахнул дверь, и вошел Уолдис. Он тяжело дышал, в руке у него было обнаженное оружие с обгаренным кровью лезвием.

— Они все сошли с ума! — прокричал он. — Они гоняются друг за другом по всем залам и кромсают друг друга в клочья! Это не могли быть силы Эсткарпа, ведь сигнал еще не подан! Неужели случилось неповторимое? Ингвальд схватил юношу за плечо.

— Кто гоняется? Кто кромсает? — спросил он хрипло.

— Не знаю. У них у всех знаки людей герцога. Один из них, я слышал, кричал, что нужно позвать герцога: он, мол, со своей супругой...

— Я думаю, пора начинать, — сказал Корис прерывисто, дыхание со свистом вырвалось из его груди.

— Отвори окно, — приказал Симон ближайшему к нему пограничнику. Сейчас самое правильное, воспользоваться

начавшейся внутри крепости суматохой, хотя Симон и не знал ее причины. Он сделал знак соколу, и тот вылетел в окно, держа уверенный курс к тем, кто ожидал его появления. Тогда Симон повернулся к двери и бросился вслед за Корисом.

В конце площадки лежал лицом вверх убитый — судя по одежде, он принадлежал к числу высших чиновников двора. На лице его застыло удивленное выражение, словно он не ожидал, что ему нанесут смертельный удар. Но не это привлекло внимание Симона — в глаза ему бросился широкий пояс, перехватывающий талию убитого. На нем было три розетки с красным драгоценным камнем посередине, там же, где положено быть, по орнаменту, четвертой розетке, Симон увидел совсем другое изображение — сложный узел из перекрученных и переплетенных линий, точно такой же, какой висел на поясе Фалька, надетом сейчас на самом Симоне. Это новомодное украшение или...

Корис неся прыжками по лестнице, ведущей на другой этаж, где находились покои Ивьяна, туда, где была Лойз — если, конечно, им повезет. Сейчас некогда было раздумывать о поясах и орнаментах.

Теперь им ясно слышались звуки боя, бряцанье оружия. Симон и Корис одновременно бросились к перилам лестницы и поглядели в ту сторону, откуда доносились крики и отчаянный грохот. В дальнем конце площадки несколько человек пытались высадить крепко запертую дверь, остальные стояли с оружием наготове.

— Я-а-а-а! — гигантским прыжком Корис покрыл разделявшее их расстояние, двое из карстенцев услышали его крик и повернулись навстречу. Симон выстрелил, и оба врага упали, пораженные его стрелами. Симон был не очень хорош в сабельном бою, но в меткости стрельбы из самострела ему не было равных ни среди пограничников, ни среди воинов Эсткарпа.

— Я-а-а-а! — Корис перепрыгнул через эти трупы и обрушился всей тяжестью тела на дверь. Топор Вольта сверкнул в воздухе — дверь затрещала и распахнулась. Пограничники рванулись вслед за Корисом, сметая по пути оставшихся врагов.

Корис был уже посередине зала, рванул занавес, за которым открывался проход — наверх вела узкая лестница. Ко-

рис действовал так уверенно, что Симон без слов последовал за ним. Еще один зал, на полу желтое пятно. Корис поддел его топором, и это оказался мужской дорожный плащ. Отшвырнув его в сторону, Корис с разбега остановился еще перед одной запертой дверью.

Она не была заперта и поэтому распахнулась настеж при легком толчке. Они очутились в спальне, где стояла кровать без полога. Покрывало на кровати было разодрано в клочья, обрывки его валялись на полу. Ничком на постели лежал человек, кулаки его судорожно сжимали остатки покрывала. Ноги едва заметно дергались, словно он пытался подняться. Корис подошел к кровати, тронул человека за плечо и перевернул его на спину.

Симон никогда не видел Ивьяна из Карстена, но сейчас он безошибочно узнал этот твердый подбородок, песочного цвета кустистые брови, нависшие над орлиным носом. Жизнь еще теплилась в могучем теле бывшего наемника, который огнем и мечом завоевал свое герцогство.

На нем был просторный халат, который свалился с его плеч, когда Корис схватил его, и теперь обнажилось могучее тело, все покрытое старыми шрамами. Грудь была обтянута широкой повязкой, мокрой и красной. Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы, полоса становилась все краснее и шире на его груди.

Корис опустился на колени, стараясь заглянуть в глаза герцогу.

— Где она? — спросил он ровным голосом и тоном, не допускающим умолчания.

Симон сомневался, чтобы до сознания Ивьяна дошли сейчас какие-нибудь слова.

— Где она? — повторил Корис. Под его рукой шевельнулся топор Вольта, бросив отблеск на лицо Ивьяна.

— Вольт..., — губы Ивьяна зашевелились, точно он видел лишь этот топор и не слышал, о чем спрашивает его Корис.

— Да, это топор Вольта, а я — тот, кто носит его, Корис из Горма, — сказал Корис, заметив, что Ивьян перевел взгляд с топора на его лицо.

Слабая усмешка появилась на лице Ивьяна, и губы его снова с трудом скривились, выдавливая слова:

— Из Горма? Ну, значит, ты знаешь своих хозяев. Будь ты проклят.

Последним усилием Ивьян оторвал одну руку от остатков покрывала, сложил ее в кулак и ударил, стремясь попасть Корису в лицо. Но тут же его рука упала, он дернулся и затих навсегда.

В соседней комнате, как и в этой, и в других, кроме Ивьяна, они никого не нашли. Корис, который все время был впереди в этих отчаянных поисках, остановился посреди комнаты, широко открыв глаза:

— Она была здесь!

Симон был согласен с ним. Но думал он сейчас о последних словах умирающего Ивьяна. Почему герцог сказал о «хозяевах» Горма? Ведь об Эсткарпе было бы правильнее сказать «хозяек», ибо всему Карстену было известно, что на севере правит Совет волшебниц. Но в Горме... В Горме были злоеющие хозяева — Колдеры! Кто-то начал здесь свару между людьми — и это не было делом рук Эсткарпа. Ивьяна смертельно ранили.

Но у них не было времени на дальнейшие поиски. Охрана герцога искала своего повелителя, и пограничникам необходимо было срочно пробиться на свободу...

Наступил вечер. Симон, сгорбившись на стуле и жуя жесткое мясо, слушал рапорты, пытаясь решить, что же им делать дальше.

— Мы не можем дальше удерживать Карс, — сказал Гуторм Сокольниковый, наливая вино в чашу дрожащей от усталости рукой. Десять часов понадобилось ему, чтобы со своим авангардом пробиться от северных ворот крепости к месту, где он сейчас сидел.

— Мы и не хотели этого никогда, — сказал Симон. — Мы пробивались сюда, чтобы одолеть...

— То, что не сделано! — топор Вольта с гневным стуком стукнул об пол. — Ее нет в городе, разве только они спрятали ее так, что даже волшебница не чувствует ее присутствия. А в это я не верю!

Ингвальд с гримасой боли погладил свою раненую руку:

— Я — тоже. Но волшебница говорит, что здесь нет даже ее следов.словно ее никогда здесь и не было...

Симон зашевелился.

— А есть только один способ скрыть человека так, что никакая сила его не обнаружит.

— Колдер, — ровным тоном сказал Корис.

— Колдер, — согласился Симон. — Вот что мы узнали от пленных. На рассвете офицеры получили приказания, якобы от герцога, тихонько собрать своих людей в одном из залов, а потом наброситься друг на друга. Каждому командиру было сообщено, что кто-то из его товарищей предатель. Могло ли что-нибудь иное вызвать такой переполох? Ну а потом они не смогли найти Ивьяна, хотя и понимали, что что-то недостаточно ладно с этими приказами. И паника стала еще сильнее, когда прошел слух, что кто-то убил Ивьяна.

— Это было сделано для прикрытия, но не нами, — заявил Гутторм, в схватке участвовали только люди Ивьяна.

6. Герцогиня Карстена

Лойз сидела на широкой постели, поджав ноги, обхватив колени руками и не сводя глаз с лежавшего перед ней кинжала. Какую цель преследовала Алдис? Ведь она же не могла бояться утраты своей власти над Ивьяном, она прекрасно знала, что герцег желает иметь рядом с собой Лойз только по государственным соображениям.

Когда много месяцев назад Джелит жила в Карсе, Алдис однажды тайно явилась к ней с просьбой продать ей секрет заклинаний, которые могли бы навсегда привязать к ней Ивьяна. Она, безусловно, не сомневалась, что такое заклятие ей необходимо, иначе она не пришла бы к Джелит. А позже, когда пришло время противоборства духов, когда охранительницы прибегли к самым сильным внушениям, которые только были в их власти — Алдис, вернее ее изображение, было объектом воздействия Джелит. Ее всячески склоняли к действиям в пользу Эсткарпа — и она пользовалась своей властью над Ивьяном, сама того не ведая, чтобы исполнять пожелания волшебниц.

А вот теперешнюю Алдис Лойз просто не могла представить себе в подобной роли — эта Алдис никогда бы не обратилась за помощью к Джелит, разве только желая тайно вступить в противоборство с волей волшебницы. Однако, тогда Алдис искала помощи совершенно искренне. Иначе Джелит немедленно выяснила бы обратное. И той, прежней Алдис, на самом деле была навязана воля волшебниц — ведь

если бы попытка оказалась неудачной, то Джелит тотчас же узнала бы об этом.

Лойз прикусила нижнюю губу. Нет, Алдис, которую она встретила здесь, совсем не похожа на ту Алдис, которую она знала раньше. Она ведет какую-то свою игру, и в этой игре Лойз отводилась роль пешки, которую Алдис будет передвигать по своему желанию. Лойз постаралась подавить все сильнее поднимавшийся в ней гнев и спокойно обдумывать свое положение. Несомненно, ее увезли из Эсткарпа сюда потому, что она является женой Ивьяна, добытой мечом. Но что получал Ивьян, привезя ее сюда? Во-первых, то, чего жаждал с самого начала: Верлейн, с его морскими сокровищами, низко расположенной гаванью и опытными морскими грабителями — это, все вместе, обеспечит ему опорный пункт для набегов на Эсткарп.

Во-вторых, она, Лойз, ведь родом из старинной знати, и их супружество может принести Ивьяну поддержку многих могущественных домов. Ведь ходят же слухи, что он решил порвать свои прежние связи и укрепить свой герцогский трон, объединившись с главами старинных родов.

В-третьих — Лойз крепче стиснула руками колени — ее бегство из - под венца, ее союз с врагами Ивьяна в Эсткарпе, наверняка вызвали у него немалую ненависть к ней, а тут еще ее обет верности Корису, этому отщепенцу из Горма, которого она предпочла герцогу Карстена. Она презрительно усмехнулась:

— Как будто этих двоих можно хоть на мгновение поставить рядом! Корис! Это все, чего она когда-либо в своей жизни желала!

Итак, у Ивьяна было целых три причины привезти ее сюда, и все же за ними крылось что-то еще, о чем она могла только смутно догадываться. Лойз ломала голову; мучительно пытаясь найти разгадку. Она была почему-то совершенно уверена — сама не зная почему — что дело здесь не только в Ивьяне, но и в Алдис. Какая же причина могла быть у Алдис видеть здесь Лойз? Зачем понадобилось ей заманить сюда наследницу Верлейна, почему она старалась запугать Лойз тем, что ждет ее со стороны Ивьяна, зачем понадобилось ей вложить в руки Лойз смертоносное оружие? Чтобы Лойз обратила его против себя самой? На первый взгляд, это основная причина. Но не слишком убедительная. Если же

от Лойз ожидали, что она вонзит кинжал в грудь Ивьяну, когда он захочет взять ее силой, то ведь Ивьян единственный источник власти для Алдис, настоящей повелительницы этого герцогства! Значит, к этому дару Алдис следует отнестись осторожно.

Лойз соскользнула с кровати, подошла к окну, распахнула ставень. Свежий ветер с гор ворвался в комнату, освежил ее пылающее лицо, принес с собой прохладу и успокоение. Где-то там, за много лиг отсюда, ее друзья не сидят сложа руки. Корис, Симон, Желит — Лойз не сомневалась, что они ищут ее повсюду. Но вряд ли они смогут добраться до Карса, подумала она. Нет — и на этот раз ее будущее зависело только от ее ума, находчивости и мужества. Она вернулась к кровати, подобрала кинжал. Возможно, дар Алдис — на самом деле ловушка, но Лойз почувствовала странное облегчение, когда ее пальцы сомкнулись на холодной рукоятке кинжала.

Веки ее отяжелели, она упала на постель без сил. Спать... она должна уснуть. Снова придвинуть стол к двери? У нее не было сил даже пошевелиться. Свежий ветерок навевал такую сладкую дремоту... И она уснула.

Быть может, многие месяцы кочевой жизни в горах и на границе, которые приучили ее быть начеку даже во сне, помогли Лойз развить ту необыкновенную настороженность, столь часто выручавшую ее. Где-то в глубине ее затуманенного сном сознания прозвучал сторожевой сигнал. Она проснулась мгновенно, и хотя не открыла глаза, стала настороженно прислушиваться, замирая от страха.

Тихонько скрипнули железные петли, и дверь стала медленно приоткрываться. Лойз рывком села на постели среди сбитых в сторону простыней. Утренний свет лился в комнату сквозь открытые ставни, но дальний угол комнаты все еще был погружен в полумрак. Лойз тихонько подползла к краю кровати и быстро нырнула вниз, забившись в угол между каменной стеной и ступеньками возвышения, ведущего к кровати. Вошедший в комнату мужчина повернулся к ней спиной, неторопливо закрывая дверь, на сей раз изнутри.

Он был высок ростом — как Симон — и даже просторный халат не скрывал ширины его могучих плеч. Такой же сильный, как Корис, он был могучим бойцом. Когда он повернулся к ней. Лойз заметила, что он улыбается небрежной, чуть

презрительной улыбкой, но в ней девушка увидела жестокость и злобу.

Что-то в нем напоминало ей отца, Фалька из Верлейна, только черты лица его были еще жестче, волосы были не рыжие, а выцветшие и напоминали по цвету песок, безобразный шрам пересекал его щеку. Вот он каков, Ивьян — наемный вояка, Ивьян — непобедимый!

Неторопливо пересек он комнату, направляясь к кровати, не сводя с нее глаз. Его улыбка становилась все шире. Остановившись рядом с Лойз, он отвесил ей насмешливый поклон, как это сделала раньше Алдис.

— Вот мы и встретились наконец, миледи. Немало воды утекло и слишком долго эта встреча откладывалась — по крайней мере, мне так казалось.

Он рассматривал ее с тем же легким презрением, какое она когда-то замечала и в глазах Фалька, своего отца.

— Ну и заморыш же ты, в самом деле, — с удовлетворением кивнул он. — Пожалуй, тебе и впрямь нечем похвастаться, моя госпожа.

Лойз молчала — она не знала, как себя вести, боясь, что, если она заговорит сейчас, он начнет действовать. Пока он сам говорит, у нее останется время собраться духом.

— Да, ни один мужчина не прельстился бы твоим лицом, Лойз из Верлейна, — он коротко рассмеялся. — Только государственные соображения. Только они могут заставить мужчину сделать то, от чего у него начинается спазма в желудке. И потому я и женился на тебе, а теперь вот ложусь с тобой в постель, леди из Верлейна...

Он не набросился на нее, как она опасалась, а медленно подходил к ней, шаг за шагом. И Лойз, которая все теснее прижималась к шершавому камню стены, прочла объяснение в его глазах. Охота и победа, неизбежная победа — вот что принесет ему наибольшее наслаждение. Она поняла, что он продлит это удовольствие, наслаждаясь ее страхом отчаянием и ужасом. Охота будет продолжаться, пока ему не надоест — а потом... Потом, наконец... На его условиях и когда ему вздумается.

Что же, она постарается доставить ему удовольствие, с неожиданной легкостью, которой она научилась у пограничников. Лойз сделала отчаянный прыжок — но не к запертой двери, как мог ожидать Ивьян. Она пала плашмя на кровать,

и прыжок ее был таким неожиданным, что Ивьян не успел поймать ее. А Лойз тут же вскочила на ноги, подпрыгнула — пружины матраца послужили ей трамплином — и, ухватившись руками за столбики, на которых должен был висеть полог герцогской кровати, в мгновение она очутилась на самом верху шеста, торчавшего в изножье. Теперь Ивьян не мог ее достать, стоя на полу. Он молча уставился на нее, на лице его не было больше улыбки, глаза его были злобно сощурены.

Лойз сомневалась, что он решится взобраться вслед за ней на шест — ведь весит он вдвое больше, а шест уже и так раскачивался и трещал, рассеивая клубы пыли. Долгая минута потребовалась Ивьяну, чтобы осознать это. Тогда его кулачищи сомкнулись вокруг шеста, он принялся его отчаянно трясти. Скрипело дерево, клубилась пыль в воздухе, дыхание со свистом вырывалось из груди Ивьяна. Спокойная жизнь размягчила его мышцы, но он все еще оставался могучим бойцом, который победил не одного противника в кулачном бою.

Постепенно шест расшатывался, Ивьян медленным толчком выдергивал его из гнезда. Лойз впилась в верхушку шеста побелевшими пальцами. Наконец шест рухнул, сбив Ивьяна с ног, так что он упал на спину. Лойз свалилась на пол, больно ударившись плечом о столбик кровати. Кошачьим прыжком Ивьян вскочил на ноги и теперь глядел на нее, распростертую на полу, и презрительная улыбка снова расползлась на его лице.

Но у Лойз в руках был подарок Алдис и, преодолевая отчаянную боль в плече, она изо всей силы полоснула по протянувшейся к ней лапище. Ивьян взревел и, выбросив ногу, выбил кинжал из ее руки. Но пола его халата зацепилась за обломок шеста, свисающий с кровати, и на какую-то долю секунды он замешкался, прежде чем снова кинуться на Лойз. Этой секунды было достаточно, чтобы девушка отпрыгнула за кровать.

Ивьян рванул полу халата, глаза его побелели от бешенства, на губах показалась пена... Лойз держала кинжал на уровне груди острием вперед. Благодаря судьбе, на ней был костюм для верховой езды, в котором она была подвижна и легка, словно мальчишка. И все же, против нее был огром-

ный мужчина, опытный воин, для которого не было тайн в любой схватке.

Содрав с постели разодранную простыню, он скрутил ее жгутом и этим импровизированным грубым хлыстом из всей силы ударил Лойз. Удар пришелся прямо по щеке, и Лойз застонала от жгучей боли. Она отступила на несколько шагов, но не выпустила кинжала. И снова Ивьян, яростно хлестнув ее, бросился вперед, широко разведя руки в стороны и намереваясь схватить ее.

На этот раз ее спас стол: она ухитрилась скользнуть мимо его края, а Ивьян налетел на массивное сооружение всей своей тяжестью, запутавшись в широких полах своего же собственного халата.

С проклятиями он собирался отшвырнуть в сторону стол, как вдруг замер: глаза его широко раскрылись и он уставился на что-то за спиной Лойз. Неужели он настолько глуп, что думает купить меня столь древним трюком, подумала презрительно Лойз и приготовилась отразить натиск Ивьяна из последних сил. Но кто-то железной хваткой стиснул ее занесенную вверх руку, отшвырнув ее в сторону. Лойз обдало сильным запахом мускуса, шелковое платье коснулось ее руки. Чья-то белая рука вытащила кинжал из руки Лойз, словно в ней вовсе не было силы.

— Значит, у тебя не хватило мужества убить, — раздался голос Алдис. — Что ж, дай возможность сделать это тому, у кого есть такое мужество!

Изумление на лице Ивьяна сменилось жуткой гримасой гнева. Он оторвался от стола и сделал было быстрый шаг вперед. И тут же остановился, словно наткнулся на что-то, а потом снова медленно двинулся прямо на Лойз, хотя в груди у него уже торчал кинжал, а по халату медленно расплзлось красное пятно. Отчаянным усилием Лойз оттолкнула его, и он пошатнулся от этого толчка и рухнул на кровать, цепляясь за покрывало.

— Зачем? Зачем? — только это слово и могла выдать из себя Лойз, в то время как, Алдис, подойдя к кровати, склонилась над Ивьяном, пристально вглядываясь в него, словно желая вызвать у него последнее сопротивление.

Затем Алдис выпрямилась, подошла к полуоткрытой двери. Она не обращала внимание на Лойз, молча прислушалась, потом быстро отошла от порога и снова схватила Лойз

за запястье, но на этот раз не для того, чтобы обезоружить, а чтобы увлечь за собой.

— Идем!

— Зачем? — Лойз попыталась освободиться.

— Дура! — Алдис приблизила свое лицо к лицу Лойз. — Неужели ты не слышишь — ведь сюда ломятся телохранители Ивьяна. Ты хочешь, чтобы они нашли тебя здесь — с ним вместе?

Теперь и Лойз тоже слышала доносившийся снизу страшный грохот. Она была потрясена. Алдис метнула кинжал, который поразил герцога в самое сердце, а охрана Ивьяна ломится в его покои. Почему? Почему? Зачем? она ничего не могла понять и поэтому не сопротивлялась больше Алдис, тащившей ее к двери. Было видно, что Алдис сама чего-то боится, что им нужно торопиться, и вся эта неразбериха вызвала в душе Лойз еще больший ужас и смятение.

Они очутились в небольшом зале, шум же снизу стал еще громче. Алдис подтащила ее к окну — этот зал шел по фасаду крепости. Окна выходили на балкон. Они выскочили на балкон. Здесь на соседнюю крышу была перекинута узкая балка. Алдис подтолкнула Лойз к перилам балкона.

— Иди! — коротко сказала она.

— Я не могу! — воскликнула Лойз.

Балка висела над пустотой и казалось уж такой узенькой, что при одном взгляде на нее у Лойз закружилась голова.

Алдис с минуту смотрела на нее, потом поднесла руку к броши, сверкавшей у нее на груди. Сжав в кулаке эту брошь, она снова приказала:

— Поднимайся и иди туда!

И на этот раз Лойз, словно Алдис, с помощью своей броши, подчинила ее волю своей, послушно подчинилась приказу. Она больше не владела своим телом, как это было тогда, когда за ней явилась Бертера. Словно со стороны, наблюдала Лойз за тем, как ее тело поспешно шагнуло на балку и перешло над пропастью на другой балкон. Там Лойз послушно подождала, пока Алдис последовала за ней. Карстенианка столкнула хрупкий мостик вниз, балка раскололась на куски, и никто не мог теперь преследовать беглянок.

Алдис больше не прикасалась к Лойз, так как в этом не было нужды. Лойз не могла сбросить с себя узы, приковавшие ее к Алдис. Она прошла с балкона в комнату, оттуда

перешла в другую, побольше. Почти сразу же, они наткнулись на раненого воина, который полз на четвереньках и оставлял за собой кровавый след, но он их даже не заметил. Также незамеченными проскользнули они и мимо других раненых и сражающихся воинов: никто не обратил на это никакого внимания. Что здесь происходило? Кто сражался? Эсткарп? Корис и Симон — может быть, это они явились за ней? Но все, кто сражался друг с другом, носили знаки Карстена, словно все вооруженные силы Карстена вступили в гражданскую войну.

Они прошли мимо огромных кухонь, покинутых поварами, хотя на вертелах шипело мясо, в котлах перекипал бульон, от сковородок шел удушливый чад подгоревших кушаний. Они вышли в сад, где деревья ломились под тяжестью фруктов. Алдис подобрала подол своих пышных юбок, чтобы они не мешали ей бежать. Один раз она остановилась, потому что ветка дерева вцепилась в ее драгоценную сетку, прикрывавшую волосы. Она сломала ветку, и обломок остался торчать в ее прическе. Лойз была уверена, что Алдис руководствуется определенной целью, но не могла понять, какой именно, до тех пор, пока они не очутились у узкой речушки. На легких волнах покачивался маленький челнок.

— Влезай туда и ложись! — указала Алдис на челнок.

Лойз оставалось только подчиниться, и вода тотчас же насквозь промочила ее бриджи. Алдис тоже забралась в челнок, который сразу же накренился под двойной тяжестью, и устроилась рядом с Лойз. Несколько мгновений спустя Лойз ощутила, что челнок движется по течению, унося их вперед, вероятно, в большую реку, разделявшую герцогство на две части.

Лойз лежала ничком, задыхаясь от запаха тины и стоячей воды, ей нестерпимо хотелось поднять голову и вдохнуть свежего воздуха, но она по-прежнему подчинялась приказу Алдис. Куда все-таки направлялась Алдис? Лойз почувствовала, что Алдис наинула на них сплетеную из травы циновку, и дышать стало еще труднее. Лойз отчаянно стиснула зубы, задыхаясь от сознания собственной беспомощности. Когда она последовала за Бертерой, у нее не было такого состояния, как сейчас. Она принимала все происходящее, как само собой разумеющееся, она ничего не страшилась, хотя и не понимала, что делает. Но на этот раз она отчетливо сознавала,

что находится под действием какой-то силы, которая принуждает ее поступать именно так, как того желает Алдис. Но зачем, именно — зачем, по какой причине произошло все то, что случилось с ней?

— Зачем? — раздался у нее над ухом тихий голос Алдис. — Неужели ты еще не догадалась, моя госпожа? Ведь ты же теперь герцогиня, и весь этот город, вся эта страна — в твоей власти! Понимаешь ли ты, что это значит, мое маленькое ничтожество ниоткуда?

Лойз пыталась сообразить, она изо всех сил пыталась понять, в чем тут дело, но так и не сумела.

Раздался звук рожка, и Алдис, сбросив циновку, села в лодке. Свежий речной ветерок пахнул им в лицо. Прямо перед ними возвышался нос какого-то судна, и Алдис уже тянулась к веревке, спущенной с судна для них.

7. Высокие стены Айля.

Симон сидел у стрельчатого окна, спиной ко всем, находившимся в комнате, но отчетливо слышал все происходящее сзади: рысьи шаги Кориса, рапорты воинов и короткие приказания, приход и уход офицеров. Они по-прежнему находились в самом сердце Карса и это было величайшей глупостью, но убедить в этом Кориса было невозможно. Корис был в таком состоянии, что мог бы сейчас разнести цитадель по кирпичу, если бы это приблизило его к цели, к которой он столь отчаянно стремился.

Мог ли он винить Кориса за то, что тот думал лишь об одной единственной вещи, и эта навязчивая мысль грозила погубить их общее дело? Объективно говоря, да. Полгода назад, Симон ни за что не понял бы той муки, той пытки, которая терзала Кориса. Но с тех пор, как он, Симон, и сам попал во власть того же дьявола... И хотя он не мотался, как Корис, муки его от этого не были менее горькими. К тому же, в их положении все же была некоторая разница — Корис лишился самого дорогого на свете, благодаря вражескому вероломству, а Джелит ушла от Симона по доброй воле, ушла и не вернулась. Быть может, когда она ощутила, что прежняя Сила осталась с ней, она поняла, как дорого было ей все то,

чем она пожертвовала ради их любви, и теперь она просто не в силах навсегда расстаться с этим?

Симон сделал над собой усилие, чтобы отогнать мысли о Джелит и вернуться к тем событиям, которые были так важны для дела Эскарпа: к смерти Ивьяна, к тому, что они захватили цитадель Карса, и исчезновению Лойз: тайну, которую не смог открыть им ни один из захваченных ими пленных.

Эскарп и Карс — вот две самые важные проблемы в настоящее время, но Корис не способен трезво мыслить в своем ужасном состоянии. Симон отошел от окна, шагнул к нетерпеливо маячившему по комнате Корису и крепко схватил его за руку.

— Ее здесь нет, значит, нам следует искать ее в другом месте. Но мы ни в коем случае не должны терять голову...

Симон говорил таким резким тоном намеренно, рассчитывая, что это приведет Кориса в чувства, как пощечина действует на человека, впавшего в истерику.

Корис сощурился, сбросил руку Симона торопливым движением плеча, но остановился и стал слушать.

— Если она убежала..., — начал он.

— Тогда, наверное, кто-то бы увидел ее при этом, — сказал Симон. Давай лучше подумаем, зачем ее захватили. Мы прибыли сюда и нашли, что люди Ивьяна заняты междуусобной резней. Это было сделано, чтобы скрыть какое-то событие. И это могло быть, либо смерть Ивьяна, либо еще чем-то...

— Либо еще что-то, — услышали они позади мелодичный голос и, обернувшись, увидели волшебницу, прибывшую с пограничниками. — Неужели вы не понимаете, милорды, что со смертью герцога Ивьяна, его супруга герцогиня становится полновластной госпожой Карса и Карстена, особенно если учесть, что Лойз принадлежит к старинной аристократии, и ее притязание никто не станет оспаривать. Они воспользуются ею, чтобы превратить в свою послушную пешку, прикрыть ею свои действия, свою силу. Все это было сделано с особой целью, но вот что это за цель? И чья именно цель? Кого не достает среди убитых и пленных? Лучше бы выяснить, не кто убит и почему, а кто исчез, кто скрылся и по какой причине?

Симон кивнул. Вполне основательная причина — привезти Лойз в Карс, утвердить в качестве герцогини, супруги герцога Ивьяна, значит, и его наследницы — причем, Ивьян, вероятно, знал только часть плана и был полностью уверен, что действует по собственной воле, а потом, избавившись от Ивьяна, воспользоваться Лойз, как марионеткой, чтобы прикрыть установление в Карсе другой власти. Но у кого из властителей мог оказаться столь изощренный ум, столь совершенная и могущественная организация, чтобы осуществить такой план? Как было известно разведке пограничников, а это была очень толковая организация, Симон знал это наверняка, никто из глав пяти — шести самых могущественных фамилий, не обладали ни мужеством, ни энергией, ни необходимыми людьми, для осуществления подобного плана. Да и сам Ивьян, никогда бы не доверился никому из представителей старинной знати, чтобы так или иначе допустить их в эту крепость, где они должны были действовать совершенно свободно. Симон так и сказал волшебнице.

— Фальк был не просто Фальком, — ответила та, — и здесь тоже могут найтись такие, которые окажутся не теми, кем они выглядят на самом деле.

— Колдер! — ударил Корис кулаком по ладони другой руки. — Повсюду Колдер!

— Да, — устало сказал Симон. — Ведь мы не могли надеяться, что они откажутся от борьбы, потерпев поражение под Сиппаром, не так ли? Разве мы не знали давным-давно то, что главная слабость Колдеров — в отсутствии достаточно мощной армии? Вполне вероятно, что после сражения при Горме, когда мы сильно потрепали их, они больше не могут полагаться на силу своего оружия и поэтому решили компенсировать количество, возможным качеством — подбирают себе в помощники людей, занимающих ключевые посты...

— И среди них есть женщины! — перебил ее Корис. — Мы ведь здесь до сих пор не видели ту, что непременно должны были встретить - Алдис!

Волшебница нахмурилась.

— Алдис ведь откликнулась на наше послание в битве духов, перед атакой на Гром. Возможно, после этого в Карсе ей не было места!

— Есть лишь один способ выяснить это!

Симон торопливо подошел к столу, за которым сидел Ингвальд, записывая последние данные на портативной фонома-

шине, оставленной сокольничьими — усовершенствованный вариант аппарата, которым сокольничьи снабжали своих разведчиков — птиц.

— Что говорят здесь о леди Аддис? — поинтересовалась волшебница.

— Очень мало, — едва улыбнулся Ингвальд. Он пояснил. — Три раза приказания, которые вынуждали этих волков вцепляться друг другу в глотки, исходили от этой леди. И поскольку она, как им было известно, находилась в тесной близости с Ивьяном, то слова ее принимались за чистую монету. И какая бы там не плелась сеть, она к этому наверняка приложила руку, и весьма основательно.

Волшебница прошла на середину комнаты и тихонько потирала в ладонях драгоценный камень — символ своего ремесла.

— Я хочу взглянуть на комнату этой женщины. Скорее, — сказала она коротко.

Они пошли все вместе — волшебница, Симон, Корис и Ингвальд.

Роскошные апартаменты выходили в тот же самый холл, что и покои, где они нашли умирающего Ивьяна. В дальнем конце комнаты высокие окна выходили на большой балкон, свежий ветерок шевелил полог кровати и играл кончиком кружевного шарфа, свисающего из ящика комода. Резкий запах мускуса наполнил комнату. Симону стало от него дурно и он подошел к открытому окну.

Волшебница, по-прежнему крепко сжимая в ладонях волшебный камень, прошла по комнате, простерев перед собой руки на уровне груди. Симон не догадывался, что она именно делает, но понимал, что все это серьезно и важно. Волшебница провела руками по воздуху над кроватью, над обеими комодами, над туалетным столиком с целым набором коробочек и пиал, вырезанных из драгоценных камней. Где-то на полпути руки волшебницы вдруг замерли в плавном движении и беспомощно упали, словно ударившись об что-то, невидимое Симону.

Она обернулась к мужчинам.

— Здесь был какой-то талисман-символ Силы, которой пользовались много раз. Но сила эта — не наша. Колдер! — она с отвращением сплюнула. — Это связано с превращением.

— Изменение облика! — воскликнул Корис. — Значит, та, которую принимали за Алдис, вовсе не была ею!

— Не совсем так, лорды-капитаны! — покачала головой волшебница. Это не изменение облика, к которому мы так давно прибегаем; это внутреннее превращение, но не внешнее. Разве вы не сами сказали мне, что Фальк не был прежним Фальком, хотя и не был полностью одержимым? Ведь он вел себя в битве совсем иначе, чем раньше. Он не стал сражаться вместе со своими воинами до конца, а сделал попытку скрыться. Потом же предпочел разбиться насмерть, чтобы скрыть от нас то, что было его частью. И точно так же обстоит дело с этой женщиной. Ибо я твердо уверена в том, что у нее внутри так же таится нечто, принадлежащее Колдерам.

— Колдер, — процедил сквозь зубы Корис.

Потом глаза его широко открылись, и он повторил, на этот раз совершенно другим тоном:

— Колдер!

— Что?... — начал было Симон, но Корис перебил его.

— Где же нахорится последняя твердыня этих проклятых похитителей? Айль! Говорю вам: то, что было когда-то ле-ди Алдис, сейчас похитило Лойз, и они отправились в Айль.

— Это всего лишь догадки, — возразил Симон. — К тому же, даже если ты и прав. Айль очень далеко отсюда, и мы еще вполне можем догнать их...

И мысленно добавил: «Любой повод хорош, если только он уведет тебя, наконец, из Карса, пока мы еще не погибли...»

— Айль? — волшебница задумалась.

Симон молча ожидал ее соображений. Волшебницы Эсткарпа были отличными стратегами, и если она внесет какое-то предложение, то его стоит безусловно выслушать... Но она молчала. Симон знал, что задавать вопросы в такой ситуации совершенно бесполезно.

В том, что Корис, возможно, прав, они убедились еще до наступления ночи. Не желая оставаться в Карсе, рейдеры отступили к стоявшим в гавани кораблям, которые должны были увести их на запад. Угрюмые матросы молча повиновались распоряжениям капитанов салкаров, работая под наблюдением охраны солдат из Эсткарпа.

Ингвальд одним из последних поднялся на палубу торгового судна и присоединился к Симону, который молча на-

блюдал за набережной, где бушевал ветер, вызванный волшебницей, чтобы помочь их отплытию.

— Мы оставляем позади себя бурлящий котел, — сказал пограничник.

— Ты ведь сама из Карстена, так, может быть, тебе все же хотелось бы остаться в этом котле? — спросил Симон.

Ингвальд рассмеялся неприятным и резким смехом.

— Когда убийцы Ивьяна подожгли мой дом и застрелили отца и брата, тогда я поклялся, что эта земля больше не моя! Мы ведь не новое поколение Карса, и поэтому нам лучше присоединиться к тем потомкам древней расы, которые живут в Эсткарпе, мы с ними — одной крови, нет уж, пусть в этом котле жарится теперь тот, кто сам пожелает. Я присоединяюсь к охранительницам, которые считают, что Эсткарпу не нужно ни чужих стран, ни чужих народов, над которыми можно властвовать. Посмотри сам: разве ты стремишься сделать Карс нашим? Ведь тогда нам пришлось бы организовать не меньше сотни очагов восстания и пожаров по всей границе герцогства. И в этом случае нам пришлось бы сильно ослабить наши северные укрепления. А Ализон только этого и ждет...

— Мы избавили этот город от Ивьяна, сильного правителя, который удерживал в повиновении многих врагов. Зато теперь начинается грызня между шестью береговыми владельцами за власть. Они будут заняты этим, слишком важным для них делом, и перестанут быть нам угрозой на севере. Так что анархия сослужит нам службу даже лучшую, чем временная оккупация.

— Лорд! — Симон обернулся на зов капитана-салкара. — У меня тут есть один матрос, который кое-что знает. Возможно, его история представляет для вас интерес?

Он подтолкнул вперед мужчину в грубой, запятнанной матросской робе, который быстро преклонил колени в присутствии победителей Ивьяна.

— Ну? — спросил Симон.

— Вот как было дело, лорд. Эта самая шхуна... Она стояла в доке дня два, может больше, но команда вела себя странно, никто не сходил на берег. И груза они тоже не разгружали, да и по осадке не было видно, чтобы она была груженная. Ну, вот мы и стали приглядываться к этой посудине, уж больно странно нам все это показалось... Мой приятель и я.

Но так и ничего и не заметили, ничегошеньки. Только когда в городе началась драка, только тогда они там оживились. Матросы взялись за весла и стали грести. Ну так же поступили и другие судна, так что мы не удивились. Только остальные-то судна так и отплыли, а вот эта посудина...

— Не отплыла? — Симон пока не видел причины, зачем ему выслушивать этот рассказ, но, вполне доверяя опыту капитана, решил дослушать до конца.

— Они только поднялись вверх по течению реки, — матрос кивнул на устье реки, почтительно не отрывая глаз от досок палубы, — там они остановили свои весла и стали чего-то ждать. И тут появился этот челнок — он просто плыл вверх по течению, словно оторвался где-то на реке от привязи. Вот тогда они заработали веслами и подплыли к челноку, загородив его от наших глаз. А после снова быстро заработали веслами и стали спускаться вниз по течению. А челнок куда-то исчез.

— Они кого-то подобрали с челнока, — довольно уверенно сказал Ингвальд.

— По-видимому, так, — согласился Симон. — Но только кого именно? Кого-то из своих офицеров?

— Этот самый челнок, — вмешался в разговор капитан-салкар. — Ты никого не заметил в нем?

— Вот в этом-то и вся штука, сэр, — проговорил матрос. — Там никого не было. У нас, конечно, не было подзорной трубы, да только мы ясно расглядели, что там валялась только тростниковая циновка... И все. Никто там не греб, и вообще никого не было... Если же там кто и был, то лежал на дне, под этой самой циновкой.

— Быть может, это какой-нибудь раненый человек? — вслух подумал Ингвальд.

— Или кто-то прятался. Значит, судно потом пошло вниз по течению, к берегу?

— Да, сэр. И шло оно тоже как-то странно, сэр. Вообще-то, там сидели ребята на веслах, да только они словно притворялись и не гребли по-настоящему. Словно бы под килем у них такое сильное течение, что оно само их несет и грести по-правде не требуется. Вообще-то, там и на самом деле есть течение, но совсем не такое сильное. Обязательно надо налегать изо всех сил на весла, если нет попутного ветра и хо-

чешь идти быстро. А именно так и было — безветренно, и шли они очень быстро.

Капитан бросил на Симона взгляд, поверх склоненной головы матроса

— Мне неизвестны другие способы передвижения по реке, кроме попутного ветра и весел. Если корабль движется как-то иначе, то мне никогда не доводилось видеть такого судна — ни мне, ни моим собратьям: нам известны только ветер и весла, а все остальное — волшебство.

— Но только не такое, что известно Эсткарпу, — ответил Симон, — капитан, подайте сигнал судну сенешаля. Затем переправьте меня туда, вместе с этим человеком.

— Ну, капитан Осберик, — обратился Корис к командиру флотом салкару, выслушав историю, рассказанную моряком, — как по-твоему, все это почерпнуто из бочки с вином, или же это правда?

— Нам не известны такие суда, что описывает этот человек, но я верю, что он его видел. Ведь существуют же суда, принадлежащие не нам.

— Это не была подводная лодка? — спросил Симон.

— По-видимому, нет, раз они скопировали внешний вид наших судов. Во всяком случае, они сделали все, чтобы их не опознали, это Колдеры! И если бы не то, что на берегу поднялась суматоха и появились наши люди, они бы себя ничем не выдали. Только когда им стала грозить опасность, они решили пренебречь безопасностью и выдали себя, чтобы использовать преимущество по времени.

Корис подбросил в руке топор Вольта.

— Вниз по реке к морю, а потом в Айль.

Корис уже принял решение:

— Осберик, приготовь нам самый быстроходный корабль, посади на весла, если потребуется, пеших людей. Мы отплываем.

Если только это судно и в самом деле плывет туда, куда они думают, то оно их здорово опередило. К вечеру, когда поднявшийся ветер наполнил паруса, Осберик дал сигнал к отправлению. Шхуна помчалась под ветром вперед с такой скоростью, что не было нужды налегать на весла. Позади на берег высаживались те, кто участвовал в налете на Карс: они отправились к границе. Только судно Осберика и еще

два других, выбранных для сопровождения, продолжали свой путь по реке.

Симон поспал несколько часов, завернувшись в плащ, все еще не сняв кольчуги Фалька. Они снова обрели свой привычный облик, но одежда и оружие у них остались прежние.

Спал он беспокойно, его терзали сноведения, и каждый раз он просыпался, не в силах связать наяву канву сна воедино и мучаясь от мысли, что это очень важно. Он, наконец, окончательно проснулся и лежал без сна, разглядывая звезды и прислушиваясь к свисту ветра. На расстоянии вытянутой руки от него лежал Корис, и Симон надеялся, что усталость сморила Сенешаля и он забылся сном.

Айль и — Колдер. Теперь уже никаких сил не хватит удержать Кориса от нападения на Айль, разве только заковать в цепи. Да, они должны взять Айль. Но разве уже много месяцев до этого они не пытались разгрызть этот орешек? Они победили при битве в Горме только потому, что по воле случая Симон оказался там пленником и смог таким образом вывести многие бреши в броне Колдеров. Но ведь тогда Колдеры относились к противнику со слишком большим пренебрежением, тем самым подставляя себя под удар. А поражение под Сиппаром, наверняка, послужило им хорошим уроком. Взять хотя бы то, что теперь Айль окружен невидимым барьером — на море и на суше, и этот барьер не в состоянии преодолеть ни одна сила — даже Сила волшебниц. В течение многих месяцев Айль остается совершенно недоступным, огражденным от внешнего мира. Если оттуда появляются солдаты и если они туда возвращаются, то только морем, и притом — не по его поверхности, а под водой. Корабли Колдеров — субмарины, подобные тем, которые они захватили в Горме. Но...

На Симона вновь нахлынули сомнения, как и много месяцев назад, когда он стоял перед Советом охранительниц и высказывал им мнение, которое у него спросили: нужно оставить все, захваченное у врагов в Горме, так как есть приказ, ни к чему не прикасаться, чтобы не рисковать — ведь во всем может таиться опасность, о которой они и представления не имеют. Был ли он тогда прав? Теперь он сомневался в этом, но все же подсознательный голос говорил ему, что он не заблуждался тогда и что воспользоваться оружием Колдеров — это значит так или иначе оказаться во власти врагов.

Симону было известно, что волшебницы неторопливо и внимательно изучали находки, сделанные в Горме. Но знал он и то, что их Сила была барьером между ними и могуществом Колдеров — барьером, который Колдеры не могли преодолеть. Но отдавать эти машины в руки простых воинов...

И все же, сейчас им совершенно необходимо найти совершенный способ ворваться в Айль. Симон и раньше думал об этом, но никогда, даже с Джелит, не делился этими своими мыслями.

Очень важно, что только он, Симон, в состоянии пробить брешь в броне Колдеров, как это однажды уже случилось. И не с помощью субмарин — ибо таких знаний у него не было, а они до сих пор не узнали, какая же сила движет эти суда, если только не мысленная энергия командира — колдера, который умер, не сняв с головы металлическую маску, вслед за своими воинами. Нет, Симон может сделать это не море, а только по воздуху. Ибо те флайеры — летательные аппараты, которые рядами стояли на крыше, покрывающей ныне покинутый Сиппар — они вполне могут быть ключом к Айлю. Но посвятить в это Кориса сейчас, было бы величайшей глупостью.

8. Под властью Колдеров.

— Заперто прочно..., — красное лезвие топора Вольта сверкнуло в воздухе и вонзилось в мох с такой силой, словно Корис метнул топор во врага. Они стояли на холме, оглядывая подступы к Айлю.

Горм был освобожден от людей этого мира и времени. Но здесь, в Айле, колдеры были у себя дома. Можно было ожидать, подумалось Симону, что они прибегнут к помощи металла и станут сооружать причудливые башни и здания. Но они воспользовались тем же камнем, из которого строились здания в Эсткарпе, только с той разницей, что дома и строения в стране волшебниц вообще были древними, такими древними, что казались рожденными из плоти и крови той земли, на которой стояли, а не созданными руками человека.

А Айль, несмотря на древний строительный материал, выглядел новеньким с иголочки. И не только новым, но и странно чужеродным на этой каменистой почве — Симон ясно

ощутил это, хотя и не мог объяснить словами. Ему казалось, что даже если бы он и не знал, что Айль — твердыня Колдеров, то все равно понял бы, что этот город не имеет ничего общего ни с Эсткарпом, ни с одной из соседних с ним наций.

— Там раньше был вход, — Корис указал топором на казавшуюся совершенно гладкой стену. — Теперь даже дверь эта исчезла. И никто туда не сможет пробраться ближе того ручья в долине.

Барьер, подобный тому, который ограждал в свой время Горм, держал их на почтительном расстоянии от Айля, не давая возможности провести разведку. Симон беспокоило шевельнулся. Одна и та же мысль не давала ему покоя, сверлила его мозг с того самого дня, как они покинули Карс, и ему приходилось все время бороться с собой.

— Они покидают город и возвращаются в него под покровом моря, должно быть, как это было в Горме, — сказал он.

— Значит, нам остается только отступить и признать свое поражение. Колдер победил? Но я никогда не соглашусь с этим, пока легкие мои полны воздуха, а в руке достаточно силы, чтобы удержать вот это! — топор снова вонзился в мох. — Есть же какой-то путь туда — он должен быть!

Что заставило Симона произнести эти проклятые слова, которые он поклялся самому себе никогда не произносить? И все же они сами сорвались с его уст:

— Может быть, туда и есть один путь...

Корис резко повернулся, его тело странно напряглось, словно он встал перед противником в дуэли.

— По морю? Но как мы сумеем...

Симон медленно покачал головой.

— Вспомни, как пала твердыня салкаров, — начало было он, но Корис живо перебил его.

— По воздуху! Летающие корабли Сиппара! Но ведь мы не можем воспользоваться ими, не зная их секретов, — его сверкающие глаза сверлили Симона. — Или ты знаешь их секрет, брат? Ты рассказывал когда-то, что такие машины использовались во время войны в мире, откуда ты пришел к нам. А-а-а! Обратить такое оружие против его же хозяев, этого исчадья зла! Вот это был бы недурной сюрприз! Ай-и-и-и! — он подбросил огромный топор в воздух, поймал его за топориче, высоко поднял голову навстречу солнечным лу-

чам. — В таком случае — немедленно в Горм, за этими летающими кораблями!

— Погоди! — Симон схватил Кориса за руку. — Я ведь даже не уверен, что смогу вести такой корабль! Не уверен, что мы сможем полететь на них!

— Если только они помогут нам сокрушить берлогу этого зверя, то мы сумеем все на свете! — ноздри Кориса раздувались, рот застыл в суровой усмешке. — Я понимаю, что вражеским оружием пользоваться рискованно, но бывают минуты, когда приходится за любую возможность хвататься обеими руками. Говорю тебе, мы должны отправиться в Сиппар и воспользоваться тем, что нам необходимо!

* * *

Симон уже много месяцев не бывал в том ужасе и хаосе, который был когда-то главным городом Горма. У него не возникло никакого желания принять участие в работе отрядов, которые прочесывали здания, освобождая их от трупов погибших островитян, столь охотно призвавших Колдер на помощь в битве двух династий. С него хватало Горма и Сиппара в битве, которая изгнала Колдеров из этого уютного гнезда.

Сегодня он понял, что была еще и другая причина, помимо этих старых ужасов, которая вызывала в нем ненависть к Сиппару. Он снова стоял в просторном зале — своего рода, центре управления сложными механизмами, где когда-то сидели за своими столами облаченные в серое офицеры-колдеры, непрерывно колдуя над пультами управления. Ими руководил старый офицер, с металлической каской на голове: именно его-то приказы — Симон был в этом уверен — направляли всю жизнь внутри осажденной цитадели. И, снова отключившись от времени, Симон словно подключился к мыслям этого офицера и узнал о том, что люди Колдера были пришельцами, подобно ему самому, что они так же проникли в этот мир сквозь какую-то дверь в пространстве и времени, ища прибежища, спасаясь от преследования. Да, в тот день он проник в мысли офицера, и сейчас, вновь стоя в этом зале, он опять ощутил, что ярко вспоминает все пережитое им в те минуты, словно его мозг и мозг того офицера стали единым целым, хотя и прошло много месяцев с тех пор, как тот, второй, мертв.

И все же, в этом зале Симон ощутил себя не только, в какой-то мере, единомышленником колдеров.

Ведь именно здесь, в этом зале, волшебница Эсткарпа, с которой он делил тяготы и приключения, отложила в сторону свой волшебный камень — символ ремесла и власти — и отдала его в руки свою жизнь, всю себя. Именно здесь произнесла она вслух свое имя святая - святых, которое ей не следовало доверять никому на свете, чтобы тот, другой, не стал ее владельцем. И сделала она это ради него, Симона. Джелит...

Симон приготовился к знакомой щемящей боли, которую не мог преодолеть с тех пор, как Джелит покинула его. Но, на этот раз, она не была такой резкой, как обычно, словно влияние колдеров притупило и пригасило ее. И с тревогой Симон понял, что боль эта, мучает его меньше, с тех пор как он покинул Карс. Но все-таки, подумал он, то, что было между ним и Джелит — по-настоящему прекрасно. И даже если рана со временем затянется, то шрам все равно останется на всю жизнь...

Неужели Джелит теперь так возненавидела его, что не хочет даже мысленно связаться с ним? И уж совершенно не в силах увидеться с ним?

Колдер! Сейчас нужно думать только о Колдере, мысленно одернул себя Симон.

— Симон! — окликнул его с порога Корис. — Воздушные корабли - они точно в таком же виде, как вы их оставили.

Корабли для нападения на Айль. Почему он всегда опасался воспользоваться вражеским оружием? Почему боялся сесть за руль воздушной машины? Разумеется, Корис абсолютно прав в этом вопросе.

Они взобрались на крышу, где стояли флайеры. Два из них, как видно, ремонтировались, когда началось сражение; рядом с машинами лежали инструменты и запасные части, Симон подошел к ближайшему флайеру. Да это совсем просто; оказывается, ничего не стоит привести механизмы в действие: надо поставить эту деталь вот сюда, подкрутить эту гайку... Симон работал быстро и споро, с такой уверенностью, словно всю жизнь занимался этим. Он поставил на место последнюю гайку, завинтил ее потуже, забрался в кабину на водительское место, нажал кнопку стартера и ощутил вибрацию... Все было в порядке, можно подниматься.

Снизу раздался громкий крик, постепенно стихавший по мере того, как флайер набирал высоту. Симон проверил приборы. Айль... он направлялся к Айлю, ему предстояло важнейшее задание. Заградительный барьер продержится недолго — слишком уж велик расход энергии. Раньше или позже эти варвары его прорвут. И тогда магия этих проклятых ведьм потрясет стены Айля, сметет их с лица земли.

Проклятых ведьм? Да, вероломные, злобные дьяволицы! Выйти замуж за человека, а потом сбежать от него, даже не простившись, видно считая его слишком глупым, чтобы иметь с ним дело... Ведьма! Ведьма!

Симон нараспев кричал это слово, пролетая над волнами залива. Горм — они потеряли Горм. Быть может, они сейчас потеряют и Айль, но только на время. Потому что план их все равно осуществляется. И пусть только откроются ворота, и тогда эти тупые дикари, эти ведьмы, узнают почем фунт лиха! Падение Сиппара покажется сущей ерундой перед тем, что произойдет в Эсе... Нажать там, дернуть тут, привести дикарей в действие, заставить ведьм беспокойно зашевелиться. Нужно только выиграть время — и тогда план будет осуществлен.

Значит, если потребуется, сдадим временно Айль, это все равно ничего не изменит. Пусть эти дикари верят, что и на этот раз они победили, что Колдер изгнан. Но Колдер только скроется на время, чтобы окончательно собраться с силами, окрепнуть, а затем ударить с новой силой в Эс!

Симон зажмурился. Помимо его собственной воли, в нем крепла уверенность и сознание того, что он все сделал, как надо, и в то же время его все сильнее охватывало беспокойство — словно в нем противоборствовали две силы, и каждая стремилась к победе. А впереди его ждет Айль. Они все знают, они дали ему приказ, они ждут его!

Его руки уверенно двигали рычаги, нажимали кнопки, хотя он даже не сознавал, что делает. Внизу мелькали огни — армия этих дикарей. Рот его сложился в усмешку. Ладно, пусть уж они торжествуют пока что. К тому времени, когда они наконец соберутся с силами с помощью своих ведьм, от их армии все равно ничего не останется. Ну, а теперь вниз, он должен сесть вон на ту крышу.

Симон с минуту ошеломленно смотрел вниз — да ведь это Айль! Как же он добрался сюда? Корис, армия... Он обернул-

ся... Нет, это не сон. Он один сидит в колдовском флайере, взятом в Сиппаре. Голова страшно болит, изнутри поднимается тошнота. Рука его невольно оторвалась от кнопок управления, пальцы бессознательно потянулись к поясу Фалька, коснулись металлической бляхи, пробежали по завитушкам и изгибам.

Да, это Айль, и задание его только начинается. Вот они идут, те, кого он должен увезти отсюда, прежде чем город падет перед дикарями и их ведьмами. В крыше отверстие, квадратный люк, снизу поднялась платформа, на которой стояли две женщины. Одна, та, которая будет давать ему приказы — она раньше так успешно потрудились для выполнения их плана в Карсе. А вторая, которая идет рядом с первой послушно подчиняется ей, она служит приманкой.

Симон открыл дверцу флайнера и ждал женщин. Лойз широко раскрыла глаза, увидев его, но не издала ни звука, ведь она была полностью под властью чужой силы. Она послушно устроилась на сидение позади него, как ей и приказали. Теперь уселась и вторая — Алдис. Алдис?

— К морю!

Симон почувствовал глухое раздражение... Ему не требуется никаких указаний. Он сам знает, куда ему лететь. Они взмыли вверх.

Странно. Вокруг них густой туман. Алдис напряженно наклонилась вперед, тревожно вглядываясь в окутавшее летательный аппарат облако — она словно боялась его. Ну, конечно, ведь это не просто облако, ведь это дьявольское наваждение, проклятая уловка этих ведьм. Но с машиной им все равно не сладить. Он должен только внимательно наблюдать за белым колышавшимся предметом, легкой тенью скользящим впереди флайнера — это и есть его ориентир. А туман становился все гуще, сделав слежение за белым пятном почти невозможным, но Симон по-прежнему не сводил с него глаз. Туман искажает представление о направлении и о времени... Это все их проклятая «магия». А они и в самом деле ловко умеют дурачить, эти чертовы ведьмы. Но он все равно летит туда, вперед и вперед.

— Что ты делаешь? — Алдис наклонилась к нему, не сводя взгляда с приборной доски, где светились указатели. — Куда ты летишь?

Голос его звучал резко и пронзительно.

— Куда приказано...

Симона раздражала необходимость объясниться с ней... Эта женщина, в самом деле, неплохо справилась со своим заданием, но это не значит, что она имеет право допрашивать его, сомневаться в его действиях.

— Но ведь это не тот курс!

Разумеется, тот! Он выполняет приказ, в точности следуя за ориентиром. Как она смеет заявлять такое?

Симон приложил руку ко лбу. До чего же кружится голова! Не стоит стоит смотреть на эти приборы, надо только в точности держаться за белым пятном — ориентиром.

— Тихо! — приказывает он женщине.

Но она вцепилась в его руку.

— Это не тот курс! — она кричит так пронзительно, что у него начинает звенеть в ушах. Ему трудно повернуться, но он все же с силой отталкивает ее правой рукой. Но она не успокаивается и снова тянется к нему, на этот раз вцепляется ногтями в его руку, так что он чуть ли не теряет курс, и белое пятно скрывается в тумане... Симон снова отталкивает ее, и все его внимание опять приковано к белому ориентиру.

И только теперь он видит ориентир вполне отчетливо, правда, всего лишь на мгновение — это птица! Большая белая птица! Он знал таких птиц раньше — и тут туман в его голове рассеивается. Белый сокол, тот самый тренированный посланец-сокол, которого они возили с собой в Карс... В Карс?

Симон издает сдавленный крик. Колдер. Колдер влияет на него, он направлял его все это время... Симон озадаченно смотрит на свои руки и теперь совершенно не понимает, что он должен делать, как разобраться с этими кнопками и рычагами. Его охватывает паника, рот наполняется горечью. Им каким-то образом воспользовались... Левая рука Симона непроизвольно тянется к поясу Фалька, скользит по металлической бляшке, отливающей зеленью.

Собрав всю свою волю, Симон медленно отрывает руку от бляшки, от этого отчаянного усилия он весь обливается потом. Он поворачивает голову: Алдис поднесла к груди руку, крепко прижала ее к чему-то, в глазах, обращенных к Симону — темная ненависть и что-то еще - страх?

Симон схватил ее за тонкое запястье, с трудом оторвал руку от того, что она пыталась скрыть от него. На какое-то мгновение, прежде чем ее вторая рука отчаянно стиснула грудь, он успел разглядеть брошь, отливающую металлической зеленью — точную копию бляшки на поясе Фалька.

Флайер ходит ходуном, ныряет в туман, и Симон понимает, что если он не вернет руку на пояс Фалька, то не сможет больше вести флайер, но если он это сделает, то снова попадет во власть уз, соединявших его с Колдером. Если же они разобьются, то погибнут безо всякой пользы. Согласиться снова на то, чтобы попасть под чары Колдеров, значит хотя бы отсрочить свою гибель, выиграть время. Симон больше не сопротивляется. Пальцы его нащупали талисман на поясе Фалька.

Где он — что с ним случилось? Опять эти ведьминские штучки — они его заморочили. Ну, нет, хватит!

Раздался отчаянный крик — не человеческий, нет, он вырвался из горла птицы. И прямо на стекло пилотской кабины кинулась птица, словно целясь своим страшным клювом в лицо Симона. Симон отчаянно вцепился в рычаги, стараясь предотвратить последствия неожиданного нападения. Туман вдруг стал зловеще красным, флайер отшвырнул прочь зловещую красную тень, машина дернулась в сторону. Алдис отчаянно кричала. Симон ругался, нащупывая рычаги. Они все еще были в воздухе, но набрать высоту Симон больше не мог. Рано или поздно они вынуждены будут приземлиться, и все, что ему оставалось — это постараться сесть благополучно.

Флайер отчаянно тряхнуло. Симон ударился головой о стенку кабины и едва не потерял сознание. Когда он пришел в себя, флайер уже находился на земле, зарывшись носом в почву. Дверца кабины была распахнута и сквозь нее тянуло запахом болота, стоячей воды и гниющих водорослей. Алдис приподнялась на заднем сидении, огляделась, глубоко вздохнула зловонный воздух. Голова ее дернулась, словно откликаясь на оклик, рука потянулась к талисману Колдеров.

Она наклонилась вперед. Флайер сильно качнуло, Симон ударился головой снова, на этот раз о приборную доску, и потерял сознание, Алдис протянула руку, стащила с головы Симона шлем. Вцепившись в его густые волосы, она откинула его голову на спинку сидения. Глаза Симона были закрыты, по виску стекала струйка крови. Но Алдис не обратила

на это никакого внимания. Она подтащила его голову как можно ближе к своим губам и вдруг заговорила ему прямо в ухо. Но не на языке Колдеров, не на древнем языке Эсткарпа — звуки, которые она издавала, были похожи больше на звяканье металла о металл, чем на человеческую речь.

Симон не открыл глаза, но голова его дернулась. Он сделал слабое усилие, чтобы освободиться, но она держала его за волосы крепко. Алдис второй раз повторила это приказание на ухо Симону, но он не шевелился. Тогда она отпустила его волосы, и голова Симона упала на грудь.

Женщина издала раздраженное восклицание высунулась из кабины и осмотрелась. Искореженные деревья, пучки серого мха, зеленоватая ряска на поверхности пруда, серое небо — безрадостная картина предстала перед ее взором. И вдруг что-то зашевелилось, почти у самой дверцы флайера. Безобразное существо, напоминающее ящерицу и все покрытое пятнами, с отвратительной чешуйчатой кожей и огромными острыми зубами, торчавшими из полураскрытой пасти, медленно ползло к флайеру.

Алдис судорожно прижала ко рту руку. Где же это они, лихорадочно размышляла она... Ни ей самой, ни тем, кому она служила, не была известна эта страна. Но тут же голова ее повернулась вправо, здесь был кто-то из них, или кто-то из тех, которые им служат. Значит, помощь близка. Она стиснула руками талисман и, собрав все свои силы, послала вызов.

9. Земля торов.

Симон открыл глаза. Голова нестерпимо болела, все плыло и качалось перед глазами. Он пошевелинулся, и сразу же шаткое сидение под ним, зловеще качнулось, и даже при том, что сознание его еще не совсем прояснилось, Симон понял, какая ему грозит опасность. Он поднял глаза — и увидел кошмарное зрелище! Только прозрачное стекло кабины отделяло его от зубастого чудовища. Когти чудовища скребли по фюзеляжу машины, оно пыталось подползти к открытой дверце. Симон молча наблюдал за его неторопливым продвижением. Чудище напоминало огромную ящерицу, но только, в отличие от милых юрких зверюшек, хорошо знакомых Симону в его прежнем мире, у этого чудища была покрытая язвами и бородавками, отвратительная серая кожа, словно

какая-то страшная болезнь поразила его. В огромных белесых глазах чудища сверкала лютая злоба, так что не приходилось сомневаться, какую цель преследует это медленное продвижение.

Симон осторожно повернул голову. Дверца кабины была открыта. Еще несколько футов, и чудище достигнет цели. Симон осторожно, дюйм за дюймом, потянулся рукой к самострелу. Потом он вспомнил о женщинах на заднем сидении. Со всей осторожностью, на какую он был способен, Симон переменял положение, и флайер, сразу же закачался... Чудище злобно плюнуло, зашипев, мутная жидкость попала на стекло и стала струйками медленно растекаться по стеклу.

Симон не видел Лойз, которая сидела позади него. Но Алдис была тут, глаза ее были крепко закрыты, руки сжимали колдовской талисман; видно было, что она вся поглощена чем-то.

Симон не осмеливался потянуться к двери, чтобы закрыть ее. Флайер балансировал на какой-то одной точке и с каждым толчком все глубже зарывался в почву.

— Алдис! — резко произнес Симон, стараясь пробиться сквозь отрешенность женщин. — Алдис!

Она даже не пошевелинулась, но позади раздался тяжелый вздох.

— Она разговаривает с ним, — послышался голос Лойз, тихий шелест, слабый и разбитый.

Симон встрепенулся от мелькнувшей надежды.

— Дверь — ты можешь до нее дотянуться?

Лойз сделала легкое движение, и флайер сразу же угрожающе закачался.

— Сиди тихо! — вскрикнул Симон и тут же убедился, что толчок хоть в одном помог им: отвратительное чудище, которое уже начало карабкаться на нос корабля, соскользнуло вниз. Издав отвратительный хриплый крик, чудовище вновь поползло к открытой двери, на этот раз по земле, если можно было считать землей болото.

— Лойз, — быстро сказал Симон, — отодвинься как можно дальше...

— Да!

Флайер опять качнулся, но на этот раз Симон был уверен, что нос медленно поднимается.

— Ну же!

Краешком глаза Симон заметил, что Лойз, раскачиваясь на сидении, вцепилась в плечи Алдис и рванула ее к себе, чтобы сделать толчок сильнее. Симон изловчился и дотянулся до открытой дверцы, но захлопнуть ее у него все же не хватило сил.

Алдис билась в руках у Лойз и с каждым ее движением флайер раскачивался все сильнее. Симон размахнулся и ударил Алдис, она сразу обвисла в руках у Лойз.

— Она умерла? — со страхом спросила Лойз и отодвинула от себя Алдис.

— Нет. Но на некоторое время она оставит нас в покое.

Вместе, они оттолкнули Алдис назад, и сразу же положение флайнера изменилось таким образом, что больше он не раскачивался под ними, если они двигались осторожно. Только теперь Симон смог внимательно осмотреть местность, хотя краем глаза все время косился на дверь, держа самострел наготове.

Полузатопленный мертвый лес, затянутые ряской водоемы и хилая растительность — ничего подобного раньше ему не приходилось видеть. Он не имел понятия, ни где именно они находились, ни как сюда попали. Зловоние болота, само по себе, производило удручающее впечатление, от него было трудно дышать и стучало в висках.

— Что это за место? — первой нарушила молчание Лойз.

— Не знаю...

Но где-то, в глубинах памяти Симона, смутно зашевелилось воспоминание. Болото... что знал он о болоте? Тростники... ветер шевелит седые нити мха... Что-то знакомое чудилось Симону в этом. У него заболела голова от напряжения — он силился припомнить. Откуда он помнит это? Из своего мира и времени? Нет...

А! На какой-то миг, он вдруг стал прежним Симоном Трегарттом и вспомнил все отчетливо. Ведь он бежал вместе с волшебницей Эсткарпа, спасаясь от охотничьих псов Алисона, несшихся за ними по пятам. И они остановились точно в таком же месте, и волшебница взмолилась к обитателям этой страны, прося их о помощи, но не дождалась ответа.

Топи Тора! Запретная страна, куда ни один человек — кроме одного — единственного, еще не проникал и не возвращался обратно! А тот, единственный, стал потом отцом

Кориса из Горма. Он увез из этого края торку и сделал ее своей женой. Правда, его народ очень боялся и этого брака, и такого кровесмешения, и потому в наследство сыну, родившемуся от этой женщины, отец оставил только печаль и горечь.

— Тор... топи Тора, — эхом откликнулась за спиной Симона Лойз. Она протянула руку. — Но ведь Алдис вызывает помощь, а люди Тора не имеют дела с пришельцами из других стран.

— Что мы знаем о тайнах земли торов? — возразил Симон, — Колдер проник даже в страну Карс, и я готов поклясться, что точно так же проникли Колдеры и в другие страны. Только потомки древней расы не принимают Колдеров и распознают их мгновенно. Потому-то Колдеры так и ненавидят древнюю расу. И очень возможно, что в болотах Тора нет такой преграды к смешению с Колдерами.

— Она вызывает их. Они нас найдут здесь опять! — крикнула Лойз.

— Я знаю...

Двинуться по этим болотам, возможно, значило погибнуть, но все же оставалась слабая надежда на спасение. Если же они останутся в флайере, то их неминуемо снова захватят Колдеры. Голова у Симона по-прежнему нестерпимо болела, но он решил, что нужно двигаться вперед. Безопаснее всего двигаться по поваленным деревьям.

— Куда же мы пойдем? — нарушила молчание Лойз.

Возможно, идти в неизвестность — величайшая глупость, но каждая клеточка в Симоне протестовала против того, чтобы оставаться на месте и быть захваченными теми, кого вызвала Алдис. Он медленно отстегнул и бросил пояс Фалька с талисманом и оставил себе кинжал и самострел. Он взглянул на Лойз. На ней был костюм для верховой езды, но никакого оружия.

— Не знаю, — запоздало ответил он. — Подальше отсюда и как можно скорее.

— Да! О, да! — она осторожно перебралась через Алдис к открытой дверце. — А с ней что будет? — кивнула Лойз на женщину.

— Она останется здесь...

Машина приземлилась на крошечный островок твердой земли, трава вокруг была примята, так что можно было, по-

жалуй, ступать без опасения. Ползучее чудище куда-то исчезло, по крайней мере, поблизости его не было видно.

Симон прыгнул вниз, сапоги его погрузились в мягкую почву, но вода не выступила. Протянув Лойз руки, он помог ей выбраться из флайера и подтолкнул к хвосту машины. Потом изо всей силы дернул за дверку и захлопнул ее так сильно, что ее заклинило, и теперь ее было тяжело открыть. Алдис оказалась запертой внутри, к тому же он не мог оставить женщину — пусть даже агента Колдеров — на съедение здешним тварям.

Кругом простиралась болотистая топь, поросшая мхом и подернутая ряской. Симон не видел другого пути, только по стволам упавших деревьев. Он оставил себе самотроил и протянул Лойз кинжал.

— Не ступай на ствол, пока я не проверю его, — приказал он, — быть может, мы увязнем в этом болоте, но не думаю, чтобы нам стоило двигаться по воде.

— Нет! — быстро и твердо согласилась она. — Будь осторожен, Симон!

Он выдавил усталую улыбку, от которой стало больно разбитому лицу.

— Будь уверена, этим советом я воспользуюсь в полной мере.

Симон ухватился за ветку поваленного дерева и сделал первый шаг вперед. Источенный временем ствол прогнулся, но не слишком сильно, выдавив из воды пузырьки, а вместе с ними такое зловоние, что Симон закашлялся. Захлебываясь кашлем, он пробирался по сплетенным сучьям и корням. Идти было не трудно, но тело ныло от страшного напряжения. Нашупывать ногой путь, перебираться через корневища — это отнимало все силы. Симон остановился передохнуть, поджидая Лойз, которая двигалась по проложенному им пути; лицо ее было бледным, губы решительно сжаты. Сколько времени они вот так ползут по этим стволам и корням? Симон дважды оглядывался, но каждый раз убеждался, что флайер по-прежнему совсем близко.

Но все же, наконец, он совершил последний прыжок и очутился на другом травянистом островке. Протянул руки Лойз — и вот они уже сидели рядышком, дрожа от усталости и растирая ноющие икры.

— Симон..., — он посмотрел на девушку. Она провела языком по пересохшим губам. — Эта вода... Ее нельзя пить... — в ее голосе звучала слабая надежда, что он рассеет ее опасения.

Симона тоже мучила жажда, он думал о том, сколько они еще смогут продержаться, прежде чем жажда вынудит их попробовать то, что вполне могло оказаться ядом.

— Она грязная, — ответил он. — Быть может, мы найдем какие-нибудь ягоды или дальше встретим родник...

Очень слабая надежда, но она может помочь преодолеть искушение.

— Симон..., — Лойз решительно отвела свой взгляд от затянутой ряской лужицы и смотрела теперь на ту дорогу, которая привела их сюда. — Эти деревья... Они росли не беспорядочно. — Голос ее зазвучал не так слабо, как раньше. — Даже те, которые упали... Они раньше были посажены линиями. Он проследил направление, куда указывал ее палец. Лойз была права - когда деревья стояли на корню, они были высажены рядами. Вероятно, это была заброшенная дорога? Но интерес Симона тут же угас, ибо этот путь все равно кончался на том островке, где они сидели.

— Дорога, Симон? Старая дорога? Но ведь она должна вести куда-то?

Лойз поднялась на ноги и стала осматриваться.

Симон понимал, что надежды очень мало, но все же нужно было воспользоваться любой возможностью уйти подальше от этого гибельного места. И, несколько минут спустя, Симон убедился в правильности их догадки. Трава, покрывавшая островок, росла не сплошным ковром, а кустиками, пробиваясь в расщелинах между каменными плитами. Плиты были гладко отполированы и тщательно пригнаны друг к другу — это была мостовая! Лойз топнула сапогом и рассмеялась.

— Вот она, дорога! И она выведет нас отсюда! Вот увидишь, Симон.

Но у каждой дороги два конца, подумал Симон, и если она уведет нас в глубь Страны Торгов...

Им потребовалось немного времени, чтобы пересечь более возвышенный участок суши, и вновь перед ними было болото. Но на противоположном берегу болота стояла каменная колонна, замшелая, словно выросшая из самой земли. Она

была не слишком высока, и верхушка ее была увенчена виноградной золой, побеги которой змеями вились вокруг каменного лица.

Горбатый нос, торчащий подбородок, черты лица, непривычные для человеческого глаза.

— Вольт!

Именно такой предстала, на несколько мгновений, перед ними та мумия, на которую они наткнулись в тайной пещере, запечатанного для всех утеса, когда Корис вознес свою мольбу, принес клятву и принял из рук — вернее, высохших ногтей, мумии огромный топор. Что сказал тогда сенешаль? Что Вольт — это легенда, полубожество, полудьявол, последний представитель вымершей расы, который долгие годы существовал уже во времена человеческой расы и иногда делился своими знаниями с пришельцами, из сострадания и одиночества. И вот, сейчас они оказались в стране, где Вольт был настолько хорошо известен, что на большой дороге воздвигли его изображение.

Лойз улыбнулась при виде колонны.

— Ты видел Вольта? Корис рассказывал о той встрече, когда он просил у древнего его топор и не встретил отказа. И теперь я уверена, что эта статуя — добрый знак для нас, а не злой. К тому же этот камень указывает нам, куда идет дорога.

Но впереди по-прежнему поблескивала вода. Найдя среди разбросанного гнилья достаточно прочную ветку, Симон опустил ее в воду, чтобы нащупать дно. Оказалось, что глубина воды всего несколько дюймов, ветка почти сразу уперлась в твердый камень. Дорога лежала под топкой зыбью. Но Симон не торопился, делая осторожные шаги вперед, и только потом, он сделал знак Лойз следовать за ним.

Перед самым столбом с головой Вольта, дорога снова стала подниматься вверх, и постепенно полоса твердого покрова расширялась, и Симон догадался, что на этот раз перед ним не островок, а солидный кусок суши. Значит, тут они смогут как-то устроиться на время, не опасаясь того, что их обнаружат Торы.

— Здесь кто-то жил раньше, — сказала ему Лойз, указывая на то, что осталось от каменных стен.

Что было здесь? Всего лишь одно здание? Или это — руины целого города? Больше, в его положении, Симона уст-

раивали густые заросли, скрывающие их. Он считал, что никакая живая тварь, кроме разве мелкой ящерицы, не сможет пробраться к ним сквозь густую поросль. А ему, Симону, отсюда будет виден любой, кто пожелает на них напасть со стороны древней дороги.

Дорога, которая до сих пор шла прямо, вдруг повернула направо, и Симон схватил Лойз за руку, чтобы она остановилась. Каменные плиты, которые раньше были разбросаны в траве, здесь были аккуратно выложены, образуя каменную ограду. А за ней стояла аккуратными рядами какая-то растительность, по всему было видно, что за ней ухаживают тщательно — здесь не было сорняков, высокие стебли были подвязаны к колышкам. Солнце светило ярче, чем на болоте, и в его бледных лучах яркими пятнами вспыхивали красные и малиновые цветы, над которыми деловито жужжали насекомые.

— Локус, — определила Лойз, называя растение, служившее основным сырьем для ткачей Эсткарпа. Эти пурпурные цветы становились в свое время коробочками, наполненными шелковыми нитями, которые собирали и пряли.

— Погляди-ка! — добавила она, шагнув быстро к стене и указывая на четырехугольную нишу, в которой стояла грубая деревянная фигурка, с уже знакомым им орлиным носом. Ошибиться было невозможно: хозяева поля, кто бы они ни были, поставили здесь Вольта, чтобы он охранял их урожай.

Но Симон уже заметил и еще кое-что: отлично утрамбованную дорожку, которая вовсе не была продолжением новой дороги, а убегала направо, огибая поле.

— Уйдем отсюда! — теперь Симон был уверен, что дорога привела их не к границе, а вглубь страны. Но ведь и возвращаться им обратно было нельзя — у флайера их несомненно дожидаются враги.

Лойз тоже все поняла.

— Дорога ведет дальше.

Она произнесла это полушепотом. Дорога впереди выглядела достаточно заброшенно, чтобы быть уверенным, что Топры больше не пользуются ею.

Им больше не попадались ухоженные поля, исчезли даже каменные руины, и только то, что они время от времени на-

тыкались на каменные плиты, пригнанные друг к другу, убеждало их, что они все еще идут по древней дороге.

Жажда мучила их теперь все сильнее, во рту горел огонь. Симон, видел, что Лойз едва бредет, и обнял ее рукой за плечи, чтобы помочь идти. Когда они достигли конца дороги — каменного столбика, за которым начинались непроходимые топи, они шатались от усталости. Лойз пронзительно вскрикнула, когда Симон последним рывком остановился перед отвратительной трясиной.

10. Желит нашлась.

— Я не могу идти дальше... Симон с трудом поддерживал Лойз, не давая ей упасть, она так шаталась, что ему едва удалось удержать ее. При виде топи, в которую обрывалась дорога, ее покинули последние силы. И сам Симон едва держался на ногах. Но он упорно продолжал стоять, поддерживая Лойз, так как боялся, что стоит им теперь сесть, и у них не будет сил подняться на ноги. Он был в таком состоянии, что не сразу заметил, как к его ногам стали падать какие-то странные мячики, которые лопались, рассеивая вокруг себя белую пудру. Только после третьего мяча Симон очнулся и отступил назад и увлек за собой Лойз. Однако мячики продолжали падать вокруг них, словно замыкая в тесный круг. Симон привлек к себе Лойз и приготовил самострел, в нем был полный заряд трехдюймовых игл. Но ведь не будешь же стрелять в мучнисто-образное облако, которое двигалось все ближе и ближе к ним. Частицы мучнистой пыли вдруг начали плясать вокруг них с такой бешеной скоростью, что вскоре перед глазами Симона и Лойз повис плотный белый туман, за пределами которого ничего не было видно.

— Симон, мне кажется, что они идут! — Лойз схватила за свой кинжал.

— И я так думаю!

Но защищаться у них не было возможности. Еще один глухой шлепок и прямо у их ног лопнул очередной мяч, размером побольше. А отступать было некуда — они были замкнуты в кольцо белого тумана. Они упали навзничь, закрыв лица руками. Симон ясно ощущал, что он очутился в каком-то глухом ящике, и воздух медленно выходит из его легких.

Он не мог дышать... Не мог дышать! Тело его корчилося от отчаянных усилий вздохнуть. Симон открыл глаза, задыхаясь и хрипя, пытаясь отмахнуться от белой муки, безжалостно засыпавшей его сверху. Он отчаянно бился, чтобы покончить с этой пыткой, почувствовал, что теряет последние силы... И тут же понял, что снова может дышать и зрение тоже вернулось к нему.

Слабый тусклый свет лился с каменного потолка, а от стен помещения, где он лежал, несло могильной сыростью и холодом. Кто-то держал над его головой сосуд, из которого вились клубы дыма. Симон с усилием поднял голову и взглянул на державшего сосуд. В сумрачном свете он сумел разглядеть, хоть и не слишком отчетливо, что это был юноша, видимо, сидевший на табурете, поскольку Симон лежал на постели. Невысокого роста, чересчур широкоплечий, со слишком длинными руками и ногами, слишком короткими, юноша казался поразительно уродливым. Тем более странным выглядело его лицо с необыкновенно правильными чертами, оно было красиво какой-то странной и непривычной для глаза красотой; однако чувства, отражавшиеся на нем, были не из тех чувств, которые мог понять Симон.

Тор поднялся. Он был совсем мальчик, как показалось Симону. На нем были бриджи, привычного для Эсткарпа покроя, но поверх была надета кольчуга из металлических бляшек величиной с ладонь.

Бросив еще один взгляд на Симона, мальчик пересек комнату, двигаясь с той кошачьей грацией, которая так поражала Симона в квадратном и неуклюжем, с виду, Корисе.

Мальчик что-то произнес — больше всего, эти звуки напоминали голоса болотных амфибий — вышел, вернее сказать, исчез из поля зрения Симона.

Комната плыла перед глазами Симона, но он все же собрал все силы и сел на постели. Рука его скользнула по шелковистому одеялу. Кроме его кровати и табурета, на котором сидел юный Тор, в комнате не было больше ничего. Низкий потолок нависал над каменными стенами, по нему были рассеяны светильники, точнее, они были сгруппированы по несколько штук в разных местах. И вдруг, на глазах у Симона один источник света медленно оторвался от своей группы и пополз туда, где был всего один светильник.

Хотя стены были старые и холодные, в помещении не было затхлого запаха. Симон с трудом поднялся на ноги. В тусклом свете перемещающихся светильников, он разглядел все четыре стены: ни в одной из них не было никаких отверстий. Как же ушел молодой Тор?

Он все еще ломал себе голову над этим, как вдруг позади него послышался тихий звук. Симон так резко обернулся, что чуть не потерял равновесия. В ногах его постели стояла какая-то фигура, более хрупкая, с немного менее нарушенными пропорциями, чем у мальчика, но без сомнения — той же расы.

На ней было длинное платье, переливающееся огоньками, и эти блестки не были вышиты или приколоты — они были как бы частью самой ткани. Пушистое облачко, не похожее на волосы, такое же облачко Симон раньше заметил на голове у мальчика, окружало его, или ее, голову легким пухом, достигавшим до плеч — у мальчика же оно плотно прилегало к голове. Только на висках пух был перехвачен серебрянными пряжками.

В руках у нее был поднос, она поставила его на край постели и только тогда подняла глаза на Симона.

— Ешь! — это был приказ, не приглашение.

Симон сел, придвинув к себе поднос, но смотрел больше на женщину, нежели на еду. В тусклом обманчивом свете, ему все же показалось, что она немолода. И дело было не в признаках возраста — их вовсе не было, а в том неуловимом, что исходило от нее: зрелость, мудрость и... властность!... Кто бы она не была, это была женщина высокого положения.

Симон взял обеими руками кубок и поднес его к губам: сосуд был, как показалось Симону, из дерева, но шелковистая и тщательно отделанная поверхность и красивая полировка, делали его произведением искусства.

В кубке была вода, в которую было что-то подмешано: не эль и не вино, а какой-то настой из трав. На вкус питье слегка отдавало горечью, но после первого глотка Симон нашел его восхитительным и освежающим. Такой же вкус имела и еда: разложенные на деревянном подносе твердые кубики, по виду напоминающие сыр — сначала чуть горьковатые, потом восхитительные и аппетитные. Пока Симон ел, женщина стояла перед ним, не спуская с него глаз. Но вся ее поза выражала такую отчужденность, словно она исполняла свой

долг, принося пищу кому-то, кого она находит для себя совершенно неприемлемым. Симон поежился от этого ощущения.

Он покончил с едой и сразу же почувствовал, что к нему вернулись силы. Он поднялся на ноги и отвесил своей наблюдательнице такой же церемонный поклон, которым приветствовал обычно охранительниц.

— Благодарю тебя, леди.

Она не стала забирать поднос, но сделала шаг вперед, и теперь Симон мог видеть ее более ясно, в свете ползающих огней, которые, как Симон теперь убедился, ползали по потолку, собираясь группами.

— Ты из Эсткарпа? — это было почти утверждением и вопросом одновременно, словно женщина, взглянув на него, усомнилась в своей догадке.

— Я служу охранительницам. Но я не принадлежу к древней расе.

— Из Эсткарпа... Скажи мне, воин волшебниц, кто командует армией в Эсткарпе — ты?

— Корис из Горма — маршал и сенешель Эсткарпа. А я — хранитель границ юга.

— Корис из Горма. А это что за человек — Корис из Горма?

— Великий воин, добрый друг, человек, который всегда держит клятву, и тот, кто несчастен от рождения.

Откуда взялись у Симона все эти слова? Он никогда не говорил так, но тем не менее, эта речь в точности соответствовала тому, что он думал о Корисе.

— А как же стал владетель Горма служить волшебницам?

— Потому что он никогда не был настоящим повелителем Горма. Когда его отец умер, мачеха призвала Колдеров, чтобы они помогли ей установить власть ее собственного сына. И Корис, спасаясь от Колдеров, прибыл в Эсткарп. Ему не нужен Горм, потому что Горм, по милости Колдеров, погиб, а он сам все равно никогда не был там счастлив.

— Не был счастлив... Почему же? Ведь его отец был добрым и хорошим человеком.

— Но те, кто наследовал ему, никогда не давали возможности Корису забыть, что он... чужой.

Симон запнулся, не зная, как лучше выразить свою мысль. Ведь мать Кориса была родом из Края Тороров, и эта женщина вполне могла оказаться ее родственницей.

— Да..., — больше она ничего не сказала и спросила совсем другим тоном. — Эта девушка, которая пришла сюда с тобой — кем она тебе приходится?

— Она — мой друг... Мы вместе сражались на поле битвы. И она помолвлена с Корисом, который сейчас разыскивает ее...

Если можно извлечь хоть какую-то пользу из отношений между ними, Лойз и сенешалем, Симон должен предоставить Лойз такую возможность.

— Да... говорят, что она — герцогиня в Карстене. А ведь между волшебницами и Карстеном идет война...

Похоже было, что в болота Тороров, несмотря на их изолированность от внешнего мира, проникают все новости извне.

— Это долгая история...

— Времени хватит, — сказала она кратко, — и я готова выслушать эту историю.

В ее тоне был приказ. Симон начал свой рассказ, опуская детали, но подробно рассказав о той вынужденной свадьбе, к которой принудили Лойз в Верлейне, и обо всем том, что случилось дальше. Когда Симон дошел до того места в своем рассказе, как они с Корисом очутились в заброшенной гробнице Вольта, как Корис храбро вынул топор из рук мумии, женщина резко велела ему остановиться и стала расспрашивать обо всех мельчайших подробностях этого события.

— Топор Вольта... Значит, он носит сейчас топор Вольта! — сказала она наконец-то. — И об этом следует думать.

Симон едва не задохнулся от изумления — женщина вдруг исчезла, словно испарилась, словно ее вовсе и не было здесь. Симон ошарашенно шагнул вперед, но ее не было!

Неужели это была галлюцинация? Но ведь раньше и мальчик-тор исчез с его глаз точно таким же способом.

Симон вернулся к кровати: поднос с кувшином и тарелками по-прежнему стоял там. К тому же, и голод его и жажда, прошли бесследно — и это не было галлюцинацией. Его захватили в плен и заточили в темницу. Но в то же время его накормили, и пока что ему ничто не угрожает. Его самострел исчез, но так и должно быть. Чего хотят эти обитатели болот? Они с Лойз случайно попали на их землю. Симон знал, что

Торы не терпят вторжения на свои земли, но неужели они настолько фанатичны, что и такое вынужденное появление считают вторжением? Для всех ли в равной мере закрыты их границы? Ведь Алдис вызывала на помощь Колдеров, и, значит, они уже должны где-то быть здесь в Стране Торов и крадутся, словно тот отвратительный гад, который полз к их флайеру.

Колдеры! Для волшебниц, колдер никогда не бывает тайной, они ощущают его по странной пустоте, доступной пониманию только их чувствам. Раньше и сам Симон умел распознавать колдеров — не по пустоте, а по ощущению угрозы, опасности. Может быть, и теперь это ему удастся?

Симон оставил поднос на табурете, бросился на кровать, закрыл глаза и расслабился. У него всегда был этот странный дар предвидения, дар, который не поддавался никакому реальному объяснению, но служивший ему еще в его прежней жизни. А со времени его появления в Эсткарпе этот дар усилился, стал более действенным. Джелит... при этой мысли у Симона, как и раньше, защемило сердце. Джелит дважды пользовалась этим его даром, чтобы послать ему известие, и оба раза ее послания находили у Симона отклик.

И сейчас, когда он пытался сосредоточиться на мысли о Колдерах, ему почему-то приходила мысль о Джелит... Он вспоминал ее, какой она была, когда скакала рядом с ним в кольчуге и доспехах в битве при Салкаркипе. Джелит, стоящая на коленях и произносящая шепотом слова заклятия, чтобы ветер дул в паруса на море, чтобы они могли обрушиться на вражеский флот... Джелит, в обличье гадалки и ворожеи, торговли зельями для переворота в Карсе — ведь это тогда она послала ему мысленный вызов, просьбу прийти ей на помощь. Джелит в Горме, где она впервые объяснила ему, на свой лад, что отныне ее путь рядом с ним. Джелит в его объятиях, слитая с ним воедино, и то упоительное ощущение, которого не приносила ему больше ни одна женщина в мире. Джелит взволнованная, и с широко распахнутыми глазами в то утро, когда она поверила, что дар волшебства не покинул ее навеки, и что она снова та, какой была до супружества. Джелит, которая ушла от него, исчезла, словно ей известна тайная магия народа Торов.

Джелит! Симон не выкрикнув ее имя вслух, но все внутри него мучительно жалось, и словно безмолвный вопль тоски прозвучал у него в душе. Джелит!

— Симон!

Глаза его широко открылись, он уставился во мрак, едва освещенный огоньками на потолке.

— Джелит?

— Симон! — твердый, уверенный тон, какой он привык слышать раньше. Но это не был реальный, настоящий голос, это звучало у него в мозгу. Глубоко вздохнув, он снова закрыл глаза.

— Ты здесь? — он мысленно произнес эту фразу, неуверенно, словно человек, произносящий фразы на иностранном языке.

— Нет — не телом...

— Но ты ведь здесь! — сказал он с убеждением, которого и сам не понимал.

— В некотором роде, Симон, — только потому, что ты там. Скажи мне, Симон, где ты?

— Где-то в глубине болот Торов.

— Это нам уже известно, поскольку твой флайер опустился именно в тех краях. Но ты больше не находишься во власти Колдеров.

— Пояс Фалька... Одна из брошек на нем — их оружие.

— Да, оно-то и открыло им дорогу. Но ты не настолько принадлежал им, чтобы мы оказались не в состоянии изменить их заклятие. Потому-то ты и не полетел к морю по их приказу, а полетел внутрь страны... Болота Торов... Там у нас нет союзников... Но, быть может, мы все же сумеем с ними договориться скорее, чем с Колдерами.

— Колдеры есть и здесь тоже. Алдис призывала их на помощь.

— А?

— Джелит! — исчезновение испугало его.

— Я слышу. Но если колдер с тобой...

— Я как раз пытался это выяснить...

— Что ж, может быть, вдвоем нам удастся это лучше, мой дорогой, сосредоточься на мысли об Алдис, если она вызвала помощь, тебе, может быть, удастся это установить.

Симон попытался представить себе Алдис, какой он видел ее в последний раз — лежащую без сознания во флайере, ког-

да он захлопнул дверцу. Но почему-то эта картина не воскресла в памяти, вместо нее ему виделось другое — Алдис сидит, наклонясь вперед, и что-то торопливо говорит в пустоту. А потом все исчезло.

— Колдеры! — Джелит сказала это торопливо, открытие было внезапным. И они не бездействуют, как я понимаю. Слушай меня, Симон, внимательно. Охранительницы говорят, что моя теперешняя сила — только отголосок прежней, и со временем она совсем исчезнет, так что теперь мне нет места в совете Эса. Но я говорю тебе, что между нами возникло нечто такое, чего я пока не понимаю. Во всяком случае, я обладаю каким-то даром, который я сама не слишком хорошо понимаю, кроме того, что он проявляется только в общении с тобой. Возможно, мы с тобой оба вместе — вместеилище этой новой Силы. Иногда эта Сила бушует во мне с такой яростью, что я начинаю бояться, что мне ее не сдержать. Но у нас слишком мало времени, чтобы выяснить, что же это такое на самом деле. Колдер собирается нанести удар, и, возможно, нам не удастся вызволить тебя из страны Торов, прежде чем этот удар будет нанесен...

— У меня больше нет их талисмана, но, быть может, они снова овладеют мной, несмотря на это, — предупредил он. — Сможешь ли уберечься ты, чтобы они не добрались к тебе через меня?

— Не знаю. Я так мало узнала об этом! У меня такое чувство, словно я пытаюсь голыми руками формировать огонь! Но вот что мы можем сделать...

Мелькнула вспышка, еще более резкая, чем та, что оборвала связь между ними и Алдис во флайере.

— Джелит! — беззвучно выкрикнул он, но на этот раз ответа не было.

11. Один против колдеров

Симон лежал неподвижно, обливаясь потом и тело его было сковано неподвижностью по чьей-то чужой воле. И вот она снова появилась в ногах постели, в глазах ее нельзя было прочесть ничего — была ли она врагом или другом, или ей все было безразлично.

— Они пришли, — сказала она. — Они пришли в ответ на призыв той женщины.

— Колдер! — Симон обнаружил, что язык и губы повинуются ему.

— Те мертвые, которые служат ему, — ответила женщина. — Слушай, человек, который служит Эсткарпу, мы никогда не ссорились с волшебницами. Мы с ними не в дружбе и не во вражде. Мы уже были на этой земле, когда появилась древняя раса и построила Эс и другие города. Мы существуем с незапамятных времен и еще помним ту пору, когда люди не только не были хозяевами земли, но и вообще их было очень мало. Мы из тех, кого выбрал Вольт, и с кем поделился своей мудросью. И мы не хотим иметь дела с теми, кто живет за болотами. Ты же явился сюда и принес с собой войну, которая нас не касается. И потому, чем раньше ты от нас уйдешь, тем лучше будет для нас.

— Но если вы не хотите союза с волшебницами, то почему вы благосклонны с Колдером? Колдеры ведь стремятся захватить всю власть над всеми людьми, в том числе и над народом Торов, — возразил Симон.

— Мы вовсе не благосклонны к ним, мы только хотим, чтобы в нашем собственном мире нам дали возможность спокойно жить. Волшебницы нам не угрожают. Но то, кого ты называешь колдерами, показали нам, что случится, если мы не выдадим тебя им. И поэтому было решено, что ты должен уйти...

— Но Эсткарп защитит вас от Колдеров, — начал было Симон, но она холодно улыбнулась в ответ.

— Неужели они и впрямь это сделают, Хранитель границ? Между нами нет войны, но они боятся болот — боятся их древних тайн и странных людей. Неужели они станут драться, чтобы защитить нас? Думаю, что нет. К тому же, у них нет сейчас людей, которые могли бы вступить в сражение.

— Почему же?

Она соврала так уверенно, что Симон даже вздрогнул от испуга:

— Ализон поднялся. Эсткарпу придется бросить все свои силы на север, чтобы там защитить свои границы. Нет, мы должны заключить сделку, более выгодную для нас.

— Значит, меня отдадут колдерам? — Симон постарался придать своему голосу спокойствие и твердость. — А как на-

счет Лойз? Неужели вы и ее передадите в руки самого страшного врага человеческого?

— самого страшного? — воскликнула женщина. — Мы видели как поднимались и исчезали многие нации, и в каждом поколении всегда есть один враг, более могущественный, чем другие. Что же касается девушки, то она входит в условия сделки.

— Но ведь она принадлежит Корису, и, я думаю, что вы убедитесь, какое значение имеет этот факт. По крайней мере, я был свидетелем того, какую цену заплатил за нее Верлейн и Карс. Ваши болота не остановят того, кто крепко держит в руках топор Вольта.

— Сделка уже заключена, — сказала она отчужденно и сделала в воздухе знак рукой, полный таинственного смысла. — Так значит, эта бледнолицая девушка так много значит для Кориса, что он, как ты считаешь, непременно явится сюда, чтобы отомстить?

— Именно так, и те, кто причиняет ей зло, должны бояться возмездия.

— Но сейчас он слишком занят войной с Ализоном, и пройдет немало дней, пока он сможет просто подумать о чем-то другом. К тому же, кто знает, быть может, он обретет на холмах Алисона тот вечный покой, когда уже не смущают никакие вопросы.

— И все же я предупреждаю тебя, леди, что топор Вольта обрушится на эти топи, если ты сделаешь то, что сказала!

— Если я это сделаю! Но я ничего не решаю в такого рода вопросах, лорд.

— Неужели? — Симон постарался вложить в это слово весь сарказм, на какой был способен. — А мне кажется, что ты не из последних лиц в стране Торгов.

Она долго не отвечала, не сводя с него пристального взгляда.

— Возможно, когда-то я и была такой. Но теперь я не имею права голоса ни в одном совете. Я не желаю тебе зла, хранитель границ. И я думаю, что ты не желаешь зла ни мне, ни кому-либо из нас. Но когда вынуждает необходимость, приходится покориться. Одно только могу я сделать для тебя. Я пошлю сообщение в Эс, чтобы они знали, где ты и куда направляешься: возможно они сумеют тебе помочь и все тог-

да кончится не так уж плохо. Я поклялась не делать ничего, кроме этого, и больше ничем не могу помочь тебе.

— Колдеры уже прибыли за нами?

— Они прибыли на корабле по внутренней реке.

— Но ведь нет реки, соединяющей болота Торов с морем.

— Внешней нет. Но есть подземная, она течет под болотами. Они нашли к нам этот путь, и уже навещали нас однажды.

Субмарина пришла по подземной реке, подумал Симон. Даже если послание достигнет Эсткарпа вовремя, чтобы можно было послать на помощь небольшой отряд, все равно они никогда не найдут пленников и не смогут им помочь.

— Если ты и вправду хочешь мне помочь, как сказала, то пошли сообщение не в Эс, а леди Джелит.

— Если это твоя супруга, то она больше не волшебница и ничем не сможет помочь тебе.

— Все равно пошли сообщение именно ей.

— Я обещала — пусть будет по-твоему. И леди Джелит получит сообщение. Ну, а теперь тебе пора. И если ты все же уцелеешь и избежишь плена, то помни, Хранитель границ, что болота Тора — древняя страна, которую непросто смести с лица земли.

— Лучше скажи об этом тому, кто носит дар Вольта. Из рук колдеров мало кому удастся спастись. Но Корис жив, он на свободе... И он полон ненависти...

— Пусть он ненавидит и покажет свой топор Ализону, там нужнее его сила. Странно то, Хранитель границ, что ты говоришь так, будто уже покорился судьбе, но я этому не верю. А теперь..., — она снова сделала в воздухе тот же знак. — Ворота открыты, и тебе пора идти.

Симон не мог бы описать, что произошло с ним в следующий миг. Просто исчезли потолок и стены, исчезли невидимые пути, и он стоял на пустынном берегу озера, вода в котором была темной и густой.

Откуда-то донесся звук голосов, он оглянулся и увидел позади группу Торов — мужчин и женщин. Немного поодаль стояли те, среди которых, против воли, находился и он сам, Симон.

Алдис стояла с видом полной уверенности в себе и нетерпеливого ожидания. Лойз держалась так прямо, что Симон понял, что она находится во власти чар, кроме того, здесь

были еще два тора. Был еще шестой член группы — и он был пришельцем из-за границы болот.

Это не был колдер — по крайней мере, он не походил на тех, кого Симон видел в Горме. Среднего роста, круглолицый и темнокожий, он был одет в плотно прилегающий костюм, подобный тем, которые носили все колдеры, но никакого шлема у него не было, хотя волосы на голове были схвачены металлическими пластинами.

Он был безоружен, на груди у него красовался такой же знак из зеленоватого металла, какой был на поясе Фалька и на груди у Алдис.

Слыша позади себя бормотание торов, Симон на мгновение усомнился, что решение выдать их колдерам, было столь единодушным, как сказала женщина, но тут же один из торов поднял руку и резко взмахнул ею в воздухе. Раздался мелодичный перезвон невидимых колокольчиков — единственный приятный звук, услышанный Симоном за все время прибывания у торов — и тут же на той стороне, где стояли торы, стало совершенно пустынно и тихо.

И почти сразу же, из темной глубины воды, поднялся тупой нос подводной лодки, иссеченной и изъеденной морем. Без единого плеска лодка подплыла к берегу, в ней открылось отверстие и показалась площадка, которая соединила лодку с берегом, наподобие мостика, и Алдис с улыбкой пошла по мостику. За ней последовала Лойз, держась все так же напряженно, словно их с Алдис связывала невидимая нить. Затем наступила очередь Симона — и тело его вдруг перестало ему повиноваться. Только разум, замкнутый в этой, ставшей вдруг чужой оболочке, бился. Возмущаясь столь полным порабощением чужой воле.

Он пошел к люку в корпусе корабля Колдеров, подчиняясь чьей-то чужой воле, точно механическая кукла, взялся за поручни лестницы и начал спускаться внутрь, в чрево лодки. Вслед за Лойз он вошел в маленькую каюту, в которой не было мебели. Дверь позади них захлопнулась. И только тогда их тела словно ослабли, и они почувствовали, что снова владеют ими.

Лойз, с тихим стоном, покачнулась, и Симон едва успел подхватить ее. Он бережно опустил ее на металлический пол и почти сразу почувствовал, что корабль вибрирует — зна-

чит, какая бы сила не приводила его в движение, он уже тронулся в путь.

— Симон, — Лойз повернула голову, и он увидел, что она едва сдерживает рыдания, — Симон, куда это нас везут?

Сейчас правильнее всего было сказать ей правду.

— Туда, куда мы и сами стремились — хотя и не при таких обстоятельствах — как я думаю, на базу колдеров.

— Но, — голос ее дрогнул, она вынуждена была помолчать. — Но ведь это где-то за морем. — Теперь она говорила более твердым голосом.

— И мы совершаем путешествие под водой.

Симон откинулся спиной к стене. В каюте не было мебели, и они были безоружны. К тому же, колдеры в любую минуту могли снова полностью завладеть ими по своему желанию, так что вся надежда на сопротивление отсутствовала. Впрочем, может быть, кое-что им еще осталось...

— Они никогда не узнают, где мы. Корис не может..., — Лойз думала о своем.

— Сейчас Корис занят, они об этом позаботились, — Симон рассказал ей о нападении Алисона. — Они решили наравить на Эсткарп всех псов, чтобы страна была вынуждена по мелочам расточать свои силы, ни один из таких ударов не будет роковым, но военная мощь страны будет подточена, ресурсы истощатся...

Обычная тактика колдеров — заставлять других сражаться за них, — горько сказала Лойз.

— У них и относительно нас есть свои планы, — сказал Симон, кивнув головой. — Ты ведь теперь, по праву брака, стала герцогиней Карстена, и потому стала важной фигурой в их дьявольской игре. Я же — Хранитель границ. Они могут использовать меня как заложника или же..., — ему было тяжело произнести вслух те слова, которые объясняли бы наиболее логичную причину того, зачем он понадобился колдерам.

— Или же они рассчитывают сделать из тебя одного из своих, или превратить тебя в предателя, который станет служить их целям в Эсткарпе! — сказала за него Лойз. — В таком случае, нам все же остается один выход, чтобы не допустить этого. Мы можем умереть.

— Если будет нужно, — ответил Симон резко. — Но не раньше.

Симон размышлял над их положением: расположение базы колдеров — они давно уже хотели установить его. Они ведь мечтали не только отрубить руки чудовища, но и обезглавить его. Но мир широк, и у Эсткарпа не было ни малейших догадок о том, где может находиться эта база. То, что колдеры пользуются подводными лодками, делает невозможным для салкаров, которые считают море родным домом, выследить их. А если даже колдеров и можно... Выследить? Ведь салкары — отличные моряки, хотя неважные воины на суше. Если бы их флот можно было направить на базу Колдеров, то команды судов могли бы застать врага врасплох, на его же собственной территории, и вполне в состоянии продержаться, пока основные силы Эсткарпа доберутся до места и нанесут колдерам сокрушительный удар.

— У тебя есть какой-то план?

Страх, искажавший черты Лойз, постепенно исчезал.

— Не совсем план. Только маленькая надежда. Но...

Вот это-то «но» и было сейчас самым важным, субмарину колдеров необходимо выследить. Можно ли это сделать с помощью того контакта, который ему удалось установить с Джелит, во время пребывания в болотах торгов? Или же тот барьер, который колдеры так надежно устаналивают между собой и магией волшебниц Эсткарпа, окажется непроницаемым для того двухстороннего контакта? Так много «если» и «но», и только ничтожная крупица надежды, вместо ответа на все вопросы.

— Слушай же..., — и Симон больше для себя самого, нежели для Лойз, обрисовал в общих чертах, на что он надеется. Она ухватила за его план со всей силой отчаяния.

— Попытайся, Симон! Попытайся сейчас же связаться с Джелит! Прежде, чем они увезут нас так далеко, что ни одна мысль не достигнет нас! Сейчас же!

Она могла вполне оказаться правой. Симон закрыл глаза, откинул голову назад и снова ощутил горячее желание связаться с Джелит. У него не было никакого представления, как это сделать, только вся его воля, вся собранная в кулак мысленная энергия.

— Я слышу...

Сердце Симона отчаянно подпрыгнуло при этом ответе.

— Нас увозят... На корабле колдеров... На их базу, вероятно... Ты сможешь последовать за нами?

Ответ последовал не сразу:

— Не знаю, но если это возможно, то мне следует сделать это!

Снова молчание, но чувство их близости не покинуло Симона. И тут лодку так сильно тряхнуло, что он соскользнул по стене кабины, и Лойз упала на него сверху.

— Что такое? — голос Лойз снова был тихий и дрожащий.

За первым толчком последовал еще один, а затем корпус лодки стал сильно вибрировать, словно отчаянно борясь с какой-то силой. Симон вспомнил о страшных шрамах и бороздах, которые он заметил на корпусе лодки. Видимо, плавание по подземной реке было вовсе не так уж удобно. Они вполне могли сесть на мель. Он так и сказал Лойз.

— Смогут ли они снять лодку с мели? — с ужасом спросила Лойз, и Симон увидел, как глаза ее наполнились страхом.

— Я думаю, что капитан этой лодки должен иметь опыт в таких делах, — сказал он в ответ. — Ведь они не первый раз идут этим путем, как мне сказали в болотах Торов.

Впрочем, несчастье всегда случается когда-то впервые. Никогда Симон не подумал бы, что будет так страстно желать достичь базы колдеров по доброй воле. Их по-прежнему бросало из угла в угол, лодка дрожала, как раненый загнанный зверь. Наконец, вибрация прекратилась, они ощутили сильный толчок, за которым последовал ровный гул механизмов, сопровождавших обычный ход лодки.

— Интересно, далеко ли мы от моря?

Симон и сам думал об этом. Он не знал, где находится Джелит и сколько времени ей понадобится, чтобы связаться с каким-нибудь судном салкаров и пуститься по их следу. Но Джелит непременно сама должна оказаться на этом корабле, чтобы поддерживать с ним постоянный контакт. Но ведь они не смогут так быстро собрать целый флот, а один-единственный корабль очень легко выследить, особенно колдерам! Невероятная глупость с его стороны, что он предложил Джелит следовать за ними! Он не должен больше пытаться связаться с ней.

Джелит-колдер... неужели он настолько сошел с ума, что вовлек ее в осуществление этого безумного плана?

— Это вовсе не глупость, Симон! Мы пока что не знаем пределов того, что возникло между нами, чего мы можем добиться с помощью этой силы...

На этот раз он не пытался связаться с ней, но она все равно прочитала его мысли и проникла в его опасения.

— Помни, я следую за тобой! Найди это паучье гнездо — и мы его очистим!

Доверие. Она верила в него от всего сердца. Но Симон видел перед собой только острые камни, и неведомо ему было, как проскользнуть между ними невредимым.

12. Та, которая не хотела ждать.

Комната была длинная и узкая, темная, если не считать скудного света, проникавшего сквозь полуоткрытый ставень. Женщина, которая сидела за столом, сохраняла лишь внешнее спокойствие: внутри у нее все бушевало, словно волны, которые плескались за открытыми ставнями.

Она была в кожаном костюме и кольчуге, на голове был такой же шлем, подвязанный шарфом, крылатый, как и у каждого пограничника. Слева от нее стояла клетка, в которой молчаливо сидел белый сокол, такой же настороженный, как и она. Женщина теребила в руках кусок свернутой в трубочку коры.

Волшебница? Капитан одного из салкарских крейсеров пытался догадаться, кто она такая, идя к ней от двери. За ним послали в таверну, где он проводил время перед отплытием — за ним пришел пограничник; но зачем его ищут — он не мог сообщить.

Однако, когда женщина подняла на него глаза, он решил, что она не волшебница: у нее на груди не было волшебного камня. И все же она не была обычной женщиной, это он понял сразу. Поэтому, на всякий случай, отсалютовал ей, как приветствовал бы собрата по профессии рангом не ниже себя.

— Я Койтой Стимкр, с твоего позволения. Явился по твоему вызову, мудрая...

Он намеренно обратился к ней так, ожидая ответа.

— А я — Джелит Трегарт, — ответила она без промедления. — Скажи мне, капитан, ты собираешься отправиться патрулировать в море.

— Отправлюсь в береговой рейд к Ализону.

Сokol шевельнулся на своем насесте, как бы проявляя интерес разумного существа к их беседе; капитану стало не по себе от внимательного взгляда его блестящих глаз.

— Береговой рейд, — повторила она. — Но я хочу предложить тебе нечто другое. И хотя то, что я предлагаю, не обязательно принесет тебе добычу и может оказаться намного опаснее, чем рейд к берегам Ализона...

Джелит внимательно посмотрела в лицо капитана. Как и все представители своей расы, он был светловолос, высок и широкоплеч. И хотя он был совсем молод, он держался твердо и уверенно, что говорило об успехах в прошлом и о надеждах на будущее. У нее был не слишком обширный выбор, но то, что она слышала о Стимкре, заставило ее остановиться именно на его кандидатуре из всех капитанов, находившихся сейчас в порту в устье Эса.

Была в характере салкаров одна примечательная черта: страсть к приключениям и авантюрам иногда пересиливала в них стремление к собственной выгоде, к добыче. И именно эта черта и делала их такими отважными мореплавателями, первопроходцами морей. На эту-то страсть она и рассчитывала, обратившись к Стимкру.

— И чего же ты хочешь предложить мне, леди?

— Шанс найти базу колдеров, — смело сказала она. Сейчас не время было прибегать к уловкам: у нее было слишком мало времени для объяснений.

Он долго смотрел на нее и наконец произнес:

— Мы долгие годы ищем эту базу, леди. А как же попали эти сведения к тебе, что ты так уверенно заявляешь такое? Быть может, у тебя есть карта?

— Карты нет, но есть способ найти базу. Но только время не терпит, а все зависит именно от времени. И расстояния, — добавила она.

Быть может, Симон уже на таком расстоянии от них, что никакой контакт не возможен...

Она теребила трубочку, которую ей доставили из болот торов, она-то и была ее основным доводом в беседе с охранительницами.

Ее волнение передалось и соколу, потому что он беспокойно завопил в своей клетке и даже издал боевой крик.

— Ты понимаешь, что говоришь, леди! База колдеров! — он помолчал, потом поднял на нее глаза. — Среди моряков ходят рассказы, что колдеры умеют принимать любое обличье и могут даже заставить наших лучших друзей, товарищей по застольям, выполнить их приказания.

Джелит кивнула.

— Это в самом деле так, капитан, и хорошо, что ты подумал об этом. Но только я принадлежу к древней расе, я раньше была волшебницей. А тебе известно, что над такими, как я, колдеры власти не имеют.

— Была волшебницей... — Он уловил только это.

— Почему же я «была» хочешь ты спросить меня? — она собралась с мужеством, хотя ей нелегко было отвечать на такой вопрос. — Теперь я стала супругой того, кто является Хранителем Эсткарпа. Тебе не приходилось слышать о пришельце из другого мира, что помогал нам в битве при Сиппаре — о Симоне Трегарте?

— Он? — теперь в голосе капитана звучало удивление. — Ну, о нем-то мы слышали. Это, значит, ты, леди, сражалась в Салкаркипе, во время последней битвы! Ну, значит, ты уже встречала колдеров и знаешь их! Расскажи мне, что ты задумала?

Джелит начала свой рассказ. Когда она закончила, любопытство капитана было возбуждено.

— И ты думаешь, что мы сможем это сделать, леди?

— Я сама отправлюсь с тобой.

— Найти базу колдеров и навести на нее наш флот! О, это подвиг, о котором барды будут слагать песни многие сотни лет! Великое дело задумала ты, леди! Но где же наш флот?

— Флот последует за нами, но впереди должен быть только один корабль. Мы ведь не знаем, каким образом защищаются колдеры, какими они располагают приборами, быть может, они в состоянии легко обнаружить флот на поверхности моря. Но если впереди будет только один корабль, и не слишком близко — то они не смогут его найти, так я думаю.

— Верно, леди, — кивнул капитан Стимкр. — И в таком случае, как мы вызовем флот на подмогу?

Джелит указала на клетку:

— С помощью этой птицы. Сокольничьи обучили ее возвращаться туда, откуда она прибыла, неся с собой сообщение. Я уже договорилась с теми, кто распоряжается флотом. Флот будет собран в гавани и ждать сообщения. Но все дело во времени. Если подводный корабль уйдет слишком далеко из подземной реки, то я не уверена, что мы сможем связаться с милордом, моим господином, который захвачен в плен колдерами и находится на этой лодке.

— Река, текущая из болот торов..., — капитан, очевидно, пытался представить себе, какие пункты минует подводный корабль. — Я думаю, что это будет к северу от Уикара... Так что мы могли бы отправиться в намеченный рейд к Ализону, а уже оттуда, не вызывая никаких подозрений, отправиться дальше к северу.

— И мы можем вскоре отплыть?

— Как только пожелаешь, леди. Все припасы уже на борту. Правда, их мало для столь дальнего похода, но если ты облечена полномочиями, то можно пополнить запасы немедленно. В порту находится «Невеста севера» с полным запасом продовольствия для армии; мы можем взять у них все, что нам необходимо.

— У меня есть такие полномочия. Давай не будем медлить.

Охранительницы, хотя и не верили, что к ней вернулись способности, которые она должна была утратить, все же обеспечили ей полную поддержку.

К тому же, она сумела доказать, что то, что возникло между ней и Симоном — нечто весьма важное, чем нельзя пренебрегать: ведь только благодаря ей удалось вырвать Симона с его флайером из власти колдеров. И если теперь им вдвоем с Симоном удастся взорвать базу колдеров, то охранительницы во всем их поддержат.

Капитан Стимкр не подвел. За несколько часов до наступления ночи «Быстрый» уже вышел из гавани, направляясь в открытое море. Джелит решила, что ее выбор оказался даже удачнее, чем она думала, когда убедилась, что небольшой парусник Стимкра очень быстр на ходу, это был скорее крейсер, нежели торговое судно.

— Ты, наверное один из открывателей морских путей? — Спросила она, стоя рядом со Стимкром на корме судна.

— Да, леди. Я как раз собирался отправиться подальше на север, когда началась война с колдерами. Там есть деревушка, в которой я уже однажды побывал — там живут странные люди — маленького роста, смуглые, и говорят на таком странном цокающем наречии, которому очень трудно подражать. Но у них такие меха, каких мне нигде больше встречать не доводилось — серебристые с длинным ворсом, исключительно мягкие. Когда мы их спросили, откуда берутся эти меха, они нам объяснили, что раз в году к ним прибывает караван диких людей, откуда-то с севера. У них бывают и другие товары. Вот взгляни, — он снял с запястья металлический браслет и протянул его ей.

Станный металл, чем-то похожий на золото, только много бледнее его, подумала Джелит. Это была старинная вещь, и рисунок на ней почти весь стерся — оставались только линии и выбоинки. Но это явно было произведение искусства, и очень древнего, к тому же.

— Это я выменял два года назад в той самой деревушке. Все, что я узнал у них, так это то, что и этот браслет привезли с собой дикари с севера. Но ты посмотри вот сюда. Здесь изображена звезда — она полустерта, но это безусловно звезда. А на очень-очень древних вещах моего народа всегда стоит такой символ — звезда. И в старинных песнях наших поэтов говорится о том, что пришли мы из какого-то места, где очень было холодно, много снега и много чудовищ, с которыми приходилось сражаться.

Джелит вспоминала о том, что Симон пришел в их мир из своего через какие-то ворота в пространстве и времени, точно так же, как и колдеры. Что ж, салкары всегда были одержимы жадой путешествий, недаром они в мирное время брали с собой на свои корабли всех своих домочадцев, словно отправлялись куда-то, откуда и не предполагали вернуться. Только в дни войны, судна салкаров не напоминали плавучие деревни. Видно, их снедало смутное беспокойство, и быть может, и они когда-то явились в этот мир из другого, и ими руководил подспудный инстинкт, побуждавший их искать утраченную родину? Джелит вернула браслет Стимкру.

— Ценная вещь, капитан. Быть может, у каждого из нас есть такой заветный талисман, к которому мы будем стремиться все долгие годы нашей жизни.

— Хорошо сказано, леди. Мы приближаемся к устью Энкора. Не хочешь ли ты попытаться установить более точные координаты субмарины колдеров?

— Да.

Она растянулась на рундуке в маленькой каюте, куда проводил ее капитан. Здесь было жарко и душно, кольчуга стесняла ей грудь, но Джелит усилием воли отогнала от себя все посторонние мысли и напрягла все свои способности, чтобы представить себе Симона.

— Симон! — послала она мысленный призыв.

Но ответа не было. Она была так уверена в мгновенном контакте с Симоном, что даже ощутила физическую боль. Джелит открыла глаза — потолок каюты дрожал и качался — «Быстрый» неся с такой скоростью, что это быстрое движение, возможно, и не давало ей сосредоточиться по-настоящему.

— Симон! — на этот раз она звала его настойчиво, отчаянно. Она много лет проходила тренировку, ее долго обучали концентрировать и направлять свою энергию на выбранную цель, но только с помощью волшебного камня, который был символом и орудием ее ремесла. Быть может, сейчас ее усилия напрасны именно потому, что у нее отобрали этот камень?

Но ведь в то утро она услышала призыв Лойз и с такой уверенностью помчалась в Эс, надеясь снова стать одной из охранительниц — и лишь для того, чтобы убедиться, что эти двери для нее навсегда закрыты! И тогда она уединилась, чтобы выяснить, что же с ней произошло — так требовали обычаи ее ремесла. Когда же она услышала о том, что Симон поступает против своей натуры, она сразу же поняла, что он находится во власти колдеров. И тогда она прибегла к помощи этой своей новой силы, как ни мало она о ней знала, и ей удалось отстоять Симона, который только благодаря ей сел в болотах торов на флайере. А затем, она предприняла еще оду попытку... И все же, неужели охранительницы правы, и эта новая ее Сила — только отголосок прежней, и рано или поздно она совсем в ней угаснет?

Симон! Джелит снова стала думать о нем, на этот раз вне всякой связи со своей прежней целью. И снова заглянула вглубь самой себя. Она пожертвовала своей волшебной Силой ради Симона, когда вышла за него замуж, купив такой

ценой возможность их союза. Тогда она думала, что супружество с ним — все, чем она дорожит на свете. Но тогда почему же она так отчаянно ухватилась за призрачную надежду, что этот дар остался с ней и что эта жертва — не жертва вовсе. Она ведь допустила, чтобы Симон поехал в Эс и стал убеждать охранительниц, что она по-прежнему волшебница и дар ее остался с ней. А когда у него ничего не вышло, она не вернулась к нему, а предпочла остаться наедине с собой, а после решила сделать все, что в ее силах, чтобы доказать охранительницам, что они заблуждаются! Словно Симон больше ничего для нее не значил! Всегда только эта Сила! Только этот дар! Неужели то, что разбудил в ней Симон, оказалось только мимолетной тенью, и на самом деле вовсе ее не затронуло по-настоящему? Симон..

Но вдруг ее охватил мучительный страх, страх, которого она никогда раньше, до того как перестала быть волшебницей, не испытывала.

— Симон! — это был не просто призыв, это был крик, полный отчаяния и боли... И страха.

— Джелит..., — слабый, далекий, но все же отклик, который сразу же подбодрил ее, но и не принеший ответа на терзавшие ее сомнения.

— Мы приближаемся..., — она коротко, как могла, сообщила ему, что нужно делать дальше, чтобы осуществить их план.

— Я не знаю, где мы, — ответил он. И я едва могу отвечать тебе.

В этом таилась вся опасность: их связь может нарушиться. Если бы только они нашли способ укрепить ее. В волшебном ритуале изменения внешнего вида, волшебницы пользовались силой общего желания, оно и способствовало изменению внешнего вида. Общее желание... Но ведь их только двое... Впрочем, нет — есть ведь еще Лойз, и ее желание может соединиться с их желаниями. Правда, девушка из Верлейна не была волшебницей, но изменить облик могли и те, кто не относился к древней расе, и Лойз уже однажды испытала такое превращение. Она конечно, не в состоянии сама вызывать энергию, но воздействовать на нее могла. Не предупредив Симона, Джелит разорвала их связь и вызвала в своем воображении образ Лойз. Лойз! Перед мысленным взором Джелит мелькнула стена, кусок пола, две скрючен-

ные фигуры — одна из них — Лойз, Лойз!... В этот краткий миг она видела глазами Лойз. Но ей нужно было совсем другое — не владение личностью Лойз, а контакт между ними. Это удалось не сразу, но все же Джелит добилась этого. Контакт возник, сначала робкий, неопределенный, потом все более прочный, и вот наконец она надежно связалась с Лойз. Теперь Симон..

Нащупала контакт, закрепила его. Симон, Лойз — связь становилась все более прочной, и она установила то, что ей было нужно! Она нашла направление! То, что им нужно было с самого начала — направление! Оно найдено!

Джелит прыгнула с рундука, поспешно поднялась наверх по трапу, цепляясь за поручни. Ветер надувал паруса, корма судна ныряла в бушующих волнах. Небо нахмурилось, горизонт перерезали красные отсветы восходящего солнца. Прическа Джелит растрепалась, и волосы развевались на ветру, когда она подошла к стоявшему у борта капитану.

— Курс, — сказала она и покачнулась от неожиданного толчка, едва успев удержаться на ногах. — Надо идти этим курсом.

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул головой и отдал команде распоряжения.

Где-то, под бушующими волнами, шла подводная лодка, и «Быстрый» начал стремительно разворачиваться влево, ложась на нужный курс. Джелит совершенно не сомневалась в правильности курса: она знала, что информация будет точной до тех пор, пока ей удастся поддерживать трехстороннюю связь между ней, Лойз и Симоном.

Брызги соленой воды окатывали ее с головы до ног, волосы, мокрыми прядями, облепили лицо, свисали на плечи. Из виду исчезла последняя полоска береговой линии Эсткарпа. Она так мало знала о море. Быть может, этот свирепый ветер может заставить их свернуть, и они потеряют с таким трудом найденный курс?

Джелит высказала эти сомнения капитану.

— Шторм, — до него едва донесся его ответ. — Но нам приходилось видеть непогоду и похлеще, но мы все же не теряли курса. Мы сделаем все, что в наших силах. Что же до остального, то все во власти старой дамы! — И он суеверно сплюнул через плечо, как того требовал морской обычай.

Но Джелит не нашла в себе сил снова спуститься вниз. Она все стояла на корме, вглядывалась вдаль так пристально, словно этот взгляд мог помочь ей укрепить возникшую связь.

13. Гнездо Колдеров

Трудно было создать себе представление о времени, находясь в каюте подводной лодки. Симон лежал, расслабившись, на рундуке, все еще сохраняя нить связи, которая включала не только Джелит, но и Лойз, хотя в меньшей степени. Девушки больше не было с ним, но она присутствовала в его мыслях.

До сих пор Симон не видел никого из тех, кто захватил его. Вскоре, после начала их путешествия, появилась Алдис и увела с собой Лойз. Когда он вторично осмотрел каюту, то заметил, что со стены откидывается узкая койка, а на другой стене откидывается подвижный столик, на котором время от времени появлялась скудная пища и питье. Ее было достаточно, чтобы голод и жажда не слишком сильно его донимали. В остальном, время тянулось мучительно, уныло и однообразно. Он немного поспал, передав Лойз контакт с Джелит. Он знал, что Лойз теперь делит каюту с Алдис, но та оставила девушку в покое, радуясь, что Лойз так пассивна и ко всему безразлична.

Пища появлялась восемь раз за это время, но Симон все равно не смог составить представление о времени — он не знал, сколько дней и ночей провел в этой каюте. Его кормили, возможно, два раза в день, а возможно, только раз — он не знал этого. И всего мучительнее было бесконечное и томительное ожидание: Симон был человеком действия, и это ожидание превращалось для него в настоящую пытку. Только раз в своей жизни он испытал подобное — тот год, что он провел в тюрьме, томясь ненавистью к тем, по чьей милости он терпел такую муку и вынашивал планы мщения. Но теперь он думал о будущем, с полным неведением о том, кто же такие его враги: ведь все, что он знал о колдерах — это как картина, которая возникла в мозгу умирающего главаря при осаде Горма — она передалась тогда Симону: узкая долина, по которой мчатся странного вида экипажи, а по ним стреляют люди из других таких же экипажей. Значит, кол-

деры — пришельцы из какого-то другого мира, где дела их шли не гладко. Каким-то образом, они тоже открыли временные и пространственные ворота в совершенно иной мир, где цивилизация древней расы Эсткарпа находилась на ущербе, пыль древних веков уже начинала засыпать и древний Эс, и такие же древние города и деревни. А на побережье — варварские государства — Ализон и Карстен — постепенно набирали силу, оттесняя в сторону древнюю расу, хотя они все еще страшились легендарных волшебниц и поэтому не осмеливались бросить им открытый вызов. До тех пор, пока не появились колдеры. И если сейчас не вырвать с корнем колдеров, то и Ализон, и Карстен тоже попадут под чудовищную власть, как это уже случилось с Гормом. В Эсткарпе всегда были твердо убеждены в том, что колдеры сами по себе очень малочисленны и поэтому им необходимо захватить пленников — «одержимых». И теперь, когда Горм пал, а Айль эвакуирован...

Айль эвакуирован! Глаза Симона широко открылись, он уставился в потолок. Откуда ему стало известно, что Айль эвакуирован, что единственная твердыня колдеров на побережье — теперь всего лишь пустая оболочка? И все же он в этом был уверен.

Быть может, Колдеры стягивают сейчас силы, чтобы защитить свою основную базу? Ведь при осаде Горма нашли всего пять мертвых Колдеров... Только пять, и все они погибли не от меча или стрелы нападающих, а словно бы расстались с жизнью по своей воле, будто погасла искра, обогревающая их тело! Но было-то их всего пятеро! Неужели, потеря пятерых человек могла так ослабить военную мощь Колдеров, что им приходится стягивать все силы в одно место? Сотни «одержимых» погибли в Горме, а кроме них были еще агенты в Карстене — Фальк и другие, подобные Алдис, которые еще живы и заняты своим делом. Это и не настоящие колдеры, а местные жители, которые стали служить врагу — и не как лишенные собственного разума «одержимые», но как вполне сознательные помощники. Но никто из потомков древней расы не мог попасть в подобные сети, потому-то колдеры и решили, что древняя раса должна исчезнуть!

И снова Симон подивился тому, откуда у него такая твердая уверенность. Они давно уже знали, что колдеры никогда

не использовали потомков древней расы в качестве своих помощников или «одержимых». Но никогда им не приходило в голову, то причина столь очевидна, а теперь это стало ему так ясно, что как будто он услышал из уст самих колдеров.

Услышал? Неужели у колдеров есть свои средства общения, подобно связи, возникшей между ним и Желит? Эта мысль потрясла его. Симон мгновенно послал мысленное сообщение той, которая следовала за ними и слышала его, ответив, причем в ее ответе тоже ощущалось беспокойство.

— Мы теперь совершенно уверены в курсе, Симон, — сказала она. — Отключайся. И не вызывай меня снова, если не будет большой нужды.

Большая нужда... Эти слова эхом отдались у него в мозгу, и почти сразу же Симон ощутил, что вибрация, слегка сотрясающая стены его каюты, прекратилась, а гул моторов утих, превратившись в ровное гудение, означавшее, что лодка замедлила ход. Неужели, они уже достигли порта?

Симон сел на койке лицом к двери. Оружия на нем не было, но он имел кое-какой опыт рукопашных схваток. Но, как только открылась дверь каюты, он сразу же понял, что снова не владеет своим телом — как и перед посадкой в лодку. Им снова распоряжались колдеры. По чужой воле он медленно поднялся и вышел в узкий коридор.

Здесь стояли двое мужчин и, взглянув на них, Симон не смог подавить невольной дрожи — это были «одержимые» — мертвецы, которых колдеры использовали в качестве рабов, хотя на самом деле они оставались живыми. Один — судя по его волосам, росту и стати — был салкаром, другой принадлежал к тому изжелта-смуглому народу, что и тот офицер, который сопровождал Симона при посадке на лодку.

Они не дотронулись до него, молча стояли и ждали, устремив на него безжизненные взгляды. Потом один из них повернулся и пошел к выходу, другой прижался к стене, пропуская Симона, а затем двинулся вслед за ними. Вот так, идя между ними, он подошел к трапу, над головой у него был скалистый грот. Вода тихо билась о причал. Симон сразу же обратил внимание на сходство между этой гаванью и гаванью Сиппара. Все еще повинаясь чужой воле, Симон опустился на берег по узенькому трапу.

На пристани молча работали люди, полураздетые, угрюмые, они не разговаривали между собой, только ворочали ка-

кие-то тяжелые ящики, освобождая место. Казалось, каждый точно знал, что именно он должен делать и как это делать быстрее всего. Пристань была довольно большая и, идя деревянной походкой между своими сопровождающими, Симон заметил еще две субмарины. Именно их и разгружали угрюмые рабочие. Перед ними открылось два выхода из грота, слева Симон увидел тоннель и ведущую наверх лестницу. Тот, кто шел впереди, выбрал именно эту равноценную дорогу. Пять ступенек вверх, и они очутились перед кабиной подъемника. Как только они вошли внутрь, кабина медленно поползла вверх — это был лифт, какой Симон уже видел в Сиппаре. Поднимались очень долго, дверь кабины скользнула влево, и они очутились в узком коридоре. Скользкие серые стены с металлическим отблеском, ряд закрытых дверей. Они прошли мимо шести дверей, по три с каждой стороны, и тогда только увидели распахнутую дверь. Симон когда-то побывал в жизненном центре Сиппара и ожидал увидеть нечто подобное и здесь: сидящий на стуле перед пультом управления с металлическим шлемом на голове колдер.

Но эта комната была много меньше того зала. Резкий луч света бил прямо в середину комнаты с потолка — источником его были расположенные рядами светильники — и они образовывали правильный геометрический рисунок. Ковров на полу не было, но тем не менее он пружинил у Симона под ногами. Три стула с изогнутыми спинками, плавно переходившими в сидение, и в центре комнаты настоящий колдер.

Охранники Симона не вошли вслед за ним, но та же самая сила, которая заставила его двигаться все это время, вынудила его сделать несколько шагов вперед и остановиться перед колдеровским офицером. Серый костюм чужеземца был такого же цвета, что и потолок, и стены, и стулья в этой комнате. Эту унылую гамму нарушали только мертвенно бледная физиономия колдера, да резкий луч света. Голова его была прикрыта шапочкой, и, насколько Симон сумел разглядеть, волос у него совсем не было.

— Наконец-то ты здесь!

Звуки чужой речи, но Симон почему-то все понял. Смысл сказанного удивил Симона — можно было подумать, что разговаривают не тюремщик и заключенный, а два человека, заключившие договор и им осталось только встретиться, что-

бы прийти к обоюдному согласию. Из осторожности Симон решил молчать — пусть лучше говорит колдер.

— Тебя прислали торы? — Колдер продолжал рассматривать Симона. Но ведь ты не из ихнего мира? — недоверие, сначала появившееся во взгляде колдера, сменилось неприкрытой враждебностью. — Кто ты такой?

— Симон Трегарт.

Колдер продолжал смотреть на него, сощулив глаза.

— Ты не из туземцев! — это было утверждение, а не вопрос.

— Нет.

— Значит, ты пришел извне. Но ты не из внешнего мира и уж, конечно, не настоящей крови. Я спрашиваю тебя — кто ты такой?

— Человек из другого мира, возможно, что из другого времени... Симон не видел причины скрывать правду, возможно, это вызовет интерес у колдера.

— Из какого мира и какого времени?

Симон не мог пожать плечами, ни покачать головой.

— Я из своего мира и своего времени. Я не знаю, в каком отношении они стоят к этому миру и времени. Просто мне открылся путь сюда, и я прошел по нему.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы скрыться от своих врагов... Точно так же, как и ты и тебе подобные, — он добавил это мысленно.

— Была война?

— До этого была война. А я солдат, и никому не нужен в мирное время. У меня были личные враги...

— Солдат..., — Колдер снова смерил Симона взглядом. — А теперь ты сражаешься на стороне этих ведьм?

— Сражаться — это моя профессия. Я поступил к ним на службу.

— Но ведь это туземцы — варвары, а ты — цивилизованный человек. О, не удивляйся понапрасну. Разве трудно узнать себе подобного. Мы тоже солдаты, и наша война принесла нам поражение. Правда, в конце концов победа осталась за нами, раз мы очутились в этом мире и обладаем всем, что необходимо, чтобы этот мир стал принадлежать только нам! Подумаем об этом, пришелец! Целый мир будет у нас в руках. — Он протянул руку и пальцы его хищно сжались в кулак. — И он будет к нашим услугам скоро! Эти

туземцы не смогут бороться с тем, что есть у нас. И..., — он помолчал и добавил, подчеркивая каждое слово, — ... мы можем использовать такого человека, как ты.

— Потому-то я пленен и доставлен сюда? — сказал Симон.

— Да. Но ты будешь не пленником, если пожелаешь. Симон Трегарт, Хранитель границ юга. А! Мы знаем вас всех — всех великих Эсткарпа! Выражение лица его не изменилось, но в голосе послышалась насмешка. — И где же теперь твоя супруга, Хранитель границ? Вернулась к своим дьяволицам? Немного же времени ей понадобилось, чтобы убедиться, что ты ей совершенно не нужен, а? О, все, что происходит в Эсткарпе, Карстене и Ализоне, известно нам до мельчайших деталей. Мы могли бы превратить тебя в «одержимого», если бы захотели. Но мы предоставим тебе выбор, Симон Трегарт. Ты ведь ничем не обязан этим дьяволицам из Эсткарпа, тем безмозглым дикарям, которыми они распоряжаются, благодаря своей магии. Разве твоя волшебница не доказала тебе, что они не способны на преданность? И поэтому мы тебе предлагаем: присоединяйся к нам, помогай нам осуществить великий план. И тогда Эсткарп будет у твоих ног, ты сможешь распорядиться им, как захочешь. А пока что, возвращайся обратно, будь Хранителем границ и жди нашего сигнала.

— А если я не соглашусь?

— Было бы жаль потерять человека с твоими возможностями. Но те, кто не с нами, те против нас. Ты уже испытал на себе нашу силу — тело не повинуется тебе, ты и шага не в состоянии сделать по своей воле. А ведь мы можем сделать так, что и дышать ты будешь по нашей воле. Не хочешь ли попробовать?

И тут же грудь Симона стиснуло обручем, он судорожно попытался вдохнуть и его охватил смертельный ужас. Это длилось не более секунды, но даже когда все кончилось, страх не покинул его. Он нисколько не сомневался, что колдер выполнит свою угрозу — если решит, что он им не нужен — то лишит его легкие воздуха.

— Зачем же вам эта сделка? — едва прохрипел он.

— Потому что те агенты, в которых мы нуждаемся, не могут быть принуждены. Если человека нужно постоянно проверять и контролировать, то он не сможет выполнить за-

дачу, как нужно. Дай свое добровольное согласие сотрудничать с нами, и ты немедленно получишь свободу.

— Только в пределах, установленных вами.

— Вот именно. В определенных пределах, а поэтому не надейся, что можешь согласиться только для вида. В тебе произойдет перемена, хотя ты и сохранишь свой внешний облик, свой разум и свою личность, те желания и намерения, которые не идут вразрез с нашими планами. Ты будешь не просто телом, которое послушно выполняет наши приказы, как те, которых вы называете по-своему «одержимыми», и ты не умрешь.

— Я должен сделать выбор прямо сейчас?

Колдер с минуту молчал, потом коротко ответил, и в голосе его была угроза:

— Нет... Не сразу.

Он сделал какой-то знак, который Симон не смог уловить, и Симон послушно пошел к выходу. На этот раз никто не охранял его, словно в охране не было нужды. Да и в самом деле, Симон был словно в невидимых оковах, которые ни за что не смог бы скинуть.

Он прошел по коридору, снова вошел в лифт. Лифт пополз вверх, остановился, Симон вышел и очутился перед раскрытой дверью. Он вошел в комнату и тут же почувствовал, что снова владеет своим телом. Он быстро повернулся, но дверь уже закрылась, и он сразу же понял, что пытаться открыть ее самому, бессмысленно.

Здесь не было резкого искусственного освещения, как в нижней комнате. Два окна открывались на скалистый берег, до Симона доносился резкий запах водорослей. Симон подошел к окну и выглянул: насколько он мог судить, глядя из своей комнаты, здание напоминало строения Айля. Оконный же проем был слишком узок, чтобы попытаться сквозь него выбраться наружу, стена круто обрывалась к громоздившимся на берегу острым скалам. Никакой растительности — только нагромождение камней, да лижущее их море.

Послышался какой-то звук, словно двигалась машина. Симон высунулся, насколько мог, и убедился, что внизу ползет автомобиль, но не похожий на те грузовики, которые он знал в своем прежнем мире: у автомобиля был гусеничный ход, и двигался он не быстрее пешехода. Под гусеницами машины виднелась глубокая колея, значит, это был не первый

вездеход, который прошел здесь. Грузовик был тяжело нагружен, на подножках его стояло четверо мужчин, тела которых были едва прикрыты — рабы, подобно тем, которых Симон видел в гавани. Симон проводил грузовик взглядом, пока тот совсем не скрылся за скалой. Только тогда он повернулся и стал рассматривать свое новое обиталище.

Унылые цвета стен и потолка, узкая откидная койка, покрытая пушистой тканью. По стенам — шкафы и буфеты с закрытыми дверцами. Постепенно Симон нашел стол, умывальник, туалет — точно такой же, как и на подводной лодке. Уныло было все в этой комнате и наводило тоску — возможно, это входило в расчеты тюремщиков, решил Симон.

Однако, в одном он был совершенно уверен — это на самом деле база колдеров. И весьма вероятно, что они держат его под наблюдением. Очень может быть, что контроль над его телом снят только потому, что они хотят видеть, что именно он станет делать дальше, как использует свою относительную свободу. Что если они заподозрили, что между ним и Джелит существует связь, и теперь хотят сделать из него приманку?

Чем готовы колдеры пожертвовать ради того, чтобы заполучить в свои руки одну из волшебниц? Симон считал, что они готовы ради этого на все. Что, если все происшедшее с ним, с самого начала, когда он пришел в себя в пещере и болотах торов и вновь обрел Джелит, что если все это было специально подстроено колдерами! Симон не был уверен в обратном.

Что же ему сейчас делать? Вызвать Джелит или нет? Он ведь обещал ей дать знать, когда доберется до базы колдеров, ведь ей необходимо было получить информацию, чтобы вызвать флот Эсткарпа. Но сколько на это потребуется времени. И сумеют ли стрелы и сабли, и даже колдовские чары, противостоять оружию колдеров, всему тому, что собрано здесь — ведь наверняка здесь есть многое такое, что они даже не видели в Горме или Айле! Вызвать Джелит или не вызывать?

Снова звуки за окном: грузовик ползет обратно. Вероятно, это уже другой, потому что пустой, а разгрузить его так быстро не могли. Вызвать или нет? Медлить больше было нельзя... Симон подошел к койке, лег и сосредоточился.

Риск, конечно, был, и очень большой, но приходилось идти на этот риск. Ибо, если он может послать сообщение, то больше этого откладывать нельзя.

14. Оружие волшебниц.

Джелит и раньше приходилось путешествовать на кораблях салкаров, но никогда еще она не была в открытом океане. Пустынные волны дышали таким величием и безразличием ко всему, что Джелит становилось не по себе, и она ощущала, как вера в собственные силы по временам покидают ее. Единственной поддержкой было сознание того, что волшебная Сила не покинула ее. Волшебницы славились своей властью над стихиями, но то было на суше, а здесь, в открытом море, которое само по себе было грозной силой, Джелит чувствовала себя менее уверенной.

Как ни странно, но опасения Симона, что они вызовут подозрения у колдеров, не испугали, а поддерживали. С людьми — пусть даже и с такими, как колдеры, она умела управляться куда лучше, чем с этими огромными волнами.

— Ни на одной карте не отмечена в этих водах земля, — сказал капитан Стимкр, разворачивая карты.

— Неужели ни одно из ваших судов раньше не достигало этих широт? — спросила Джелит, находя странным его замешательство. Капитан внимательно рассмотрел карту, водя по ней пальцами. Потом бросил через плечо:

— Вызовите Джокуля.

На вызов явился маленький человек, сгорбленный годами, со сморщенным лицом, продубленным морским ветром. Он прихрамывал и раскачивался на ходу, и Джелит заметила, что его левая нога короче, чем правая, и не гнется.

— Джокуль, — сказал капитан, хлопая по карте своей ручищей, где мы сейчас находимся?

Человек стащил с головы вязанный колпак, и ветер сразу же начал трепать пряди его выцветших волос.

— На заброшенном пути, кэп.

Стимкр нахмурился еще сильнее, он устремил взгляд на выгнутые паруса, бившиеся над их головами, словно они предвещали им беду. Джокуль втянул ноздрями огромного носа свежий ветер и указал на море:

— Водоросли...

Красновато-коричневые нити колыхались в зеленых волнах совсем рядом с кораблем. Джокуль перевел взгляд туда, где на горизонте виднелась целая полоса такого же цвета. Лицо капитана настолько изменилось, что Джелит нарушила молчание:

— В чем дело?

Он стукнул кулаком по карте.

— Вот оно что! — Лицо его разгладилось. — Водоросли — и заброшенный путь! — Он повернулся к Джелит. — Если курс, который ты нам дала, лежит вон туда, то..., — он махнул рукой жестом безнадежности.

— Что стряслось? — спросила она снова.

— Водоросли, они живут в океане, качаются на воде в этих теплых широтах. Мы знаем и привыкли к этому. Иногда их можно найти даже на берегу, их выбрасывает шторм. Но вот в чем вся штука — они все время увеличиваются в количестве и теперь некоторые из них убивают...

— Каким же образом?

Стимкр покачал головой:

— Мы сами не знаем, леди. Стоит только дотронуться до этих водорослей, и руки начинает жечь как огнем: потом на коже появляются красные пятна, они разливаются по всему телу, и человек словно спорает в огне, погибает. В этих водорослях какой-то яд — и там, где они плавают, туда не ходят наши суда.

— Но ведь водоросли в воде, а вы на корабле, что же тут для вас опасного?

— Как только корабль коснется этих водорослей, так они начинают расти со страшной быстротой, опутывают весь корабль и вползают на борт! — вмешался Джокуль. — Так раньше не было, это случилось всего несколько лет назад, леди. И поэтому, мы теперь избегаем тех коротких путей, где они водятся.

— Только недавно! — повторила Джелит. — С тех пор, как колдеры так осмелели?

— Колдеры? — Стимкр ошеломленно уставился на красноватые нити.

— Колдеры и водоросли. Причем они здесь?

— Колдеровские корабли ходят под водой, — сказала Джелит. — Как же лучше могли они защитить себя и свой

путь, как не посеяв беду на том пути, которым должны будут преследовать их враги?

Капитан повернулся к Джокулю:

— Куда ведет заброшенный путь?

— Не туда, куда нам хотелось бы приплыть, — быстро ответил моряк. Несколько пустынных островов, там нет ни людей, ни воды, ни пищи, даже морские птицы встречаются редко.

— Пустынные острова? И на вашей карте их нет, капитан?

Он снова провел рукой по карте:

— Их нет, миледи. Но если это на самом деле заброшенный путь, то мы не сможем идти дальше. Ибо водоросли эти сначала образуют отдельные островки, потом целые полосы, а дальше уже они собираются в такую плотную массу, что судну сквозь нее не пробиться. Раньше так не было — водоросли не были такими плотными, и опасности в них тоже не было. Теперь они даже по виду напоминает кровь и наводят на мысль о смерти!

— Откуда же стало известно про эти острова, если никто не может проникнуть за водоросли?

— Сначала об опасности не подозревали, а однажды, из этих водорослей выплыл корабль с умирающей командой на борту. И те, кто пытался помочь команде, тоже погибли. Вот так мы узнали обо всем, леди. Если колдеры и в самом деле устроили себе такие заграждения, то мы не сможем с ними справиться, если не придумаем какой-то план.

Плавучие водоросли... Джелит приходилось верить морякам на слово, что они опасны. Ведь салкары отлично знали свое дело. Джелит стиснула голову руками, она больше не видела волн, не замечала водорослей, Симон! Симон на базе колдеров, за этими водорослями, он вызывает ее...

— Симон, — взволновано ответила она. — Между нами — опасность.

— Остановись! Не рискуй!

Между ними внезапно возникла преграда... Глухая стена, сквозь которую она не могла пробиться, несмотря на отчаянные усилия... Занавес Колдеров. Знают ли они об их контакте, или это обычная предосторожность?

— Симон!

Джелит мысленно выкрикнула это имя, и, открыв глаза, удивилась, что никто на палубе ее не услышал.

— То, что мы ищем, лежит за этими водорослями, — сказала она, мрачно указывая на горизонт. — И, возможно, они уже знают, что мы идем по следу...

— Капитан, водоросли!

Это крикнул не Джокуль, а марсовый, не спускавший глаз с моря.

На волнах уже качалось с десятков другой нитей: они медленно ползли к кораблю, словно намереваясь охватить его кольцом. Стимкр закричал, приказывая дать задний ход, отступить. Джелит бросилась к большой клетке, стоящей на палубе. Белый сокол приветствовал ее радостным клекотом. Она подставила ему руку, и птица тяжело вылетела из клетки. Джелит постаралась унять колотившую ее дрожь и осторожно нащупала на ноге птицы крохотный стерженек, в который был вмонтирован запоминающий аппарат — последнее изобретение сокольников, их великая гордость и тайна. Птица без труда могла нести на себе этот аппарат во время дальних перелетов, а он регистрировал курс пути, совершаемым соколом. Джелит затаила дыхание, нажала ногтем большого пальца едва заметный выступ на стерженьке, кодируя сообщение о кровавых водорослях — сокольники потом расшифруют ее сообщение. Необходимо было предупредить флот о грозящей ему опасности. Сделав это, Джелит понесла птицу к борту, все время тихонько с ней разговаривая.

Джелит не знала секретов ремесла сокольников — они скрывали их даже от своих союзников — и потому не могла бы сказать уверенно, что птица понимает слова... Ведь неизвестно было, на самом ли деле те птицы так разумны или же просто отлично выдрессированы.. Но во всяком случае это был единственный шанс сообщить об опасности.

— Лети вперед, лети быстро, крылатый! — она провела пальцем по голове птицы. — И твой час настал!

Сокол с криком взмыл в поднебесье, сделал круг над кораблем и помчался, как стрела, к давно исчезнувшей из вида земле. Джелит снова бросила взгляд на море. Водоросли все ближе подбирались к кораблю и угрожающе смыкались кольцом. Без сомнения в этом было что-то неестественное: сами по себе водоросли не могли себя так вести, в этом Джелит

была совершенно уверена! О, если бы только у нее был при себе ее волшебный камень! С помощью этого магического кристалла иногда удавалось совершать многие, даже не доступные простому воображению вещи. Но у нее не было камня, а то, чем она собиралась воспользоваться - совсем иная сила, нежели та, к которой она привыкла. И вряд ли оно ей сейчас поможет, Джелит судорожно вцепилась в поручни и, сама того не замечая, зашептала слова самого простого заклинания, которому ее учили в раннем детстве:

— Воздух и суша, вода и огонь...

Огонь — антипод воды. Огонь сушит воду, и вода гасит огонь. Огонь... словно слово билось в ее мозгу, словно ища выхода на свободу. И Джелит ощутила знакомое биение, как и в прежние времена, знака, которого с нетерпением ждет каждая волшебница... Огонь!

— Капитан! — она повернулась к Стимкру. — Морское масло... Есть у тебя на корабле морское масло?

Выражение лица его изменилось, словно он видел перед собой истеричку, но она не обратила на это внимания.

— Водоросли... они будут гореть!

— Гореть? На воде? — протесты замерли у него на губах, словно его поразила какая-то мысль. — Морское масло — огонь! — мозг его работал быстро, как у всех, кто привык принимать мгновенные решения. — Нет, леди, я не знаю, будут ли они гореть, но можно попробовать! Алавин, Джокуль, тащите сюда кожаные мешки, три мешка с маслом!

На палубу вынесли три мешка с густым маслом, отжатым из глубоководных растений — им пользовались, чтобы влиять на волны во время штормов. Капитан собственноручно сделал надрезы на мешках, их спустили за борт, и за быстрым судном сразу же потянулся маслянный след.

Маслянное пятно становилось все больше, по мере того, как распоротые мешки подпрыгивали и раскачивались на волнах. Капитан сделал знак одному из матросов, тот выступил вперед. В руках у него был самострел, заряженный самовоспламеняющимися шариками — таким оружием пользовались, когда хотели поджечь паруса вражеских кораблей.

Они с нетерпением смотрели на водоросли. Горящее масло быстро приближалось к полосе водорослей, и вдруг вспыхнул яркий, слепящий белый огонь, который стал жадно пожирать

нити водорослей. Стрелок продолжал выпускать один за другим свои шарики, масло загоралось и поползло к водорослям. Поднялся удушливый черный дым, и ветер нес его прямо на стоявших на палубе людей, заставляя их кашлять. Пламя вздымалось все выше и выше. Стимкр засмеялся:

— Горят! Водоросли горят!

Но будут ли гореть и остальные водоросли, или же только те, которые пропитаны маслом? Ведь если сгорят только те водоросли, которых достигло масло, а остальные уцелеют, то они лишь чуть-чуть выиграют время, и не больше того!

Если бы только у нее был волшебный камень, Джелит терзалась своим бессилием... Губы ее беззвучно шевелились, пальцы двигались, словно ощупывая камень, который она так привыкла держать в руках с ранних лет. Она начала тихонько напевать слова заклинания. Никто из волшебниц не знал тайны, связанной с действием волшебных камней. Если когда-то этот секрет и был известен людям, то он давно утрачен и затерялся в сумраке веков. Они лишь умели шлифовать эти камни, умели настраивать их и приводить в соответствии с личностью той, которая должна была носить этот камень всю свою жизнь, но на том все и кончилось. С ранних лет волшебниц обучали тому, как пользоваться камнем, но никто не смог бы объяснить, как и почему этот камень действует...

Сами по себе слова старинного заклинания сейчас ничего не значили. Джелит знала только одно: эти слова помогут ей сконцентрировать всю нервную энергию, направить энергию, направить ее в одну точку, заставить эту энергию изливаться из нее, Джелит, туда, куда она направит ее и хотя в ладонях у нее не было волшебного камня, все же происходило то, что и должно было произойти. Джелит не видела ни капитана, ни его команду, она потеряла всякое ощущение пространства и времени. Вся воля, вся ее энергия, собранная в ее теле, все то, что было заключено в ней все эти долгие дни с тех пор, как она отдала свой волшебный камень — все это было обращено сейчас к огню, словно в руках у нее было копьё, острие которого нацелено на языки пламени, что пожирала водоросли. А они поднимались все выше и выше, потом концы их изогнулись и потянулись прочь от корабля, в самую гущу водорослей. Все дальше и дальше, все глубже вонзались огненные мечи в плотную массу. Заклинание Дже-

лит превратилось в монотонное бормотание. Капитан и его команда стояли у борта, изумленно вглядываясь в бушевавший посреди волн пожар.

Раздался резкий звон, потом сильный грохот. Джелит окаменела, голос ее дрогнул, но только на миг. Это гибли аппараты колдеров! Там, в самой гуще водорослей, Джелит ясно ощущала пустоту, связанную для волшебниц с присутствием колдеров. И быть может, подводные корабли отправляются на бой? Но огонь был по-прежнему покорен ей. Взрывы становились все сильнее, казалось, пламенем охвачен весь горизонт, нестерпимый жар достигал стоявших на палубе людей: они задыхались и кашляли от удушья. Джелит по-прежнему пела заклинания, собрав воедино всю свою волю, всю энергию и желая, чтобы водоросли погибли. И водоросли погибали, только пепел качался теперь на волнах. Безумная радость охватила Джелит, ощущение безмерного торжества захлеснуло ее.

На воде больше не было красных нитей — пламя сожрало их дотла. И теперь оно стремительно двигалось к дальней полосе водорослей, маячивший на горизонте.

День сменился вечером, но по-прежнему огненное зарево полыхало в небе. Джелит обессиленно повисла на поручнях, она хрипела. Стимкр поддерживал ее, чтобы она не упала, и приказал принести чашу вина. Корабельным вином оказалась кислая и слабая жидкость, но она живительной влагой струилась по губам Джелит, освежала саднящее горло. Она пила и пила, пока не почувствовала, что силы возвращаются к ней.

— Я думаю, пламя уничтожит водоросли окончательно, — шепотом сказала она, улыбаясь капитану.

— Это было великое колдовство, леди.

В голосе салкара слышалось то глубокое уважение, с которым отдавали дань победителям в великих войнах.

— Ты даже не представляешь, капитан, каким оно было великим. Масло и шарики вызвали его к жизни, но форму обрело оно только благодаря моей воле... И..., — она высоко подняла обе руки и удивленно посмотрела на них. — У меня ведь даже не было моего камня. Его не было у меня! — она оторвалась от поручня и неверными шагами пошла вперед, словно встав с одра тяжелой болезни.

Капитан поддерживал ее, так что она почти висела у него на руках, помог ей добраться до каюты и улечься на койку. Она вся дрожала от чудовищного напряжения и усталости. Никогда еще, с самых первых дней обучения, она не ощущала ничего подобного. Но прежде чем погрузиться в забытие, она схватила Стимкра за руку:

— Мы плывем теперь вперед?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Быть может, это только первая ловушка на пути к их логову. Но после того, что я видел... Да, леди, мы плывем вперед!

— Если будет нужда, разбудишь меня...

На губах его появилась улыбка.

— Не беспокойся, леди. Будь уверена, ни один мужчина не станет колебаться, если у него под рукой есть такое могучее оружие. К тому же, у нас есть еще несколько мешков с маслом.

Он вышел, и она опустила голову на подушку с облегченным вздохом. Она сейчас была не в силах анализировать то, что с ней произошло. До сих пор она думала, что новая Сила, которая возникла в ней — это только связь с Симоном, а оказалось — это нечто неизмеримо большее. Но она разберется во всем позже... Джелит сладко потянулась, расправила затекшие члены и уснула с улыбкой на губах.

15. Магия и магия

Симон стоял у выходившего на морской берег окна в своей комнате — камере. На горизонте больше не было ночи — там висела сплошная стена огня, она достигла до самого неба, словно само море и все, в нем живущее, питало этот огонь! Каждой своей жилкой Симон жаждал действия. Он знал, что за этой стеной огня, где-то там — Джелит! Но между ними не было контакта. Последнее из того, что он услышал — это ее призыв, словно крик о помощи. Видимо, какой-то новый трюк колдеров. Ни одно деревянное судно не рискнет пробиться сквозь эту огненную стену.

Однако внизу, среди утесов, стояла какая-то возня: те, кто служил колдерам, собрались на берегу и наблюдали за стеной пламени. Симон был уверен, что там был по крайней

мере один настоящий колдер — он заметил серый костюм, шлем на голове, белое пятно лица. Похоже было на то, что происходящее на море настолько важно, что хозяин решил сам удостовериться, не полагаясь на рапорты слуг.

Откуда-то выползли на берег гусеничные грузовики, теперь они шли с зажженными фарами, освещавшими дорогу среди скал. Симон был уверен, что где-то далеко, за скалами, виден яркий свет, происхождение которого было ему не понятно.

Колдеры странно торопились. Но ведь на море еще не было армады Эсткарпа. К тому же, этот странный пожар на море задержит любые корабли. Но тогда в чем же дело? С тех пор, как Симон очутился в этой комнате, никто к нему не приходил. Ему оставалось только наблюдать и ждать. Вся эта суeta и возня колдеров наводила на мысль о том, что они заняты чем-то, очень для них важным. Быть может, они возятся со своими воротами в пространстве и времени? Может быть, они собираются возвратиться в свой мир? Нет, вряд ли, они ведь стремятся к власти в этом мире, значит скорее всего они сейчас заняты переброской своего оружия или подвозкой новых рекрутов, ведь их так мало, самих колдеров. И скорее всего, они заняты именно этим, так как вряд ли они могут вернуться в тот мир, который их изгнал когда-то.

Симон прислонился головой к прохладной стене и попытался сосредоточиться, чтобы вызвать Джелит. Но что он ощутил, так это непроницаемую стену защиты колдеров.

Лойз! А где сейчас находится Лойз? С тех пор, как они прибыли, он не видел девушку и не знал, где она. Симон сосредоточился на мысли о Лойз... Он вызвал ее:

— Я здесь..., — ответ был тихим и слабым.

Симон отчаянно напрягся, испытывая почти физическую боль.

— Где ты находишься?

— Комната... скалы..., — слабо донеслось до него.

— Джелит? — с надеждой спросил он.

— Она приближается! — на этот раз ответ был твердый, уверенный. Симон был поражен. Откуда же Лойз может знать это, да еще утверждать с такой уверенностью? Он снова попытался связаться с Джелит, но барьер не исчез.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил он Лойз.

— Алдис знает...

— Алдис! — Симон больше не сомневался, что колдеры устроили ловушку для Джелит.

— Да, — подтвердила Лойз.

— Каким же образом?

— Ты... я..., — ответ едва донесся до него, и сколько он ни бился, контакт с Лойз был потерян.

Симон отошел от окна и оглядел комнату в который уже раз. Он прекрасно знал, что выхода отсюда нет, но он должен был непременно что-то предпринять — иначе он с ума сойдет! Должен же быть какой-то выход отсюда, можно же как-то помешать колдером.

Симон напряг память и постарался припомнить убранство того зала в Сиппаре, где он нашел мертвого колдера, на голове у которого был шлем, соединявшийся проводами с многочисленными машинами. Симон уже тогда понял, что колдеры заставляют машины действовать силой своей мысли. В этом мнении его утвердил тот лифт, который колдеры установили в Сиппаре — сначала им страшились пользоваться, а потом поняли, что лифт повинуетс^я мысленным приказам — стоит только мысленно назвать нужный этаж, и лифт доставит тебя, куда необходимо.

Значит, колдеры действуют силой своей мысли, заставляя работать механизмы.

Но ведь сила волшебства волшебниц Эсткарпа — это тоже сила мысли, но только те оказывают прямое воздействие на стихии — без тех посредников — механизмов, которыми пользуются колдеры. А это значит, что сила волшебниц вполне может оказаться более могучей, чем сила колдеров!

Симон сжал кулаки. Он не мог идти против колдеров с голыми руками, у него не было никакого оружия... Кроме собственного разума. Но он никогда еще не пытался сражаться силой мысли. Джелит — между прочим, и охранительницы тоже — соглашались, что он обладает даром, никогда не проявлявшимся ни у одного мужчины в этом мире. Но этот дар был всего лишь бледной тенью могучего дара волшебниц, которые к тому же специально обучались, как им пользоваться лучше всего. А он никогда этому не учился, не тренировался в своей способности...

Симон перевел взгляд со своих рук на запертые дверцы столиков и стоящих по стенам шкафов, он непременно дол-

жен сделать что-нибудь, пусть даже разум его не выдержит такого напряжения. Он должен, должен!

И он напряг всю свою волю, желание вырваться из тюрьмы стало таким сильным, что затопило все остальные чувства. Он пожелал, чтобы дверь перед ним открылась. Симон представил себе в мельчайших подробностях замок, таким, каким он был в его родном мире, потом стал подробно представлять себе картину отмыкания замка. Быть может, этот чужой механизм так сильно отличался от того, к которому он, Симон, там привык, и все его усилия останутся тщетными. Но Симон не сдавался, он разжигал в себе желание открыть замок, и это желание было таким жгучим, что силы покинули его, он едва добрал до койки и рухнул на нее. Но все время он не отводил взгляда с двери одного из шкафов. Замок должен покориться его воле!

Он весь дрожал от отчаянных усилий, когда дверца одного из шкафов распахнулась, и он увидел то, что находится внутри. С минуту Симон неподвижно сидел на койке, сам себе не веря. Но это не было галлюцинацией, не было обманом — он на самом деле сделал это.

Потом он подошел к шкафу и опустился на колени. То, что лежало внутри него, не давало ему никаких средств к побегу: груды коробочек, внутри которых находились узкие металлические полоски, свернутые в тугие спирали, на них были какие-то знаки. Симон решил, что это своего рода записи. Но сейчас его интересовало только устройство замка. Он лег на пол, и наощупь, наполовину зрительно несколько минут изучал механизм. Затем встал, подошел к другому шкафу. Открыть его теперь было делом лишь нескольких минут. Внутри Симон нашел то, что могло послужить ему пропуском внутри здания: прозрачные мешки с одеждой колдеров. К сожалению, тот, кому эта одежда принадлежала, был не таким крупным, как Симон, но выбирать не приходилось.

Брюки были чуть ниже колен, а пиджак трещал в плечах Симона, но в конце концов сойдет и так. Теперь замок на двери. Если только он действует по тому же принципу, что и замки шкафов, то...

Симон представил себе замок в мельчайших подробностях. Отопрись! Отопрись!

Раздался щелчок, но дверь не отошла в сторону, как дверцы шкафов, и потому Симону пришлось толкнуть ее рукой. Он выглянул в коридор с некоторой опаской, потому что помнил, что в Сиппаре, когда кто-то шел по коридору, откуда-то сверху голос предупреждал, что заметно каждое движение. Здесь могла быть такая же система и поэтому приходилось рисковать. Он двинулся по коридору, внимательно прислушиваясь.

Если он воспользуется лифтом, то может попасть вниз, но как раз там сейчас полно народу: ему же необходимо получить свободу действий. Лойз! Симон нахмурился. Лойз и Алдис — ловушка для Джелит. Где же может быть в этом сооружении девушка? Он не осмелился снова вступать в контакт.

В том же коридоре еще четыре двери: они, может быть, помещают пленных поближе друг к другу? Что Лойз сказала: «комната и скалы...» Очень может быть, что окна ее комнаты выходят на скалы. Те комнаты, двери которых находились слева от него, как раз и должны выходить на скалы.

Симон толкнул дверь первой комнаты, она сразу же поддалась под его рукой. Он быстро отошел к соседней двери — эта дверь была заперта. Лойз не обязательно была за этой дверью, но приходилось рисковать. Симон сосредоточился на замке. Теперь все было гораздо легче, раз у него уже было представление о механизме замка.

Он ощутил уверенность в себе, внутри этой крепости колдеров он больше не пленник. Правда, осталось то оцепенение, которым они заковывали его тело — сможет ли он при необходимости так же успешно справиться с ним — Симон этого не знал и не жаждал проверить.

Дверь открылась со второй попытки. Симон осторожно отодвинул ее и заглянул в комнату. Лойз стояла спиной к нему, облокотившись о подоконник, глядя в ночь. Она казалась такой маленькой и беззащитной.

Как Симону показалось, она была одна, но твердой уверенности в этом не было. И тогда он вновь прибег к своей новой способности: пожелал, чтобы она обернулась. Она чуть слышно вскрикнула, увидев его, потом отшатнулась и закрыла лицо руками. Симон понял, что она приняла его за одного из колдеров.

— Лойз..., — произнес он шепотом и стащил с головы плотно прилежавший колдеровский шлем.

Ее била дрожь, но услышав его шепот, она опустила руки и уставилась на него. Страх на ее лице сменился удивлением. Она ничего не сказала, но оторвавшись от стены, кинулась к нему. Она вцепилась пальцами в его серый костюм, глаза ее были широко открыты, губы побелели, она едва сдерживала крик.

— Пошли! — Симон крепко обхватил ее за плечи и вывел в коридор. Понадобилось одно мгновение, чтобы закрыть дверь, и они двинулись в путь.

Но все, что Симону было известно — это два коридора, тот, в котором они сейчас были, и другой, ведущий в комнату, где Симон разговаривал с колдером. На нижних этажах наверняка полно этих крыс, занятых разгрузкой припасов и людей. Его колдеровская одежда не выдержит пристального разглядывания. Но ведь эти рабы внизу — одержимые, они не станут к нему присматриваться. Когда они высаживались с подводной лодки никто из них даже глазом не повел в их сторону! Может быть, и сейчас его появлению вместе с Лойз они не придадут значения.

— Алдис, — Лойз вцепилась в его руку и обхватила запястье обеими руками.

— Что с ней? — они были в лифте, но он мог доставить их в руки врага.

— Она узнает, что я ушла!

— Каким образом?

Лойз покачала головой.

— Колдовской талисман, он как-то знает о каждом моем шаге. Потому-то она и узнала о моем контакте с Джелит. Она была со мной, когда мы связались. И она прочитала мои мысли!

Симон не мог оспаривать заявления Лойз, особенно учитывая свой собственный опыт. Но он не представлял себе, куда направится лифт. Разве только в одно-единственное место — правда, приходилось отчаянно рисковать. Но ведь если Лойз права, и охота за ними вот-вот начнется, то лучшего поля сражения все равно не придумаешь.

Симон подтолкнул девушку вперед. Он представил себе коридор, ведущий к комнате, где был колдеровский офицер, и дверца лифта закрылась за ними.

— Ты не ощущаешь Джелит? Не знаешь, где она сейчас находится? — обратился он к Лойз.

— Нет, не знаю, — покачала она головой. — Им нужна Джелит — волшебница. Когда они узнали, что она следует за нами, они весьма заволновались. Они знали, что она плывет на корабле, но это им не страшно. А потом что-то случилось с их системой защиты, и они составили новый план. Алдис была очень довольна. Она сказала, что все работает на них. Но только я не понимаю, отчего они так беспокоятся. Ведь Джелит больше не волшебница.

— Не такая, как прежде, — сказал Симон. — И все же она могла бы вступить с нами в контакт только при наличии у нее старого волшебства. Есть магия и магия, Лойз.

Но сможет ли его магия и магия Джелит противостоять мощи колдеров?

Слабый шепот, и дверь отворилась. Перед ними был коридор. Они с Лойз сделали всего несколько шагов вперед, когда знакомое оцепенение охватило их. И теперь, уже совершенно беспомощные, они продолжали свой путь в зал, где сидел офицер, напоминая собой живых кукол.

— Беспомощные? — спросил себя Симон. Если бы не его опыт с дверями, дерзкая мысль не пришла бы ему в голову. Он был во власти колдера. Но почему бы ему не попробовать разорвать и эти путы, как он прежде открыл двери?

Дверь была открыта: шагая рядом с Лойз, Симон очутился в комнате, где их уже ждали двое колдеров. Один из них — тот офицер, с которым Симон разговаривал ранее, а другой — с металлическим шлемом на голове сидел, стиснув голову и откинув ее на высокую спинку стула. Глаза у него были закрыты, и по всему было видно, что он полностью поглощен своими мыслями и совершенно отрешился от происходящего в зале. В зале было еще двое «одержимых» с оружием в руках: в стороне стояла Алдис, она была взволнована, что было видно по ее сверкающим глазам и полуоткрытым губам.

Первым заговорил колдеровский офицер:

— Похоже, что ты больше того, чего мы ожидали, Хранитель Границ, и обладаешь некоторыми неожиданными для нас способностями. Быть может, это хуже для тебя. Но сейчас тебе придется помочь нам. Ибо оказывается, твоя супруга-волшебница не предоставила тебя твоей судьбе, а поспешила тебе на помощь, как и подобает преданной жене.

А Джелит из Эсткарпа для нас очень важна — настолько важна, что мы не можем позволить себе хоть что-то упустить в наших планах относительно ее. Итак, приступим к выполнению плана.

Тело Симона подчинилось чужой воле. Он повернулся к двери, оба стража встали по бокам от него. Сзади подошла Алдис и, как понял Симон, один из колдеров. Человек в металлическом шлеме остался в зале.

Они подошли к лифту и стали спускаться вниз. Но Симон все это время осторожно испытывал свою волю, свою силу, и к тому времени, когда они спустились до уровня моря, он уже был готов действовать, почти уверенный в успехе.

Набережная теперь была пуста, подводные корабли — их было четыре — неподвижно застыли у причалов. Все рабочие куда-то исчезли. Но те, кто сопровождал Симона, повели его с Лойз к проему в скале, где были вырублены ступени. Они стали взбираться по ним, пока в лицо им не пахнул свежий морской ветер.

Симон шел вперед, за ним Лойз и Алдис, замыкал шествие колдеровский офицер. Тот огонь, что красной полоской полыхал на горизонте, теперь погас, хотя вдали еще поднимался к звездам дым. Они стояли на пустынном берегу, усеянном камнями. Как было видно, это и была цель их путешествия. Симон и Лойз переглянулись, охранников не было рядом, но Симон ощущал их присутствие.

— Ну, а теперь, — резко приказал колдер Алдис, — принимайся за девчонку!

Симон услышал, как Лойз вскрикнула от страха и боли, и сразу же услышал прозвучавший в его мозгу приказ. Но в этот момент он уже нанес свой удар. И удар этот был направлен не на то, чтобы обрести физическую свободу, возможность распоряжаться своим телом, нет. Симон нацелил все свои силы, всю свою мысленную энергию, которую он копил с той минуты, как они вышли из зала, на того колдера с металлическим шлемом на голове, который остался в том зале... Ибо, если догадка его была правильна, именно там был жизненный центр. Он ощутил сопротивление — как ожидал. Но удар, нанесенный Симоном, был так неожидан, что ответная реакция запоздала... Симон успел проскочить барьер. Он еще раз напряг все силы. Ответная же атака кол-

дера не достигла цели. Неожиданно оковы рухнули, и Симон стоял в ожидании, не меняя неловкой позы...

16. Ворота колдеров.

Лодка двигалась почти бесшумно, разрезая носом волны, вода с тихим плеском скатывалась с весел. Симон уже видел, что в лодке трое — и в одной из них была Желит.

Рядом с ним пошевелилась Лойз, она неловко шагнула вперед, словно механическая кукла, и приготовилась приветствовать тех прибывших. Симон отлично понимал, что здесь подготовлена ловушка для Желит.

— Сал! — он издал в полный голос боевой клич, который так часто раздавался в битвах, и бросился на стоящего рядом с ним колдера.

Чужеземец свалился с полупридушенным криком, и тут же Симон получил возможность убедиться, что если колдеры и прибегают к помощи машин в своих битвах, то, когда нужно спасти собственную шкуру, они неплохо сражаются и голыми руками. Неожиданное нападение Симона давало ему небольшое преимущество, которое он постарался использовать в полной мере. Он не знал, что происходит на берегу, все внимание у него было поглощено борьбой с колдером... Наконец, тело колдера обмякло, Симон еще держал его несколько минут за горло, боясь, что враг очнется.

— Симон!

В ушах у него шумело от страшного напряжения, но все же он услышал этот голос.

— Я здесь! — крикнул он, повернувшись в ту сторону, откуда послышался крик.

Она шла к нему по песку и камням, позади нее двигались остальные. Она подошла к нему и положила ему руки на плечи. Симон сразу же ощутил, что никогда не будет между ними большей близости, чем в этот миг.

— Он мертв, — сказала Желит, и Симон тут же поднялся с колен, отпустив бездыханное тело. И схватил ее в объятия, стиснул изо всех сил, словно убеждаясь, что это не сон. А она рассмеялась таким счастливым смехом, как смеялась раньше.

— У меня есть господин, великий воин! — она сказала это тихим шепотом, чтобы никто кроме них не услышал.

— А у меня есть госпожа, волшебница, и Сила ее немалая! — он вложил в эти слова всю ту гордость, которая переполняла его.

— Ну, а теперь, отдав друг другу должное, — сказала она весело, — вернемся к суровой действительности. Что это такое? На самом деле база колдеров, Симон?

— Сколько с тобой народу? — Симон не стал отвечать на вопрос, а сразу перешел к делу.

— Армии нет, Хранитель Границ, лишь два салкара, которые должны были доставить на берег меня, да и тех я обещал отослать обратно на корабль.

— Двое! — Симон был поражен. — А команда корабля...

— На них мы не можем положиться, пока не прибудет флот. Что нужно сделать здесь сейчас? — она спросила это таким тоном, словно командовала целым отрядом.

— Совсем немного. Здесь всего-навсего крепость Колдеров и их ворота... ворота в другой мир...

— Леди! — это был негромкий, но тревожный крик с берега.

И прежде чем они успели откликнуться на окрик, на берегу вспыхнул ослепительный свет: словно кнут, он хлестал по воде и берегу, и там, куда он падал, вода начинала кипеть, от нее поднимался пар, а камни на берегу начинали дымиться.

— Назад! — Симон схватил Джелит за руку и потащил ее под защиту скал. Найдя расщелину, он подтолкнул ее так, что она упала на колени, и коротко приказал:

— Оставайся тут!

И помчался на берег.

Лодка по-прежнему стояла на песке, около нее лежало тело, откуда неслись тревожные крики.

— Быстро в укрытие! — крикнул Симон на берегу. — Где Лойз?

— Я здесь, Симон, — ответила она откуда-то из тьмы. — Что это такое?

— Колдеровская дьявольщина! Скорее!

Он схватил Лойз за руку и потащил за собой. Салкары, отчаянно бранясь, побежали за ними вслед.

Когда они добрались до расщелины, где, скорчившись, сидела Джелит, Симон обнаружил, что их шестеро: салкары притащили с собой еще кого-то. Все, как по команде, повернулись к берегу. Луч света метался по узкой прибрежной полосе, словно зловещее оружие, нацеливаясь на малейшие предметы, чтобы ничего живого не осталось на берегу. Легкий челнок, на котором приплыла Джелит, пылал, словно облитый маслом. Симон снова услышал, как стоявшие рядом с ним салкары изрыгают проклятия... И почти сразу же Джелит тихо сказала ему на ухо:

— Они уже идут...

Он и сам почувствовал приближение врага. Нужно было немедленно уходить отсюда, но как же сориентироваться в этом нагромождении камней и скал? Пока что нужно немедленно отойти от крепости колдеров. Симон так и сказал всем.

— Ясно! — откликнулся один из салкаров. — Куда идти, лорд?

Симон сбросил с себя колдеровский мундир, снял с себя пояс и протянул его конец одному из салкаров.

— Надо связать наши пояса и держаться за них, чтобы не растеряться в темноте... Какое у вас при себе оружие?

— Самострелы и кортики — мы ведь всего лишь моряки, милорд.

Симон едва не рассмеялся: холодное оружие против тех аппаратов, которыми владеют колдеры! Разве только неровная местность да темнота могут помочь беглецам.

Они двинулись вперед: Джелит в паре с ним, Лойз с одним из салкаров, а второй салкар вел с собой молчавшую Алдис — это ее они притащили в укрытие. Джелит настояла, чтобы они взяли с собой Алдис, считая, что та будет им полезной.

Они не могли двигаться быстро, но к тому времени, когда на берегу замелькали огни, означавшие, что их ищут, беглецы были уже довольно далеко от своего персонального укрытия. Симон все время старался держаться в тени скал, и вскоре выяснилось, что эта предосторожность не была излишней — прямо над их головами, с двух сторон, загорелись ослепительные лучи беспощадного света.

Они бросились ничком на землю, под защиту нависавшей скалы, и только это укрытие спасло их от участи быть заживо сожженными. Луч висел над ними довольно долго, но когда

он погас, Симон еще долго не подавал знака продолжать путь. Только убедившись, что колдеры считают, очевидно, их сгоревшими. Симон решил, что можно двигаться дальше. Но двигаться можно было только в одном направлении - в сторону той дюны, за которой скрылся грузовик, замеченный Симоном из окна комнаты. Как видно, там лежало нечто такое, на что колдеры не решатся обрушить свой смертоносный луч. Если они двинутся туда, то у них будет какой-то шанс на спасение.

Симон сказал об этом своим спутникам.

— Эти ворота... их ворота... ты думаешь, они именно там? — спросила Джелит.

— Это только догадка, но мне она кажется правильной. Они либо готовятся проникнуть за эти ворота, либо уже проникли. Им почему-то необходимо связаться со своим прежним миром.

— Именно там мы натолкнемся на большее число их воинов, — сказал один из салкаров.

— У нас нет выбора — или идти туда, или снова попасть в крепость. И говоря по чести, я предпочитаю находиться под открытым небом, чем в этой колдеровской норе.

Салкар пробормотал что-то, означавшее согласие.

— Лучше быть на открытом воздухе, — сказал он. — Что ж, Инглин готов поразмяться, порубить своей саблей.

— А сабля Сигрода всегда наготове, — добавил второй салкар. — Лорд, эту женщину мы возьмем с собой?

— Да, — ответила Джелит. — Она еще будет нам полезна — пока я не знаю, как именно, но будет!

Симон готов был довериться интуиции жены, но его беспокоила мысль о талисмане, который был в руках у агентки колдеров.

— Может быть, забрать у нее талисман колдеров..., — начал он.

— Нет, — возразила Джелит. — Каким-то образом он послужит ключом, чтобы открыть перед нами двери. Я не думаю, что он может сыграть свою роль, если будет не в руках Алдис. Если она пустит его в ход, то я об этом буду тотчас же знать! Тотчас же!

Симон не стал больше спорить, доверяя уверенности своей жены.

И снова они побрели вперед гуськом, держась друг за друга, не пренебрегая малейшими укрытием. Симон шел впереди, осторожно ощупывая ногой камни и песок. Двигались они мучительно медленно. По временам они отдыхали, и тогда особенно начинали болеть спины, синяки и ссадины. Рассвет застал их совсем обессиленными, измученными и грязными. И вместе с рассветом пришли звуки...

Распластавшись на скалистом склоне, они наблюдали за тем, как внизу полз гусеничный грузовик. Его фары ярко освещали все вокруг. Симон облегченно вздохнул. Больше всего он страшился, что они все время шли не в том направлении, заблудившись среди скал. Теперь же он убедился, что они уже должны быть совсем близко от цели.

Грузовик возвращался в крепость, он был уже разгружен. Припасы, вода и пища — в этом пустынном месте все это находилось в руках колдеров. А жажда уже терзала и Симона, и его спутников. Их всего пятеро — и одна пленница, а против них — вся колдеровская мощь. Может быть, проще было бы ринуться в крепость?

— Проще, но не лучше! — это произнесла, находясь рядом с ним, Желит, и он вздрогнул, только сейчас отдав себе отчет, что эти слова произнес не он сам.

Он бросил взгляд на жену: на ней все еще была кольчуга, в которой он видел ее в последний раз, густая вуаль, собранная из металлических колечек, наполовину прикрывала ее лицо, но глаза ее твердо встретили его взгляд.

— Нет, я не прочитала твои мысли, — снова ответила она на его невысказанный вопрос. — Просто мы сейчас думаем об одном и том же. Ведь сейчас идет речь не только о нашей безопасности — речь идет о гораздо большем!

— Ворота!

— Ворота, — подтвердила она. — Ты ведь считаешь, что колдеры должны получить из своего мира помощь в том, что они замыслили против нас. Теперь я тоже верю в это, и значит, мы не должны допустить этого.

— Все зависит от устройства ворот в их мир...

Те ворота, которые открыли Симону путь в этот мир, были очень простыми. Грубый камень, покоившийся между двумя колоннами из того же грубо обтесанного материала... Нужно было сесть на этот камень - там были углубления для ягодиц и кистей рук... так что положение было строго фик-

сировано. Симон так и сделал и стал дожидаться рассвета, а на рассвете ворота открылись перед нами. Хранитель этих ворот в долгие ночные часы, которые Симон провел бодрствуя в ожидании рассвета, рассказывал ему старинные легенды. В них рассказывалось, что камень этот лежит здесь со времен короля Артура, что он волшебный и читает в душах людей, а потом переносит каждого, кто сядет на него, в тот мир, где этот человек будет чувствовать себя лучше всего.

Но ворота колдеров, несомненно, не были похожи на такой камень. И какими бы они ни были, Симон совершенно не представлял себе, как они пятеро сумеют их закрыть. Но Желит совершенно права — сделать это необходимо. Один из моряков взял на себя охрану, а остальные прилегли прямо на камнях, чтобы немного отдохнуть. Только Алдис сидела, уставясь в пространство невидящим взглядом и вцепившись обеими связанными руками в талисман колдеров на своей груди.

Она была на редкость красивой женщиной, но прямо на глазах у них, стала стариться: щеки провалились, глаза глубоко запали в глазницы. Спутанные золотистые волосы казались теперь такими странными, словно девичий парик на голове старухи. За все время путешествия она даже ни разу не посмотрела на них, производя впечатления «одержимой», но Симон считал, что она просто ушла в себя и очнется, когда потребуется. А потому, за ней приходилось все время наблюдать, а может быть, и следовало даже бояться. Роль охранницы Алдис взяла на себя Лойз, и Симон видел, что она находит большое удовольствие в том, что поменялась ролями со своей бывшей тюремщицей.

Симон лежал, закрыв глаза, но уснуть не мог. Энергия, которую он так щедро изливал в крепости колдеров, по-прежнему бурлила в нем. У него было такое чувство, словно разгадка всех тайн колдеров где-то совсем рядом, и что он вот-вот нащупает ее. Он открыл глаза и встретил взгляд Желит, которая полулежала рядом, прислонившись к скале. Она улыбнулась ему.

И впервые, за все это время, он задумался над тем, как странна эта их последняя встреча. Тот барьер, который, как он считал, возник между ними и становился все прочнее, словно рухнул и исчез навсегда. И теперь Симон сомневался,

существовал ли он вообще или это просто плод его воображения. Во всяком случае, ничего подобного больше не было.

Она не дотронулась до него, но сразу же его захлестнула волна такого тепла и такой нежности, какого он не знал за всю свою жизнь. И купаясь в этих сладостных волнах, он позволил себе наконец расслабиться.

Послышалось легкое звяканье — и Симон сразу же вскочил на ноги и увидел Сигрода, который вернулся с разведки. Лицо моряка покраснело, по лицу ручьями тек пот, он задыхался от быстрого бега и подъема.

— Они вон там, справа, там у них целый лагерь. И там у них стоит какая-то штука, — он нахмурился, пытаясь подобрать этому слова, чтобы описать по точнее то, что видел. — Там такие колонны, — он провел по воздуху черту указательным пальцем. — А между ними перекаладина, вот такая, — снова он сделал жест рукой. — И все это сделано из металла — по крайней мере, я так думаю — такого металлического, зеленоватого цвета.

Лойз зашевелилась. Наклонившись, она с силой отвела то груди сцепленные руки Алдис, открыв талисман колдеров.

— Вот такая?

Сигрод наклонился вперед, внимательно рассматривая талисман.

— Да, такая, только очень большая. Через нее одновременно могут пройти четыре-пять человек.

— Или же один из грузовиков? — спросил Симон.

— Да, пройдет. Но только сооружение это стоит в совершенно пустынном месте, и там больше ничего нет.

— Слово этого места следует избегать, — прокомментировала Джелит. — Да, они имеют дело со странными силами. И опасными, к тому же, если они решились открыть такой проход.

Симон принял решение.

— Вы остаетесь здесь с леди Лойз, — сказал он морякам. — Если мы не вернемся до конца дня, пробирайтесь к берегу, может быть, вам удастся каким-то образом добраться до судна и спастись...

Никто не стал с ним спорить, словно молча склонились перед его авторитетом. Джелит поднялась, улыбнулась ему, и дотронулся до плеча Алдис. И хотя никто не указал агентке колдеров направления она молчала поднялась и пошла к вы-

ходу из ущелья. Симон обернулся и отсалютовал оставшимся, но слова его были обращены к Лойз:

— Ты выполнила свою часть работы, леди. Оставшись с миром, удачи тебе.

Та молча кивнула, в глазах ее были и протест, но она только произнесла:

— И тебе удачи...

Они ушли, не оглядываясь. Им предстояло подойти к лагерю колдеров с юга, а это был не близкий путь. Солнце уже припекало, и наверняка скоро здесь все будет раскалено, еще раньше, чем они выберутся отсюда. Выберутся куда? Спрячутся около ворот колдеров, или ...?

Почему Симон был уверен, что достичь ворот — не единственная предстоящая им задача?

17. Взорванный мир.

Солнце стояло высоко, и, как и предвидел Симон, стало так жарко, что даже легкая рубашка нестерпимым грузом давила на плечи. Вместо шлема он обмотал себе голову колдеровским мундиром на манер тюрбана, но все равно было очень жарко, когда они добрались до ворот. Симон долго рассматривал сооружение, но как и в тот далекий день, когда он впервые увидел старинное седалище в саду у Петрониуса, он позади ворот не заметил ничего, кроме той скалистой пустыни, что и вокруг. И эти ворота, быть может, действовали лишь в определенное время суток? Он решил, что строительство ворот завершено, так как возле них никого не было, хотя в лагере там и сям лежали люди, словно свалившись в изнеможении.

— Симон!

Джелит и Алдис устроились под козырьком скалы, и это было единственно возможное укрытие от солнца. Колдеровская агентка поднялась на ноги, глядя на своих спутников, а потом туда, где стояли в мерцающем воздухе ворота. Руки ее сжимали талисман, лицо оживилось, на нем теперь было такое выражение, словно она видит перед собой то, к чему стремилась. Она двинулась вперед, сначала неторопливо, а затем все убыстряя шаг. Симон хотел было остановить ее, но Джелит подняла руку предупреждающим жестом. Алдис бе-

жала под палящими лучами солнца, не обращая на них никакого внимания, ее изодранное платье волочилося по камням.

— Скорей! — крикнула Джелит, кидаясь за нею вслед, и Симон бросился бежать за ними.

Они были ближе к воротам, чем те, что в лагере, и те заметили их не сразу, потому что некоторое время они держались позади застывших в неподвижности грузовиков и наваленных рядом с ними ящиков.

Алдис бежала к воротам, и хотя на всем пути до этого места она все время спотыкалась и падала, сейчас от усталости и следа не осталось. Она бежала с невероятной, нечеловеческой скоростью, впереди своих преследователей.

В лагере раздался крик, он Симон не осмелился даже повернуть голову, ибо нужно было следить за Алдис, которая выбежала на ровное место и неслась как птица. Джелит не слишком от нее отстала, а Симон бежал позади женщин.

Джелит сделала отчаянный рывок и сумела ухватиться за подол платья Алдис. Материя затрещала, но Джелит не выпустила подола. Алдис изо всех сил рвалась к воротам, волоча за собой Джелит. Симон подбежал к женщинам, тяжело дыша и задыхаясь от бега. И почти сразу же что-то просвистело у них над головами, и спас их только очередной отчаянный рывок Алдис. Их начали обстреливать из лагеря. Но Симон сделал то единственное, что могло вывести их из поля огня. Всей своей тяжестью он навалился на борющихся женщин, сделал отчаянный рывок, и все трое оказались под поперечиной ворот.

И сразу же их словно поглотила ночь после сияющего дня. Ощущение того, что он вторгается туда, где нет места ему подобным, охватило Симона с такой силой, что эти несколько мгновений показались ему вечностью. А потом он провалился во мрак, и косые струи дождя хлестали его тело.

Сверкнула молния и раздался оглушительный удар грома. Джелит, лежавшая в его объятиях, всем телом прижалась к нему.

Вода хлестала им прямо в лицо. Симон задыхался и отплевывался, но упорно продолжал пробираться вперед, волоча за собой Джелит. Она что-то крикнула ему, но он не услышал за свистом ветра, и только при свете вспыхнувшей молнии увидел лежавшую ничком Алдис. Вода хлестала ее

неподвижное тело. Симон наклонился и взвалил на свои плечи бесчувственную женщину: ее глаза были закрыты, голова беспомощно болталась.

Они находились в долине между двумя каменными стенами, и вода быстро заполняла эту впадину. Симон добрался до стены и осмотрел ее, ища точки опоры. Подъем на нее оказался изнурительным, особенно из-за Алдис, но в конце концов они взобрались наверх и рухнули рядом на камень. Симон лежал спиной к ветру, прикрыв голову рукой.

Когда он собрался с силами и сел, чтобы оглядеться, обе женщины даже не пошевелились. Небо было темным, дождь хлестал по-прежнему. Неподалеку Симон увидел какую-то темную массу и решил, что там они найдут убежище от непогоды.

Он легонько встряхнул Джелит, но она едва нашла в себе силы открыть глаза, потом с трудом встала на четвереньки, и Симону удалось поставить ее на ноги. Он довел ее до укрытия и вернулся за Алдис.

Только вернувшись обратно, Симон заметил, что укрылись они не под нависшей скалой и не в расселине, а в развалинах какого-то здания. Стены комнаты, в которой они очутились, полуобвалились, крыша зияла отверстиями. Между плитками пола там и сям пробивалась трава — значит, развалинам было несколько поколений. И, несмотря на свежесть гулявшего по развалинам ветра, здесь воняло тлением и гнилью.

На полу валялись камни, обломки чего-то непонятного, но Симон решил осмотреть комнату. Спотыкаясь и едва не падая, он пошел в дальний угол, где стены обвалились сильнее всего. И почти сразу же он наткнулся на какой-то предмет, затрещавший от толчка. Симон протянул руку и нащупал шелковистую ткань, сразу же разорвавшуюся под его руками, затем металлический стержень. Симон взял прут и вернулся обратно к двери, где мрак, казалось, начинал понемногу рассеиваться.

То, что было у него в руках, вполне могло сойти за оружие и чем-то смутно напоминало ружья его мира. Во всяком случае, здесь были ствол и барабан, но весило все это поразительно мало.

Джелит положила руку на лоб Алдис.

— Она умерла? — спросил Симон.

— Нет, она, вероятно, ушиблась, когда падала. Это и есть тот самый мир, из которого пришли колдеры? — в голосе у нее не было страха, только интерес.

— Похоже на то ...

В одном он был уверен: им не следует удаляться от этого места, где они проникли через ворота. Если они заблудятся, то вряд ли сумеют вернуться обратно в свой мир.

— Интересно, есть ли с этой стороны какой-нибудь след ворот, — Джелит, как всегда, прочитала его мысли. — Ведь должны же они иметь какой-то ориентир, если хотят проходить сквозь ворота туда и обратно.

Постепенно буря унималась. Темнота ночи, встретившая их, когда они прошли через ворота, сменилась серым светом приближающегося рассвета. Симон стал с интересом осматривать окрестности. Это была пустыня, как по ту сторону ворот: было видно, что некогда здесь обитали люди — то, что поначалу он принял за обломки скал, оказалось обширными развалинами домов.

Некогда ему приходилось видеть подобные картины: когда армии с боями проходили через Францию и Германию. И там тоже все выглядело примерно так же: последствия войны или по крайней мере, великого бедствия. И точно так же, там стояли здания в руинах, и сквозь плитки пола пробивалась трава.

Солнце так и не появилось, но уже наступил день. И теперь он разглядел, что земля в руинах местами запеклась, напоминая черный шлак и перед ним снова воочую возник кошмар его родного мира. Атомная война? Радиоактивная земля? Но ведь атомная бомба не могла бы вот так снести половину здания, оставив старую половину в целостности и сохранности. Значит, какое-то другое оружие.

— Симон!

Он и сам заметил какое-то движение за разрушенной стеной. Что-то живое, такое огромное, что внушало ужас, двигалось в направлении их убежища. Симон бросил свой взгляд на оружие, которое нашел на полу. Джелит потянулась к ножу, висевшему у нее на поясе. Симон вновь подивился сходству этого стержня с земными ружьями. Но его озадачило слишком узкое выходное отверстие — через него не проникла бы даже игольчатая стрела эскарпских самострелов... Чем же могла служить такая тонкая трубочка? Ведь тут не

было курка, только какая-то крохотная кнопочка. И, не ожидая никакого результата, Симон нажал на эту кнопку.

Куст, на который он направил чужеземное оружие, вздрогнул, роняя капли воды, потом его побеги склонились до самой земли, листья стали скручиваться в трубочки. Симон не верил своим глазам: растение дрожало и гнулось все ниже и ниже. Рядом тихонько вскрикнула Джелит. Они оба, замерев, уставились на серый комочек, тихо упавший на землю — все, что осталось от цветущего куста. И все это произошло без единого звука, без всякого видимого фактора... они увидели только результат действия чужого оружия.

— Симон! Что-то приближается...

Он и сам почувствовал то же самое: ничего не было видно, но он ясно чувствовал, что сейчас должно что-то произойти. Он ясно ощущал опасность.

— Будь наготове...

Слова едва сорвались с губ Джелит, это было больше похоже на тихое бормотание... Она сжала его руку. Напряжение Симона достигло крайнего предела. И вот...

Они появились с трех сторон и молча бежали к их укрытию. Один выскочил из-за стены, другой из густых зарослей, последний — из полуразрушенного здания. Это были люди, точнее, поправил себя Симон, у них был внешний вид людей. Лохмотья одежды еще кое-как прикрывали их тела, но это только производило более жуткое впечатление и не прибавляло им человеческого вида. Ибо тела их были невообразимо тощи, руки и ноги — костлявы, так что кости едва не прорывали туго натянутую кожу, головы на вытянутых тонких шеях больше всего напоминали высохшие черепа. Словно в этих руинах вдруг ожили мертвецы, встали на ноги и двинулись вперед.

Симон обратил свое ружье против этой троицы, повел им из стороны в сторону. Ему долгую секунду казалось, что в ружье нет больше заряда, ибо некоторое время они еще бежали вперед. Потом вдруг остановились, как вкопанные, и тела их обратились в пепел, как тот куст, в который Симон стрелял раньше.

Но перед смертью они вдруг закричали высокими странными голосами, и заплясали, и задрожали на месте, словно в странном танце. Только потом они рухнули, и на месте их тел остались кучки пепла. Симон ощутил прилив тошноты,

рот наполнился горечью. Джелит вскрикнула и вцепилась ему в руку.

— Вот как...

Они оба вздрогнули, услышав позади себя голос. Алдис стояла у них за спиной, придерживаясь рукой за стену. Улыбка на ее лице, которая появилась при виде того, что осталось от живых мертвецов, вызвала у Симона новый прилив тошноты.

— Значит, они все еще живы — последний гарнизон? — она не обращала внимания на Джелит и Симона, словно их и не было вовсе. — Что ж, их вахта все равно должна была закончиться.

Джелит освободилась из объятий Симона.

— Кто это такие? — спросила она.

Алдис даже не обернулась: все еще улыбаясь, она рассматривала останки.

— Гарнизон — они были оставлены, чтобы защитить последний барьер. Они не знали, разумеется, что их единственная обязанность: продержаться до тех пор, пока Командиры не окажутся в безопасности. Они считали, бедные дурачки, что им вот-вот придут на помощь. Но у командиров были совсем другие проблемы, — она рассмеялась, потом продолжала. — Во всяком случае, это неожиданность для хозяев, потому что эти продержались дольше, чем можно было ожидать.

Откуда ей все это было известно? Алдис ведь не была колдером по рождению? Насколько им известно, среди колдеров вообще не было женщин. Но почему-то Симон не сомневался, что все обстояло именно так, как она говорит. Джелит сделала предупреждающий жест рукой.

— Там есть еще...

Но и на этот раз Симон не нуждался в предупреждении, ибо чувство опасности не уменьшилось. Но никакого движения впереди он не заметил. Джелит повернулась в ту сторону, откуда они пришли.

— Они собираются... но не против нас.

Алдис издала короткий смехок, в котором была нечеловеческая злоба.

— О, они ждут, — подтвердила она. — Ведь они ждали долго, очень долго. А теперь они вышли на охоту, и охота

будет отчаянной..., — она снова засмеялась горьким смехом, похожим на крик боли.

В том, что она говорила, не было ничего странного. Колдеры непременно пройдут в ворота, охотясь за тремя беглецами, а эти существа — они наверняка собираются у ворот, чтобы встретить тех, кто сейчас должен явиться. Знали ли колдеры, что ждет их?

Симон бросил короткий взгляд на край того утеса, по которому они взбирались. Из укрытия выйти, конечно, очень опасно, но ведь только так они смогут увидеть ворота в действии. И поэтому не приходится считаться с тем гнетущим страхом, который мучил его все это время.

Если стать спиной вон к тому каменному остоу, то можно будет наблюдать за воротами. Стиснув в руке ружье, Симон схватил Алдис за руку и потащил ее вперед. Желит следовала за ними.

То, что ночью Симон принял за ложе ручья, на самом деле оказалось остатками каменной мостовой, заваленной обломками камней, упавших сверху. Но в середине той впадины бежал ручей. Немного вправо от того места, где они сейчас стояли, через дорогу, виднелись колонны из зеленоватого металла.

— Ворота! — сказала Желит.

— И их защитники, — добавил Симон.

Теперь уже ясно видны были фигуры, движущиеся по дороге. И хотя вид у них был совершенно жуткий, хотя в них не было совершенно ничего человеческого, действовали они как разумные существа, или по крайней мере, как существа, разум в которых еще не совсем угас. У некоторых из них в руках Симон заметил трубки, подобные той, которая была у него самого.

— Они проходят через ворота!

Металлические колонны нисколько не изменились, словно никто ими не пользовался, но внезапно, словно из воздуха, перед ними стали появляться люди...

«Одержимые» воины из мира Желит двигались с осторожностью, и те, что притаились в укрытии, поджидая их, не показывались... И солдаты колдеров начали двигаться вперед. Через ворота прошел уже большой отряд, вслед за ними показался бампер одного из краулеров, за ним двигались ос-

тальные. Один из «одержимых» вел грузовик, но рядом с ним сидел колдеровский агент.

Симон ощутил, что вокруг них в воздухе что-то реет, он явственно ощущал, как тяжело давит атмосфера.

— Они ненавидят..., — прошептала Джелит. — Как они ненавидят!

— Ненавидят, — передразнила ее Алдис. — Но пока что они ждут. Они ведь научились ждать, потому что жили только ради этого.

Из пустоты появился второй грузовик. К этому времени пешие силы захватчиков прошли уже добрую часть дороги. Кабина второго грузовика была много больше, купол у нее был прозрачным. Внутри сидело двое настоящих колдеров, один из них — в металлическом шлеме.

Облака реявшей в воздухе ненависти так сгустились, что Симону казалось — сейчас все вокруг задымится. Но по-прежнему те, кто ждал, тихо сидели в засаде. Группа «одержимых» все так же шла вперед по дороге.

— Вот оно!

Низкий звук, словно отдаленный гром, полный звериной ненависти, в котором не было ничего человеческого. Ярость, которую так долго сдерживали, выплеснулась наружу! «Одержимые» содрогались, тряслись словно в лихорадке, складывались пополам, падали один за другим.

Грузовикам негде было развернуться на узкой дороге. Тот, в котором сидели колдеры, дал задний ход, безжалостно давя шедших позади него «одержимых». Но вот водитель тоже вздрогнул, затрясся и упал на пол кабины. Грузовик продолжал двигаться еще некоторое время, а затем ударился об обломок скалы и замер, гусеницы его беспомощно вращались, тщетно пытаясь вернуть машине подвижность.

Колдер со шлемом на голове даже не пошевелился, даже не открыл глаза. Возможно он пытался усилием воли заставить грузовик двигаться, а может быть, это именно его воля спасала обеих колдеров от участи, постигшей тех, кто был вокруг них.

Его спутник все время вращал головой, рассматривая дорогу, но лицо его ничего не выражало.

— Они получили, чего хотели, — сказала Алдис с тем же смешком. — Они поймали хозяина, который даст им ключ к воротам.

Наконец живые скелеты показались из укрытий — колдеры были в западне, и больше не надо было бояться. Некоторые шли с голыми руками. Через минуту эти приведения облепили грузовик и стали лезть на стеклянный колпак.

И сразу же раздались дикие крики — и половина нападающих свалилась на землю — обугленные тела с отчаянно дергавшимися в судороге ногами. Но остальные не отступили: несколько человек отошли и тотчас же вернулись со стальным тросом. Трижды они забрасывали металлическую петлю, пока она наконец не обвилась вокруг стеклянного колпака грузовика. Потом по тросу побежала огненная полоса, и когда петлю убрали, дело было сделано. Верхушка стеклянного колпака отвалилась, и те, что сидели внутри, теперь были во власти нападающих.

Джелит закрыла лицо руками: ей приходилось видеть, как грабили города и издевались над потомками Древней Расы, но то, что происходило сейчас, было ни с чем не сравнимо. Она не могла смотреть на это.

— Только одного..., — поперхнулась смехом Алдис, — одного надо сохранить — им ведь нужен ключ!

Колдер в металлическом шлеме бился в руках нападающих, глаза его все еще были закрыты. Живые скелеты сгрудились вокруг грузовика: теперь те, у кого не было такого ружья, как у Симона, подобрали оружие «одержимых». И ненависть их все еще была отчаянной и жаркой, подхватив колдера, они двинулись вперед, словно на марше, как будто в них ожила бывшая привычка — и двинулись скорей — к воротам.

Симон вздрогнул от ужаса. Сначала колдеры, теперь — вот это... Какое еще зло будет развязано теперь в том мире, который он привык считать своим?

— О, да! О, да! — воскликнула Джелит. — Сначала ветер, потом гроза, а теперь еще и буря!

18. Осада колдеров.

Только мертвые остались на дороге, когда ворота поглотили всю эту орду. Сколько же их прошло через ворота? Пятьдесят или сто? Симон не мог сосчитать, но надеялся, что их не больше сотни. А что могут они поделать против той

огромной мощи, что таится позади ворот? Однако, колдеры все же будут теперь слишком заняты, чтобы помнить о беглецах, так что сейчас было самое время возвращаться, держась позади беснующейся орды.

— Мы возвращаемся обратно...

Алдис снова издала злобный смешок. Она отошла от них и стояла сейчас на краю оврага, поглядывая на них с лукавой усмешкой на тонких губах. Последние следы былой красоты исчезли с ее лица.

— И как же вы пойдете? — крикнула она. — Эта дверь без ключа, вы не сможете открыть ее. Как насчет этого, великий воин и леди волшебница?

Она бросилась бежать зигзагами, обратно к провалу.

— За ней! — воскликнула Джелит. — Разве ты не понимаешь? Этот тамисман — это же ключ для нее — и для нас!

Если она права... Симон бросился за Алдис. Чужое ружье, хотя и легкое, мешало ему бежать, но он не мог его бросить. Он мчался вперед, замечая на бегу, что эти развалины — это все, что осталось от огромного города — так обширны они были. И спрятаться здесь было проще простого. Симон и Джелит выбежали на открытое пространство, но Алдис не было видно нигде.

— Где она? — он заметил, что во взгляде Джелит не было обычного понимания. — Она должна быть где-то поблизости, но где же именно?

Джелит прикрыла глаза руками и с минуту постояла неподвижно. Она стояла молча, а Симон ждал, полагаясь на нее. Наконец она опустила руки и повернулась к нему.

— Вон туда!

— Откуда...

— Откуда я знаю? Там колдеровский барьер, пустота — а у нее талисман Колдеров.

Слабая ниточка, но единственная, другой у них не было. Симон кивнул и пошел за Джелит. Она повела его по узенькой тропинке между развалинами. Симон старался оставлять заметки на камнях, пригибать ветки, чтобы можно было найти дорогу обратно.

Они вышли на открытое место, где вокруг мощенной площадки стояли менее разрушенные здания — и в них проскальзывало что-то знакомое: они напоминали суровую архитектуру колдеровской твердыни. Как видно, красота и

грация в том смысле, в котором они были известны в мире Симона и Желит были совершенно чужды тем, кто строил эти здания. И в любом уголке этих развалин Аддис могла надежно укрыться.

— Где же она? — спросил Симон.

Желит положила руку на развалины невысокой стены, за которой открывалось свободное пространство. Она тяжело дышала, глаза ее были обведены темными кругами, и хотя они вдоволь напились дождевой воды, но не ели уже долгое время. А Желит медленно покачала головой.

— Я не знаю... я ничего не ощущаю...

Она готова была разрыдаться. Симон обнял ее и привлек к себе, и она с благодарностью прижалась к нему, словно черпая в его силе утешение и поддержку.

— Послушай, — мягко сказал он, — ведь мы могли бы, наверное, заставить ее выйти на открытое пространство?

— Мы должны, непременно должны это сделать! — голос ее звучал хриплым шепотом и в нем слышались истерические нотки.

— И мы можем это сделать... Припомни-ка — ведь во время осады Карса, когда нужно было срочно вызвать превращение, ты сказала, что воспользуешься моей волей, чтобы ускорить всю церемонию превращения. И теперь будет то же самое: мы соединим наши воли, и ты сделаешь то, что нужно.

Она повернулась, не отрываясь от него, так, чтобы стоять лицом к открытому пространству. Пальцы ее стиснули его руку и впивались в нее все сильнее, по мере того как она собирала все свои силы. И тихонько запела ту самую песню, которую Симон впервые услышал во время осады Карса. Песня начиналась с низких нот и поднималась все выше и выше, и с каждым звуком Симон ощущал все сильнее растекающиеся по его телу горячие волны, и вскоре напряжение достигло такого предела, что Симону приходилось напрягать всю свою волю, чтобы устоять на ногах. Ничего не было в мире кроме той песни-заклинания, ничего... ничего... Исчезло время, не стало пространства, только эти звуки... только они...

А потом вдруг все вокруг затихло, и он очнулся посреди развалин покинутого города. Только теперь среди обломков что-то двигалось. Существо ползком выбиралось на открытое пространство... Аддис... Она не стала подниматься на ноги, а

вдруг упала на землю лицом вниз и затихла. Джелит освободилась от объятий Симона.

— Она мертва...

Симон бросился к телу и перевернул его. Руки его сразу же обгарились кровью, и тут же она потекла широкой струей. Лицо Алдис не было тронуту, но на груди... Там зияла страшная рана, на том самом месте, на котором Алдис носила талисман Колдеров. Джелит вскрикнула. Но Симон схватил руку Алдис и стал с усилием отгибать стиснутые в последнем усилии пальцы. С трудом удалось ему отогнуть окостеневшие пальцы, и на ее ладони он увидел то, ради чего Алдис рассталась с жизнью — талисман колдеров.

— Пошли.

Симон встал и стал оглядывать развалины, стараясь увидеть того, с кем встретилась Алдис.

Джелит наклонилась и набросила на лицо лоскут изодранного платья, прикрыв глаза и рану на груди.

Они шли обратно к воротам как можно быстрее. Симон все время оглядывался назад, боясь, что их настигнет то существо, которое лишило жизни Алдис. Быть может, обладание талисманом — само по себе таило опасность? Симон почему-то считал, что талисман может навлечь на них беду.

Они снова спустились на дорогу и остановились перед воротами. Симон поднял руку с сжатым в ней талисманом, Джелит положила руки ему на плечи. Симон шагнул вперед, под перекладину ворот. Он не знал, чего ему ждать, но не удивился, ощутив, что предмет, сжатый в его руке, становился все холоднее и холоднее, ибо это очень напоминало заслон колдеров против контакта разумов. Но ведь и Алдис тоже не была колдером по крови, а талисман подчинялся ей.

Еще один шаг, и они оказались точно между колоннами. И сразу же они ощутили ту страшную дрожь и почувствовали, что проваливаются в страшную пустоту, враждебную им. Симон рванулся вперед... И увидел себя стоящим на четвереньках на скале, еще теплой от солнца. Джелит была рядом.

Хотя солнце почти село, все же тьма еще не скрыла следов того, что здесь недавно закончилось сражение. Но картина совсем не была похожа на ту, что они застали по другую сторону ворот. Скала не только была раскалена солнцем, на ней там и тут виднелись выжженные черные полосы, такие же полосы были и вокруг ворот, а кругом лежали трупы...

Симон с трудом поднялся на ноги, помог встать Джелит. То, что он решил сейчас сделать, быть может, было ошибкой, но это казалось ему единственно возможным и правильным, в борьбе за освобождение этого мира от колдеров и от того, что колдеры принесли сюда с собой.

Он поднял свое ружье и выпустил всю энергию в основание ближайшей колонны. С минуту ему казалось, что заряда в ружье вовсе нет, но потом сооружение задрожало и это мерцание распространилось все дальше, пока не добралась до верхней перекладины, потом до второй колонны. Потом мерцание расцвело целым снопом искр, а Симон отчаянно вскрикнул: «Рука!»

Он все еще сжимал в руке колдеровский талисман, когда выстрелил в ворота, и вот теперь этот таинственный предмет выпал из его пальцев, оставив на руке обугленную горящую рану! Талисман покатился к воротам и там тоже обратился в искристое мерцание. А потом раздался взрыв, взметнулась зеленое пламя — и талисман исчез. Но вместе с ним исчезли ворота, и Симон с Джелит увидели перед собой ровную площадку.

Нервным шагом они двинулись вперед, поддерживая друг друга. Они направлялись туда, где располагался колдеровский лагерь. Они благодарили судьбу за то, что уже достаточно стемнело и никто их не замечает. Симон опустился на землю возле одного из застывших в неподвижности краулеров, прижал к груди больную руку так бережно, как Алдис когда-то прижимала к груди талисман. И он тут же почувствовал боль, такую страшная, невыносимую боль. Он ощутил невероятную слабость, а боль становилась все сильнее и сильнее, он просто не в силах был ее перенести, он даже не мог вздохнуть как следует, он задыхался от жгучей боли...

Боль стала немного меньше, или он притерпелся к ней. Симон почувствовал во рту влагу, потом что-то жесткое и твердое и чей-то голос уговаривал его поест. Так сколько же времени он пробыл в царстве боли? Симон не знал этого. Но голова его работала вполне ясно, и он чувствовал, что сейчас темная и холодная ночь. Голова его лежала на коленях у Джелит, и женщина пыталась привести его в себя, но слова ее не сразу дошли до его сознания.

— ... должны идти. Мы не можем оставаться здесь...

Как приятно было лежать вот так, рука теперь только ныла, а не болела так невыносимо, как раньше. Симон пытался пошевелить пальцами и увидел, что на руке повязка. К счастью, что рука левая, сонно подумал он.

— Прощу тебя, Симон!

Это была не только мольба, но и приказ. Делит нежно погладила его щеки, тормозила его, потом подсунула свою руку под его плечи и пыталась преподнять.

Симон запротестовал.

— Но мы должны идти! — она наклонилась к нему. — Пожалуйста, Симон, кто-то сюда приближается.

Память постепенно возвратилась к нему, он сел. Тень, окружавшая их, стала совсем черной, наступила ночь. Он ни о чем не стал больше спрашивать, поднялся на ноги, с минуту размышляя, он думал, что не стоит ли им воспользоваться грузовиком, но тут же решил, что не стоит, ведь он не знал, как им управлять. Выпрямившись, Симон, как ни странно, почувствовал, что стоит на ногах довольно твердо. Они двинулись вперед, спотыкаясь в рытвинах, оставленных гусеницами.

— Кто приближается? Колдеры?

— Думаю, что нет...

— Те, другие?

— Может быть. Ты разве не ощущаешь ничего?

Симон ничего не ощущал в этой ночи, он так и сказал ей. Впервые за долгие часы Симон вспомнил о тех, кто оставался здесь.

— Лойз... салкары... Где они?

— Я пыталась найти их. Но здесь развязаны какие-то новые силы, Симон, что-то уж такое, чего я не могу понять. То возникает барьер, сквозь который мне не пробиться, то внезапно исчезает и появляется совсем в другом месте. Мне кажется, что это колдер борется за свою жизнь, что все они прибегли к полному арсеналу своего оружия — причем, к такому, которое нам не представить себе. К тому же, то, что прорвалось из-за этих ворот все еще живо, и оно ненавидит, и оно эхотится за колдерами. И если мы не хотим, чтобы нас тоже втянули в эту войну, нам необходимо держаться в стороне. Ибо колдеры сражаются с колдерами, или с тем, что пришло в этот мир с ними вместе. Наш мир еще не видал подобной войны.

Постепенно к Симону возвращались силы. Джелит стащила из лагеря еду и питье и сообщила об этом Симону совершенно спокойно. Но он понял, как было страшно то, что она там увидела. И привлек ее к себе: они пошли вперед, поддерживая друг друга, и Симон был счастлив тем, что наконец они стали едины душой и телом.

Они как раз огибали скалу в том месте, где расстались с салкарами и Лойз, когда сверху упал довольно большой камень. Симон мгновенно прикрыл собой Джелит. Ружье он бросил около ворот, но Джелит отдала ему свой нож. Он прислушался, готовый отразить нападение.

— Сал..., — это не был боевой клич, а только громкий шепот в ночной тишине.

— Сал! — ответил Симон.

Сверху упало еще несколько камней, вниз скользнула какая-то тень.

— Сигрод, — назвал себя человек. — Мы видели, как вы оба появились откуда-то из пустоты, лорд. Но только тут все кишит какими-то исчадьями ада, и они уничтожают все вокруг, поэтому мы и не осмелились присоединиться к вам. Инглин надежно укрыл Лойз, а я пришел к вам.

— Что здесь произошло?

Сигрод рассмеялся:

— Легче ответить, чего не произошло! Эти самые колдеры прошли в ворота и тут же исчезли, словно растворились, у нас на глазах. А потом... ох, потом словно распахнулись ворота ада. Из ворот вышли те, другие; они маршировали колонной, словно армия оживших мертвецов, которые поднялись из гроба, чтобы вступить в схватку за дело, такое гиблое, как они сами! Они направились прямо в лагерь колдеров — я говорю вам чистую правду, клянусь волнами Аспера! — стоило им только взглянуть на человека, как он весь съеживался и умирал! Это было волшебство, леди, но такого я никогда не видел в Эсткарпе. Они бросились прямо в лагерь, а там их встретил такой же луч, который охотился за нами на берегу, и многие из демонов обратились в прах. Но на смену им сразу же появились другие, а потом появилась еще одна группа, они тащили с собой колдера и направлялись к морю. И с тех пор там на берегу происходит что-то странное. Только сейчас со скалы я смог разглядеть кое-что. Леди, твое сообщение принято — на море появились паруса!

В Симоне сразу же проснулся боевой офицер.

— Но ведь если флот попадает под этот страшный луч... Как же им послать предупреждение? А может, колдеры сейчас слишком заняты войной с ожившими скелетами, чтобы отвлечь свои силы на корабли? А сами скелеты — возможно, им все равно с кем воевать — с колдерами или с новыми врагами? — нет, Симону необходимо поточнее узнать, что там происходит.

Когда они втроем добрались до укрытия, где были Лойз и Инглин, они устроили совет.

— У нас есть возможность без особых усилий добраться до берега, — сообщил им Инглин. — А я, например, чувствую себя намного безопаснее, когда я ближе к воде. Этот остров чересчур хорошо приспособлен для игры в охоту, причем у преследуемого и охотника шансы равные. Уже некоторое время на берегу не видно никаких вспышек. И скелетов тоже становится все меньше и меньше. Но у них не такой вид, как у тех, кто боится чего-то или спасается от врага.

— Может быть, они осадили колдеров в их крепости, — вслух размышлял Симон. — И если это так, то, направляясь к морю, мы непременно наткнемся на них.

Симон пытался взвесить возможности. Салкары были опытными и осторожными моряками. Вряд ли они повели бы свой флот прямо в логово врага, зная, какие хитрости и ловушки тот может им расставить.

Симон считал, что сейчас настал момент, когда зло может быть вырвано с корнем. Он не верил, что колдерам удастся быстро соорудить другие ворота, особенно если учесть панику, которую должно было вызвать это появление выходцев с того света. Значит, отступления для колдеров нет. И, следовательно, их можно подвергнуть осаде... Однако, все это были только догадки и предположения. Чтобы они превратились в уверенность, необходимо было отправиться на берег и все увидеть своими глазами.

— Мы должны идти на берег все вместе, только море даст ответы на все вопросы, — произнесла вдруг Джелит.

Симон кивнул. Она угадала его мысли.

Идти было трудно, а в темноте опасность увеличивалась вдвое. Но ночь еще не наступила окончательно, и они спешили изо всех сил. Еще до прихода Симона с Джелит, салкары побывали в лагере колдеров и обзавелись хотя и

скудными, но все же достаточными, запасами пищи и воды. Они подкрепились и почувствовали себя значительно лучше.

Симон несколько раз забирался повыше на скалу и старался разглядеть корабли, но это ему не удавалось. Когда он сказал об этом Сигроду, тот усмехнулся.

— Ну, значит, они уже высаживаются. Это обычная уловка рейдеров. Флот разделяется на две части, а обе половины еще разделяются: одни плывут к северу в поисках стоянки, другие — к югу.

Симон просиял. Это звучало очень обнадеживающе. Если они сумеют связаться хотя бы с одной половиной кораблей... Во всяком случае, те, которые ищут стоянку на юге, вполне смогут связаться, оказавшись в пределах досягаемости, и им только нужно подать условный сигнал с берега.

Инглин вызвался попытаться. Симон согласно кивнул головой и тоже отправился в путь — к крепости колдеров.

19. Скрестите сабли... вверх щиты!

— Чтобы вытряхнуть их оттуда, лорд, тебе потребуется больше, чем один флот. Такие стены не сокрушить так просто, одним усилием воли...

Сигрод лежал на животе на скалистом пике рядом с Симоном, рассматривая таинственную крепость колдеров — тайну за семью печатями.

Внизу чувствовалось оживление. Очевидно, те, кто прошел через ворота, собрались перед этими непробиваемыми, не поддающимися даже измерению стенами, готовые столько ждать, сколько потребуется. Симон считал, что в случае осады, все преимущества будут на стороне колдеров. Осаждающие ведь не имели никаких припасов, а вокруг них была пустынная земля. Быть может, они рассчитывали, в случае неудачи, вернуться обратно. Сколько времени им потребуется, чтобы выяснить, что им нет отступления?

Сокрушить стены усилием воли — эти слова Сигрода гвоздем засели в мозгу Симона. За все время, что он провел здесь, он видел всего-навсего четырех колдеров — двоих в

крепости, двоих в карауле, проникшем за стену. А те двое мертвые. Сейчас Симон думал о том колдере с металлическим шлемом на голове, с которым он вступил в единоборство и победил. Его он мог бы сейчас использовать, чтобы осуществить им задуманное. Если, конечно, этот колдер еще жив...

Симон сделал сигнал Сигроду, что пора возвращаться туда, где их ждут Лойз и Джелит. Он изложил свой план, когда они снова были вместе.

— Эти, в металлических шлемах, они что — контролируют остальных, руководят ими? — спросил Сигрод.

— По крайней мере, эти отдают приказы и управляют всеми установками, в этом я уверен. Пришельцы привели с собой одного такого колдера, они воспользовались им, что бы пройти через ворота.

— Но они не смогли с его помощью попасть в крепость, — сказала Джелит. — Иначе они сейчас не толпились бы у стен.

— Быть может, его убили при нападении на лагерь? — высказала предположение Лойз.

— Значит, ты считаешь, смог бы воздействовать на волю того колдера, с которым ты уже однажды сражался? — спросила Джелит.

— Мы вдвоем смогли бы, — поправил ее Симон.

— Значит, открыть ворота этим демонам, — сказал Сигрод. — Но ведь, если даже они и проникнут внутрь, то все равно орешек для нас останется не расколотым, а они ведь той же породы, что и колдеры, не так ли? Так не получится ли, что мы сменим одних колдеров на других?

— Вот для этого нам и нужен флот, и поэтому будем надеяться, что Инглину удастся привести нам помощь. Подождем.

Симон привык к такому ожиданию: ведь в жизни каждого военного полка вечно — «поспешай не торопясь». Он перевернулся на спину, глядя в темное ночное небо.

— Я покараулю первым, лорд, — сказал Сигрод, спускаясь по склону. Симон пробормотал слова благодарности и продолжал обдумывать свой план.

Больше всего не нравилось ему то, что произошло с ним после выезда из Южной крепости. Можно ли принести кому-то беду, если сильно пожелаешь? Мысли его потекли в другом направлении. Правдивы ли были старинные волшебные

сказки его родного мира, в котором рассказывалось, что обратить зло против своего заклятого врага не труднее, чем выпустить стрелу?

Он почувствовал, как прохладная рука коснулась его горячего лба, нежно погладила мокрые от пота пряди волос, прилипшие ко лбу.

— Симон..., — она всегда произносила его имя так, словно в нем была музыка. — Симон... только это, больше ничего.

Он поймал рукой эти прохладные пальца, прижал их к пересохшему рту. Им теперь не нужны были слова. Любовь их всегда была нелегкой. Но Симон теперь считал, что от этого она становилась только глубже. А теперь рухнул и последний барьер, разделяющий их. Он понял теперь, что временами ей просто необходимо уйти в себя, отгородиться от всех молчанием, и что от этого он ничуть не становится ей менее дорог. Значит, это было частью ее, и Симон уже готов был принять все как есть. Ведь не бывает так, чтобы один человек занимал абсолютно все мысли и чувства другого. И в нем есть что-то, что будет навсегда закрыто для нее. Но принимать безо всяких вопросов и сомнений все, что она может дать, и возвращать ей свое чувство, без вопросов и ревности — вот это и был их настоящий и прочный союз.

— Отдохни.

Ее рука снова легла ему на лоб. Симон знал, что она вторит его мыслям слово в слово. Глаза его закрылись, и он уснул.

Утром перед ними была все та же твердыня колдеров, столь же недоступная, что и Айль. С высоты им было видно только, что приведения из другого мира по-прежнему стоят у стен крепости.

— Они не воспользовались огненным лучом, — сказал Сигрод.

— Вероятно, не осмеливаются в такой близости от собственных стен, возразил Симон.

— Или же он иссяк...

— На это мы не можем рассчитывать.

— Они потеряли слишком много «одержимых». Возможно, поэтому они не пытаются отбить атаку. Интересно, сколько эти еще будут выжидать?

Симон пожал плечами. Очень может быть, что колдеры в состоянии долгое время обходиться без пищи и воды, неделями выжидать у вражеских стен...

— Симон? — лицо Джелит было обращено к нему, когда он оглянулся. — Сообщение, Симон. Наши приближаются!

Он бросил взгляд на море, но там не было видно парусов. Джелит стояла лицом к морю, к южному берегу, высоко подняв голову, Лойз смотрела на нее, словно на олицетворение надежды.

— Сигрод!

— Да, лорд?

— Отправляйся к югу, чтобы встретить тех, кто идет. Пусть они обойдут кругом и присоединятся к нам, только пусть подойдут сзади вот так..., — Симон пояснил свою мысль жестом.

— Слушаюсь.

Салкар исчез за скалой.

Лойз вцепилась в рукав кольчуги Джелит.

— Корис? — она едва выдохнула это имя.

— Этого я не могу сказать наверняка, моя сестренка. Топор Кориса еще не раз поднимется, чтобы защитить тебя, но будет ли это именно здесь — я не могу сказать.

И снова ожидание. Они немного попили, поделили между собой горсточку сухого порошка, который был все же пищей, а тем временем, день разгорался. Солнце было закрыто облаками. Симон не покидал наблюдательного поста, но внизу все оставалось по-прежнему: крепость молчала, осаждающие терпеливо ждали.

Сигрод появился только к полудню, ведя за собой группу воинов, главным образом это были салкары, но среди них, там и тут, виднелись крылатые шлемы сокольников, и еще несколько человек со смуглой кожей, сразу же подбежавших к Симону — это были его пограничники.

— Лорд! — Ингвальд отсалютовал ему саблей. — На этой местности нам будет удобно драться.

— Будем надеяться, — сказал Симон.

Они провели военный совет: четверо капитанов салкаров, старшие офицеры их команд, командиры отряда пограничников и сокольников, которые чувствовали себя среди этих скал словно в родных горах. И Симон изложил им тот един-

ственный план, который, как он считал, может открыть перед ними ворота твердыни колдеров.

— И это можно сделать? — спросил капитан Стимкр, но в голосе его не было сомнений. Салкар слишком многое знал о могуществе волшебниц Эсткарпа. Только сокольничьи держались настороже, не слишком доверяя волшебству; они считали, что власть женщин не может привести ни к чему хорошему, так как в крови у них был неодолимый ужас перед слабым полом.

— Мы можем попытаться, — сказал Симон и посмотрел на Джелит, которая ответила ему едва заметным кивком.

Из-за спин воинов появилась еще одна фигура в стальной кольчуге и шлеме, как и все остальные. Но поверх кольчуги был накинут серый плащ, на котором переливался и сиял волшебный камень — знак волшебницы Эсткарпа.

Она вышла вперед и пытливым взором оглядела Симона и Джелит.

— Вы считаете, что сможете это сделать?

В голосе ее был не вопрос, а сомнение.

— Мы можем это сделать! — голос Джелит зазвенел. — Мы сделали много больше за эти прошедшие несколько дней, сестра!

Волшебница нахмурилась; видно было, что ей не по душе пришлось сообщение Джелит. Но она была готова подождать и увидеть, как они потерпят неудачу, подумалось Симону. Такое отношение вызвало у него в душе такой же протест и возмущение, которое слышалось и в тоне Джелит. Может быть, именно это возмущение даст им новые силы при этой попытке.

Он вызвал в своем воображении картину той комнаты в крепости, которую видел и в которой разговаривал с двумя колдерами... Потом сосредоточился только на том колдере, который был в металлическом шлеме. И воля его стала могучей, неодолимой, и он собрал ее в кулак, нацелив туда, куда желал! И сразу же убедился, что страх его был напрасен. Колдер в металлическом шлеме был жив. Жив, но от него уж осталась только пустая оболочка, ибо разум покинул тело. Но и пустую оболочку можно использовать в планах Симона! Воля Симона впилась в тело колдера, и сразу же Симон ощутил, что возможности его становятся все больше,

что воля его крепнет, силы все растут — это пришла на помощь Джелит.

Симон больше не замечал ни скал, ни столпившихся вокруг него людей, ни презрительного выражения на лице волшебницы, ни даже Джелит. Сейчас для него существовало только одно: войти вместе с Джелит в тело колдера, превратить его в послушное орудие — сделать его таким же «одержимым», как те многие десятки пленных, которых колдеры захватили при набегах на Горм и Карс, а так же на корабли салкаров.

Где-то в глубине крепости, колдер уже задвигался, повинаясь мысленным приказам Симона... Отвори ворота. Впусти в крепость осаждающих. И это было очень просто — колдер больше не был колдером, он был «одержимым», и он повиновался...

Перед мысленным взором Симона мелькали залы и переходы, лестницы и комнаты — колдер спешил выполнить приказ. Кто-то ему попался на пути, попытался удержать его и тут же упал замертво.

И вот, наконец, Симон увидел пульт со множеством кнопок с мерцающими сигнальными огоньками, руки колдера торопливо двигались, нажимали кнопки, прикасаясь к рычагам. И, подчиняясь этим движениям, защита крепости нарушилась и... исчезла совсем.

И сразу же на Симона обрушилась холодная тьма и пустота — а когда он пришел в себя, над ним было облачное небо, они с Джелит держались за руки, и оба еще не оправились от ужаса погружения в небытие.

— Он мертв, — это сказала не Джелит, а волшебница. На лице ее тоже отразился тот ужас. Но она медленно подняла руку, приветствуя их. — Вы сделали, что обещали.

Симон едва шевельнул сухими губами.

— Этого было достаточно?

— Сал! — раздался крик с наблюдательного пункта. — Демоны зашевелились!

Они и впрямь зашевелились, ибо в стене крепости теперь зияло отверстие. И в этот проход один за другим ныряли живые скелеты, пришедшие из-за ворот. Они даже не крикнули, просто молча двинулись вперед. Но меньше половины их прошло внутрь, как вдруг сверху на брешь стала спускаться стальная завеса, придавив тех, кто оказался под ней. Но не

успела еще завеса коснуться земли, как те приведения, у которых были ружья, принялись стрелять в нее. И стальная за-
слонка задрожала и рассыпалась в прах, а остальные демоны
продолжили свой путь внутрь твердыни.

— Вниз и в крепость! — это крикнул один из капитанов-
салкаров. — Сал! Сал!

И, подхватив его клич, лавина эскарпских воинов хлы-
нула вниз.

Трудной и отчаянной была эта битва в стенах крепости,
похожая больше на охоту. Неведомое и страшное оружие
равно поражало и приведения, и настоящих людей. А потом
вдруг все прекратилось, словно крепость колдеров сдалась,
словно сердцу крепости не хватило энергии.

А когда Симон во главе своих пограничников, вместе с
отрядом сокольников ворвался в центральный зал, сердце
крепости уже замерло. Ибо в зале сидели шесть колдеров с
металлическими шлемами на головах и подключенных к
пульту. И все сразу умерли — а вместе с ними умерло и сер-
дце крепости.

И тогда началась новая битва, ибо приведения из-за ворот
обратили всю свою ярость на воинов Эскарпа. Воины уме-
рали в муках, но их стрелы и сабли разили без промаха.

Снаружи, за стенами крепости, бушевал шторм, а в сте-
нах ее бушевала не меньшая буря. Мужчины, которые уста-
ли разить и убивать, мужчины, которые в эти часы потеряли
многих из тех, с кем были в родстве и боевой дружбе, муж-
чины, которые сами не верили, что уничтожили твердыню
колдеров, с помощью сабель, стрел и топоров — собрались на-
конец в центральном зале.

— Колдеры мертвы! — Симон победно подбросил свой то-
пор высоко в воздух, поймал его и стал восторженно потря-
сать им. Позади него воины делали то же самое, ибо они
понимали, что свершилось в этот великий день, несмотря на
тяжелые потери.

— Колдеры мертвы! — эхом откликнулась в ответ Дже-
лит. Она вошла вместе с волшебницей и Лойз в зал вслед за
воинами. — Но зло, которое они посеяли, все еще живо. И
вот это..., — она кивнула на пульт. — Возможно, придут дру-
гие и воспользуются этим.

— Нет! — волшебница сняла с шеи камень и поднесла его к панели управления. — Это не так, сестра. Мы с тобой позаботимся об этом!

Обычно бледные щеки Джелит порозовели, она подошла к волшебнице, встала рядом с ней, плечом к плечу. Вместе они устремили пристальный взгляд на волшебный камень. Свет в комнате стал постепенно тускнеть и вскоре здесь стало полутемно.

На пульте управления вдруг вспыхнули крохотные огоньки, в тишине стали раздаваться негромкие хлопки взрывов. Искры побежали по всему пульту, вызывая все новые и новые взрывы. В комнате запахло горелой изоляцией, металлические детали стали расплавляться на глазах. Энергия, вызванная к жизни обеими женщинами, быстро уничтожала созданное колдерами сооружение, разрушая пульт и все, что было к нему подключено. И возможно, эта разрушительная энергия достигла большего, уничтожая ту паутину, что колдеры сплели за морями.

Симон так и сказал, когда вместе с Ингвальдом и капитанами выслушал рапорты тех, кто осматривал самые дальние щели и переходы крепости, удостовераясь, что никто из врагов не остался в живых.

— Паутина останется, — волшебница сидела немного поодаль, лицо ее было усталым, а глаза ввалились — напряжение оказалось большим. — Ведь, хотя соткали ее колдеры, но то, из чего она соткана — ненависть и зависть — все это было в нашем мире прежде, чем колдеры воспользовались всем этим, чтобы соткать свою сеть против нас. Карстен охвачен смятением... Некоторое время этот хаос был нам на пользу, ибо великие лорды в тех краях заняты Карстеном и отвратили от нас свои взгляды, но это не может продолжаться вечно.

Симон кивнул:

— Да, не может. Из такого хаоса неизменно появится какой-то более могущественный вожак, который вполне может объединить всех остальных лордов против Эсткарпа. А возможно и другое: остальные лорды будут так заняты постоянной войной с ним, что им будет не до нас.

Джелит и волшебница согласно кивнули.

— А Ализон? — впервые за все это время подала голос Лойз. — Как идет война с Ализоном?

— Сенешаль сражается, словно лев. И дела у него идут лучше, чем мы могли ожидать. Но все же мы не сможем удержать за собой Ализон, равно как и Карстен — слишком велика там ненависть к нам. Но нам, Эсткарпу, это вовсе и не нужно — пусть только оставят нас в покое мирно доживать свой вечер. Ибо мы знаем, что для нас наступает вечер, который постепенно перейдет в ночь, а после нее не будет нового утра. Но ни одно живое существо не захочет добровольно расстаться с жизнью — велик инстинкт самосохранения, он заложен в нас с рождения, от природы. И поэтому наш вечер может стать вечером огней и пожарищ, мучений и смерти. И если нам предстоит ночь сражений..., — она торжественно подняла руку. — Что ж, мы будем драться до конца.

— Так не должно быть!

Сама натура Симона противилась столь мрачной картине будущего.

Волшебница посмотрела на него, потом перевела взгляд на Желит, с нее, на капитанов и Ингвальда и улыбнулась:

— Я вижу, все в вас противится этому... Что же, хотя мы сейчас и пробудили в нашем мире неведомые ранее силы, но все равно — настало время великих перемен. И, может быть, из посеянных нами семян, вырастут новые могучие плоды. Во всяком случае, скажу вам, товарищи по оружию: то, что вы сделали сегодня, это великий подвиг, и барды станут прославлять его, и на многие тысячелетия будут славны ваши имена! Нелегко достаются нам победы, и мы гордимся ими! А потому, не станем думать о возможных будущих поражениях!

— И все же колдерам конец! — воскликнул Ингвальд.

— Колдерам конец! — согласился Симон. — У нас впереди еще немало битв, как сказала мудрая, но и побед будет тоже немало!

Он протянул руку, и Желит сделала движение навстречу ему. В этот час Симон не мог ни о чем думать и не видел ничего — ни поражения Эсткарпа, ни грядущего для него заката. Ибо сейчас, во всей вселенной, для него было только одно — то, что принадлежало только ему...

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕРАЯ МАГИЯ

Озеро и замок	4
За стеной	12
Холодное железо	20
Зеркало Мерлина	27
Горная дорога	36
Морская дорога	36
Лесная дорога	48
Меч	55
Рог	62
Кольцо	68
Ворота Лиса	74

КОЛДОВСКОЙ МИР

Часть 1. САЛКАРКИП

Глава 1. Камень	85
Глава 2. Охота на болотах	93
Глава 3. Симон поступает на службу	100
Глава 4. Призыв из Салкаркипа	108
Глава 5. Дьявольская битва	116
Глава 6. Туманный рок	124

Часть 2. ВЕРЛЕЙН

Глава 1. Брачный договор на топоре	132
Глава 2. Кораблекрушение	140
Глава 3. Пленная волшебница	148

Глава 4. Потайные ходы 155

Часть 3. КАРСТЕН

- Глава 1. Священный склеп 163*
- Глава 2. Соколиное Гнездо 170*
- Глава 3. Волшебница в Карсе 178*
- Глава 4. Любовное зелье 184*
- Глава 5. Три звука рога 193*
- Глава 6. Поддельный сокол 201*

Часть 4. ГОРМ

- Глава 1. Прорыв границы 210*
- Глава 2. Проданные на Горм 217*
- Глава 3. Серый храм 224*
- Глава 4. Город мертвецов 232*
- Глава 5. Игра силы 239*
- Глава 6. Очистка Горма 246*
- Глава 7. Новое начало 253*

ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА

- 1. Перчатка брошена 258**
- 2. Пограничный набег 267**
- 3. Черная ночь 276**
- 4. Фальк и... Фальк! 285**
- 5. Кровавое утро 293**
- 6. Герцогиня Карстена 300**
- 7. Высокие стены Айля 308**
- 8. Под властью колдеров 317**
- 9. Земля торов 325**
- 10. Джелит нашлась 333**
- 11. Один против колдеров 317**
- 12. Та, которая не хотела ждать 348**

- 13. Гнездо колдеров 356
- 14. Оружие волшебниц 364
- 15. Магия и магия 371
- 16. Ворота колдеров 379
- 17. Взорванный мир 386
- 18. Осада колдеров 394
- 19. Скрестите сабли... вверх щиты 402

Андрэ Нортон
СЕРАЯ МАГИЯ

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М.В.

Корректор
Чернявский И.В.

Технический редактор
Хориков В.

Сдано в набор 02.03.92. Подписано в печать 1.06.92.

Формат 84х108/32. Бумага офсетная N 1.

Печать офсетная. Гарнитура "Таймс". Уч.-изд. л. 25,05.

Физ. п. л. 13. Тираж 50.000. Заказ N 3387. "С"-2.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат
Министерства печати и информации России.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
АНДРЭ НОРТОН
в 10 томах

1. Королева Солнца
2. Звездная стража
3. Серая магия
4. Колдовской мир
5. Гаран вечный
6. Победа на Янусе
7. Темный трубач
8. Война во времени
9. Лунная магия
10. Ночь масок